

АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ

ПАРА
БЕЛЛУМ

ГОМО
СОВЕТИКУС

АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ

ГОМО СОВЕТИКУС
ПАРА БЕЛЛУМ

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

АЛЕКСАНДР
ЗИНОВЬЕВ

Гомо советикус
Пара беллум

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1991

ББК 84Р7
З-63

Зиновьев А. А.

З-63 Гомо советикус. Пара беллум.—М.: Моск. рабочий, 1991.— 414 с.

Александр Александрович Зиновьев (род. 1922 г.) — русский писатель, чье творчество, получив мировую известность, только-только открывается отечественному читателю.

Активный противник двойной морали, А. Зиновьев в годы застоя вынужденно оказался в эмиграции, где и вышли у него более двух десятков книг. Две из них, объединенные под этой обложкой, повествуют о положении нашего общества, подталкиваемого тогдашним институтом власти к пропасти. Эти произведения провоцируют мысль, учат высокой гражданственности, дышат любовью к Родине.

3 $\frac{4702010201-093}{M172(03)-90}$ Без объявл.

ББК 84Р7

ISBN 5—239—01285—7

© А. А. Зиновьев, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ

Оказавшись на Западе, я был вынужден продолжать литературную деятельность. Одной из тем для меня стала советская эмиграция, советская активность на Западе, положение советского человека на Западе и вид советского общества, если на него смотреть извне. Так появилась серия книг «Гомо советикус» (1982), «Пара беллум» (1982), «Государственный Жених» (1986, только на немецком языке) и пьеса «Рука Кремля» (1986, в журнале «Континент»).

Хотя в этих произведениях много сатирического и юмористического, доминирующей является все же душевная драма человека, вырванного из его естественной среды.

А. Зиновьев

Мюнхен, май 1990

ГОМО СОВЕТИКУС

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга — о советском человеке как о новом типе человека, о гомо советикусе или, короче говоря, о гомососе. Мое отношение к этому существу двойственное: люблю и одновременно ненавижу, уважаю и одновременно презираю, восторгаюсь и одновременно ужасаюсь. Я сам есть гомосос. Потому я жесток и беспощаден в его описании. Судите нас, ибо вы сами будете судимы нами.

Мюнхен, 1981

Подлинная любовь не протекает ровно.
(Западная народная мудрость)

Не любил бы, так не бил бы.
(Русская народная мудрость)

Мы будем бороться за мир до тех пор,
пока камня на камне не останется.
(Советская народная мудрость)

Первый сигнал

Ночью я очнулся и тут же погрузился в бредовое состояние. Мне казалось, что меня куда-то волокут.

— Куда? — спросил я беззвучно.

— На Суд! — также беззвучно загремел Голос.

— На какой?

— На последний.

— За что меня судить, если каждый миг моей жизни был предопределен вами заранее?

— За жизнь.

— Чем я могу расплатиться за нее?

— Плата за жизнь есть смерть. Твой срок пришел. Плати!

— Не спешите, я, может быть, еще выкарабкаюсь. Я еще не испробовал до дна всю горечь бытия.

И Они меня отпустили. И я вроде бы выкарабкался. И начал думать о всякой ерунде.

Желать или не желать

У меня часто появляется желание что-то сделать, но очень редко появляется желание делать то, что я хочу сделать. Не думайте, что это — мертвая софистика. Это — живая диалектика. Я сейчас сформулирую свою мысль в иной форме, и вы будете даже разочарованы ее банальной ясностью: я хочу что-то сделать, но не хочу прилагать усилия к осуществлению своего желания. Видите, как это просто. Между прочим, таковы вообще все «вечные проблемы», которые величайшими мыслителями прошлого и их ничтожными интерпретаторами настоящего возведены в ранг самых глубоких и сложных. Стоит их сформулировать в несколько

иной форме, как сразу обнаруживается пустота и ничтожность. Например, вечная проблема номер один «Быть или не быть?» для русского человека предстает в форме: пить или не пить? И двух мнений тут не может быть: конечно, пить! И еще как пить! Потом повторить. Потом добавить еще. И затем начать по-новому. Эта проблема номер один в русском языке может быть сформулирована также в иной форме: бить или не бить? И опять-таки двух мнений не может быть: бить, непременно бить! И главным образом — в морду. Западу, само собой разумеется, этого не понять, ибо русские проблемы на западные языки перевести невозможно. Исчезает романтическая окраска и психологическая глубина.

Желание ничего не делать появляется у меня еще чаще. Но на сей раз я прилагаю титанические усилия к тому, чтобы осуществить свое желание. И всегда успешно. Западные мыслители усматривают в этом «обычную русскую лень». Они, как всегда, ошибаются.

Политический роман

Сейчас у меня появилось желание сочинить роман. А почему бы нет? Все советские эмигранты что-нибудь сочиняют. Чем я хуже их? Итак — роман. Причем в первоначальном смысле слова: о любви. Но о любви особой — между Советским Союзом (Москвой, короче говоря) и Западом. О какой тут любви может идти речь, возмутитесь вы, если... Именно это «если» и позволяет видеть тут любовь подлинную. Можно сказать, любовь до могилы. Если вы прочитали вышеприведенные эпитафии, вы должны понять, в чем тут дело. А если пропустили, прочтите непременно. Времени это отнимет минуту, а мудрости наберетесь на всю жизнь. Любовь между моими героями является не только подлинной, но и современной: она гомосексуальна. Причем, Москва есть активный партнер. Спросите любого советского человека, что Москва делает с Западом, и вы услышите нечто такое, что подтверждает мое предыдущее утверждение. Граждане западных стран скажут то же самое, только в более приличных выражениях. Но отношение наше к этой связи в корне различно. Запад считает ее здоровой и испытывает от нее

сладострастное удовлетворение. Мы же испытываем чувство стыда и брезгливости. Правда, не за себя, а за Запад.

Свидетельство очевидца

Один мой знакомый десять лет работал в одной западной стране шпионом. Недавно его разоблачили, причем — случайно: он в пьяном виде предложил своему собутыльнику (местному журналисту) на пари организовать демонстрацию протеста на любую заранее заданную тему. Инцидент получил огласку, и моего знакомого выслали из страны. Сделали это вяло и неохотно: страна была заинтересована в сохранении дружеских отношений с Москвой. Приехав в Москву, мой знакомый говорил (разумеется, в пьяном виде), что «все эти недоноски» (он имел в виду западных лефтистов, пацифистов, нейтралистов и интеллектуалов) стоят того, чтобы... И далее он сказал именно те слова, которые я постыдился привести выше.

Убеждения и стереотип поведения

А вот вам еще загадка: то, что я здесь говорю, не выражает моих убеждений. Загадка опять-таки кажущаяся: просто у меня нет никаких убеждений. У меня есть лишь более или менее устойчивая реакция на все то, с чем мне приходится сталкиваться, — стереотип поведения. Убеждения суть свойство западного, а не советского человека. У последнего вместо убеждений есть стереотип поведения, не предполагающий никаких убеждений и потому совместимый с любыми убеждениями. Из смешения убеждений и стереотипа поведения без убеждений происходят многие недоразумения в оценке поведения советских людей западными людьми. Если бы то, что высказываю я, высказал кто-то другой, я вступил бы с ним в полемику. Если хочешь познать истину, оспаривай прежде всего самого себя. Но я утверждаю это не из убеждений, а для красного словца, ибо к истине я тоже не стремлюсь. Наличие убеждений у человека есть признак интеллектуальной недоразвитости. Убеждения суть лишь

компенсация за неспособность быстро и точно понять данное явление в его конкретности. Это — априорные установки на то, как поступать в конкретной ситуации без понимания ее конкретности. Человек с убеждениями негибок, догматичен, зануден и, как правило, глуп. Но чаще убеждения не влияют на поведение людей. Они лишь украшают тщеславие, оправдывают нечистую совесть и маскируют глупость.

Я и Москва

Я — советский эмигрант на Западе. Слова «на Западе» можно было бы опустить, так как советский эмигрант на Востоке невозможен логически: мы и без того всегда на Востоке. Но я все же оставляю эти слова, так как многие западные люди, боясь пришествия советской армии, удирают на Восток. Они думают, что и мы тоже можем это сделать.

Я живу теперь на Западе, а ощущение такое, будто меня выбросили в глухую русскую провинцию. Тут есть над чем задуматься. Для меня только одно место в мире есть столица: это — Москва. Все остальное для меня есть провинция. Москва есть столица не просто государства. Она есть столица истории. И я сделал великую глупость, покинув ее: я выпал из истории.

Я и Запад

«Зачем вам Западная Европа? — сказал мне один местный житель. — У вас же своей земли в избытке. Осваивайте Сибирь, а нас оставьте в покое». — «Мы бы рады, — сказал я. — Но войдите в наше положение. В Сибири холодно, сыскотно, пусто, мошकारа кусается. А у вас — красота, удобства, богатство. Где лучше? Вы нас в Сибирь не пихайте, мы ею по горло сыты. Мы сюда хотим, в Европу. А в Сибирь мы вас со временем вышлем». — «А мы вас сюда не пустим!» — кричит испуганный и возмущенный собеседник. «Вы первый и, пожалуй, единственный, кто говорит так, — говорю я. — Но вы, к сожалению, уже опоздали: мы уже здесь».

Донос

Механизм моих желаний устроен очень хитро. Стоило мне начать склоняться к роману, как выползла задняя мысль: а почему именно роман? Может быть лучше сочинить донос? Вот именно, скажете вы. Мол, оно привычнее. Но я должен вас разочаровать: доносов я никогда не писал. Не верите? Один мой знакомый (не тот, о котором я уже упомянул, а другой) тоже не писал доносов, поскольку он был офицером КГБ, и доносы писали ему. Я не был офицером КГБ. Но по роду моей работы мне приходилось изучать доносы. Так что опыт по этой части у меня есть. Я специалист по доносам, но не доносчик. Я теоретик в этой области, а не практик.

Бесспорно, теперь уже нет того священного и трепетного отношения к доносу, какое было раньше. Пропала его революционно-романтическая окраска. И уже нет тех, кто способен оценить его роль в великой истории. Но он еще сохранил огромное познавательное значение. Это — единственное явление в человеческой культуре, на которое люди способны без всякого обучения и без литературных способностей. Чтобы писать доносы, не надо быть членом Союза советских писателей. И, как поется в одной популярной опере, доносу все возрасты покорны.

В свое время в КГБ был завал доносов. Сотрудники КГБ своими силами не справлялись с ними и привлекали в помощь посторонних специалистов. Привлекали и меня. Таких, как я, были привлечены сотни. Сколько же накопилось одних только непрочитанных доносов в центральном аппарате Органов государственной безопасности! А сколько их накопилось в республиканских, областных, районных отделах и отделениях! А в папках и сейфах отдельных оперативных работников! А сколько было пущено в ход! А сколько погибло во время войны! Сколько было уничтожено! Какая же могучая энергия человеческих чувств и мыслей ушла на это!

Моя задача состояла в том, чтобы отобрать из многих тысяч доносов заслуживающие внимания, а остальные передать на уничтожение, как тогда выражались — «списать в расход». Я читал доносы начинающих жизнь невинных младенцев и умудренных опытом

дряхлах старцев, молодых трезвых карьеристов и обезумевших от безнадежности алкоголиков, выдающихся ученых, домашних хозяек, юных и чистых дев, старых развратников, партийных функционеров, безграмотных дебилов, профессоров, пенсионеров, артистов... И все они были похожи друг на друга, как монеты одной ценности, как клопы. Как будто они у нас изначально заложены в генах, а не являются высочайшим продуктом человеческой истории. И я тогда понял, что именно донос есть самая глубокая, всесторонняя и искренняя форма самовыражения личности. Жаль, что тысячи тонн доносов были в те либеральные годы уничтожены. Творчество огромного народа в самый интересный период истории исчезло бесследно. Конечно, доносы будут писаться и впредь. Но в таких масштабах, с такой затратой интеллекта и страсти, с такой выдумкой, как это было у нас, это уже никогда не повторится. Грустно!

Сомнение

Но зачем писать морально дискредитированный донос, если мы изобрели другую, кристально чистую литературную форму — отчет?! Теперь нам нет надобности мучиться угрызениями совести (если мы когда-нибудь ими мучились!), когда нас вежливо просят написать отчет о поездке, о встрече, о беседе... Да нас и просить не надо, ибо мы сами знаем, что писать отчеты обо всем есть наш священный долг. Почему до этого не додумались в сталинские времена? Этому есть необычайно простое объяснение: потому что не было бумаги и печатных машинок. Доносы можно писать на клочках бумаги и огрызками карандашей. Для отчетов нужна приличная бумага и печатные машинки.

Мы и Запад

Тот самый мой знакомый, которого выгнали из одной западноевропейской столицы, писал в своем отчете за десять лет пребывания на Западе, что после занятия Западной Европы Советской Армией надо в первую очередь уничтожить всех наших добровольных помощ-

ников — коммунистов, лефтистов, пацифистов, нейтраллистов, интеллектуалов, либеральных писателей, профессоров, бородатую молодежь и прочую нечисть. Почему? Да потому, что они тогда очухаются и против нас бунтовать начнут. И вообще, избавь нас, Боже, от наших друзей, а от врагов мы избавимся сами. Впрочем, советовал мой знакомый, врагов целесообразно сохранить, поскольку от них хоть какая-то польза будет. Но обратимся лучше к теории отчета.

Отчет

Советские люди приучены обо всем писать отчеты. Это — необходимый элемент коммунистической организации труда. Отчеты месячные, квартальные, годовые, пятилетние... Один старый большевик, состоявший на партийном учете в нашем учреждении, написал отчет о всей своей жизни после революции. Три тысячи страниц, исписанных микроскопическими буквами. Он припер свой эпохальный отчет в двух драных авоськах в партийное бюро, потребовал изучить его и извлечь уроки. Секретарь партбюро поручил эту благородную миссию мне. Я за полчаса написал свой отчет об отчете старого большевика, даже не заглянув в него. За годы советской власти, писал я в своем отчете, автор потребил хлеба и каши столько-то тонн, выпил столько-то бочек водки, написал столько-то тайных доносов и произнес открытых, столько-то лет просидел на собраниях, столько-то лет простоял в очередях... «Смеешься», — сказал Секретарь. «Плачу», — сказал я. «Что будем делать?» — спросил Секретарь. «Напишем автору официальную бумагу, что его рукопись передана в Секретный отдел Центрального партийного архива», — сказал я. «Почему официальную бумагу?» — спросил Секретарь. «Чтобы автор поместил ее в рамку и повесил на стенку рядом с почетными грамотами, которых он получил полсотни штук за свою непомерно долгую и глупую жизнь», — сказал я. «А почему в Секретный отдел?» — спросил Секретарь. А чтобы он больше не терзал нас своими воспоминаниями», — ответил я. «А это куда?» — спросил Секретарь, кивнув на драные авоськи с бесценным опытом жизни целого поколения. «На помой-

ку», — сказал я. «Действуй», — сказал Секретарь. — Потом напиши мне коротенький отчет о проделанной работе».

А в другой раз мне поручили «обработать» отчеты членом одной нашей научной делегации на международном конгрессе. Делегация состояла из пятидесяти человек, а отчетов было шестьдесят: некоторые видные ученые, желая доказать свою преданность, написали по два отчета. Каждый отчет — пятьдесят страниц на машинке. И о чем только не сообщали ученые в любимые Органы! Например, что такого-то западного профессора можно привлечь на нашу сторону, издав его книгу в Москве, что руководителя секретной лаборатории надо пригласить в Москву и подсунуть ему надежную красотку...

Упомянутые отчеты делегации были правдивыми и поучительными. Но мы обычно пишем отчеты не для подведения итогов и не для извлечения уроков, а из каких-то мистических высших соображений. Для формального порядка. Поэтому мы в них обычно сочиняем напропалую, так что отличить в них правду от вымысла практически невозможно. Да это и не нужно. Отчеты наши все равно никто не читает. Однажды я написал в своем квартальном отчете, что открыл десять новых элементарных частиц. Сделал я это с чисто познавательной целью: проверить свою теорию отчетов. Меня вызвал заведующий отделом. Я уж было решил, что моя теория ошибочна. Но тревога оказалась напрасной. Просто отчет оказался слишком коротким, и заведующий попросил добавить пару страниц. Я демагогически заявил, что ценность отчета определяется не количеством страниц, а тем, что сделано согласно отчету. «Прочитай, что я сделал», — сказал я, — и сравни с тем, что сделали другие». — «Не морочь мне голову», — спокойно сказал он. — Ты думаешь, другие сделали меньше твоего?» И я добавил к отчету пару страниц, в коих сообщил, что я изобрел метод превращения содержимого московских помоек в полноценные продукты питания. «Молодец», — сказал заведующий, подшивая мой отчет к пачке таких же непрочитанных отчетов других сотрудников. — Кто хорошо отчитывается, тот хорошо работает».

Но не думайте, что отчет есть излишняя бюрократическая операция. Это — мощная форма организации лю-

дей в единое коммунистическое общество. Важно не содержание отчета, а лишь факт его существования.

К психологии отчета

Если ты ничего не делал, писать отчет легко. В этом случае ты имеешь полное право использовать для своего отчета всё то, что произошло за отчетный период в твоём коллективе, в стране, в космосе. Ты имеешь на это право, ибо ты на самом деле был соучастником всего, происшедшего во Вселенной. Труднее писать отчет, если ты что-то сделал. А если ты много сделал, написать отчет — непосильная для тебя задача. В этом случае твое сознание сосредоточивается исключительно на твоём деле, которое тебе кажется центром мироздания, которое твоим коллегам кажется пустяком и которое ничего не дает для отчета как явления лингвистического. Но и в первом случае легкость создания отчета не есть нечто врожденное. Нужно много лет тренировки, прежде чем человек становится квалифицированным отчетчиком и начинает сочинять отчеты с моцартовской легкостью.

Так вот, то, что я собираюсь выдумать, и будет моим отчетом по правилам советского отчетного искусства. И отнеситесь к нему как к таковому, т. е. не ищите в нем истину, но и не уличайте в заблуждении. Отчет есть отчет, и больше ничего. Это есть лишь вежа в жизни. Мой отчет будет отчетом о работе, которую я должен был бы проделать, но не проделал, ибо моя работа и состояла в том, чтобы не выполнять ее. Поэтому я буду говорить обо всем на свете, за исключением того, о чем следовало бы сообщить. Я буду говорить, например, о покушении на американского президента, о взрыве бомбы в Болонье, о демонстрации в защиту мира в Бонне и о восстании младенцев в Лондоне с таким видом, будто это моих рук дело. И самое смешное тут состоит в том, что это не лишено оснований, поскольку я принадлежу к организации, которая так или иначе приложила к этому руку, а именно к КГБ. Иначе говоря, это будет психологический отчет существа, лишенного собственной психологии, о своем пребывании в чужеродной среде, в которую его забросили в интересах некоего Дела, но забыли о нем и о Деле.

К методологии отчета

Не ищите затаенного смысла в моих словах. Я всегда говорю без намеков и иносказаний. И не оставляю ничего невысказанного и недосказанного. Я вообще не верю в мысли между строк и в литературные айсберги. Когда людям нечего сказать, они маскируют ничтожность говоримого ими ложной видимостью, будто у них есть скрытое мощное основание и затаенная глубина мысли. Блестящие примеры на этот счет дают не только писатели, но и кинорежиссеры. Был у нас в учреждении сотрудник, которого считали величайшим мыслителем именно за то, что он был мастером насчет «айсбергов» и «между строк». Когда он довел свое искусство до предела, т. е. вообще стал обходиться без строк, между которыми помещались его мыслительные глубины, и без надводной видимой части своих «айсбергов», мы поняли, что он — заурядный паразит и дурак. Но репутация мыслителя за ним сохраняется до сих пор. Мое положение имеет то преимущество сравнительно с такими мыслителями, что мои «айсберги» не имеют подводной части, а между строками нет промежутков.

Как опытный отчетчик, я знаю, что мой отчет не будет прочитан. Так что форма обращения к некоему читателю есть лишь наша советская привычка. Тот старый большевик, отчет которого я выбросил на помойку, тоже обращался к воображаемому читателю, — к «ленинскому ЦК», к «родной Партии» и ко «всему прогрессивному человечеству». А кто познал и использовал его бесценный жизненный опыт? Так уж что говорить о человеке, который не сидел в царских казематах, не лил кровь на баррикадах, не штурмовал Перекоп, не строил Комсомольск, не бросился грудью на вражеские пулеметы и не пролагал дорогу никакому новому почину?!

Творческий подход

Мы, советские люди, приучены также ко всему подходить творчески. Вспоминаю по сему поводу такой поучительный случай. Наши шпионы украли на Западе чертежи станка, предназначенного для очень слож-

ных и тонких операций. Заодно прихватили и составные части станка. Создали специальную группу по освоению станка. В этом было заинтересовано высшее руководство, поскольку станок нужен был для танковой промышленности. Группе приказали подойти к поставленной задаче творчески, новаторски, рационализаторски. Они и нановаторствовали. При первой сборке станка пять деталей оказались излишними. А станок работал. Разобрали и собрали снова. Теперь десять деталей оказались излишними. А станок все равно работал. Еще раз разобрали и собрали. Двадцать деталей излишних! А станок работает! Ох, и поиздевались же они тогда над «хваленной западной техникой»! Кто-то высказал предположение, что еще пять разборок и сборок, и станок будет работать совсем без деталей. Вот это будет открытие! Члены группы подозрительно посмотрели на этого сверхрационализатора и решили остановиться на достигнутом. Начальству доложили, что в результате творческого подхода группа существенно упростила излишне сложную конструкцию станка. После этого станок стал выполнять самые примитивные и грубые операции, а через месяц совсем (и насовсем) вышел из строя. Но руководство к этому времени уже утратило к нему интерес. Западные фирмы стали продавать нам готовые детали для танков. И станок вообще оказался излишним. Еще более поучительный случай произошел в так называемой «Ленинской школе», где готовят наших шпионов, руководителей коммунистических партий и будущих просоветских государственных чиновников для стран Запада. Один из слушателей, желая угодить нашему руководству, воспринял требование творческого подхода всерьез и начал пороть такую чушь, что Школу хотели разогнать как рассадник еврокоммунизма. Сей западный коммунист хотя и был коммунистом, был все равно человеком западным и сущности творческого подхода не понимал. На закрытом заседании ЦК, на котором разбиралось неправильное поведение западных коммунистов, секретарь по идеологии сказал, что причина этого — «неспособность подойти творчески».

Посылавшие меня сюда ответственные товарищи из Органов среди прочих напутствий велели подойти к моей миссии творчески. Как человек советский я по-

нимал подлинный смысл этого напутствия: сиди тихо и не рыпайся! А что касается творчества, так это нужно лишь для отчета. Самый плохой отчет интереснее самого хорошего дела, если он выполнен со знанием... нет, не дела, о коем идет речь в отчете, а дела в смысле техники отчета. Моя реальная жизнь здесь в сравнении с тем, что я мог бы наговорить о ней, есть скука, тоска, серость. Можете себе представить, что будет твориться на этом свете, если мы начнем писать отчеты о пребывании на том!

Научный трактат

А может быть, лучше сочинить научный трактат? Я же профессиональный ученый. Правда, я и мои коллеги обслуживали совсем не научные цели ЦК и КГБ. Но делали-то мы это научными методами. Например, было принято решение задушить диссидентское движение. Но это не так-то просто. Наша задача и состояла в том, чтобы теоретически обосновать закономерность удушения диссидентов и выработать эффективные меры для этого. Не думайте, будто это было легко и что происходило это без конфликтов. Серьезные научные открытия и в этой области пробивают себе дорогу в жестокой борьбе. Предложение дискредитировать диссидентов в глазах Запада путем высылки их на Запад сначала было встречено в штыки. Потом эту идею присвоило высшее начальство. В конце концов она превратилась в идею Политбюро. Но сколько на это ушло сил! Сколько было жертв! Между прочим, число жертв в борьбе за эффективные методы удушения диссидентов во много раз превысило число жертв в самой диссидентстве.

А сколько сил и способностей я сам убил на разработку идей такого рода! Чертил графики, составлял таблицы, выводил формулы, доказывал теоремы. По этим формулам, например, выходило, что появление одного критика советского режима плохо для режима, но не очень. Два критика хуже, чем один. Но не в два раза, а в один целых и восемь десятых раза. Двадцать критиков уже лучше для режима, чем пять. И борьбу с ними теперь частично можно возложить на них самих. Уже три критика грызут поедом друг друга. Для де-

сяти критиков режим становится лишь поводом дать друг другу по морде. Из трех критиков по крайней мере один помогает КГБ. А из десяти по крайней мере пять можно считать добровольными помощниками Органов и даже внештатными сотрудниками. А сколько в эту среду можно внедрить штатных сотрудников, об этом и говорить не надо. Правда, с ростом числа критиков режима возникают непредвиденные последствия. Важнейшее из них — критики режима начинают конкурировать с апологетами режима в понимании самого режима. Секретарь ЦК по идеологии плакал от злости, когда до него дошли слова одного эмигрировавшего на Запад критика советского строя о том, что этот строй стабилен. «Вот негодяй! — кричал Секретарь. — Это мы, подлинные марксисты-ленинцы, утверждаем, что советский строй стабилен. А этот гнусный предатель набрался наглости утверждать, будто наш советский строй стабилен!! Наши руководители ненавидят критиков режима не за то, что те подрывают режим (никакая критика не способна подорвать режим, она лишь укрепляет его!), а за то, что критики режима посягают на неотъемлемую прерогативу высшего советского руководства — на критику советского образа жизни».

Конечно, научный трактат в моем положении был бы интереснее всего. Но у меня нет денег на таблицы и графики — в Москве я их чертил за счет государства.

Сомнения

А как я назову свой роман-донос-отчет-трактат? Не думайте, что это дело второстепенное. Этому опять-таки есть поучительный пример. Известный московский специалист по научному коммунизму собрался вдруг сочинить обличительную книгу. Но он не смог ее начать, поскольку все силы употребил на проблему, как лучше назвать будущую книгу — «Небо и камень» или «Камень и небо». Так он и выехал на Запад без обличительной книги, что ему очень повредило. Он до сих пор не нашел постоянную работу, хотя его принадлежность к КГБ не вызывает ни у кого сомнений. Странно, не правда ли? Советский агент — и без работы! За-

пад начинает вести себя неправильно. Пора его одернуть.

Вспомнив о печальном опыте упомянутого обличителя, я решил отложить проблему названия на будущее. Кто знает, может быть, я вообще ничего не напишу, и тогда автоматически отпадет эта мучительная проблема. Но тут же возникла другая, не менее мучительная проблема: а кому я посвящу свой ненаписанный труд? Покойной маме или здравствующей Партии? Прошедшему съезду Партии или предстоящему Пленуму ЦК? Любимому народу или ненавистой бывшей жене? Редким жертвам режима или бесчисленным собутыльникам? В конце концов я избрал патриотический вариант: «Нам, работающим вдали от Родины советским разведчикам — посвящаю».

Прекрасное посвящение! Очень искреннее. Но что, если меня неправильно истолкуют? Сомнения — наша государственная (не национальная) черта. Она мешает нам начинать дело, начав — доводить его до конца и делать как следует, дойдя до конца — вовремя остановиться. Поэтому мы, например, устремляемся к Индийскому океану, а застреваем на полдороге в Афганистане, делая вид, будто хотим пресечь там происки американских империалистов и помочь законному правительству навести порядок в стране. И делаем это настолько плохо, что происки империалистов и беспорядок растут там изо дня в день. И нет никакой мочи покончить с этой тягомотиной. Моя покойная мама трижды пыталась делать аборт, съела килограмм хинина, пять раз ошпарила кипятком ноги и сделала многое другое, чтобы воспрепятствовать моему появлению на свет. Убедившись в том, что ее усилия тщетны, она заявила, что материнство есть высшее благо жизни. Потом она до самой смерти неутомимо твердила, что, если бы она знала, что из меня вырастет такой черствый эгоист, она сделала бы аборт. Впрочем, и Запад теперь заразился нашей болезнью: он буквально извелся от подозрений, что обещания и призывы коварного советского руководства насчет разоружения вполне искренни.

Приняв во внимание эти соображения, я решил: пусть истолкуют мое посвящение неправильно, ибо будет хуже, если правильно истолкуют. Представляете, что стало бы твориться в мире, если бы Запад правильно

истолковал советские намерения в Афганистане?! Здесь все с такой страшной силой наложили бы в штаны и вне штанов, что жить нельзя было бы от удушающей вони. И потому — прочь сомнения! Запад все равно не истолкует твое посвящение правильно — не посмеет. А нашим и без истолкования ясно, что к чему.

Проблема, что именно я буду посвящать нам самим, решается просто. Как любил выражаться мой отчим — заведующий крупным подмосковным кладбищем, была бы эпитафия, а покойник найдется.

О выходе к океану

Проблему выхода к Индийскому океану мы обсуждали еще при Хрущеве. Правда, больше в мечтательном, чем в действенном смысле. Мол, при Петре мы пробились к морю, а теперь пора к океану пробиваться. Мы забыли о том, что у нас выходы к океанам на десятки тысяч километров растянулись. Это не в счет, ибо там холодно и неудобно. Нам к теплому океану надо, к Индийскому. Англичане попользовались Индией и прочими странами Востока, и хватит. Теперь наш черед. Мы тогда еще не знали, что проблема эта окажется гораздо проще, чем мы предполагали, так как никто из нас не удосужился посмотреть на географическую карту. Мы думали, что к этому океану придется лезть через Алтай, Памир и Гималаи. А оказалось, что это немного дальше, чем до Сочи, и много легче, чем до Сочи. Ах, если бы кто-то подсунул нам тогда хотя бы школьный атлас! Не было бы тогда иранского кризиса. И вообще никаких арабов не было бы. Откуда они вдруг появились?

К теплому океану мы в конце концов вышли. Но малость далековато — у самых берегов Америки, на Кубе.

Мы и Запад

Несколько лет назад в Москве около Кремля постоянно дежурил сотрудник одного западного посольства. В его обязанность входило наблюдение за правитель-

ственными машинами, въезжавшими в Кремль и покидавшими его. Специалисты-кремленологи на Западе обрабатывали его информацию и делали глубокомысленные обобщения насчет политики Кремля. А в КГБ был сотрудник, который составлял «липу» для западного наблюдателя, а именно — программировал, какие «брежневы», «сусловы», «громыки» и прочие члены советского руководства, в какое время и в каком порядке въезжают в Кремль и покидают его. Этот сотрудник КГБ смеялся до слез, рассказывая о своих манипуляциях с советскими «руководителями». Однажды он запустил в Кремль трех «брежневых», а выпустил оттуда пять. Интересно, как решили эту загадку западные кремленологи?

Утро

Первым ко мне заглянул Циник, один из обитателей Пансиона.

— Что с Вами? Вызвать врача?

— Не надо, я выкарабкаюсь сам.

— Может, сообщить в полицию? Тут такие темные делишки творятся!..

— А что это даст?

— Верно, ничего. Тут один тип сам сознался, что двоих наших на тот свет отправил с помощью каких-то бактерий. Так в полиции ему не поверили. Сказали, что у него нет достаточных доказательств. Это называется демократией. Ладно, на многое не рассчитывайте, но бутерброд я вам принесу.

Циник ушел. Я подумал, что этот бутерброд, может быть, будет моим последним земным делом. Пускай! По крайней мере, и на сей раз мне самому не надо будет принимать решение — советские люди не приучены сами принимать решения.

Потом зашел Шутник, другой обитатель нашего пансиона. Пожертвовал мне пачку сигарет. Он был в Испании и Италии по делам одной антисоветской организации, в которой ему платят гроши, но оплачивают дорожные расходы. За свой счет на поездку в Испанию ему пришлось бы копить деньги минимум лет пять.

— Как там?

— Как всегда. В Англии, вы знаете, левостороннее движение. В Италии же — поперечное, а в Испании — встречное. Ни одной целой машины. Мусор. Правительственные кризисы. Убивают. Взрывают бомбы. Похищают детей и политиков. Воруют. Обманывают. Бастуют. Но очень вкусно питаются. И очень усердно занимаются любовными делами. Одним словом, свобода. Встретил одного вашего московского знакомого. Он сказал, что вы — советский агент. Оставшись один, я начал обдумывать весьма актуальную для нас, советских эмигрантов, проблему: что такое советский агент?

Советский агент

Понятие «агент КГБ» является ведомственным, а не научным. Оно слишком узко, неопределенно и вызывает негативные эмоции. Я бы предпочел более общее и более точное, научно беспристрастное, социологическое понятие «советский агент» или «агент Советского Союза», сокращенно — «асс». Строгость этого понятия абсолютна. О любом человеке в мире можно с полной уверенностью сказать, является он ассом или нет. Тогда как даже о явном агенте КГБ бывает порою невозможно с уверенностью утверждать, что он — агент КГБ. И опасно: засудит! Засудит как за клеветническое оскорбление. Быть агентом КГБ предосудительно, а быть ассом — нисколько. Если человек есть асс, из этого не следует, что вы не подадите ему руку. А если он таковым не является, из этого не следует, что вы кинетесь ему на шею. Видите, какие выгоды сулит употребление понятия «асс» вместо «агент КГБ»? И заметьте, проблема решается на чисто семантическом уровне.

Отношение рассматриваемых двух понятий таково. Не каждый асс есть агент КГБ. Можно быть ассом, если даже в КГБ не знают о вашем существовании, исключили вас из списка своих агентов, руками и ногами отрешиваются от вас. Случай, когда человек сам не знает о существовании КГБ, я исключаю, так как таких случаев в природе не бывает. Человек может быть ассом, сам не зная о том, что он есть асс. В свою очередь, не всякий агент КГБ есть асс. Я встречал та-

ких паразитов, которые, живя на Западе, числились офицерами КГБ, получали за свое паразитство большие деньги, ордена и чины, но пальцем о палец не ударили в пользу своего учреждения и своей страны, а иногда даже наносили ей ощутимый ущерб. Тут вы воочию можете заметить различие ведомственного и социологического подхода к пониманию действительности.

Ассы различаются по категориям, рангам, уровням, профилям и прочим признакам. Не буду вас утруждать такими тонкостями, имеющими чисто профессиональный интерес. Различие младшего и старшего асса, например, аналогично различию младшего и старшего научного сотрудника, а заслуженный и народный ассы подобны заслуженным и народным художникам и артистам. Чтобы достаточно подробно описать, что такое асс, нужно строить целую новую науку. Но для лиц, не способных понимать теоретические построения (а таково подавляющее большинство людей, включая ученых), можно ограничиться конкретными примерами, на которых они быстро научатся отличать ассов от прочих смертных. Ниже я приведу несколько таких примеров из моего нынешнего окружения и из числа лиц, о которых они говорят.

Поясняющие примеры

Писатель — старший асс, выехавший из Советского Союза на Запад под видом еврея и гениального писателя. Скоро его разоблачили как нееврея. То, что он не гений, разоблачать не стали за ненадобностью. Жена Писателя — младший асс, выехавший оттуда же и туда же под видом верной жены гениального писателя. Она действительно верна ему, поскольку на Западе не нашлось ни одного человека, захотевшего ее соблазнить, — показатель явной слабости Запада. Профессор — народный асс, в свое время возглавлявший некую советскую партийную делегацию на Западе, оставшийся на Западе (избравший свободу) и возглавляющий теперь советскую активность в том районе Европы, в котором пока нахожусь я. Считается, что он был членом ЦК, хотя он не был даже в бюро первичной партийной организации. С ведома КГБ стал аген-

том какой-то западной разведки в Москве. Оказавшись на Западе, стал с ведома этой западной разведки агентом КГБ. Дама — заслуженный асс, заместитель Профессора. Муж Дамы — народный асс, глава советской разведки в этой части Европы. Энтузиаст, Нытик, Шутник, Цинник, Диссидент с женой, Художник с женой — советские эмигранты, младшие ассы.

Развивая далее свою идею, я включил в число ассов хозяина нашего Пансиона (дает приют эмигрантам из социалистического лагеря), жену Хозяина («спит» с одинокими обитателями Пансиона и не берет за это денег), уборщицу в Пансионе (тоже «спит» с теми же лицами, но за малую плату). Слово «спит» я здесь употребил из чистого советского целомудрия. Хозяйка денег не берет не по доброте душевной, — тут таких дураков днем с огнем не сыщешь, — а потому, что ей все равно никто не даст ни пфеннига. Она старая, страшная, потасканная. А у нас каждый пфенниг на счету. Уборщица берет деньги, поскольку она молодая и довольно приятная. И у нее пара детей. И муж не имеет ничего против такого приработка: они копят деньги на дом.

Затем я включил в число ассов главу одной почтенной церкви, который превратил руководимую им церковь в источник личной рекламы, брата одного президента, который дает хороший материал для советской пропаганды, главу одной политической партии, который постоянно шляется в Москву под видом миротворца, а на самом деле за очередными инструкциями. Включил советологов, кремленологов и прочих «ологов» (или, по-русски говоря, олухов), поскольку они ничего не понимают в советской системе, но воображают, будто понимают все. Включил западных журналистов, профессоров, политиков, бизнесменов, которые честно служат советскому руководству, делая вид, будто разоблачают и обманывают его. Включил солдат особого десантного батальона, которые помогают Москве хотя бы уже тем, что плюют на сложную международную обстановку и всячески уклоняются от серьезной подготовки к будущей войне.

Наконец, было бы несправедливо, если бы я обошел молчанием еще две персоны. Это — Шеф, заслуженный асс, сотрудник какой-то разведки, но какой именно — об этом он сам толком не знает. Начал свою дея-

тельность в качестве асса в западной разведке, которая оказалась лишь маскировкой для советской разведки. И госпожа Анти — заслуженный асс, оказывающий неоценимую услугу Советскому Союзу тем, что издает необычайно глупый антисоветский журнал и распространяет клеветнические слухи, будто я есть агент Москвы, прибывший на Запад с целью установления тут коммунистического режима.

Циник

Вернулся Циник — пора привыкать к западному образу жизни! — с сэндвичами. Сообщил новость: еще одна парочка прибыла из Москвы. Явные медицинские шизики. И старые. Зачем таких выпускают? «Именно потому, что они старые и глупые шизики, — сказал я. — Для путаницы. Для примера поучительного». — «Их нелегально привезли сюда из Австрии, — сказал Циник. — А это зачем?» — «Затем же, — сказал я. — В мутной воде легче ловить рыбку. Один умный человек в массе таких глупых шизиков может великие дела творить». — «А кто умный человек?» — спросил он. «Кто его знает, — сказал я. — Может быть, я. Может быть, вы». — «Боюсь, что такой лакомый кусок не про нас, — сказал он. — Знаете, есть некий закон времени. Если человек в течение некоторого критического периода не устроил свои делишки, на нем можно ставить крест. Мы с вами этот критический срок превысили, по крайней мере, дважды. А в полицию все-таки заявить надо. На всякий случай. И для статистики. Когда таких случаев накопится с полсотни, они, может быть, заподозрят неладное».

Откровенное признание

Само собой разумеется, я тоже асс. Правда, самый младший, начинающий, вернее — желающий быть начинающим, так как начать мне еще не удалось. Мои функции в качестве асса пока самые примитивные: играть роль наблюдательного пункта и экспериментального тела, заброшенного в чужеродную среду. Инструктировавший меня офицер КГБ так прямо и сказал:

смотри на себя так, будто ты — наш наблюдательный прибор и экспериментальное тело, заброшенное на другую, незнакомую нам планету. Нам важно знать все то, что ты там увидишь, и твои взаимоотношения со средой, твои собственные переживания в ней. Нам предстоят Великие Дела. Мы осуществляем Великую Атаку на Запад. Ты есть частичка этих Великих Дел, этой Великой Атаки. Понял? Я, конечно, понял. Но я согласился быть частичкой этих Великих Дел не ради этих дел, а... А вот ради чего, я этого и сам не понимаю до сих пор. Я еще не подобрал подходящего оправдания своему согласию.

Но не спешите зачислять меня в злодеи. Во всяком Великом Деле появляются непредвиденные и неподконтрольные последствия. Так произошло с нашей революцией, которая по замыслу должна была установить земной рай, а установила... Вы сами знаете, что она установила. Нечто подобное может произойти и с нашей Великой Атакой: она может дать результат, обратный желаемому, именно в силу ее чрезмерного размаха и чрезмерной дерзости. К тому же я очень хорошо знаю людей из штаба Великой Атаки. Удивительное явление: в человеческой истории все великие события и процессы порождались, стимулировались и направлялись дилетантами и шарлатанами,

День

Забегал Энтузиаст. Именно забегал, так как он перемещается в пространстве только бегом (наподобие новобранца), хотя ему под шестьдесят, и в армии он не служил из-за плоскостопия, близорукости и косоглазия. И с порога заорал (это его нормальная манера речи), что Они (кто это Они?) меня только припугнули на всякий случай, а вот его, Энтузиаста, Они при первом удобном случае постараются убить. Они за ним давно охотятся. Вот тут он приготовил список людей, обществ и газет, которым я должен немедленно сообщить, если с ним, Энтузиастом, что-либо серьезное случится. Полицию и службу безопасности он уже предупредил, чтобы были начеку. Я спросил, что я должен буду делать, если у него случится понос. Он

обиделся и убежал, захватив с собою пакетик, в котором он приносил что-то съедобное мне как больному. А жаль.

Мучительный вопрос

Энтузиаст считает себя подлинным марксистом. Интересно, стал бы сам Маркс разговаривать с ним? А с Брежневым? Думаю, что стал бы. И даже с шефом КГБ стал бы беседовать. Дал бы ему кучу полезных советов насчет разложения Запада. И выдал бы список русских марксистов на Западе. А Энгельс вполне мог бы стать советским агентом в Англии. А вот со мной Маркс и Энгельс разговаривать не стали бы. Они зачислили бы меня в агенты КГБ, даже если бы я таковым не был. И затравили бы, как они затравили Дюринга. После публичного доноса Энгельса (см. «Анти-Дюринг») его уволили из университета, и он зачах в провинции. А какие доносы строчил сам Маркс на русских революционеров! А Ленин выдал царскому правительству всех конкурирующих революционеров. Ходит слух, будто сам Сталин был агентом царской охранки. Вообще-то говоря, тут есть одно сомнение: Сталин — и рядовой агент? Быть того не может! Шефом охранки — это еще куда ни шло. Но если даже слух верен, то он означает лишь одно: Октябрьская революция была не просто закономерна, она была фатальна. Если уж царизм доносам самого Сталина не поверил, то дни его явно были сочтены. Когда Энтузиаст сообщил мне, что «даже Сталин был стукачом», глаза его странно бежали по сторонам.

А на каком языке Маркс стал бы разговаривать с Энтузиастом, если тот, как говорится, ни в зуб ногой по-немецки и по-английски? Бог мой, да конечно же на русском! Незадолго до смерти Маркс начал изучать русский язык, чтобы читать сочинения корифеев марксизма вроде Энтузиаста в подлиннике. Но успел выучить только русский мат. Вот это предвидение! Сам же Энтузиаст заявил, что «дойча шпрака — швера шпрака», и в общениях с местными жителями перешел на международный язык жестов.

Мы и секс

Вспомнил о существовании женщин — верный признак того, что я на пути к выздоровлению. Но мысли мои приняли не столько практическое, сколько теоретическое направление.

Практическое положение с сексом в Союзе не такое уж плохое. Во всяком случае, проблему совокупления в трудных погодных и жилищных условиях, а также при наличии отсутствия приличной еды, приличных туалетов, косметики и противозачаточных средств мы решили блестяще. Тут мы Запад опередили на целое столетие. Зато в теории мы отстали от Запада на то же самое столетие. Самый смелый уровень, на какой поднялась советская сексология, это совет мужчинам мыть посуду и стирать пеленки. Ведущий советский теоретик в этой области, побывав на Западе с творческими целями, написал брошюру, в которой он громил так называемую «сексуальную революцию» как признак окончательного краха капитализма. Он, однако, признал, что мы не можем с порога отвергать некоторую положительную роль интимных дамских туалетов. Его сначала слегка критиковали в «Литературной газете», а потом крупно разнесли в журнале «Коммунист» за «недооценку», «переоценку», «уступку», «некритическое отношение», «потерю бдительности» и многое другое. Теоретик целый год ходил в «жертвах режима». Диссиденты пытались заполучить его подпись под неким обличительным документом, а иностранные журналисты — взять интервью. Но он устоял от таких соблазнов, за что ему позволили съездить на Запад еще раз. На сей раз он привез кучу интимных тряпок для своей любовницы и целый чемодан противозачаточных средств для своих начальников. В своей новой брошюре он уже не допустил прежних ошибок. И в «Литературке» его крепко покрикивали за отсталость, а в «Коммунисте» слегка упрекнули в недостатке творческого подхода. После этого сей теоретик стал ездить на Запад каждый месяц, снабжая высокое начальство и передовую советскую интеллигенцию аксессуарами современного секса. На этом наша «сексуальная революция» в теории и закончилась. Зато в практике, повторяю, мы...

Мы здесь решаем свои сексуальные проблемы при-

мерно так же, как в Москве, но на порядок ниже. Это и понятно: наше социальное положение в обществе здесь в массе снижается сравнительно с Союзом. Исключение составляет Энтузиаст. У него в Москве осталась старая жена с кучей родственников. Ему пообещали их всех выпустить к нему, после того, как он сам пристроится. А пока он удовлетворяет потребности плоти с уборщицей. Он может себе позволить такую роскошь, поскольку иногда получает небольшие гонорары. Свою связь он не скрывает, даже гордится ею, так как уборщица вдвое моложе его жены и, надо думать, на вид раз в пять приятнее. Циник сказал, что он на месте Энтузиаста не стал бы вызывать сюда жену, а женился бы на уборщице,— такую роскошную бабу упускать грешно. Энтузиаст вздохнул и сказал, что у уборщицы, к сожалению, есть муж и дети. И к тому же у нее есть серьезный недостаток: она морально неустойчива. И как бывший старый коммунист он ее за это осуждает.

Другую крайность являет положение Нытика. На уборщицу у него денег нет, да и жалко, а Хозяйка его игнорирует как мужчину. Прочие «холостяки» о своих похождениях помалкивают. Но я как теоретик знаю, что они не могут вырваться за пределы этих двух крайностей — бешеного успеха Энтузиаста и низкого падения Нытика,

Вечер

Забрел унылый Нытик. Именно забрел, так как он, в отличие от Энтузиаста, не бегаёт, а бродит в пространстве. Увидел на столе последний сандвич из принесенных Циником. И сожрал его. Ноющим тоном сообщил, что в каком-то журнале опубликовали статью известного западного писателя, в коей тот хвастается, что в течение своей жизни он совокуплялся с десятью тысячами женщин. Об этом сейчас говорят все обитатели Пансиона. Я сначала решил, что писатель врет. Но, вспомнив, что писатель учит западных людей нравственности, а значит, врать никак не может, я впал в еще большее уныние, чем Нытик. В наших советских условиях, сказал Нытик, надо прожить не меньше пятисот лет, чтобы добиться таких результатов. Нет, что

ни говори, а цивилизация есть цивилизация! В нашем районе все мужики, вместе взятые, за всю советскую историю не имели столько баб. Харч не тот. Десять тысяч!! А тут одну заваливающую бабенку добыть никак не удастся! Нет, давно пора тут порядок навести! Кстати, найдите мне бабу, вы же по-ихнему калякать умеете!

Я считался в Москве крупным бабником. Многие мои коллеги усмотрели главную причину моей эмиграции в желании «западных шлюх попробовать». Узнав о скромном сексуальном опыте западного писателя-моралиста, я осознал свое полное сексуальное ничтожество и переключился на социальные темы. Тут-то мы любому западному писаке сто очков вперед дадим! Нытику я посоветовал высчитать, сколько совокуплений приходится в среднем на душу населения в Советском Союзе и со сколькими бабами в среднем вступает в половые отношения советский мужчина. И сравнить это с соответствующими показателями на Западе. Лучшей агитации против коммунизма не придумаешь.

Эмигрантское чудо

Я почти здоров. Пора начать разговор по существу. А самое существенное для нас определяется одним словом: эмиграция. Для западных людей это слово звучит заурядно. Для нас же, людей советских, оно звучит как набатный колокол, как рев урагана, как раскаты грома, как пушечный выстрел. Мы еще сами до конца не осознали и не прочувствовали причин, сущности и последствий этого исторического урагана. Беспрецедентного урагана, ибо это явление лишь внешне похоже на эмиграцию и носит имя эмиграции, являясь, по существу, чем-то другим.

Возьмите словарь, откройте на букву «Э», найдите слово «эмиграция». Читайте эмиграция — это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Давая такое определение, авторы словарей полагают, что они исчерпали все возможные случаи эмиграции.

Но как быть с моим случаем? Меня никто не вынуждал покидать свое отечество. Но и доброй воли моей

на это не было. У меня не было ни политических, ни экономических, ни каких бы то ни было иных причин покидать свое отечество. И оказался я не в другой стране, а в другом мире, в другой эпохе, в другом разрезе пространства, в другом потоке времени. И все же я — эмигрант. Почему же получается такая логическая несуразность? А потому, что я — советский человек, для которого возможна лишь мнимая эмиграция.

Зачем я здесь

Зачем я здесь? Да хотя бы затем, чтобы развеять широко распространенный миф, будто советский человек есть оболваненное и запуганное существо. Те, кто выкинули меня сюда, этой акцией как бы хотели сказать следующее. Взгляните на этого человека! Он неглуп и образован. Его никто не оболванивал, не запугивал, не развращал. Скорее наоборот, он сам это делал в отношении других людей, которые, однако, не считают себя оболваненными, запуганными, развращенными. Советских людей вообще нет надобности подвергать такой обработке, так как они сами способны кого угодно оболванить, запугать, развратить. Это — их натура, и потому им приятно это делать как в отношении себя, так и других. Они являют собою новый, более совершенный тип мыслящего существа и несут этот образец другим. Берегитесь!

Таких, как он, в Советском Союзе много. Они имеют в нашем обществе свою долю благ, власти и свободы. Не такую большую долю, чтобы отнести их к привилегированным слоям. Но и не такую малую, чтобы их отнести к низшим слоям. Их нельзя считать преуспевающими. Но они и не жертвы. У них особая роль в обществе. Они — ядро этого общества, его соль, его ферменты и витамины, его вдохновители, его катализаторы. Они суть носители и апологеты этого общества. И вместе с тем они суть его страдательная ткань. Они принимают это общество и устраиваются в нем навечно, без всякой задней мысли и без всяких условий. Будучи выброшены на Запад, они воспринимают свое положение как командировку из него и как отдых от него, хотя разумом знают, что это конец. Они не

стремятся ни к истине, ни к добродетели. Они просто живут адекватно времени, разделяя его заблуждения и пороки. А люди и исторические эпохи характеризуются не столько истинами и добродетелями, которые общи и абстрактны, сколько заблуждениями и пороками, которые индивидуальны и конкретны. Глядите на это существо и дивитесь: это и есть то, что вы называете гомо советикусом!

Гомосос

На Западе умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название. Причем они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле. Им невдомек, что мы сделали нечто большее — мы первыми вывели этот новый тип человека, а Запад чуть ли не через пятьдесят лет после этого вводит новое словечко и ценит этот свой вклад в историю неизмеримо выше того, что сделали мы сами. Самоуважение Запада достойно насмешки.

Ну что же, гомо советикус так гомо советикус. Я только пойду в этом направлении еще дальше и утру Западу нос. Я введу более удобное сокращение для этого длинного выражения: гомосос. Звучит, по крайней мере, по-советски.

Гомосос — существо довольно гнусное. Это я знаю по себе. Когда я жил в Советском Союзе, я мечтал пожить в демократическом государстве. Вступай в любую партию или создавай свою, ходи на демонстрации, участвуй в забастовках, обличай! Красота, а не жизнь. Пожив немного на Западе, я на сто восемьдесят градусов изменил направление своих мечтаний. Теперь я мечтаю пожить в хорошем полицейском государстве, в котором запрещены левые партии, разгоняются демонстрации, подавляются забастовки. Одним словом, долой демократию!

Почему я об этом мечтаю? Да потому, что я — гомосос. Я — крайний реакционер, идущий впереди крайнего прогресса. Как это возможно? Для гомососа нет ничего невозможного. На Западе даже оголтелые реакционеры борются за демократию, ибо для них де-

мократия есть последняя возможность бороться против демократии. Мы же против демократии, ибо она мешает нам честно, без ложных спектаклей бороться за демократию. И потому долой демократию! Мы начинаем новую историю. Но начинаем ее не с начала, а с конца. К началу мы придем лишь в конце. И потому еще раз долой демократию!

Ночь

Перед сном ко мне зашел Циник узнать о моем состоянии. «Вы молодец,— похвалил он меня,— настоящий Иван. Другие от таких штучек сразу богу душу отдают, а русские Иваны только здоровее становятся. Хотите последнюю московскую хохму? Советские диссиденты обратились к западным обывателям с призывом: устанавливайте у себя советский режим, и мы вместе с вами будем бороться против советского режима. Смешно? Вы ведь, кажется, были диссидентом?» — «Немножко», — сказал я. «Зачем это вам потребовалось?» — спросил он. «Чтобы уехать», — сказал я. «А,— сказал он,— оказывается, все объясняется очень просто».

Мысли о будущем

В честь своего выздоровления принял решение газеты и журналы больше не читать. Я имею в виду не советские газеты и журналы, а местные, т. е. западные. Западные, и вдруг — местные! К такому привыкнуть нельзя. При слове «местные» в моем сознании всплывают слова «тамбовские», «саратовские» и «рязанские», но отнюдь не «немецкие», «французские» и «английские». Лишь усилием воли, которую я обнаружил в себе совсем недавно, я гашу эти вьезшиеся в плоть и кровь ассоциации. Запомни, говорю я себе, ты теперь живешь на Западе. И Россия теперь для тебя заграница. И жить тебе тут до последнего вздоха. И сдохнешь ты тут, на Западе. И зароят тебя не в русской земле, а в западной. Любопытно, где они зароят тебя? Ведь землицы-то у них в обрез, своих закапывать негде. Скорее всего, тебя сожгут. А прах

твой на удобрение пустят, ибо урну с ним некому будет вручить на вечное хранение.

Конечно, можно было бы обеспечить себе более оптимистическое будущее после смерти. Для этого достаточно было объявить себя православным, начать ходить в церковь и участвовать во всяких церковных мероприятиях. Теперь многие советские эмигранты так делают. Недавно сюда прибыла из Москвы одна важная дама. В Москве она заведовала секретным отделом в сверхсекретном институте. Член партии. Избиралась даже в бюро областного комитета партии. Посмотрели бы вы, как на нее накинудись всевозможные разведки! Каким вниманием ее окружили! Сразу паспорт устроили, квартиру, источники дохода. Вы понимаете в этом что-нибудь? Нет? Я тоже. Но дело не в этом. Кто знает, может быть, эта Дама привезла секретный протокол последнего заседания бюро Обкома партии, на котором обсуждались меры по пресечению оппозиционных настроений в области. Эта Дама немедленно объявила себя ревностной христианкой, само собой разумеется — православной. Затем Дама создала комитет по борьбе за присуждение бывшему русскому царю Николаю Второму звания Заслуженного Святого Республики за выдающиеся заслуги в качестве мученика большевиков. Эта формулировка задач комитета — моя. Формулировка Дамы была еще глупее. Дама пыталась вовлечь меня в это благородное дело, предложила даже пост секретаря в комитете. Тогда-то я и предложил исправить формулировку целей комитета. После этого Дама заявила, что мне постоянного места в этой стране не видать, как своих ушей. Она — человек с прочной партийной закалкой, слово свое сдержит. Интересно, когда она сдохнет и будет с почетом похоронена на кладбище местной православной общины, будут ли на могильной плите указаны ее титулы и заслуги, которые она имела в Москве?

Одним словом, несмотря на очевидные блага, которые сулило мне принятие православия, я этого не сделал. Может быть, то была моя первая ошибка в серии ошибок, совершенных мною здесь, на Западе. Инструктировавший меня человек из КГБ говорил мне, чтобы я не упускал даже самую малую возможность зацепиться, какую бы нелепою она ни казалась на первый

взгляд. «Если будет возможность стать церковным деятелем, будь им,—говорил он.—Если ради устройства жизни надо сделать обрезание, делай!» А я этому совету не последовал. Почему? Потому что я убежденный атеист. Пусть лучше мой прах пойдет на удобрение, чем торчать на заутрене в компании старых русских эмигрантов, их рожденных на Западе чад, новоиспеченных христиан вроде Дамы — бывшего члена бюро Обкома партии. Впитать в себя результаты величайшей революции в истории и достижения мировой науки, чтобы в конце пути превратиться в сына убогодочной православной церкви?! Что угодно, только не это!

О стоянии на коленях

Главное, я презираю тех, кто добровольно становится на колени. И сам я на коленях никогда и ни перед кем не стоял. И не буду стоять. Между прочим, не только я такой. Это есть качество советского человека. Это — продукт и результат нашей революции. Вот чего не способны понять на Западе. Наблюдая наше поведение, они истолковывают его в привычных для них терминах и образах. И в том числе они тут убеждены в том, что советский народ стоит на коленях перед своими властями. Но наше поведение — что угодно, только не стояние на коленях перед властями. Стоять на коленях можно перед попами, перед царями, перед хозяевами. Причем это можно делать так, что внешне вроде бы никакого стояния на коленях нет. А стоять на коленях перед нашей властью невозможно, если бы мы даже захотели этого, ибо эта власть — мы сами. Коммунизм освобождает людей от стояния на коленях — вот в чем психологическая суть дела. Если бы мы даже захотели встать на колени перед властью, последняя просто не позволила бы нам это сделать. Нам бы за это вlepили так, что мы бы и думать позабыли о такой вольности, как стояние на коленях. При коммунизме запрещено стоять на коленях. При коммунизме человек обязан стоять по стойке «смирно», т. е. пятки вместе, носки врозь, руки по швам, глаза максимально расширены и подобострастно представлены на начальство.

Я не мог одолеть в себе советского человека и последовать примеру Дамы. Будь я более активным в партийном отношении в Москве, может быть, я смог бы эту слабость преодолеть.

Пресса

Но вернемся к газетам и журналам. Намерение покончить с ними зрело во мне с первого дня пребывания на Западе. Тем более у меня за плечами был многолетний опыт игнорирования советской прессы. Вырвавшись из застенков большевизма в свободный мир (как приветствовал мое прибытие сюда представитель одной антисоветской организации), я первым делом накинулся на местную прессу. Начал, разумеется, с самого интригующего: с разглядывания голых баб и сексуальных сцен. И быстро пресытился. Вскоре я уже скользил по ним равнодушным взглядом. Иногда бросал реплики, приводить которые здесь стыдно даже мне самому. Это для импотентов, сексуальных маньяков, развращенных детей и скучающих бездельников — резюмировал я свои наблюдения. Для нас, советских мужиков, была бы баба, а что и как с ней делать, мы сообразим без подсказки Запада. Кстати, об упомянутой выше антисоветской организации. Представитель другой антисоветской организации в тот же день мне шепнул, чтобы я был осторожен с представителем первой, так как он — советский агент. То же самое и в тех же выражениях сказал мне потом представитель первой антисоветской организации о представителе другой. Что это — элемент местного этикета или советская инерция? А вообще — сценка для сюрреалистического фильма: советский агент прибывает на Запад под видом критика советского режима, где его встречают советские агенты под видом членов антисоветской организации... Ну, а что, спрашивается, потом? Нетрудно предвидеть: потом — типично советская борьба индивида и коллектива. Дама так и заявила по моему адресу (слухи здесь распространяются так же, как и в Москве): мы (кто это «мы»?) его тут в два счета обломаем! Тут ему не Советский Союз! Мы ему не позволим выпендриваться! Обратите вни-

мание на манеру выражаться. Это идет, очевидно, еще из комсомольского прошлого Дамы.

В конце концов я добрался до статей, выражающих социально-политический интеллект западного общества. И с первых же строк я стал замечать, что Запад идет не туда, куда ему следовало бы идти согласно моим представлениям о нем, что люди здесь ведут себя совсем не так, как следовало бы поступать согласно тем же моим представлениям. Вот вам еще парадокс советского человека. Я прибыл сюда как советский агент, заинтересованный по идее в том, чтобы Запад вел себя плохо с точки зрения его же собственных интересов и хорошо с точки зрения интересов советских. Я прибыл ослаблять и разрушать Запад. Но стоило мне пересечь границу, как я начал переживать и думать наоборот. Поведение Запада и западных людей стало меня раздражать именно их просоветской направленностью.

С каждым днем мое раздражение по поводу неправильного поведения Запада возрастало. Сегодня утром я прочитал, что один видный политический деятель Запада считает возможным переубедить советское руководство в чем-то таком, в чем советское руководство нельзя переубедить никогда и ни при каких обстоятельствах. Это слишком, сказал я себе. Отбросил эту газету и дал себе слово больше не тратить свои гроши на нее. Но в другой газете, которая здесь считается самой высокоинтеллектуальной, я прочитал беседу западного советолога с советским «критиком режима». Критик, уволенный с третьего курса захудалого технического института и отсидевший пять лет в тюрьме (что считается необходимым и достаточным условием познания советского общества), заявил, что советские руководители изменили марксизму. Советолог, двадцать лет изучавший марксизм и советское общество в библиотеках, добавил от себя, что социальный строй Советского Союза вообще не есть социализм. «О, идиоты! — воскликнул я. — Если в Советском Союзе и делают что правильно и хорошо, так это социализм. И ничего другого там делать вообще не умеют». И я принял то самое решение, о котором сказал в самом начале.

Здоровый гомосос

Обрезание я тоже делать не стал, ибо ненавижу любой национализм. Тут есть один русский писатель, который печатает свои бездарные сочинения на еврейские темы и под еврейским псевдонимом. Его тут за это носят на руках. А другой, еще более бездарный писака, выдает себя за представителя русской культуры, хотя является евреем. Его тут тоже носят на руках за это. Я же — здоровый гомосос, т. е. существо наднациональное. А здоровый гомосос радуется всякому случаю, когда какой-то нации нанесен ущерб. Буддисты вырезали в Пакистане миллион мусульман? Так им и надо, а не то их слишком много расплодилось. В Индии кастрировали два миллиона мужчин? Так им и надо, а не то их слишком много расплодилось. В Камбодже убили три миллиона человек? Прекрасно, пусть все видят, к чему ведет коммунизм. Во время войны погибло двадцать миллионов советских людей? Так нам и надо, впредь умнее будем. Почему так? Да потому что здоровый гомосос есть подлинный интернационалист и считает всех людей братьями. Ну, а с братьями можно и не церемониться.

Здесь живет один татарин, во время войны сотрудничавший с немцами. Его как-то обвинили в антисемитизме. «Зачем обижаешь,— сказал он,— я не только евреев, но и русских расстреливал тоже». Он — здоровый гомосос. И между прочим, нерусский — к сведению тех, кто считает советизм национальной русской чертой. И в этой эмиграции, сплошь состоящей из ярко выраженных гомососов, русских тоже раз, два и обчелся. Из этого не следует, что русские не гомососы. Мы-то как раз и послужили той исходной основой, из которой великие селекционеры-коммунисты вывели современного гомососа. Но мы остановились на полпути к совершенному гомососу и погрязли в мелочном самоанализе. Другие народы опередили нас и в этом.

Мы и Запад

Я живу в пансионе, который мне оплачивает какая-то организация. Хотя я занимаю крохотную комнатку без телефона и письменного стола, платит эта органи-

зация сумасшедшие деньги. Я предложил им такой вариант: пусть они эти деньги дадут мне на руки, а я буду снимать комнату частным порядком. Это в три раза дешевле, а оставшиеся деньги я употреблю на еду, одежду и бумагу. Но почему-то это сделать нельзя. Шутник, который уже разобрался в тонкостях западной жизни, утверждает, что причины этого «нельзя» точно такие же, как в Советском Союзе. И вообще, тут многое очень сильно напоминает нашу советскую жизнь.

Обитатели Пансиона разделяются на кратковременных и долгосрочных. Кратковременным был до моего поселения Профессор, а уже во время моего длительного пребывания здесь Дама с ее бесцветным мужем. Мне было достаточно одного взгляда на ее рахитичного Мужа, чтобы понять, что это за птица. Я уверен, что сотрудники здешней службы безопасности знают о принадлежности Мужа к КГБ. Но они думают, что если он — их человек (а он наверняка и их человек), то его принадлежность к КГБ играет второстепенную роль. Продаваться всем разведкам мира есть профессиональный (и даже гражданский) долг советского разведчика. И дело тут не в том, что работа в пользу КГБ в общем балансе превышает причиняемое зло. Дело в том, что даже причиняемое зло есть работа в пользу КГБ. Если бы сам шеф КГБ сбежал на Запад, захватив с собою все известные КГБ секреты, его бегство в конечном итоге сработало бы в пользу Советского Союза. У советской разведки и западных разведок разные критерии оценки делаемого.

Так называемые взаимовыгодные отношения КГБ с западными службами того же рода всегда в пользу КГБ, ибо уже сам факт каких бы то ни было отношений всегда в пользу КГБ. Если бы можно было измерить, какой урон Западу нанесла одна только работа разведывательных служб с Дамой по выкачиванию из нее информации, кое у кого, может быть, волосы на голове зашевелились бы. И это при условии, что вся информация ценная и правдивая. А какая часть сообщенного ею есть дезинформация, балласт, вымысел, чепуха? А как измерить психологические последствия таких соприкосновений? Мне говорили, что западные разведывательные службы составили четкое представление о советском человеке на основе бесед со многими

тысячами советских людей. Говорю вам со стопроцентной верой в свои слова: если Запад проиграет будущую войну Советскому Союзу, то главной причиной этого будет именно этот образ советского человека, составленный западными разведками и советологами на основе соприкосновения с советскими людьми.

Нытик и Энтузиаст

Нытик и Энтузиаст предложили повести меня в кафе, где «все стоит в два раза дешевле». Я сказал, что сейчас я предпочел бы кафе, в котором все стоит в десять раз дешевле. Они сказали, что и такое бывает, но сейчас «не сезон».

Нытик и Энтузиаст — ярчайший пример противоположных форм выражения одной и той же сущности. Принципы Нытика: мы тут никому не нужны; тут не лучше, чем у нас; ничего мы тут не добьемся. Принципы Энтузиаста: без нас тут шагу ступить не могут; тут рай сравнительно с Союзом; мы горы свернем. Нытик покорно ждет, когда Запад сам бросит ему кусок со стола своего богатого пиршества. Энтузиаст рвет и мечет, сует нос повсюду, готов сам вырвать положенный ему кусок изо рта у Запада. Нытик сам не знает, зачем он здесь. Энтузиаст прибыл с великой миссией — научить Запад уму-разуму и руководить отсюда диссидентским движением в Союзе. Он жаждет издавать журнал, а еще лучше — газету. Он считает, что это «основное звено, ухватившись за которое, мы (кто?) вытянем всю цепь. Ленин ведь тоже с этого начал!».

Общим для них является то, что они лезут в мою камеру без стука и в любое время дня и ночи просят в долг и стараются что-нибудь унести с собой «на время». Чтобы пресечь их поползновения, я на большом листе бумаги написал объявление: «Оставь надежду всяк сюда входящий». На другой день Хозяин снял объявление: он не хотел, чтобы ему напоминали о позорном прошлом его страны. Ведь ему кто-то донес и перевел мое объявление!

Прибыв в Вену, Энтузиаст первым делом поинтересовался, почему американский президент не прилетел встречать его. Ему сказали, что президент занят. Эн-

тузиаст сказал, что президент мог бы вместо себя при-
слать своего представителя. Ему сказали, что пред-
ставителей президента тут полно и что они скоро будут
иметь честь побеседовать с Энтузиастом. Энтузиаст не
обратил внимания на несколько юмористический от-
тенок в этих словах, успокоился и стал отыскивать
глазами в толпе собравшейся в аэропорту всякого рода
публики руководителей европейских коммунистических
партий. Эти-то уж, во всяком случае, должны были
бросить все дела и прибежать встречать ведущего (и
пока единственного) представителя советского евро-
коммунизма. Но тут уж ему никто помочь не мог. Эн-
тузиаста, как бывшего старого коммуниста, это воз-
мутило больше всего. «Сволочи! — сказал он, имея в
виду еврокоммунистов, американцев и всех прочих.—
Мы там для них... а они тут... Сволочи! Ну, погодите!
Я вам еще покажу!..»

Нытик выехал благодаря фиктивному браку, что обо-
шлось ему в копеечку. Прибыв в Вену, Нытик первым
делом поинтересовался, где находится «черный ры-
нок»: он привез очень ценную икону, за счет которой
собирался безбедно пожить, по меньшей мере, пять
лет. Икона, однако, оказалась поддельной. Узнав об
этом, Нытик тоже сказал: «Вот сволочи!» Остатки бы-
лых богатств он потратил на «расторжение» брака,
т. е. на приобретение липовых документов, которые
оказались ненужными. После этого он приобрел пси-
хологию разорившегося миллионера — стал нытиком,
слюнтяем, слизняком.

Но, с другой стороны, к Нытику почему-то проявили
повышенный интерес разведывательные службы. Его
немедленно переправили сюда. Я поинтересовался у
Нытика о причинах такого внимания к нему. «Они во-
образили, будто я знаю многое такое, чего я не знаю
сам,— сказал он.— Как это понять?» Я сказал, что у
него, как и у всякого советского человека, богатое
подсознание, особенно если он работал на военном
заводе. Сам он о своем подсознании не знает, а «эти
кретины», очевидно, выкачивают оттуда ценную инфор-
мацию. «Смех,— сказал он,— что там можно выко-
пать? Мелкие жульнические операции? Попойки? Про-
делки с девками?» Я сказал, что ничего смешного тут
нет. «А вдруг они подозревают, что вы — крупная фи-
гура в КГБ?» — «Хотя бы мелкая,— вздохнул он.—

Если бы так, я бы тут горы свернул. Тут такая благодать для советских агентов! А этим кретинам все равно, кто я. Им важно лишь, кто они».

Шутник

По дороге в кафе к нам присоединился Шутник. Сказал, что в этом кафе все в два раза дешевле по той простой причине, что тут все в три раза хуже. Потому что практичные немцы считают невыгодным ходить сюда. Только нищие советские эмигранты ухитряются как-то выгадывать за счет потерь.

Шутником я прозвал его после того, как он столкнулся в дверях с Хозяйкой, выходящей из моей комнаты. «Это нехорошо, дорогой товарищ, разрушать здоровую капиталистическую семью,— сказал он.— Вы же советский человек!» — «Моральное разложение Запада есть наш священный долг»,— сказал я.

Он оказался здесь раньше меня и на правах старожила предложил мне показать красоты города. Погода была превосходная. Нам от этого было приятно вдвойне, поскольку в Москве стояла отвратная погода. Насмотревшись на памятники архитектуры и роскошные витрины магазинов, мы зашли в очаровательное маленькое кафе. К нам сразу же подошла молоденькая приветливая официантка. Не успели мы поохать по этому поводу, сравнивая это божественное создание с московскими ведьмами-официантками, как она принесла наш заказ.

— Если бы в Союзе была хотя бы десятая доля такого сервиса, как здесь, ни за что не уехал бы. Знаете, что было главным в моем решении эмигрировать? Мечта хотя бы раз посидеть вот именно в таком кафе и быть обслуженным именно на таком уровне. Как Ваше впечатление от города?

— Слишком много прошлого. Запад отягощен прошлым. Он уже не может его удержать. Оно уходит. И уносит с собою их будущее.

— Зато у нас прошлого нет. У нас все впереди. И западное прошлое у нас впереди.

— А что вы скажете о людях?

— Свобода и благополучие не делают людей умными. Здесь четыре миллиона иностранных рабочих, а своих

безработных уже полтора миллиона. Причем безработные не хотят работать на тех же условиях, что иностранцы. Или совсем не хотят работать. Предпочитают быть паразитами за счет общества. Тут какая-то благотворительная организация решила устроить конкурс, победителю которого предоставлялось рабочее место. Никто не захотел участвовать в этом конкурсе. А молодежь — лучше об этом и не говорить. Расовые проблемы. Терроризм. Наркотики. Преступность... Жаль, если капитализм тут скоро рухнет. Хочу при хорошем капитализме немножко пожить. Походить по кафе. По ночным клубам. Покупаться в теплых морях. Баб всяких попробовать. Вы еще не пробовали негритянок? Я попробовал. Ничего особенного. Это сказки, что они обладают выдающейся сексуальностью. Наши бабы не хуже. Но все-таки любопытно. Хотите, устрою?

— Нет. Я еще Европу не освоил.

Роль зонтика в истории

В Пансионе живут также эмигранты из других стран социалистического лагеря. Они еще надеются на «третий путь» и «свободные профсоюзы», обвиняют нас в «догматизме» и «великорусском шовинизме». Время от времени они возвращаются в свое социалистическое отечество и печатают там статьи, разоблачающие Запад. Подписываются чином не ниже капитана государственной безопасности. Запад на эти статьи не обращает внимания. Это задевает гордость наших дружественных разведок. И тогда они начинают с остервенением устраивать покушения на своих бывших граждан, главным образом — с помощью зонтиков, тубиков для зубной пасты, шампуня и других предметов быта. Зонтики одно время произвели здесь сенсацию. И эмигранты из Восточной Европы этим очень гордились. Болгары даже в солнечную погоду ходили с зонтиками. От них все шарахались в стороны. Честно говоря, и мне было не по себе. Я готов умереть в пасти акулы или крокодила, на худой конец — от укуса мухи цеце. Но умереть от укуса банального зонтика — брр!.. Зонтичная сенсация кончилась и забылась, как и все сенсации на Западе. Теперь наши братья по социализ-

му и эмиграции вместо зонтиков смакуют аргумент: «Ну а Польша?» Западные обыватели внешне выражают по сему поводу восторг, поскольку это укрепляет надежду на то, что Советский Союз скоро рухнет сам собой, и они, западные обыватели, сэкономят на этом лишний пфенниг в неделю. А внутренне они уже дрожат от ужаса, поскольку вследствие польской эмиграции они уже теряют, по крайней мере, по десять марок в неделю. А это — еще только начало.

Мы и Запад

Вечерами в Пансионе ведутся разговоры о высокой политике. Вот в таком духе.

— Иранские студенты захватили американское, а не советское посольство. Почему?

— Если бы они сунулись в советское посольство, Советская Армия сразу оккупировала бы Иран. А американцы слабаки.

— У них демократия.

— Я и говорю, слабаки.

— В общем, обстановка! Без пол-литра не разберешься.

— Про пол-литра тут надо забыть. Дорого. И блевать некуда.

— Жалкий Иран терроризирует могучую сверхдержаву. Арабы насилуют Западную Европу. Что происходит?!

— Запад прогнил.

— Не торопитесь хоронить Запад. В нем есть некий скрытый сволочизм, который еще покажет себя.

— Сволочизм тут есть. Но идиотизма больше. Поменьше бы идиотизма и побольше сволочизма — может быть, лучше было бы.

В Москве такие беседы заканчивались идеей: выпить. Здесь даже алкоголики таких идей не выдвигают. Предпочитают пить втихомолку. И мы, оплевав иранскую революцию и арабов и перебив косточки западным политикам, расплзлись по своим каморкам.

Мелкие радости

Сообщили, что один из сотрудников советского посольства оказался агентом КГБ. В Пансионе весь день не умолкает смех по этому поводу: один! А есть ли в советском посольстве хотя бы один сотрудник не агент КГБ?!

Мой путь

Рядом с Пансионом есть роскошный газетно-журнальный киоск. Чуть подальше — великолепный магазин, где продаются те же газеты и журналы. Еще дальше — еще более роскошный киоск. В промежутках между ними — ящики, из которых вы можете взять газеты, сунув в дырочку положенное число монет. Газеты я раньше покупал в ящиках. Это вдвое дешевле, ибо я пихал в дырочку вдвое меньше монет, чем положено. Шутник пихает в четыре раза меньше. Это свидетельствует о том, что совести у него в два раза меньше, чем у меня. А Циник не пихает ничего, только вид делает — несколько раз прикладывает палец к дырочке. Величину совести его вы можете высчитать сами.

Мой путь лежит мимо этого газетно-журнального искушения. С обложек журналов на меня призывно смотрят цветные женские зады, груди и прочие соблазнительные части тела. Жирные газетные заголовки возвещают о том, что сексуальный маньяк выбросил в окно с десятого этажа двадцатую жертву, что террористы похитили миллионера, что принцесса разводится с очередным супругом... Ну нет, голубчики, сказал я с металлом в голосе, теперь вы меня этим не купите! И равнодушно прошагал мимо. И тут-то впервые в жизни я обнаружил в себе наличие силы воли. Обнаружил и прослезился от... огорчения. «Где же ты раньше была? — прошептал я, обращаясь к своей силе воли. — Обнаружись ты лет двадцать назад, не болтался бы я сейчас здесь, в свободном обществе, в поисках терпимого пропитания, а лежал бы на диване, как мои преуспевшие друзья, в пятикомнатной квартире в Рублеве, или гулял бы на цековской даче под Москвой, или загорал бы на цековском южном курорте, или чинно восседал бы в кабинете на Старой площади или на

Лубянке. И никакая проблема посмертного существования не волновала бы меня. И не испытал бы я разочарования от западной прессы. И не знал бы я, что Запад давно следовало бы наградить орденом Ленина или Октябрьской Революции за заслуги в сохранении и укреплении советской власти.

Но прошлое не вернешь. Мы привыкли утешать себя поговоркой: лучше поздно, чем никогда. Раз во мне проснулась сила воли, я ее должен использовать. Буду тверд, как скала! Буду гнуть свою линию, на сколько бы этот период «проверки» ни затянулся. Вперед!

О стариках

Я иду в учреждение, где со мною беседуют лица, интересующиеся Советским Союзом, а прямо говоря — где меня допрашивают. Иду пешком, поскольку общественный транспорт здесь, в отличие от Москвы, дорогой и неудобный. К тому же мне все равно делать нечего. Иду, разглядываю сытых и хорошо одетых прохожих. Это главным образом старики. Много бездельничающей молодежи. Молодежь одета нарочито неряшливо. Парни заросли волосами. Девчонки — как грязные, никогда не моющиеся цыганки, иногда появляющиеся на улицах Москвы. Главная опасность для человечества, думаю я, не атомная бомба, а сами невооруженные люди, т. е. избыточное население и чрезмерная долгота жизни. Люди нарушили некие социобиологические законы. Хилые дети выживают. Больные десятилетиями тянут свое существование. Старики живут необычайно долго. Старики запленили планету. Нет в мире ничего опаснее стариков. Они глупы и бездарны. Но обладают непомерной самоуверенностью и самомнением. Все мерзости в современном мире суть дело рук стариков. Пока число людей в мире не сократится, по крайней мере, вдвое, а продолжительность жизни — по крайней мере, на двадцать лет, ничего хорошего не будет. Будет только еще хуже. И в конце концов пойдут в ход все те изобретения стариков, которые единственно способны уполовинить население и урезать продолжительность жизни. Впрочем, молодежь теперь по степени опасности начинает конкурировать со стариками. Она недовольна всем. Она не хочет работать.

Но хочет иметь все без труда и сразу. Ее кажущееся пренебрежение к материальным благам и ненависть к богатым есть лишь негативно завуалированная жажда благ. И по глупости и бездарности молодежь не уступает старикам.

И об эмигрантах

Но черт с ними, с западными стариками и молодежью! Есть опасность, которая задевает меня лично: наплыв наших эмигрантов на Запад. Как авангард Великой Советской Армии, наступающей на Запад, я вроде бы должен был радоваться этому. Но как обыватель, которому надо есть, пить, одеваться, иметь женщин и наслаждаться культурой, я прихожу в отчаяние от этого радостного явления. С каждым днем шансы мои прилично устроиться сокращаются. Прибывают все новые и новые советские прохвосты. Они приносят для западных разведок все более ценную информацию и дезинформацию и более веские доказательства своей причастности к КГБ. Мне хочется заорать на весь мир: опомнитесь! Кого вы к себе впускаете?! Неужели вы не видите, что это начало нашего (советского) вторжения на Запад?! Поймите меня правильно: я хочу закричать об этом не с целью спасти Запад, а с целью наконец-то прилично устроиться самому на Западе. И для этого, конечно, немножко спасти Запад. После того как я устроюсь, я кричать не буду. Впрочем, может быть, как раз наоборот: если я устроюсь, будет жаль потерять хорошее положение. Неплохо устроившиеся советские эмигранты, а среди них — агенты КГБ в первую очередь, суть на Западе главные противники наступления коммунизма, — вот вам еще один пример всеми презираемой, но вечно торжествующей диалектики.

Кто я

Когда меня спрашивают, каким образом мне, русско-му по национальности, бывшему члену КПСС, причастному к высшим партийным и кагебевским кругам, принимавшему участие в секретных исследованиях, уда-

лось выбраться на Запад, я откровенно отвечаю: я прибыл сюда по заданию ЦК КПСС, КГБ и всего советского народа. Но мне не верят. Думают, что я дурака валяю или хочу цену себе набить и устроиться в тепленькое местечко. Советские покаявшиеся шпионы весьма популярны на Западе. Им сразу дают политическое убежище и средства существования. А у меня почему-то ничего не выходит.

«Это еще надо доказать, что вы настоящий, а не липовый советский шпион,— сказал мне один из собеседников во время допроса.— Если вы настоящий, вы должны были бы принести нам ценную информацию, в которую мы поверили бы и которую оценили бы по достоинству».— «Или дезинформацию, в которую вы тем более поверили бы»,— закончил его мысль я сам. После этого моего замечания за мной закрепилась репутация человека, который выдает себя за агента КГБ, но на самом деле таковым не является. Странно, не правда ли?! Это в советской-то эмиграции, в которой каждый говорит о каждом, что тот — агент КГБ! И обычно выдвигают несокрушимый аргумент: что это за агент, если ничего секретного о Советском Союзе не знает?! Я возражаю: а если я заслан сюда для того, чтобы тут секреты выведывать. Тогда зачем тебе признаваться в том, что ты асс, подрубают мою логику под корень мои оппоненты. К тому же секреты тут совсем незачем выведывать, ибо их тут вовсе нет — тут же все на виду. Нет, приятель, ты уж лучше не финти! Признайся лучше, что ты решил нам голову поморочить. Я признаюсь. Собеседники переглядываются: они и мое это признание, что я морочу им голову, истолковывают как стремление морочить им голову. Где же выход?

Я — асс. И ничего плохого в этом не вижу. Хорошего, правда, тоже ничего не вижу. Это просто объективный факт. Факт несколько печальный, несколько комический. Но отнюдь не трагический. Скорее банальный. Теперь агентов развелось так много, что даже в КГБ не помнят их всех. Теперь агентов выбрасывают в житейский океан, как новорожденных щенят в грязный деревенский пруд. Хотите жить — выживайте, не хотите —дохните! И наградой за все нам является одно: нас выбрасывают. Не все агенты, конечно, таковы. Я имею в виду лишь массовый тип, к которому принадле-

жу сам. И не столько реальных, сколько потенциальных агентов. Ситуация тут похожа на ту, какая имела место с подготовкой младших офицеров в прошедшую войну. Набирали сопляков из школ и через несколько месяцев выплевывали на фронт младшими лейтенантами. Большинство из них погибало в первом же бою. Но они в массе и требовались лишь для одного боя. А мы в массе тоже нужны лишь для одной операции. Быть потенциальным агентом очень мучительно: ты имеешь все недостатки положения агента, не имея никаких его достоинств. Перед нами два пути: выйти из числа агентов вообще или стать актуальным агентом. Первый путь для нас исключен. Второй же удастся лишь немногим счастливицам. Поскольку у меня объявилась сила воли, я этот переход в актуальные агенты непременно осуществляю.

Особый десантный

С таким боевым, оптимистическим настроением я приближаюсь к реке. Речушка — одно название. Воды в ней — по колено в самые дождливые дни. А в ширину ее можно переплунуть. Вообще, насчет рек на Западе слабовато, не то что у нас, в России. И реки тут какие-то смешные. Текут вровень с берегами, а то и выше. Скрываются под дома и вылезают из-под них в самых неожиданных местах. Иногда они текут вверх по течению. Я обратил внимание Циника на этот феномен природы. Он сказал, что это происходит лишь на данном маленьком отрезке, что за поворотом река снова течет вниз, но вдвое быстрее обычного.

На берегу речушки, недалеко от моста, названного именем какого-то выдающегося деятеля (стоило трудиться из-за такого пустяка!), расположены казармы воинской части, специализирующейся на преодолении водных преград. Каждое утро солдаты надевают ярко-оранжевые спасательные жилеты, вытаскивают надувные лодки, спускают на воду и с воплями забираются в них. С пивными банками. Но без оружия. Начинается переправа на другой берег. Лодка цепляется за дно. Часть солдат вылезает, чтобы столкнуть лодку на более глубокое место. Лодка опять застревает. На сей раз приходится вылезать всем, кроме одного, и нести

лодку до берега на руках. Оставшийся в лодке паясничает. Солдаты ржут. Роняют лодку. Клоун падает в воду. Начинается дикое веселье. На берегу собирается толпа зевак и комментирует происходящее. Основной мотив комментариев: армия обходится дорого, ее следует распустить, оставив минимум. Смотреть на все это и слушать — комично и вместе с тем жутковато. С такой жалкой армией советские войска не остановишь. А тут даже на нее жалеют лишний пфенниг потратить.

Переправившись на другой берег, солдаты устраивают «привал», кричат, пристают к женщинам, хохочут, пьют пиво, поют песни. Морды сытые. Разодеты так, что и на солдат не похожи. Перед обедом они «переплывают» обратно. И больше их у реки не видно.

«Ничего, голубчики,— думаю я, глядя на этих сытых и самодовольных парней,— загорайте, горланьте песни, пейте пиво, тискайте девок. Наслаждайтесь! Скоро этому придет конец. Это говорю вам я — представитель могучей армии плохо откормленных, плохо одетых, незагорелых, не знающих женщин парней, армии, которая давно готова к походу. Когда-то наши отцы пели: «Если завтра — война, если завтра — поход, будь сегодня к походу готов!» Когда война началась, оказалось, что они к походу готовы не были. Мы извлекли урок из их ошибок: сразу же после окончания их страшного похода мы начали готовиться к новому, еще более страшному. И мы уже готовы. А если люди сегодня готовы к походу, то завтра они непременно ринутся в него — готовность к походу нельзя сдерживать слишком долго. Мы давно в обороне. Но запомните: постоянная оборона есть нападение. Преждевременная оборона есть тоже нападение. И чрезмерная оборона есть тоже нападение».

Я проходил службу в армии в сравнительно неплохих (по нашим понятиям) условиях. Однажды офицер из Москвы прочитал нам лекцию о том, как в американской армии готовят специальные подразделения к операциям в трудных условиях. Эти «трудные условия» показались нам курортом сравнительно с нашими нормальными. Вот в чем дело! То, что для нас есть нормальная жизнь, с точки зрения Запада есть жизнь в кошмарно трудных условиях. В этом наше преимущество. Мы имеем не жалкую предвоенную тренировку к

«трудным условиям», а гигантский исторический опыт жизни в сверхтрудных условиях. Нам не надо готовиться к войне, ибо мы всегда к ней готовы.

Интеллектуальный поединок

Сейчас мне предстоит то, что в шпионских романах называют интеллектуальным поединком. Я скажу моим противникам, что я — асс. Буду рассказывать о других ассах, работающих здесь, о современных методах советской активности на Западе. Они не поверят ни одному моему слову. Будут ловить на противоречиях и ставить ловушки. Зачем? Затем, чтобы разоблачить меня как асса! Вы можете разрешить эту ситуацию? Я лично не способен. Слишком уж разные у нас позиции. Я — носитель трагедийной линии истории, а они — опереточной. Но воспринимают они наши роли как раз наоборот. А я не протестую. Я сам валяю дурака. И считаю их дураками, как и они меня.

Я хожу на такие поединки как на работу. Допрашивающие не обращают внимания на то, что я сам считаю важным и что на самом деле важно, слушают меня со скукой и насмешкой, постоянно прерывают и начинают копаться в пустяках. Потому буду приводить наши беседы в литературно отредактированном виде и в самом существенном с моей точки зрения. Их отчеты о беседах со мною наверняка выглядят совсем иначе. В их отчетах я выгляжу как недалекий, скользкий, лживый тип, а они — как умные и прозорливые следователи, постоянно припирающие меня к стенке, срывающие с меня маску и выводящие меня на чистую воду. Ничего нового для меня в этом нет — я к таким явлениям с детства приучен в Москве.

— В прошлый раз Вы упомянули о некоем Комитете интеллектуалов (КИ) при руководстве КГБ. Что это за организация?

— Это — неформальная группа. Участники ее не являются сотрудниками КГБ. Они работают в других учреждениях и имеют самые различные профессии. За участие в КИ они не имеют дополнительного вознаграждения. Это энтузиасты. Они удовлетворяются самой интеллектуальной игрой, сознанием причастности к высшим сферам, сознанием приносимой пользы. Они

заинтересованы в создании у высшего руководства верного представления о положении в стране и о международной ситуации, а также в изобретении эффективных мер для улучшения этого положения. Организатором и вдохновителем КИ был мой друг...

— Вы тоже были членом КИ?

— Я дружил с Вдохновителем и другими членами КИ. Обсуждал с ними различные проблемы. Но членом не был.

— Почему?

— Просто так получилось. Я сам не стремился к этому — не было надобности. К тому же я был точкой поступления информации, что исключало возможность членства КИ.

— Что это такое?

— У членов КИ была сеть специально отобранных информаторов, через которых они собирали сведения, нужные для их интеллектуальной деятельности.

— Осведомители? Стукачи?

— Нет, совсем другое. Просто у членов КИ намечались вопросы, на которые они хотели получить ответы с учетом правил конкретной социологии. Информаторы отбирались так, чтобы их сведениям можно было доверять. Например, присвоили Брежневу звание маршала. У меня раздается телефонный звонок. Звонит Вдохновитель. Спрашивает: что я думаю по сему поводу? А я — представитель определенных кругов общества, мое мнение характерно для них. Вдохновитель знает, что я не буду изображать из себя «честного коммуниста», а скажу, что думаю на самом деле. Я знаю, что мне за мой ответ абсолютно никакого наказания не будет. И я отвечаю: эти идиоты (я имею в виду членов Политбюро) совсем рехнулись. Аналогичные вопросы были по поводу речей Брежнева, постановлений ЦК, диссидентов. Но выполнение таких заданий было для Комитета делом второстепенным.

— А что было первостепенным?

— Обдумывание политических проблем стратегического уровня. Например, план превращения последней эмиграции в операцию был сначала обдуман в КИ.

— В чем конкретно состоял план?

— Превратить спорадическую эмиграцию в массовую.

— Насильную?

— Нет, спровоцировать добровольную массовую эмиграцию. Сделать так, чтобы сотни тысяч людей захотели эмигрировать.

— С какой целью?

— Очистить страну от нездоровых элементов. Лишить их социальной базы в стране. Засылать агентов на Запад. Увеличить число носителей советизма на Западе. Это форма проникновения во вражеское тело. Показать Западу подлинное лицо оппозиции. Посеять склоки в среде диссидентов. Вызвать раздражение на Западе. Внушить Западу ложные взгляды на советское общество. Замутить воду и ловить рыбку в ней. Очень удобно со многих точек зрения.

— Насколько этот план оправдался?

— На сто процентов. Достигнуты производные результаты, на которые заранее не рассчитывали. Например, растерянность Запада перед лицом наплыва советских эмигрантов. Растерянность западных разведок в борьбе с советской активностью на Западе.

— В каких масштабах мыслилась эта операция?

— Мы советовали выбросить на Запад, по крайней мере, миллион человек, главным образом — евреев. Но высшее руководство испугалось этой цифры и остановилось, как обычно, на полпути.

После беседы о КИ разговор опускается на обычный банальный уровень.

— Когда началась Ваша деятельность в КГБ?

— Она еще не началась. Я много лет работал на КГБ, как и многие другие советские люди. Но я никогда не работал в КГБ. Я дал согласие стать советским агентом с целью получить разрешение на эмиграцию.

— Вы были осведомителем КГБ? Какая у Вас была кличка?

— Я не был осведомителем КГБ.

— Этого не может быть!

— Не все советские люди суть осведомители КГБ. Любый советский человек в принципе может быть использован КГБ для получения информации или для какой-то операции. Но это другое дело. КГБ, например, использует западные разведки в своих интересах. Выходит, по-вашему, и они...

— Вам предлагали стать осведомителем?

— Затрудняюсь ответить. Иногда это делается в за-

вуалированной форме, так что формально это не есть предложение. Во всяком случае, я отказался.

— Не может быть!

— Согласие или отказ тут не играют той роли, какую им приписывают на Западе. Я знал людей, согласившихся быть осведомителями, но фактически не ставших ими, и людей, отказавшихся, но фактически работавших на КГБ. Теперь многие выполняют поручения КГБ, формально не сотрудничая с ним. Я, например, писал отчеты для Президиума Академии Наук, которые автоматически шли в КГБ.

— Так, значит, вы все-таки сотрудничали с КГБ! Вы не до конца искренни с нами.

— Сформулируйте мне «конец искренности», и я обещаю дойти до него без колебаний и даже пойти дальше.

Они не поняли двусмысленности мой просьбы.

Об искренности

Искренен я с моими собеседниками или нет? Ни то, ни другое. Понятие искренности вообще лишено смысла в применении к идеологическому сознанию гомососа. Когда я решил эмигрировать, один мой старый знакомый сказал: значит, ты теперь будешь нашим врагом. А ведь он не дурак. И не на партийном собрании выступал. А другой знакомый именно после партийного собрания, на котором меня заклеили как предателя, с чувством пожал мне руку. Разумеется, когда не было свидетелей. Кто из них был искренен? Все зависит от обстоятельств, в которых гомосос проявляет свои качества. Он гибок и ситуационен. Его реакции всегда естественны, но не единственно возможны. В нем нет ничего такого, что считают «подлинным», ибо «подлинность» есть лишь одна из исторических возможностей, возведенных в воображении людей в абсолют. Но в нем все естественно в смысле соответствия условиям его жизни.

Первый мой знакомый отнесся ко мне как к врагу не потому, что он переживал за советский строй, а потому, что я нарушил общепринятую норму и поступил не по-советски. Он это лишь облек в идеологическую форму «враг». Он не испытывал ко мне тех чувств,

какие положено иметь по отношению к врагу. А второй мой знакомый посочувствовал, не испытывая реального сочувствия. Он в такой форме выразил одно из своих разнообразных отношений к советскому строю. Оба на самом деле испытывали по отношению ко мне те чувства, какие бывают у массы людей к нестандартно поступающему члену их коллектива, — недоумение, любопытство, раздражение, зависть, злоба, сочувствие к себе... Эту реакцию нельзя определить одним каким-то привычным языковым выражением. И так — во всем.

Так что нелепо требовать от гомососа искренности. Он бы рад быть таким, но не умеет, ибо не считает, что он всегда искренен. А если он готов одну искренность через минуту сменить на другую, так это не есть признак неискренности. Инструктировавшие меня сотрудники КГБ ни разу не советовали мне обманывать тех, кто будет меня здесь допрашивать. Эти сотрудники КГБ суть опытные гомососы. Они знают, что нам такие советы давать не нужно, поскольку мы с детства натренированы не обманывать, а вводить в заблуждение путем использования правды. Когда мои допрашиватели намекнули мне насчет лжи, я рассмеялся. На сей раз они поняли меня и сами сочли свою идею бессмысленной.

О сотрудничестве с властями

Сотрудничал ли я с КГБ? Если быть научно строгим, то я не сотрудничал ни с кем. Гомосос на самом деле не сотрудничает с властями. Он участвует во власти — вот в чем суть дела. Он лишь реализует свои собственные потенциальные и актуальные функции власти. Отчеты штатных осведомителей, доносы добровольцев и энтузиастов, сообщения официальных лиц, публичные разоблачения и прочие явления советской жизни суть лишь формы участия гомососов в системе власти.

Я, к примеру, несколько раз ездил за границу и по возвращении писал отчеты о поездках. Делал я это согласно инструкции, в которой, в частности, было следующее: «В беседах с зарубежными учеными широко пропагандировать достижения советской науки и ус-

пехи социалистического строительства в СССР, миролюбивую политику нашего государства. Разъяснять и популяризировать идеи новой Конституции СССР, при возникновении вопроса о «правах человека» исходить из нашей принципиальной позиции, изложенной в центральной печати. По возвращении из поездки в двухнедельный срок представить в Президиум АН СССР отчет о командировке». Я заранее подписывал бумагу, в коей были эти слова. Я заранее знал, что мой отчет пойдет в КГБ. А какая разница? Чем отличается Президиум АН СССР от КГБ? Я просто исполнял свой долг гомососа, допущенного до поездок за границу. Я стремился исполнять свой долг как можно лучше. И не вижу в этом абсолютно ничего безнравственного. Я презирал и презираю до сих пор всех тех, кто делал вид, будто делал аналогичные вещи нехотя и по принуждению. Я не верю им. Разве что им просто было лень писать такие отчеты или они не умели их делать хорошо.

Речь, обращенная к моралистам

В парке было пусто. Только утки. Они обступили меня, рассчитывая на хлебные крошки. У меня возникла острая потребность высказаться. И я прочитал уткам такую лекцию. Забавно: они не разошлись. Они терпеливо слушали и одобрительно (казалось мне) покрывали. Им, наверно, тоже было одиноко и тоскливо.

Вы, конечно, считаете, что мое поведение и поведение других гомососов в аналогичных ситуациях аморально. Но мы сами думаем иначе. Легко быть моральным человеком, живя в условиях, которые не вынуждают вас к морально осуждаемым поступкам. Вы сыты, хорошо одеты, имеете приличное жилье, имеете книги и другие развлечения. И вам кажется, что быть моральным — естественно и совсем не трудно. В самом деле, зачем быть, например, осведомителем КГБ, если вас никто не принуждает к этому и если нет никакого КГБ вообще? Все просто и ясно. Но если человек поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали, то бессмысленно применять к его

поведению моральные критерии. Человек в таких условиях самими условиями не просто освобождается от моральных норм, он освобождается от них в силу самих моральных соображений. Безнравственно требовать от человека быть нравственным, если нет минимума жизненных условий для того, чтобы от человека можно было требовать нравственности.

В этом месте утки закричали оживленнее обычного. Будто они поняли мои слова. Не ясно только, одобрили они мой тезис или осудили.

Гомососы рождаются, воспитываются и живут в таких условиях, что их в такой же мере нелепо обвинить в безнравственности или приписывать им нравственные добродетели, в какой нелепо рассматривать с моральной точки зрения поведение орд Чингиз-хана, древних египтян, инков и других аналогичных феноменов прошлого. Мне действительно однажды предложили быть осведомителем, и я отказался. Но я не чувствовал себя героем, вступившим в борьбу с некой зловещей и преступной силой. И не горжусь этим теперь. Мне тогда просто было ни к чему становиться осведомителем. Я от этого не выигрывал для себя ничего. И мне ничем не грозил мой отказ. Для вербовавшего меня офицера не было необходимостью привлечь именно меня. Он не настаивал. Как осведомитель я для него не представлял никакой ценности. А все, что ему нужно было узнать от меня, я мог сообщить ему и не будучи осведомителем. И я это сделал. И не испытал от этого душевных мук. И не испытываю угрызений совести теперь. Мое общение с КГБ было обычной советской рутинной, не подлежащей моральной оценке. Я согласился сотрудничать с КГБ перед выездом на Запад. Почему? Я мог иметь намерение честно работать на благо моей Родины. Нравственно это или нет? Я мог сделать вид, что согласен быть агентом, чтобы выбраться из застенков коммунизма и затем действовать против него. Нравственно это или нет? Я мог обмануть КГБ и западные разведки, которые априори считаются аморальными организациями, чтобы начать человеческую жизнь. Нравственно это или нет? Это лишь часть возможных вариантов рационального расчета. А в сознании гомососа все возможные варианты существуют актуально или потенциально в одно и то же время, перемешаны, сменяют один другого. В за-

висимости от ситуации та или иная комбинация начинает доминировать. И она начинает восприниматься как «подлинная натура» гомососа. И она на самом деле подлинная, но для данной ситуации, а не вообще.

Гомосос мыслит блоками мыслей и чувствует блоками чувств, для которых (для блоков в целом) еще нет подходящих названий. Благодаря этому он психологически и интеллектуально пластичен, гибок, адаптивен. Плохой сам по себе поступок не переживается гомососом как плохой, поскольку он переживается им не сам по себе, а лишь как элемент более сложного целого (блока), которое не является плохим как целое. Капля яда в сложном спасительном лекарстве не играет роли яда.

Вы считаете, что гомосос есть деградация. То же самое думали о наших вертлявых и неопрятных предках благородные представители животного мира — слоны, львы, тигры. А что получилось на деле? Гомосос не есть деградация. Это есть лишь временное отступление к основам человеческого существа с целью подготовиться к новому грандиозному скачку в развитии. Ясно?

Утки встревоженно забормотали что-то, но не разошлись. Моя идея их явно заинтересовала. Вдохновленный их криканьем, я перешел к следующему вопросу лекции.

Если поведение человека не определяется принципами морали, это не означает, что оно не регулируется никакими другими принципами. И это не означает, что поведение человека, определяемое другими принципами, хуже, чем поведение в силу морали. Такие средства управления поведением масс людей, как власть коллектива над индивидом, государственная идеология, принудительный труд и другие, являются в наше время гораздо более эффективными, чем призрачные и лицемерные средства морали. Кстати сказать, последние у нас тоже сохраняются, но как подчиненные первым. Например, обманывать безнравственно, и мы в своих доносах на ближних пишем только правду.

Вы думаете, западные люди нравственнее нас? Я могу назвать вам многочисленные аспекты жизни, в которых западные люди выглядят куда хуже гомососов.

Гомососы, например, гораздо отзывчивее к судьбе своих братьев. И не такие жмоты, между прочим. Но гомосос отзывчивее западного человека не в силу принципов морали, а в силу более высокого уровня коллективизма. Что лучше: быть равнодушным к судьбе ближнего в нравственном обществе или отзывчивым в безнравственном?

Утки слушали конец моей речи рассеянно, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая по сторонам. Мои критические замечания в адрес Запада им явно пришлись не по душе. Они поняли, что лакомых хлебных крошек им от меня не видать, и покинули меня, как только увидели пенсионера с кулечком.

Я и Циник

— Советским властям надо проявить выдержку и терпение в постепенном усилении эмигрантского вторжения на Запад, и тот вззоет. Какой был бы потрясающий эффект, если бы советские власти предложили Западу выпустить всех евреев из Советского Союза! Два миллиона!! Хотел бы я после этого посмотреть на физиономии западных политиков и борцов за права человека!

— Этот план обсуждался в Москве еще десять лет назад. И его сочли негодным. Так что затаенная мечта советского антисемита никогда не осуществится. Почему? Во-первых, Запад не способен принять такое число советских людей. Во-вторых, Советский Союз не способен выбросить такое количество людей на Запад.

— Чепуха! Только разреши, половина советских людей удерет на Запад.

— Вот что действительно чепуха. Число жаждущих выехать и способных выехать на самом деле зависит от числа граждан, которые уверены, что на Западе смогут жить лучше, и которые способны оторваться от родной среды. Таких людей не так уж много, мы это вычисляли. Кроме того, есть законы массовых явлений, которым подчиняется и эмиграция. Она уже идет на спад. Ее нужно искусственно подогревать. Как? Например — ограничения.

— Не могу понять, шутите Вы или нет. А какова Ваша собственная позиция?

— Шутить я не умею. Собственной позиции у меня нет. А если и есть, то, как в старом анекдоте, я с ней не согласен.

— Не понимаю.

— И не пытайтесь понять. Есть вещи, по природе своей не подлежащие пониманию. Просто ждите. И из множества такого рода примеров. Вы выработаете привычку относиться к происходящему именно так. И никогда не будете ошибаться.

— Чудо метод! И как же он называется?

— Диалектика. Диалектика, дорогой товарищ, есть на самом деле не только предмет насмешек со стороны тех, кто о ней знает лишь понаслышке. Диалектика есть метод двигаться вслепую, в незнакомом пустом пространстве, заполненном воображаемыми препятствиями, двигаться без опоры, без сопротивления, без цели.

— Вы говорите, как Христос.

— Вы угадали. Одно время мне приходилось читать антирелигиозные лекции от общества «Знание».

— Вы тоже еврей? Нет? А почему?..

— Потому что папа и мама...

— Почему вы эмигрировали?

— Поздно искать причины, пора искать оправдание.

— Не вижу разницы.

— Причины действуют до, а оправдание — после.

Я и Нытик

Недоумение Циника по поводу моей национальности понятно: представлять русский народ на Западе может кто угодно, кроме самих русских. Это вполне устраивает ЦК и КГБ. Один из инструктировавших меня сотрудников ЦК сказал, что «мы не допустим никакой национальную русскую культуру на Западе», что «наша общая установка — свести к нулю национальный русский элемент во всем, что делается на Западе на русском языке».

Вот идет Нытик. Он — полурусский и полуеврей. Еврейская половина позволила ему выбраться на Запад, а русская мешает устроиться тут. Потому он чувствует

себя не полурусским, а вдвойне русским. «Им что,— вздыхает Нытик, кивая на портрет Папы в газете,— их Папами выбирают. А мы хоть в лепешку расшибись, даже в кардиналы не пробьемся». Эта реплика Нытика весьма характерна. Согласно подспудным убеждениям гомососа, Папой сначала должен быть назначен советский человек, а уж потом — из братских социалистических стран. Религиозная принадлежность не играет роли: если нужно, ЦК кого угодно католиком назначит. Нытик ничуть не удивился бы, если бы Папой назначили (именно назначили) члена ЦК. Секретарь ЦК по идеологии, по совместительству исполняющий функции Папы,— это нормально. А то какой-то поляк! Безобразие! Куда смотрит КГБ?!

Друзья и враги

«Там ты окажешься в среде ярых антисоветчиков и антикоммунистов,— говорил Вдохновитель.— Вот здесь их продукция за последние пять лет. Полистай. Это — сплошное ге. Но познакомиться полезно — врага надо знать».

Я вспомнил об этом разговоре после звонка Дамы. Она сказала, что в одном учреждении нужен консультант-социолог, специалист по советскому обществу. Зарплата небольшая, но для одинокого советского человека больше чем достаточно. Снимете уютную квартиру... «И первым делом,— сказал я,— приглашу вас в гости».— «Заранее согласна,— захихикала она.— Буду тебя (уже «тебя») рекомендовать! Смотри, не подведи». «Приложу усилия»,— заверил я ее. Полистав литературу, какую мне тогда предоставил Вдохновитель, я с первых же страниц заметил, что для этих людей открыто выраженный антисоветизм и антикоммунизм играет чисто прагматическую роль: они таким путем выражают готовность служить своим хозяевам. А что на самом деле вредно и что полезно Москве, им на это наплевать. Если они сочтут, что истина «два плюс два равно четыре» полезна Москве, они будут считать агентом Москвы того, кто эту истину высказывает. «Неужели,— подумал я,— вырвавшись из болота идиотизма, пошлости и лжи советской идеологии, я буду вынужден окунуться в еще более глупое,

пошлое и лживое болото антисоветизма?! Что угодно, только не это!»

Но в учреждение, адрес которого мне дала Дама, я все-таки пошел. Принял меня человечек, очень похожий на заместителя отдела пропаганды ЦК. Я даже вздрогнул, увидев его: неужели это Он?! Человечек с места в карьер прочитал мне нотацию о том, что я обязан делать, дабы сокрушить «нашего общего врага». Точь-в-точь как в родном ЦК. Я терпеливо выслушал Человечка. Согласился с его лозунгами. Сказал, что готов начать активную борьбу против Москвы хоть сию минуту. Но я не политик. Я ученый. А позиция науки не всегда совпадает с текущей политикой. Вот вы критикуете Советский Союз и призываете Запад к санкциям против Москвы. Вы вроде бы наносите ущерб Москве. А наука говорит другое. Советская атака на Запад захлебнулась из-за недостатка внутренних сил. Советскому руководству следовало бы остановиться и даже отступить, дабы избежать катастрофы и лучше подготовиться к новой атаке. Критика недостатков советского строя и более твердая позиция Запада вынуждают советское руководство к более гибкой политике как вне, так и внутри страны. Вы думаете, советское руководство не извлекает уроков из происходящего? Уверяю вас, даже диссидентское движение в огромной степени способствовало укреплению советского режима. Коммунизм вообще и Советский Союз в частности суть ваши враги. Врага надо знать объективно и беспристрастно. Я ученый, повторяю, я не политик. Я могу помочь вам познать вашего врага на уровне серьезной науки. В нашем деле, сказал он, нельзя быть беспристрастным. Врага своего мы знаем не хуже вас. Нам нужна активная борьба. Нам нужны исполнители. Здесь ведь не Академия Наук. Но мы о вашей кандидатуре подумаем. Через несколько дней я узнал, что место, на которое я претендовал, предоставили недавно эмигрировавшему из Ленинграда математику, подписывавшему крикливые статьи в нелегальном диссидентском журнале. Дама обиделась на меня, сказала, что я зря «умника из себя строю», что «с волками жить — по-волчьи выть». Она, конечно, права. Но мне так не хочется жить с волками.

Писатель

В городе живет наш бывший писатель. Не бывший писатель, а бывший наш. О существовании такого советского писателя я впервые узнал здесь. История его проста и печальна. В Москве он печатался, но желаемого успеха не имел. Сочинил что-то разоблачительное и напечатал на Западе. Получил несколько хвалебных рецензий. Воспринял это как мировую славу. Начал скандалить. Вызывался на допросы. Ему предложили выехать в Израиль, хотя он русский. Он согласился. И вот влачит теперь жакое существование здесь (конечно, не в Израиле). Утешает себя тем, что за ним здесь не следит КГБ, хотя именно здесь он находится под строжайшим надзором КГБ. Испытывает удовольствие от того, что в Союзе «жрать совсем нечего». В интервью для печати заявил, что только здесь получил возможность писать все, что хочет, и так, как хочет. Судя по его продукции, однако, он еще сам не знает, что именно он хочет писать и как. Он оказался в положении глухонемого, которого вытолкнули на сцену оперного театра и сказали: пой, что хочешь и как хочешь. Хорошо еще то, что театр оказался пуст: сочинения Писателя никто не хочет читать. И печатать вроде тоже уже не хотят.

Вообще-то говоря, в городе живет несколько бывших наших писателей, в том числе — один известный. Но мне доступ к нему закрыт, поскольку он боится, что я попрошу у него денег. А прочих я сам видеть не хочу, поскольку боюсь, что они попросят у меня денег.

Шеф

Писатель пригласил меня в ресторан. С ним пришел Шеф. Платил Шеф, иначе Писатель ни за что не пригласил бы меня. Шеф спровоцировал разговор о различии советского и западного образа жизни. «Вот такой ресторан, как этот, — сказал я, — и такое обслуживание на Западе есть явление обычное. Когда у вас победит коммунизм, такого уровня рестораны исчезнут совсем, а число ресторанов вообще сократится во много раз. Попасть в ресторан будет трудно. Готовить будут плохо, а обслуживать еще хуже. Обслуживаю-

щий персонал увеличится раз в пять или даже в десять, а обслуживать вас будут во много раз медленнее. Будет хамство, будет обман, будет...» — «Но почему?! — воскликнул Шеф. — Разве нельзя будет сохранить то, что мы имеем сейчас здесь?» — «Нет, — ответил я, — ибо такие учреждения будут организованы и будут работать по общим принципам учреждений коммунистического общества. Будет установлен определенный штат сотрудников ресторана и определенная система управления. Кстати сказать, условия работы будут много легче, чем здесь сейчас, — главный соблазн коммунизма. Будет установлена твердая зарплата сотрудникам, будет установлен план работы учреждения, будет указана доля продуктов и место их получения, будет установлена технология производства. Исчезнет конкуренция. Доходы сотрудников уже не будут зависеть от их личной инициативы и риска, от качества пищи, от меню, от качества обслуживания. Всякого рода нелегальные доходы будут приносить много больше прибыли, чем добросовестный труд, качество пищи и обслуживания. Попробуйте, поставьте себя на место директора в таких условиях или на место официанта, и вы сами без труда выведете все следствия, ставшие привычными в Советском Союзе. И нечто подобное произойдет со всеми прочими факторами повседневной жизни». — «Не мешало бы западным людям почаще давать такие пояснения, — сказал Шеф. — Может быть, угроза потери вкусного бифштекса заставит их более серьезно задуматься над перспективами коммунизма, чем угроза потери гражданских свобод».

Диалектика как метод обмана

Я чувствую, что мне противостоит интеллект, но совсем иного типа, чем мой собственный. Он не сконцентрирован в одной личности, а рассеян во всем окружающем пространстве. Он не окрашен никакими эмоциями. Педантичен. Примитивен. И одновременно грандиозен. Будто меня рассчитывают на вычислительных машинах. А если и в самом деле так? В студенческие годы я увлекался проблемой: может ли человек обмануть «думающую» машину, которая умнее его? Тог-

да я пришел к выводу: для всякой совокупности заданных условий может быть найден прием обмана «думающей» машины. Под обманом я имел в виду навязывание машине такого вывода из данной информации, который сам обманывающий оценивает как обман. Но тут есть одна трудность. Чтобы обмануть машинно думающего противника, я сам должен знать, какие выводы следуют из моего поведения и какие выводы я хочу навязать ему как ошибочные с моей точки зрения. А если у меня самого нет ясности о своих намерениях? Значит, мой противник вычисляет не меня, а фикцию меня. И я буду внушать ему лишь фикцию ошибки. Логически есть только один способ преодолеть эту трудность: некоторое множество утверждений формулировать так, чтобы они имплицитно содержали в себе свое отрицание, и некоторые поступки совершать так, чтобы они допускали противоположные истолкования.

Допрос

Мои беседы с проверяющими меня лицами лишь с натяжкой можно назвать поединком, так как беседуют со мной в общей сложности человек десять. Беседуют обычно в разных комбинациях по двое и по трое. Я мог бы подладиться к ним — изобразить недалекого и безнравственного проходимца. Но тогда они утратили бы ко мне интерес. Тогда мне пришлось бы уехать туда, где моя эмиграция потеряла бы смысл. Я чувствую, что избрал правильную линию поведения. Надо ее держаться вплоть до получения политического убежища. А это зависит от моих собеседников.

— Кто ваши родители?

— Отец инженер, мать домашняя хозяйка.

— Коммунисты?

— Отец был членом партии, мать — беспартийная.

— Был. Исключен?

— Умер. И мать тоже.

— А родители родителей?

— Крестьяне. Родители родителей тоже крестьяне.

Прародители согласно советской идеологии были обезьяны, а согласно западной — Адам и Ева,

— Евреи?

— В России крестьяне не могли быть евреями.
— Да, в царской России крестьянам действительно было запрещено быть евреями.
— А при советской власти стало наоборот: евреям запретили быть крестьянами. Рабочими тоже.
— Да, у вас там процветает антисемитизм.
— Зато все диссиденты обязаны быть евреями.
— Именно национальные конфликты разрушают советский режим, в особенности — восстания мусульманских народов. Скоро их будет большинство в Советском Союзе, и тогда...
— Русским придется восставать против засилия мусульманских и прочих народов.
— Ваш отец был членом КПСС. С какого года? Какие функции выполнял в партии?
Вот таким образом разговор тянется четыре, шесть, а иногда — восемь часов. Я без конца повторяю, как пошел в школу, как вступил в комсомол. Конечно, добровольно. В комсомол вообще вступают добровольно. И не всякого туда принимают. Они не верят. «Раз для института нужна комсомольская характеристика, — говорят они, — значит, вы вступали в комсомол из шкурнических соображений». Я заметил им, между прочим, что они ходят в галстуках и пиджаках, хотя на улице жарко. Почему бы это? Из шкурнических соображений? До них не дошло, но они на всякий случай обиделись. Та же проблема добровольности и шкурнических соображений возникла в связи с моим вступлением в партию. Все мои попытки объяснить им суть и положение партии в советском обществе, смысл членства партии, отношение идеологии и морали в советском обществе потерпели полный крах. Все было бы ясно, если бы я сказал, что вступил в КПСС в интересах карьеры. Но я никакой карьеры не сделал и не стремился делать. Членство партии мне ничуть не мешало. Наоборот, оно делало жизнь чуточку интереснее. И никакого «двоемыслия» не было. «Двоемыслие» вообще есть выдумка западных людей, ничего не понимающих в советском образе жизни и советских людях. Я — коммунист, но не в том смысле, что верю в марксистские сказки (в Советском Союзе в них вообще мало кто верит), а в том смысле, что родился, вырос и воспитан в коммунистическом обществе и обладаю всеми существенными качествами советского человека.

Что это за качества? Например, если они еще будут приставать ко мне с вопросами о моей партийности, я пошлю их на... Они рассмеялись, ибо это русское слово из трех букв знали хорошо. Но смеялись они не над тем, что я его употребил, а над тем, что оно у нас считается неприличным.

С чего все началось

Меня попросили рассказать о подготовке таких советских агентов, как я. Обычный советский человек, — сказал я, — всем ходом своей жизни обучается три дела делать без специальной подготовки: руководить, критиковать режим и быть агентом КГБ. Допрашивающие посмеялись, но попросили все же рассказать, как меня вербовали и инструктировали. Выполняю их просьбу.

Это был обычный присутственный день, т. е. день недели, в который я обязан был явиться в свое учреждение и расписаться в книге прихода-ухода. Если никаких заседаний в такой день не было, я тут же покидал учреждение и занимался тем и там, чем и где сочту нужным. Обычно я возвращался домой, кое-что писал. Делал я это процентов на десять из тщеславия, процентов на пятьдесят — по привычке и от нечего делать, процентов на сорок — чтобы выполнить мой индивидуальный план в учреждении и сохранить свое удобное положение старшего научного сотрудника. Это положение я занял всего три года назад и очень дорожил им, поскольку моя зарплата резко увеличилась, и я получил два библиотечных дня в неделю. Библиотечные дни — это дни, когда мне не нужно было даже расписываться в книге прихода-ухода. Обычно я в эти дни спал до полудня, а потом использовал время по своему усмотрению. Несколько дней в месяц мне все же приходилось проводить в учреждении. Это дни, когда бывали деловые заседания, партийные и профсоюзные собрания, ученые советы, вызовы в дирекцию и прочие пустяки. Пара вечеров в месяц пропадала на общественной работе, один день — на чрезвычайные события (встреча или проводы важных персон, работа на овощной базе или субботник). Жизнь была, короче говоря, — умирать не надо. Я лишь после

того, как лишился этого, понял, что именно потерял. Если бы я здесь получил кафедру или даже целый институт, я не приблизился бы и на половину к тому блаженному положению, какое занимал в Москве. А вы еще спрашиваете, почему наш народ поддерживает советский строй.

Итак, это был обычный присутственный день. Пришел я в учреждение, расписался в графе прихода (и заодно — в графе ухода). Решил по городу поболтаться. Начал компаньона подыскивать. Но мои обычные спутники куда-то исчезли, а с кем попало идти не хотелось. Я позвонил Вдохновителю. «Скучно,— сказал,— может быть, встретимся?» — «Идет,— сказал он.— Через полчаса у «Националя».

Компаньон

Вот, между прочим, еще одно великое достоинство советского образа жизни: если вам нечего делать (а это бывает часто), и вам хочется найти компаньона по безделью (а бездельничать в одиночку трудно), вы всегда найдете такого же бездельника-трепача, как вы сами, который способен убить на болтовню с вами целый день. На Западе такое исключено. Хочешь с кем-то поговорить, назначай точное время. Полчаса или час прошло, и прощай. Здешние бездельники почему-то все ужасно занятые люди. За все время жизни здесь мне не удалось ни разу побродить-поболтать с местными бездельниками. Только с нашими отечественными. А они под влиянием Запада тоже начали изображать занятость. Скучно, господа! Что это за жизнь? Ради чего все происходит?

Устроились мы с Вдохновителем в «Национале». Немного выпили. Слегка закусили. Заказали еще. Опять-таки наше советское явление — кутить до последнего и сверх того, в долг. Здесь же — выпили по стаканчику, сожрали по бифштексу, и гуд бай. А там, у нас, — до закрытия, до выворачивания карманов. Это я только сейчас начал понимать достоинства советской жизни. А тогда я это ни в грош не ценил. Как говорится, что имеем — не жалеем, потеряем — плачем.

— Скучно,— сказал я.— Люди по Парижу бродят, устрицы жрут, с негритянками спят, «Плейбой» листа-

ют. А мы?! Тоска зеленая. И впереди ничего не светит. Ты помог бы мне, что ли, за границу на пару недель съездить. Кстати, почему меня перестали пускать? Я же языки знаю. Отчеты километрами могу строчить. Не сбегу.

— Кто-то «телегу» на тебя накатал. Но у меня есть идея насчет тебя. И то, что тебя перестали пускать, в твою пользу. За диссидента сойдешь.

— Не хочу в диссиденты.

— Не дури. Если надо, и диссидентом станешь. Ходит слух, что ты — полуеврей.

— Чушь!

— Знаю. Слух есть, и это хорошо. А что, если ты захочешь на родину предков?

— Ни под каким видом!

— Израиль — только для проформы. Осядешь в Европе. Мир посмотришь. Устриц пожрешь. С негритянками переспшишь. Свобода. Романтика. Красота. Что тебе еще нужно?!

— Кто мне пришлет приглашение? И кто поверит, что я — еврей?!

— Приглашение получишь в два дня.

— Моя бывшая жена не даст разрешения. Все алименты потребует вперед.

— Это мы уладим.

— Но меня же там сразу арестуют!

— Не надейся.

— А цель?

— Вот тебе телефончик. Позвони завтра утречком.

Решающий разговор

На другое утро я позвонил по телефону, который мне дал Вдохновитель. Через час я сидел в кагебевской квартире, предназначенной для встреч офицеров КГБ с интересующими их людьми и с осведомителями, и беседовал с... Назову этого человека, допустим, Генералом. «Мы вас изучаем давно,— сказал Генерал. Ваша кандидатура одобрена самим... Что от вас потребуется сейчас? Познакомьтесь с... (он назвал имена диссидентов, делающих какой-то нелегальный журнал). Дадите им в журнал критическую статью. Подпишете какое-нибудь обличительное письмо или воз-

звание. Из партии вас исключат, с работы уволят. Будет обыск, допрос, в общем, все, что положено для создания репутации диссидента. Указать точное место жительства на Западе мы вам не можем — это зависит от стечения обстоятельств. Ваша задача — зацепиться где-то, осесть достаточно прочно и найти источники существования. Живите. Наблюдайте. Знакомьтесь с людьми. Одним словом, действуйте сообразно обстоятельствам... Вы должны раз и навсегда понять следующее. Миру предстоят невиданные ранее битвы за жизнь. Мы обязаны быть готовыми к ним в любую минуту и прежде других. Потому мы должны уже сейчас проникнуть во все поры Запада. Мы должны знать о нем все. Должны использовать любые возможности, чтобы ослабить и деморализовать его, разрыхлить, разъединить, посеять хаос и растерянность, запугать. Должны взять у него все, необходимое нам для существования и подготовки к будущим сражениям с ним. Вы — солдат нашей Великой Армии, наступающей на Запад, авангард нашей атакующей армии... Потом Генерал велел помощнику устроить мне встречу с бывшим советским шпионом, работавшим много лет в Западной Германии.

Разговор с бывшим шпионом

— Почему вы работали в Западной Германии? Вы же русский. Неужели восточногерманских шпионов не хватает?

— Хватает. Но они используются нами в основном для отвлечения внимания и политических акций. Самые важные дела мы делаем сами.

— Странно. Мне казалось, что...

— То, как у нас представляют деятельность наших шпионов на Западе, не имеет ничего общего с реальностью.

— Так уж и ничего. Хотя бы что-то похожее должно быть...

— Конечно, в каких-то пустяках сходство есть. Но по существу, повторяю и настаиваю, ничего похожего. Я ведь больше десяти лет проработал в Западной Германии.

— А где вы там были?

— Жил в М. Город сравнительно небольшой. А знаете, сколько там было наших штатных разведчиков? Больше десяти было только в моей группе. А кто знает, может быть, там были еще и другие. И по крайней мере, двадцать человек оказывали нам отдельные услуги.

— Кошмар! На такой городишко — и такая огромная шпионская сеть! Это же очень дорого!

— Кто это вам сказал, что дорого?! Нашему государству это ни копейки не стоило. Мы же все работали в немецких учреждениях и фирмах и получали за это немалые денежки. Так что нас содержала сама Германия. Более того, многие из нас даже сдавали часть заработанных денег государству. Нашему, конечно. Один из наших агентов, например, работал профессором в университете. Имел пять тысяч марок в месяц. После выплаты налогов, страховки и платы за квартиру у него оставалось чистыми две с половиной тысячи. Так вот тысячу он сдавал. А другой наш агент прошел даже в правление крупной фирмы и сдавал ежемесячно три тысячи марок.

— А эти двадцать помощников — кто они? Добровольцы? По принуждению?

— Кто как. Отчасти добровольцы, отчасти вынужденно, отчасти даже не ведая того.

— А как вы там оказались?

— Сопровождал группу наших ученых на конгресс и, как говорится, избрал свободу.

— Но ведь немцы тоже не дураки. Они должны были догадываться, кто вы такой.

— А я и не скрывал. Вы начитались наших книжек и посмотрелись наших фильмов и думаете по наивности, что надо свою причастность к КГБ скрывать. Как раз наоборот. На Западе больше любят причастных, чем чистеньких. Чистеньким не верят. Вот, представьте себе, вы — сотрудник ихней контрразведки. Я прихожу и говорю, что я — офицер КГБ, хочу остаться здесь, готов рассказать все, что мне известно. Что вы делаете? Проверка? Проверяйте! Вся моя информация будет достоверной и даже весьма ценной. Будете подозревать и следить? Подозревайте и следите! А что это вам даст? Немцы все время моего пребывания в М. были уверены, что я остался с заданием. Но им было выгоднее иметь такого нашего шпиона, как я, чем та-

кого, которого надо еще выявлять. Кроме того, я им тоже время от времени оказывал услуги, и они закрывали глаза на некоторые мои делишки. Они ведь тоже люди, им ведь тоже нужно перед своим начальством изображать успешную деятельность.

— А почему вы вернулись? Провал?

— Нет, провалы практически исключены. Приехал в Москву отдохнуть, семью повидать. А тут нашелся претендент, который захотел пожить на Западе и сделать за счет этого скачок в карьере здесь. У него оказались сильные покровители. И его послали вместо меня. Придрались к моему маленькому пьяному скандальчику здесь.

— И этот человек попал на ваше место?

— Нет, конечно. Тут есть своя техника. Я вернулся в Германию. Под подходящим предлогом уволился из фирмы, где работал. Переехал сначала в Англию, затем — в Москву. Просто мой пост переместили в тот город, где удалось зацепиться моему преемнику. На Западе это не проблема.

— Был ли у вас там страх разоблачения?

— Разоблачения теперь суть особые политические акции. Если бы меня избрали для разоблаченного шпиона, получил бы срок. А тюрьмы у них — что наши санатории. Потом обменяли бы на своего шпиона или предложили бы работать на них и выпустили бы. Время романтических шпионов прошло.

— А как насчет конспирации?

— Ты можешь на всю Европу кричать, что ты — советский шпион. Плакат можешь носить «Я — советский шпион». Посмеются, в газетах, может быть, напечатают. Не в серьезных, конечно, в бульварных. И все! Даже обидно.

— Так, значит, никакого риска? Никаких трудностей? Сплошной курорт?

— И риск есть. И трудности. Но совсем другие. Это надо испытать на своей собственной шкуре.

— А вообще, стоит это дело того, чтобы?..

— Конечно, стоит! Если есть хоть малейший шанс, соглашайся на любых условиях! Лучше там подохнуть, чем тут прозябать.

На высшем уровне

Перед отъездом со мной беседовало высокопоставленное лицо. Назову его Секретарем. В кабинете висел огромный портрет Брежнева, поменьше — Ленина, и еще меньше — Маркса. Портрет Маркса выглядел тут совсем неуместным. Казалось, что Маркс заговорщицки смотрит на меня, понимает мое положение и сочувствует. «Соглашайся на все,— выражал его взгляд,— на Западе при всех обстоятельствах жить лучше, чем здесь, на родине воплощения моих идей. И постарайся внушить западным идиотам, чтобы они позабыли мои дурацкие идеи». Секретарь говорил обычные банальности, пожелал мне успеха и оставил наедине с помощником.

— Неужели он каждого так напутствует?

— Только в порядке исключения.

— Расшифруй мне смысл напутствия.

— Старайся там замутить воду. Говори так, чтобы нельзя было понять, где правда, а где ложь. Когда в массах людей наступает помутнение умов, их легко направить в нужном нам направлении.

— Но ведь этим помутнением может воспользоваться и противник!

— Он и пользуется этим. Но для себя, а не против нас. И надо изо дня в день внушать западным людям, что мы всесильны.

— Но это может пробудить страх и усилить бдительность!

— Верно. Но в большей мере это деморализует людей и облегчает работу. Люди охотнее помогают всесильному врагу, чем слабому другу. И не стесняйся насчет чепухи Побольше сенсаций. Например, известный тебе недоучившийся советский студент сболтнул невероятную чушь, будто Советский Союз скоро развалится и перестанет существовать. Хотя скорую кончину Советскому Союзу предрекали с первого дня его существования, хотя многие предрекатели сами были уничтожены и разгромлены тем же «колоссом на глиняных ногах», Запад не извлек из этого уроков. По поводу пророчества советского студента на Западе подняли невероятный шум. До сих пор успокоиться не могут. Еще бы! Это же так хорошо. Советский Союз без особых усилий со стороны Запада сам скоро

перестанет существовать. Китайцы сделают это на благо Запада. Так что можно по-прежнему жить на Западе на высоком бытовом уровне, не надо тратить на оборону, не надо себя ограничивать в быту, не надо служить в армии. Теперь все видят, что идея недоучившегося советского студента есть очередная чушь. И в Западной Европе боятся того, что в том году, в каком, по мысли студента, должен прекратить существование Советский Союз, сама Европа вряд ли уцелеет в нынешнем виде. Но эта идея свою роль сыграла. Она внесла свою долю в пацифистские умонастроения Запада. Такие сенсации нам очень полезны. Надо и впредь выдумывать нечто аналогичное и других на это провоцировать. Сейчас один наш «разоблачитель» готовит сенсационную книжку о психологическом и бактериологическом оружии у нас. Пусть готовит! Мы ему сами кое-какие материальчики подкидываем. Представляешь, какая там паника начнется, когда книжка появится! Надо, конечно, момент подходящий выбрать.

— А Сам знает об этой установке?

— А как же! Санкционировано на высшем уровне. Твоей миссии придается серьезное значение. Поздравляю. И желаю удачи.

Принципы отбора

Почему именно на меня пал выбор в КГБ, спрашивают меня. Я пожимаю плечами. Я устал объяснять банальные, с моей точки зрения, но непостижимые, с точки зрения моих допрашивателей, вещи. Если бы выбор пал только на меня, я бы, может быть, смог бы ответить на их вопрос. Но выбор пал на многих. Есть общие критерии отбора, касающиеся множеств индивидов. Но их нельзя непосредственно применять к каждому индивиду по отдельности. Про меня мог вспомнить какой-нибудь член КИ, и этого оказалось достаточно, чтобы включить меня в список кандидатов на засылку на Запад с целью проведения какой-то операции. И иногда судьба человека решается на уровне шутки. Рассматривают, например, группу «прохвостов» вроде Энтузиаста. «А что, если мы запустим на Запад этого параноика-еврокоммуниста,— говорит

член комиссии, склонный к юмору.— Представляете, как он там насиловать всех начнет! Взвоют!» — «Ха-ха-ха! Верно! — заливается смехом другой член особой комиссии.— И пусть он вывезет все свои «документы». Пусть там на этот маразм полюбуются!» — «Ха-ха-ха! Одобряю,— говорит усмехаясь председатель комиссии.— Пусть себе катится на свой желанный Запад. Атмосфера у нас чище будет».

А если уж вы хотите познать общие кагебевские принципы отбора людей для выброса и заброса на Запад, посмотрите на тех, кто на самом деле выехал, куда выехал, где и как пристроился, чем занимается, кому и как пакостит или помогает.

Гомосос

Когда я говорил допрашивающим, что гомососы суть прирожденные руководители, критики режима и агенты секретных служб, я не шутил. Я никогда не учился ни одной из этих форм деятельности, но мог бы исполнять любую. Некоторые сотрудники ЦК и КГБ начинали свою карьеру с критики режима. Вдохновитель в юности был членом «террористической» группы. Следовательно, который вел их дело, заметил способности Вдохновителя и привлек его к работе в Органах. Некоторое время его специализацией был внутренний терроризм. По окончании аспирантуры его перевели в отдел организации терроризма на Западе. Он ушел из этого отдела «по причинам морального порядка», что повредило его карьере. Я ему верю насчет «моральных» причин. Он — гомосос. А гомосос и не на такое еще способен.

Вдохновитель ушел из отдела терроризма действительно из моральных соображений. Но он осуждал не сами методы террора, а своих сослуживцев, которые работали плохо, занимались склоками и очковничеством. Он мечтал о создании эффективной службы по регулярному, а не спорадическому устранению видных личностей Запада. На первых порах, думал он, можно устранять по одной особе в месяц. Постепенно производительность можно довести до четырех персон в месяц. Через несколько лет Запад оцепенел бы от ужаса. Американских президентов можно

было бы стрелять ежегодно. «Это,— говорил он,— тренировка для начинающих».— «А зачем же их стрелять?» — спросил я. «А почему бы не стрелять, если есть возможность,— сказал он.— Лишь бы убрать, а пользу из этого мы какую-нибудь да извлечем».— «Чьих рук дело убийство Кеннеди?» — спросил я. «Мы сами ни к чему не прикасаемся руками в таких случаях,— сказал он.— Но ни одно крупное покушение в мире не происходит без нашего участия. Вспомни об Освальде. Пусть он — ширма. Но ведь чтобы план убийства Кеннеди зародился, нужен был человек вроде Освальда. Именно он заронил в головы тех, кто хотел убрать Кеннеди, мысль, что покушение можно изобразить как «руку Москвы». А это стимулировало саму подготовку покушения. Подать надежду заговорщикам свалить все на Москву, но исключить возможность сделать это официально,— вот эта задача уже для специалистов высокого класса. Желających совершать политические покушения в мире всегда достаточно. Суметь заметить их и направить, а самим вылезти сухим из воды,— тут нужна серьезная наука».

Мы

Газет и журналов пансионеры не читают — не знают западных языков и деньги экономят. Радио и телевидение не понимают по той же причине. Но несмотря на это, они знают все, знают лучше всех, знают заранее, ибо они — гомососы. Эпитеты «кретин», «недоносок», «дурак», «подонок» и прочие того же рода в отношении западных личностей они употребляют как нечто само собой разумеющееся. Смотрят, например, телевизор. Выступает известный политик. Входит апатичный Нытик. «Что вы этого дегенерата слушаете», — говорит он с презрением, хотя и не способен даже определить, на каком языке «этот дегенерат» говорит. Вскоре влетает возбужденный Энтузиаст. «А! — орет он,— вы этого болтуна слушаете! О чем он треплется? Об отношениях с Москвой? О-ха-ха-хи-хи-хе-хе-ха-ха! Такие глупости даже наши руководители изобрести не способны!» И что самое поразительное, пансионеры редко ошибаются в своих априорных оценках.

Другая существенная черта наших суждений — категоричность. В Иране революция? Запад сам виноват. Прохлопали, идиоты! Это дело рук Советского Союза. Попы во главе? Ну и что! Революция все равно коммунистическая. Врезать им надо, и дело с концом. Иранские студенты захватили американское посольство? Докатились, идиоты! Врезать им надо! Мотив «врезать» обычно доминирует. Врезать Советскому Союзу, врезать арабам, врезать неграм, врезать иранским муллам, врезать террористам. Врезать — и дело с концом. А то развели сопливую болтовню, смотреть стыдно! Хотя мы знаем, что Запад неоднороден, мы говорим о нем как о едином существе. Запад слаб, Западу это не по зубам, Запад докатился, Запад свихнулся, Запад зажрался, Запад капитулирует, Запад не способен, — без таких выражений не обходится ни один разговор.

И несмотря на это, мы не перестаем восхищаться Западом и только на него возлагаем надежды. «Запад, — говорит Нытик, — это сила! Они тут наверняка что-нибудь выдумают и дадут нам (имеется в виду Москва) по морде!» — «Запад еще скажет свое «нет!», — орет Энтузиаст. — Он еще покажет нам, как по-настоящему социализм строить надо!»

Допрос

Сегодня меня просят рассказать, что мне известно о подготовке советской агентуры для работы на Западе. Я рассказываю о специальных школах для западных коммунистов, террористов, лефтистов, пацифистов и прочей нечисти. Говорю о том, что незадолго до моего отъезда Вдохновитель вскользь упомянул о возможности покушения на одного видного политического деятеля. Мои допрашиватели никак не прореагировали на это. Любопытно, шлепнут этого политика или нет? Допрашиватели слегка оживились лишь тогда, когда я начал рассказывать об особой диверсионной группе, в которой агенты обучаются методам дезорганизации западной банковской системы. Допрос прервали. Пригласили еще какую-то персону. Попросили меня повторить сказанное. Деньги, само собой разумеется, важнее жизни какого-то политика.

Как организована в Москве подготовка агентов для работы на Западе, сказал я в заключение, это надо изучать здесь, на месте работы этих агентов. Все то, что происходит в секретных учреждениях в Москве, так или иначе отражается здесь.

Путь к дому

Солдаты особого десантного батальона подплыли к мосту и болтали с девчонками. Солдаты и девчонки всегда и везде одинаковы в мирное время, но оказываются качественно различными, когда начинаются войны.

Неплохо бы выпить. Но я гоню эту мечту прочь: нет денег. А копеечное пособие я должен получить лишь послезавтра. Завтра — голодный в полном смысле этого слова день. Надо будет позвонить Писателю, авось покормит. Надо будет начать рассказывать ему какие-нибудь сказки о советской жизни, чтобы я приобрел для него практическую ценность. Странно, давно ли человек покинул Союз, а уже все позабыл. И факты советской жизни воспринимает как иностранец.

Затем мысли мои перескакивают на сегодняшний вопрос. Я чувствую, что допрашивающие никак не могут составить обо мне твердое мнение. Почему? Как профессионал я знаю, что неопределенность, текучесть, изменчивость, многомысленность всего есть особенность советского общества. Оно состоит из желеобразных единиц и в целом есть нечто желеобразное. Это — общество хамелеонов, само в целом являющееся гигантским хамелеоном. Нечто устойчивое и определенное гомосос находит в своем социальном окружении и в стечении обстоятельств. Я — загадка не только для допрашивающих меня, но и для самого себя. Загадка в данный момент неразрешимая, ибо загадка ее лежит в той совокупности событий, которые произойдут с течением времени. Я есть лишь возможность, но с широким диапазоном. Соревнуйтесь, товарищи и господа! Кто я — зависит прежде всего от вас самих.

Сравнение нас с хамелеонами удобно для успокоения советологов, но все-таки поверхностно. В нас все же есть устойчивая основа — наша историческая мания.

И обратите внимание: ничто не является таким прочным в истории, как то, что не имеет внутренних основ,— мифы, религии, предрассудки...

О терроре

Большевики были против индивидуального террора,— говорил Вдохновитель.— А почему? Потому что террор уже имел место и уже сделал свое дело: разрыхлил царский режим, подготовил массы людей к массовому террору. Когда речь идет о социальной революции, без индивидуального террора не обойдешься. Технически социальный переворот и начинается с устранения личностей определенного рода. После переворота на Западе мы сами прекратим индивидуальный террор и уничтожим террористов. И устроим там свой, массовый террор. Революция, технически говоря, и есть превращение индивидуального противозаконного террора в узаконенный массовый.

Когда я вспоминаю такие разговорчики Вдохновителя, меня посещают радужные идеи насчет развития терроризма в Советском Союзе. Например, послать бы пару квалифицированных специалистов из «Красных бригад» в Москву, они бы быстро наладили там подготовку террористов на европейском уровне. Не успел, однако, я додумать эту идею до конца, как почувствовал на расстоянии гомерический хохот Вдохновителя. «Вы там глупеете не по дням, а по часам,— прохрипел он, задыхаясь от смеха.— Ты позабыл, где эти специалисты для «Красных бригад» и прочих организаций такого рода готовятся?! Да таких специалистов у нас самих пруд пруди. Только они нам без надобности у себя дома. Знаешь, сколько важных персон у нас погибает ежедневно только от пьянства и обжорства? К чему нам еще террористы?! Возьмем крайний случай: покушение на Брежнева. В него можно всадить хоть сотню пуль, ничего этим все равно не добьешься. Если нужно, с него сдерут шкуру, натянут на примитивнейшего робота, и тот будет еще лучше прежнего Брежнева исполнять его функции. А о покушении так никто и не узнает. Как будто его вообще не было.

Госпожа Анти

Позвонила госпожа Анти и предложила встретиться в кафе в десяти минутах ходьбы от Пансиона. Я согласился, надеясь на то, что она угостит меня хотя бы чаем или кофе.

Внешне госпожа Анти оказалась очень похожей на известную в Москве борциху (борциха — женский вариант борца) против антикоммунизма. По убеждениям же она оказалась ее противоположностью — борцихой против коммунизма. Явление поразительное: каждый советский прохвост имеет своего негативного двойника на Западе. Как и тот важный человечек, она начала меня поучать. Некоторое время я терпел. А потом сказал ей, что к такому обращению не привык, что даже в КГБ со мной беседовали с большим уважением, и попросил ее «заткнуться». Она заорала, что ей теперь ясна моя сущность (никогда раньше не предполагал, что у меня есть некая сущность!), что я — агент Москвы. Я попросил ее сообщить об этом тем, кто меня допрашивает, ибо доверчивые чиновники из разведывательных служб не верят в то, что я — агент КГБ. И от себя она может добавить, что я прибыл сюда не столько для установления коммунизма, который я не люблю (ибо испытал на собственной шкуре), сколько для разрушения капитализма, который я хотел бы испытать, но не на своей, а на чужой шкуре. Она ничего не поняла и пообещала разоблачить меня в прессе. Хотя чай заманчиво дымился на столике, я молча покинул госпожу Анти, дав себе слово никогда с подлинными антикоммунистами дела не иметь. Они отличаются от подлинных коммунистов только обратным знаком своей злобности и глупости. До полночи бродил по безлюдным улицам чистенького города. Временами вспоминал предупреждения моих бывших соотечественников, что на Западе вечером выходить на улицу опасно, — ограбят и убьют. Но на меня никто не обращал внимания. Где вы, грабители и убийцы? — тщетно взывал я. — Ограбьте и зарежьте меня! А не то я сам от тоски кого-нибудь зарежу!

Реальные и мнимые агенты

Угроза госпожи Анти разоблачить меня публично как советского агента рассмешила меня. Я уже точно знал, что она этого ни в коем случае не сделает, потому что считает меня настоящим агентом, а не мнимым. А знал я это по той причине, что уже открыл здесь одно удивительное явление. В КГБ мне о нем почему-то не сообщили. Неужели не заметили? Если так, то я преувеличивал их интеллектуальные способности. Явление это состоит в том, что здесь публично разоблачают как советских агентов лишь ни в чем не повинных людей, а настоящих агентов не разоблачают или разоблачают тогда, когда они арестовываются и предаются суду (очень редко) или высылаются (ибо имеют дипломатический иммунитет). Почему? Потому что невинные люди больше похожи на агентов, чем реальные агенты. Последние быстро приспособляются и начинают вести себя так, как хотелось бы их возможным разоблачителям. Невинные люди еще пытаются вести себя независимо, чем вызывают раздражение у разоблачителей. Разоблачать реальных агентов опасно, а невинных людей — безопасно. Известны случаи, когда реальные агенты подавали в суд на своих разоблачителей и выигрывали процессы. Случаи же, когда в суд подают невинные люди, практически не встречаются. Говорят, был всего один такой случай, причем невинно оклеветанный человек процесс проиграл.

Допрос

Дом, куда я время от времени хожу для бесед, строился в гитлеровские времена. И потому очень похож на московские здания сталинских лет. На фасаде — три скульптуры: рабочего, крестьянина и женщины с ребенком. Рабочий — с молотком, а крестьянин — с косой. Если бы он был с серпом, то сходство с Москвой было бы полным. Женщина с ребенком символизирует Родину. Она режет хлеб. Обе руки у нее заняты. Младенца она не держит совсем. Тот сам вцепился своими детскими ручонками прямо в сонную артерию мамы. Впечатление жуткое.

— Что Вы думаете о деятельности западной пропаганды в Советском Союзе?

— Она построена так, чтобы провоцировать в Советском Союзе именно такие явления, которые здесь, на Западе, можно истолковать как оправдание затрат на нее. Так что она работает в основном на себя.

— А в чем, по-вашему, должна выражаться реальная эффективность нашей пропаганды в Советском Союзе?

— В явлениях внутренней советской жизни, т. е. в явлениях несенсационных и часто недоступных западным наблюдателям. Люди, поддавшиеся влиянию западной пропаганды, должны оставаться в Союзе, должны жить и действовать в глубинах советской жизни, не рассчитывая на известность и помощь со стороны Запада.

— Но тогда невозможно будет проконтролировать работу лиц, вовлеченных в эту пропаганду.

— Этим делом должны заниматься умные и образованные люди, настоящие знатоки советской жизни, которым можно будет доверять.

— А где таких людей взять?

— Несколько человек можно найти готовыми, остальных можно подготовить.

— Но это — единицы, от силы — десятки. А нам нужны тысячи.

— Для настоящего дела важнее качество, а не количество. Лучше одна толковая статья, переданная по радио несколько раз, чем десятки пустяковых материалов, мелькающих один за другим и не западающих в душу. Лучше заслать одну стоящую книгу, но заслать на самом деле и в больших количествах, чем десятки книжонок, годных лишь на макулатуру...

— Такая перестройка...

— Я не предлагаю ничего перестраивать. Я предлагаю лишь кроме того, что у вас уже есть, наладить серьезное изучение советского общества. Чтобы наносить врагу эффективные удары, надо знать его подлинную натуру. Ваше дело — наносить удары по вашему врагу, мое дело — изучать вашего врага.

— И вашего.

— Советское общество не враг мой, а лишь объект изучения.

В пансионе

Вечером «пансионеры» рассаживаются перед телевизором и смотрят все передачи подряд. Считается, что это — лучший способ изучения иностранного языка. Удовольствие получаешь. И никаких усилий прилагать не надо. Язык сам входит в тебя. Это мнение справедливо лишь отчасти: так легко усваивается лишь язык жестов, мычания и воплей. Потому наши «пансионеры» до сих пор объясняются с местными жителями на пальцах. Самые способные добавляют всякого рода «эки», «ики», «ммыки» и прочие мычащие звуки. Энтузиаст (как самый способный) пошел дальше всех — использует в своих содержательных беседах даже жесты ног. Зримое и слышимое, но не понимаемое в телевизоре дает повод для разговоров, на какие упрощенный и стерильный западный человек не способен. Сейчас показывают «Дон Жуана».

— Когда это сочинили, а они до сих пор показывают,— говорит Нытик.

— Неужели им не надоело?

— Совратил пару девиц, а шуму не оберешься,— говорит Циник.— У нас в школе был учитель физкультуры. То, что он целый педагогический совет совратил (у нас почти все учителя были женщины), это не в счет. Он совратил больше сотни несовершеннолетних девочек. И что же? Даже в стенгазете ни строчки об этом не напечатали. Даже из партии исключили лишь с банальной формулировкой «за морально-бытовое разложение». Здесь о таком человеке все газеты и журналы трубили бы. По телевизору показали бы. Кино сняли бы. А у нас...

— Выключите эту муть (это относится к «Дон-Жуану»)!-- орет Энтузиаст.— Может по другой программе что получше идет.

По другой программе показывают американский детектив. Все в один голос выражают удовлетворение и, одновременно, возмущение по поводу того, что проглядели начало. Кто включил эту дурацкую оперу?! Вешать таких мало!

Допрос

— В советской системе наверняка есть уязвимые места, ударив в которые, можно разрушить всю систему.

— Есть, конечно.

— Вот именно! Например, советское общество максимально централизовано. Там все решает небольшая кучка высших руководителей. Уничтожить ее, и...

— И через пять минут на ее месте появится точно такая же «небольшая кучка высших руководителей».

— Что же делать?

— В советском обществе очень много уязвимых мест. Но удар ни в одно из них не смертелен для него. Только удар во все уязвимые места может дать желаемый эффект. А к ним надо подобраться. Это — задача для истории, а не для кучки диверсантов.

— Вы уклоняетесь от ответа.

— Вы в самом деле думаете, что такая огромная страна управляется «небольшой кучкой высших руководителей»? Хорошо, пусть «небольшая кучка». А где и когда она собирается? Вы уверены, что советские власти не приняли во внимание существование таких... мыслителей, как Вы? Советское общество обладает мощной системой власти и управления и удивительной способностью быстро восстанавливать разрушенные органы и звенья власти. Если вы даже уничтожите половину населения страны, то первое, что в оставшейся части будет восстановлено, это — система власти и управления. Там не власть создается для народа, а народ создается как материал для функционирования власти.

Мы

«Когда я начинал свою деятельность в КГБ,— говорил Вдохновитель,— мой начальник не устал вбивать нам в голову одну идею: все что угодно, только не терроризм! Мы можем допустить на какое-то время даже небольшие политические организации. Но не должны проглядеть ни одного террористического акта. Если это дело уйдет из-под нашего контроля, на завоеваниях революции можно будет ставить крест. Вот почему дело индивидуального террора мы должны крепко

держат в своих руках». — «Ну, а как же вы прошляпили попытку покушения на Брежнева?» — спросил я. «Мы все подготовили наилучшим образом», — сказал он. — Но в последний момент... Эта операция — пустяк. Вот то, что мы чуть было не прошляпили «армянскую группу», это посерьезнее. А тут сработала чистая случайность...»

Запад

По телевизору показывают женщину. Ей семьдесят пять лет. В шестьдесят пять лет начала заниматься карате. Цель — защититься от возможных насильников (в их районе много случаев изнасилования женщин). После года занятий была в состоянии защититься от одного насильника, после пяти лет — от двух, а теперь может обороняться от трех. Надеется через десять лет достичь такого совершенства, что и пять насильников с нею не справятся. Все в восторге. Никто не поинтересовался, была ли у нее возможность применить свои навыки в карате на деле.

Идея «Центра»

Поговаривают о создании «Центра», объединяющего эмиграцию. «Старая идея КГБ», — говорит Шутник, — а тут с ней носятся как со свеженькой. Создали бы лучше ресторан по советским образцам. Допустим — «Ильич». Удобно говорить: пошли к «Ильичу», были у «Ильича». И неясно, какой Ильич имеется в виду. Нынешнему Ильичу приятно. Велит помочь на первых порах. А обслуживать по-советски. По стенкам — лозунги: «Жри, что дают!», «Не нравится — не ешь!», «Вас много, а я одна!», «На всех не угодишь!», «Ишь, чего захотели!», «Сам дурак!», «От хама слышу!». Но если без шуток, то советскую эмиграцию можно объединить только на просоветской основе». — «Вы думаете, — сказал я, — что тут только мы такие умники? Думаете, те, кто идею «Центра» внедряет в массы, хуже нас это понимают? Готов пари держать, что эту идею основательно обсудили на Лубянке в Комитете Интеллек-

туалов, прежде чем пустили ее в оборот». — «А что это за Комитет Интеллектуалов?» — спросил он. «Плод моего воображения», — сказал я.

Женщины

До зарезу нужна женщина! И дело тут не в физиологии. Мне женщина нужна не столько для тела, сколько для души — чтобы поговорить можно было с полным взаимопониманием, душу излить, солидарность почувствовать. Мы в Советском Союзе, между прочим, были избалованы в этом отношении. Такого количества понимающих и способных на сопереживание женщин, как в Советском Союзе, нет нигде. Я не один такой. «Найдите мне бабу, — без конца пристает ко мне Нытик. — Тоскливо одному. А бабы — они понимают». — «Здесь полно баб для тела, — говорю я. — Но баб для души нет. На этом, брат, надо поставить крест».

Сооружение

Из окна моей комнаты видно грандиозное строительство. Что строят, догадаться не могу. Потому я называю строящееся сооружение просто Сооружением. Оно состоит из множества серых бетонных угловатых блоков. Никаких намеков на окна и двери. Значит, Сооружение — не для жилья. Такую нелепую архитектуру я вижу впервые. Доразвивались, — говорю я себе, ощущая некоторое превосходство над «зажравшимся» Западом. — Такую чушь не смогли бы придумать даже у нас.

В собственной ловушке

В Москве мне приходилось заниматься проблемами, касающимися больших масс людей. Перед моими глазами проходили тысячи человеческих судеб, в большинстве случаев — печальных. Но я сам был устроен терпимо, и чужие драмы исчезали за колонками цифр, диаграммами, условными знаками. Процент людей,

изгнанных из коллектива за пьянство и вновь устроившихся в нормальном коллективе, таков. Процент вставших на путь уголовщины — таков. Большинство браков расторгается... Величина... Степень... И все! Теперь я на своей шкуре ощущаю, что значит быть ничего не значащей единичкой в чужих хладнокровных расчетах.

Это так просто. Загадка тут есть, но для экспериментаторов из специальных служб. А для подопытных жертв никаких загадок вообще не бывает. Итак — лишь единичка в массовом процессе, а не специальное индивидуальное задание. Обидно. Ну что же, раз так, я и буду вести себя как «единичка».

Плевать мне на ваши великие цели! Буду жить для себя, и только для себя!

Придя к такому решению, я вспомнил азы своей профессии: раз ты есть единичка в массовом явлении, то любое твоё поведение, кажущееся тебе проявлением индивидуальности, учтено в расчетах организаторов этого массового явления. Ты в принципе не можешь на Них наплевать, так как и это твоё наплевательство принято во внимание и вошло в твоё «особое» задание. Ты можешь поступать, как угодно, и все равно это будет то, что Им нужно, ибо таких, как ты, тысячи, и вы все вместе делаете то, что нужно Им. А Им нужно лишь то, что получается в результате вашей массовой деятельности. Ты попал в свою собственную ловушку. Вспомни, как ты излагал Вдохнителю план засылки на Запад нескольких десятков тысяч произвольно выбранных человек, которые сыграли бы все логически мыслимые роли для нас! Тогда это было «для нас». Ты был наивен: Они оказались способными на несколько сот тысяч человек.

Разговор с шефом

— Вы, конечно, читали призыв лидеров вашей эмиграции к объединению.

— Конечно, не читал.

— А что вы об этом думаете?

— Ничего путного из этого не выйдет.

— Как вы можете судить заранее?

— На то и наука, чтобы судить заранее. Мне известен человеческий материал и общие принципы организации.

— Ясно. Не смогли бы вы в двух словах определить, что такое советский человек?

— Смогу. Это — образованный человек. Всякий образованный человек по типу есть, по крайней мере, в потенции гомосос.

— Вы говорите загадками.

— Наоборот, решениями возможных загадок. Самые совершенные образцы гомососов порождает наиболее образованная часть советского общества. Широкие народные массы еще не доросли до уровня настоящего гомососа. Не исключено, что они до этого уровня никогда не дорастут. В этом нет надобности. Лишь бы ядро общества стало гомососным. А образованные слои западного общества мало в чем уступают гомососам.

Коллектив

Самая большая потеря для гомососа — отрыв от коллектива. Я почти совсем не переживаю потерю родственников и друзей, московской квартиры, выгодного положения в смысле работы. Но мне ни днем, ни ночью не дает покоя то, что я потерял свой коллектив. Не обязательно мою последнюю лабораторию или предпоследний институт, а любой какой-то наш (мой) коллектив. Вовлеченность в жизнь коллектива почти во всех важных и пустяковых аспектах бытия — вот основа нашей психологии. Душа гомососа лежит в его приобщенности к коллективной жизни.

Даже идеологическая обработка, вызывающая у нас протест, отсюда выглядит иначе, а именно — как средство вовлечения индивида в коллективную жизнь. Идеология унифицирует индивидуальное сознание и соединяет миллионы маленьких «я» в одно огромное «мы».

Даже восстание против советского общества есть явление в рамках коллективности. Оно обычно есть бунт в коллективе, а не за отделение от него. Самое мощное средство борьбы против бунтарей в этом обществе — исключение их из коллективов. Выброшенные из

нормальных коллективов, они оказываются неспособными создать устойчивые и преемственные коллективы не столько в силу запретов и репрессий со стороны властей, сколько в силу отсутствия условий для нормальной коллективной жизни. В нелегальном коллективе не платят зарплату, в нем не сделаешь карьеру, не повысишь квалификацию, не улучшишь жилищные условия, одним словом — не получишь всего того потизивного, что дает нормальный советский коллектив, зато будешь иметь в избытке все то негативное, что дает любой коллектив.

Я сам принимал участие в разработке методов борьбы с оппозиционерами, бунтарями, диссидентами, критиканами и прочими явлениями того же рода именно с этой точки зрения. Доля и моей мысли легла в инструкции, в соответствии с которыми действуют чиновники ЦК и КГБ, а также руководители здоровых советских коллективов. И вообще, лучшие умы этого общества идут не в оппозицию, а на борьбу против нее.

Здесь есть организации, которые очень похожи на советские коллективы. Но — в их худших проявлениях, а не в лучших. Они не дают той защищенности индивиду и душевной теплоты, какие есть в советских коллективах. Здесь корыстные интересы сильнее и острее. Люди холоднее и беспощаднее. Это звучит комично, но тут нет партийной организации — высшей формы внутриколлективной демократии. Хочу посидеть на партийном собрании. На субботник хочу. Я готов даже на овощную базу поработать сходить и в колхоз на уборку поехать...

Абстрактный и реальный коллектив

Абстрактно рассуждая, первичный (базисный) коллектив коммунистического общества есть нечто в высшей степени разумное, можно сказать — предел мечтаний лучших представителей рода человеческого. Но в конкретном воплощении этот абстрактный идеал выглядит несколько иначе. Например, руководитель группы из десяти сотрудников — явление вполне естественное. Но столь же естественно и то, что он использует свое положение в корыстных целях. Человеческое

век, который взял меня на работу в свою группу после окончания университета, был полнейшим ничтожеством в науке и довольно подлой тварью в житейском отношении. Я три года «ишачил» на него за одно только обещание помочь «протолкнуть» маленькую статейку в печать под моим собственным именем. Чтобы попасть в старшие научные сотрудники, я должен был напечатать монографию. Пусть маленькую, но все-таки отдельную брошюру или книгу. Чего мне стоило напечатать два десятка статей до этого, не хочу вспоминать. За одно это можно возненавидеть советское общество со всеми его достоинствами. Когда же дело дошло до монографии, начался сущий ад. Мою работу дважды проваливали на ученых советах. Причем делали это люди, считавшиеся моими хорошими знакомыми и друзьями. Наконец, я решил схитрить: напечатал книжечку в провинциальном городе, отдав весь гонорар в качестве взятки за напечатание.

В конце концов я «пробился» — стал старшим научным сотрудником. А чего это мне стоило? Если бы Бог предложил мне повторить жизнь, я бы из-за одного этого периода «пробивания» не согласился бы на это. А во что мне обошлась малюсенькая кооперативная квартира?! Даже хорошо знавшие меня люди, устроившие себе превосходные квартиры, зачислили меня в проходимцы. Возможно, я и вел себя в этой истории как проходимец. Но ведь жить-то где-то надо.

Мне становится одновременно обидно, грустно и смешно, когда допрашивающие меня чиновники зачисляют меня в привилегированный класс советского общества. Еще бы! Член партии. Старший научный сотрудник. Лично дружил с сотрудниками аппарата ЦК КПСС и КГБ, среди которых были лица в высоких чинах. Что еще нужно? Гляжу я на этих сытых и самодовольных болванов и хочется выругаться трехэтажным русским матом. Но я вижу, что объяснять им что-либо бесполезно. Вам хочется считать меня персоной из привилегированных слоев, думаю я, считайте! Я ничего не имею против. Я не собираюсь искать здесь справедливости. Я знаю, что такое земная справедливость. Самое справедливое учреждение на земле — здоровый советский трудовой коллектив. Я на своей шкуре испытал его беспощадную волчью спра-

ведливость. Так неужели я буду искать справедливости здесь, на вашем лицемерном Западе?!

Когда я давал согласие на эту эмиграцию, я в глубине души надеялся вырваться из смертельных дружеских объятий советского коллектива. Но здесь, на Западе, мне раскрыли свои объятия такие же коллективы, отличающиеся от советских лишь отсутствием достоинств последних. Вырвавшись из родной гнусной семьи, я вынуждаюсь здесь вступить в аналогичную гнусную семью, только совсем чужую. Я делаю все для того, чтобы избежать этого и остаться одиноким, никому неподконтрольным волком. Чем это кончится? Боюсь, что, отбившись от стаи, я становлюсь легкой добычей для охотников. Я уже вижу красные флажки и слышу крики загонщиков.

Сдергивание маски

Официально считается, что социально здоровый homosoc не может совершать поступки определенного рода, создающие чрезвычайную ситуацию. А раз он такой поступок совершил, значит, он был нездоровым, но прикидывался здоровым. И теперь коллектив должен разоблачить его — сдернуть с него маску, припереть к стене, вывести на чистую воду.

Я через такую процедуру «сдергивания маски» прошел. Все мои невинные прошлые прегрешения пошли при этом в ход. Раньше я считался человеком, который «не дурак выпить и с бабами покуролесить». Теперь выяснилось, что я — пьяница и развратник. Раньше я считался плохо устроенным в бытовом отношении, недотепой, который с большим трудом добился решения жилищной проблемы на самом жалком уровне. Теперь выяснилось, что я — аферист и мошенник.

Гомосос, совершающий потенциально осуждаемые поступки, но не попавший в ситуацию «сдергивания маски», не ощущает себя морально ущербным существом. Попав же в такую ситуацию, он начинает ощущать себя морально неполноценным, даже будучи убежден в своей невинности. Я знал, что моя ситуация «сдергивания маски» есть лишь спектакль. Но я все равно переживал ее как подлинную. Она и была

такой, ибо все ее участники выполняли свои роли в ней правильно и естественно. Однажды ощутив себя морально ущербным в такой ситуации, гомосос уже не может избавиться от такого ощущения. Я был смертельно ранен. И вряд ли оправлюсь от этой раны.

Циник

Циник выехал на Запад с намерением устроиться с комфортом, посмотреть мир и стать миллионером. В Союзе он был гениальным «организатором» и имел все, что душа пожелает. Но возжаждал большего. Еще живя в Москве, переправил свои ценности на Запад. Попался при этом в лапы еще более гениального «организатора», и тот обобрал его до нитки. С тех пор возненавидел советских эмигрантов, особенно — диссидентов, поскольку считал их виновниками эмигрантской эпидемии.

— Здесь все набивают себе цену,— говорит он,— и производят себя в более высокий ранг, чем были в Союзе. Лейтенант КГБ выдает себя за майора, бездарный сотрудник журнала «Безбожник» — за крупного ученого, десятистепенный писака — за ведущего писателя, технический помощник сотрудника ЦК — за члена ЦК... А Запад сам помогает раздувать важность эмигрантской мелкоты. Зачем?

— Западу лестно иметь дело с высокими советскими чинами. И хочется думать, что советский строй рушится изнутри.

— Зачем вы уехали? Вы же в Москве жили припеваючи! Я бы на вашем месте попросился обратно.

— Не торопитесь меня хоронить. Кто знает, может быть, у меня будет свой особняк, пара машин, куча чернокожих и желтокожих любовниц, яхта в теплом океане...

— Понимаю. Конечно, такой человек, как вы, зря не уехал бы. Вы правильно поступаете. Продаваться, так за миллионы.

Энтузиаст

Энтузиаста выбросили на Запад, руководствуясь таким соображением: пусть на Западе своими глазами посмотрят, что из себя представляют советские поборники прав человека. Но пока на него смотрит в основном не Запад, а я. Запад смотрит на него только тогда, когда он, Запад, сам хочет взглянуть на это порождение советского общества, т. е. когда Энтузиаст умыт, побрит и поменял белье, когда он заготовил тезисы своего заявления, желаемые для Запада, когда сам он, как говорится, хочет показать товар лицом. Я же вижу его в основном тогда, когда не хочу, в его спонтанных и неконтролируемых проявлениях. И скрыться от него нет мочи,— догонит на лестнице, настигнет в туалете. И заорет на весь пансион, что он со мной не может согласиться, что я ошибаюсь, хотя я ровным счетом ничего не утверждаю, что моя позиция есть позиция КГБ.

Но, видать, это — кара божия для меня. Когда-то мне довелось принимать участие в совещании по поводу диссидентского движения. Я тоже выступал. Мне хотелось показать себя умным, и я высказал мысль, за которую мне могли здорово влечь. «Во всяком стабильном обществе,— сказал я,— оппозиция по психологическим, моральным и интеллектуальным качествам адекватна правящим кругам общества. Так что не зная лично диссидентов, я заранее могу сказать, что они такое.— В зале начался смехок и шиканье. Почувствовав, что я попал впросак, я тут же вывернулся: — Поэтому весьма эффективным средством борьбы с нашим диссидентским движением,— сказал я,— может быть отбор характерных экземпляров диссидентов и выбрасывание их на Запад. Запад своими глазами убедится в том, какое это жуткое дерьмо (в зале опять смех), и интерес его к советским диссидентам спадет».

Иногда Энтузиаст кажется несчастным и беззащитным существом, выброшенным жестокими властями в неведомый мир. Но приглядевшись к тому, как он носится по всяким учреждениям и выбивает то, что ему «положено», как он циркулирует по Европе, увлекает в сферу своих маниакальных устремлений молодежь, я воспринимаю его как советскую тварь, которая свое-

го добьется ценой демагогии, лжи, лести, гнева, слез, занудности. Советские люди проходят такую мощную тренировку на добывание, выколачивание, вымогательство, изворотливость и прочее, что Запад для них — не поле боя, а всего лишь примитивный полигон.

В Москве Энтузиаст имел свою узкую специальность среди диссидентов: изображал из себя подлинного социалиста. Когда появились еврокоммунисты, он «прикнул» к ним. Его и выкинули на Запад как пример советского еврокоммуниста: пусть на Западе увидят этот еврокоммунизм в чудовищно карикатурном, а значит, в подлинном виде. Прибыв на Запад, Энтузиаст рассчитывал быть обласканным руководителями западных коммунистических партий. Те его игнорировали: у них своих еврокоммунистов в избытке, не хватает им еще какого-то советского параноика! Он обиделся и начал поносить еврокоммунистов за неправильное истолкование своего собственного еврокоммунизма.

Но на Западе нельзя выдумать чепуху, для которой не нашлось бы защитников. Нашлись таковые и у Энтузиаста. Они оплачивают ему поездки по Европе, устраивают встречи с людьми, ведут агитацию насчет журнала. А журнал ему нужен дозарезу. У него есть что сказать миру. «Журнал! — кричит он неугомонно. — Во что бы то ни стало журнал! Полжизни за журнал! Это — то основное звено, ухватившись за которое, мы вытащим всю цепь! Ленин тоже начинал с этого!»

Утром Энтузиаст отправился на переговоры с госпожой Анти. «Умнейшая женщина! — радостно вопил он на весь Пансион. — И журнал у нее неплохой. Слишком антикоммунистический, но это поправимо. Мы ее обломаем!»

Вернулся в Пансион он поздно вечером, унылый, потухший. «Эта дура, — пробормотал он вяло, — категорически против любого коммунизма. Я ее спрашиваю, почему мы должны отказываться от правильного и хорошего коммунизма? А эта стерва твердит одно: чем правильнее и лучше коммунизм, тем он хуже. Где тут логика?»

Я к Энтузиасту привык и уже не мыслю своего существования без него. Когда он уезжает на свои конфе-

ренции и встречи, я скучаю по нему и жду возвращения. И он по возвращении чуть ли не кидается мне на шею от радости.

Разговор с писателем

— Стыдно признаться, но мы не знаем фактически самых основных механизмов советской системы, хотя живем в ней десятилетиями. Как устроен и работает, например, районный комитет партии? Я уж не замещаюсь на ЦК.

— Хотите, опишу?

— Боюсь, что не извлеку из этого пользы. Чтобы описать это на уровне литературы, мало знать с чужих слов. Надо самому ощутить и пережить.

— Займитесь эмиграцией. Тут все на виду. И вы сами живете в толще ее.

— А цель? Показать, что эмиграция — плохо, значит сработать в пользу советской пропаганды. А хорошо — значит лгать. И не так-то просто напечатать. Знаете, кто здесь есть главный враг советского эмигранта? Другой советский эмигрант, оказавшийся здесь раньше его. Ту же долю внимания и благ Западу приходится делить на все большее число претендентов. А наше положение особенно скверное. На Запад из Союза выплеснулась масса посредственности, претендующей на талантливость. И она первым делом старается задушить проблески таланта среди своих. Эмиграция вообще есть диктатура бездарности. Я ехал сюда, думая, что русские писатели будут приветствовать меня. Мол, нашего полку прибыло, и мы теперь еще сильнее будем бить по общему врагу. Не тут-то было. Никакого общего врага нет. Есть только личные враги. Враг всегда тот, кто к тебе ближе и кто непосредственно угрожает или мешает твоему благополучию. Уезжая из Москвы, я рассчитывал здесь на успех и благополучие. Но то, что из Москвы казалось успехом, оказалось на деле раздутым убожеством. Все возможности печататься и иметь какую-то прессу захватили ранее приехавшие прохвосты вроде меня.

Уметь и понимать

Писатель прожил жизнь в советском обществе, ничего не поняв в его механизмах. Он не исключение. Одно дело — уметь жить в данном обществе и кое-что знать о нем для этого. И другое дело — понимать механизмы этого общества. Интересно, что самые нелепые представления о советском обществе имеют его нынешние критики. Они считают ложью все то, что утверждает советская официальная наука, и тем самым обрекают себя на еще большую ложь. Гомососы не нуждаются в понимании механизмов своего общества, так как это понимание не улучшает их способности жить в обществе. Они нуждаются в заблуждении, ибо оно оправдывает их поведение, уже определенное обстоятельствами.

Допрос

— Как можно пробудить терроризм в Советском Союзе?

— Очень просто. Забросить туда оружие, особенно — взрывчатые вещества. Обучить людей владеть этим оружием и делать бомбы. Затем — забросить средства транспорта, квартиры и отдельные дома, документы, средства питания и многое другое. Отменить в стране систему прописки и обязательность работать в каком-либо учреждении. Само собою разумеется, отменить смертную казнь, ввести западное судопроизводство, улучшить условия содержания заключенных. Когда вы это все сделаете, от желающих заниматься террористической деятельностью отбоя не будет.

— А если без шуток?

— Я не шучу. Знаете, в чем коренное отличие Советского Союза от Запада в этом отношении? Здесь борются с терроризмом, а в Союзе борются с возможностью его появления. Тут лечат болезнь, а там занимаются профилактикой. И знаете, что больше всего возмущает советских эмигрантов на Западе? Терроризм.

Гомо советикус

В университете конференция на тему «Гомо советикус». Пригласили нас — «пансионеров». «Зачем?» — удивился Нытик. «Как наглядное пособие», — сказал Шутник. Он оказался прав. Ораторы наперебой объясняли нам, что такое есть советский человек. Приводили цитаты, сыпали цифрами, фактами, именами. Всячески демонстрировали, какие они умные и высокоморальные сравнительно с тупой и гнусной тварью, именуемой советским человеком. Потом попросили нас высказаться. Вытолкнули меня как единственного из «пансионеров», говорящего по-немецки. «Я, — сказал я, — являюсь характерным представителем той породы жалких и гнусных существ, которых вы изволите именовать гомо советикус. Я польщен той характеристикой, которую вы здесь дали нам. На самом деле, господа, мы гораздо хуже. Мы ухитрились разгромить в свое время могучее государство, созданное представителями высшей расы гомо сапиенс, и создать свое могучее государство, в страхе перед которым вы тут, извините за грубое выражение, уже давно наложили в штаны. Мы, господа, гораздо опаснее. И знаете, почему? Мы не такие уж идиоты, как вам хотелось бы. А главное — мы способны терять не только за чужой, но и за свой собственный счет».

Мне не аплодировали. «Домой» я возвращался в одиночестве. «Болван, — говорил я себе, — тебе давно пора понять, что эти люди заинтересованы в ложной картине советского человека, ибо она их кормит. А истина не кормит никого. Она лишь причиняет страдание тому, кто к ней стремится, и вызывает злобу у тех, к кому искатель истины апеллирует. Переходи в православие или делай обрезание, пока не поздно. И соглашайся со всем, что о нас говорят западные умники».

Допрос

— Какие мотивы побуждают советских людей, эмигрирующих на Запад, становиться агентами КГБ? Каков процент эмигрантов суть агенты КГБ? Какого рода задания они получают?

— Для штатных сотрудников КГБ работа на Западе

есть сравнительно хорошая работа. За возможность поработать на Западе идет борьба. Из обычных граждан соглашаются быть агентами КГБ по разным причинам. Строгое обобщение тут невозможно. Одни — просто потому, что советские люди до мозга костей. Другие — за возможность выехать на Запад. Третьи — на всякий случай. Я знаю одного эмигранта, который сам предложил быть агентом КГБ, так как боялся, что советские войска скоро придут в Западную Европу. Процент агентов среди эмигрантов невозможно высчитать. Большинство вообще формально не считает себя агентами, так как не подписывали никаких обязательств. Они дали свое согласие устно, причем — часто косвенно, намеками. Кроме того, КГБ в принципе имеет возможность использовать любого эмигранта в своих интересах. Даже врагов советского режима. Например, разрешая переписку и телефонные разговоры с родственниками и друзьями в Советском Союзе, КГБ получает важную информацию. А сам факт разрешения переписки и разговоров играет роль, сея подозрения в сотрудничестве с КГБ.

— Что вам известно о заданиях, получаемых агентами КГБ, которые приезжают сюда в качестве эмигрантов?

— Главная задача перед всеми — внедриться в западное общество и найти источники существования. Некоторые получают индивидуальные задания. Например, Н. получил задание пропагандировать нынешнее советское руководство как самое либеральное и миролюбивое и распространять легенду, будто в советском руководстве есть некие «ястребы», которые якобы хотят восстановить сталинизм. Гораздо более серьезное личное задание получил М.: наладить снабжение средних чиновников КГБ и ЦК всякими «заграничными штучками» — кожаными пиджаками, джинсами, дубленками, противозачаточными средствами... Он этим и занимается довольно успешно.

— Какое конкретно задание получили вы?

— Мне вроде бы предоставлена полная свобода действий. Но честно говоря, моя роль здесь мне самому еще не ясна. Когда агентов мало, их деятельность строго детерминирована. А когда их много, в этом нет надобности. Тогда можно не вынуждать агента к строго определенной линии поведения. И в массе раз-

нообразно поступающих агентов можно выбирать подходящих индивидов для данной определенной задачи, а любой поступок агента рассматривать с точки зрения возможного его использования.

— Какое решение приняли вы?

— Сообщить вам, кто я есть, попросить помочь мне устроиться здесь и использовать мои профессиональные способности.

— А где гарантии, что вы не будете работать на КГБ?

— Как? Научите!

Разговор с писателем

— Вы слишком плохо о людях думаете. Неужели мы все такие ничтожества?! Неужели мы суть лишь единички в чужих расчетах? Есть же у нас индивидуальная судьба? Есть же что-то в этом и от наших усилий?

— Массовый процесс априори не считается с индивидуальностью. В гнусном спектакле не могут участвовать значительные актеры. Кто бы ни были эти актеры, им все равно отводятся жалкие роли.

— Не могу согласиться. Я, например, выдержал многолетнюю жестокую борьбу.

— Это входит в игру. Вынудить сильных людей на жестокую борьбу за пустяки и с пустяками — это есть один из принципов системы.

— Обидно. А ведь я мог бы принести огромную пользу России, если бы меня захотели использовать.

— Вас уже используют.

— Как?!

— Тем, что подчеркнуто не хотят использовать.

— Не понимаю. Объясните!

— К сожалению, не могу. Я сам не понимаю.

— Мы все сошли с ума. Есть тут у меня один знакомый. Тоже эмигрант. Живет здесь шесть лет. Ни слова по-немецки не говорит. А по-русски стал говорить с немецким акцентом. Смешно?

— Очень. А хозяин нашего Пансиона в совершенстве изучил русский мат. Ругается целыми днями, особенно — в присутствии женщин. Смешно?

— Очень.

Сооружение

Загадочное Сооружение растет с каждым днем. Но работающих людей там совсем не видно. И не видно, когда подвозят строительные материалы. Здание как будто растет изнутри, из земли. Как живое существо. Могучее и страшное. Таинственные цилиндры, напоминающие башни средневековых замков, уже вознеслись выше всех зданий в нашем районе. Теперь я каждый день подхожу к окну, чтобы отметить, насколько выросло мое Сооружение. Назначение его я до сих пор не могу разгадать, хотя перебрал все возможные варианты, от тюрьмы до Дворца культуры и церкви.

Допрос

— Что вам известно об Институте социального прогнозирования?

— Некоторые из моих знакомых работают там. Из их слов я смог составить себе только очень общее представление об этом ИСП. Я имел шансы попасть туда, но я отказался.

— Почему?

— Сотрудники ИСП допускаются к самым секретным делам и автоматически становятся «невыездными лицами». А меня тогда иногда выпускали за границу. И я хотел выезжать. Кроме того, сотрудникам ИСП запрещается публиковать свои работы, а я надеялся сделать себе имя в науке.

— И вам это удалось?

— Нет. Мне все равно пришлось заниматься исследованиями, результаты которых сразу же становились секретными. А публиковать я мог только то, что укладывалось в рамки идеологии. На этом имя в науке не сделаешь.

— Так что же вам все-таки удалось узнать об ИСП?

— Сначала этот институт планировался как исследовательский центр в составе Академии общественных наук при ЦК КПСС. В задачу ему вменялось исследование общих тенденций развития человечества в наше время и его перспектив в предстоящем столетии. Но секретарь ЦК по идеологии сказал, что марксизм

давно решил эту проблему исчерпывающим образом. И незачем зря тратить силы и средства на создание института, который все равно не сможет сказать ничего больше. Тогда этим институтом заинтересовались в КГБ.

— В каком смысле?

— В будущей войне самыми сложными проблемами будут проблемы социальные, т. е. проблемы организации жизни завоеванных нами (это принималось как аксиома) стран Западной Европы. Надо уже сейчас разработать всевозможные варианты наших действий в Западной Европе после победы. Надо учесть уроки немцев и быть готовыми работать с точностью часовых механизмов, но с учетом возможных вариантов.

— Какие варианты имелись в виду?

— Различные варианты для различных стран и их различного состояния в результате поражения или разгрома. Было введено понятие социологического типа ситуации, подлежащей организации. Разрабатывались некоторые абстрактные модели поведения. Что касается конкретных районов Европы, то была разработана система критериев оценки их состояния, чтобы сразу же ввести в действие соответствующий вариант организации. Причем как критерии оценки, так и варианты организации должны быть достаточно простыми. Настолько простыми, чтобы, например, командующий армией или представитель Ставки Верховного командования мог принять решение и отдать распоряжение действовать. Успех дела может зависеть буквально от нескольких часов.

— Какого уровня могли достигнуть исследования ИСП в настоящее время?

— Полагаю, никакого.

— Как вас понимать?

— Очень просто. Надежды насчет научных открытий в сфере предсказания будущего беспочвенны. Во-первых, предсказание будущего в СССР есть прерогатива высших партийных властей, и какой-то научной мелкотой не позволят вообще делать такие открытия. А во-вторых, будущее не предсказывают, а планируют. Будущее невозможно предсказать в принципе. Но его можно запланировать. История же есть стремление в какой-то мере и форме соответствовать плану. Здесь как с пятилетними планами: они выполняются всегда

как руководство к действию, но никогда не выполняются как предсказания.

Проблема не в том, что произойдет, а в том, что надо делать, чтобы история шла желанным для нас путем.

— Ну, а каковы могут быть там результаты в смысле планирования будущего?

— В Советском Союзе много гениальных мальчиков, которые за минимальное вознаграждение готовы творить чудеса. Но вряд ли эти чудеса пойдут в дело.

— Почему?

— Потому что они сотворены за ничтожное вознаграждение. А за большое вознаграждение там делают только халтуру.

Память

Мне вдруг показалось, будто я иду по московской улице. Москва... Самый серый и скучный город в мире. Самый жестокий и безнадежный. И самый близкий и дорогой. Будущее человечества. Гнусное будущее, но все же будущее, идущее на смену яркому и динамичному прошлому Запада. А не выдаю ли я свою личную неустроенность на Западе за будущую судьбу самого Запада? Это было бы хорошо, если это было бы так. Но я боюсь, что это не так. Нынешнее положение на Западе есть вершина того, чего вообще может достичь человечество во всех отношениях, есть исключение из исторической монотонности. Теперь — только вниз, только хуже, только к закономерной монотонности. Сохранить нынешнее состояние Запада как можно дольше — вот проблема номер один для... А для кого? Как это ни странно, для нас — для гомососов.

В Москве у меня была приличная по московским условиям квартира. Когда я ее приобрел, я был наверху блаженства. И больше уже ни о каком улучшении жилищных условий не мечтал — это был потолок моих бытовых возможностей. Два года я наслаждался своим счастьем. Целых два года. Сколько в моей квартире было выпито вина, сказано слов, передумано мыслей! Всего лишь два года. И вот ничего этого нет.

В Москве у меня было много знакомых, которые в любое время готовы были составить мне компанию выпить и поболтать. В Москве были люди, которые вы-

качивали из меня идеи, использовали их и ценили. Пусть для себя, а не для меня. Но отдавать что-то людям — это тоже жизнь. А здесь я имею компаньонов лишь от случая к случаю и на короткий срок. И никто тут не хочет эксплуатировать мой интеллект. Как только люди, которые могли бы это делать, обнаруживают мускулы моей мысли, они почему-то пугаются их и исчезают. А я именно сейчас дозрел до такого уровня, что мог бы завалить идеями целую академию наук.

Кончились сигареты. Надо «стрельнуть». Но город словно вымер. А что, если сломать сигаретный автомат? Вспомнил слова одного из наставников КГБ: никакой уголовщины. Обидно будет, если из-за пачки сигарет пропадешь. Я загадал: первому, кто мне предложит закурить, продам душу. За одну-единственную сигарету. Но охотники за душой советского человека так и не появились.

Во сне мне виделся совершенно пустой город. Я искал человека. Любого. Мне казалось, что вот в этом помещении есть люди. Входил — пусто. Вот сейчас за углом увижу человека!... Никого...

Раздумья на мосту

Я стою на мосту и смотрю, как вдалеке солдаты Особого десантного батальона в ярко-оранжевых спасательных жилетах надувают резиновые лодки. Судя по их жестам, они там издают какие-то звуки. Но эти звуки заглушаются воплями чаек и мефистофелевским хохотом-кряканьем уток, которых кормят бывшие нацистские преступники и будущие жертвы коммунистических преступников.

Солдаты погрузились в лодки и подплывают к мосту. Они уже знают меня. Что-то кричат, смеются, машут руками. «Привет вам, солдаты Особого десантного батальона! — кричу я в ответ и приветствую их поднятием руки (похоже на «Хайль!»)». Веселитесь, голубчики. Скоро придут наши солдаты и проколют ваши резиновые лодки. Хотя ваша речушка воробью по колено, утопят вас в ваших спасательных жилетах, как котят. Возьмите меня к себе на службу, и я вас научу, что надо иметь, чтобы лупить советских солдат.

— Что, если не секрет? — слышу я за спиной насмешливый голос.

— Нужно иметь одно, а именно — не иметь ничего.

— О, да вы никак философ!

— Всего лишь советский эмигрант.

Человек что-то промышал и испарился. Судя по его возрасту, он уже однажды получил по шее от советских солдат. Мое воинственное настроение, однако, скоро сменилось трезвым пессимизмом. Хотя Запад и кажется хаотичным, легкомысленным и беззащитным, Москва все равно никогда не завоюет мировое господство. Москва способна защитить себя от любого противника. Москва способна нанести разрушительный удар по Западу. У Москвы достаточно средств, чтобы запакостить всю планету. Но у нее нет никаких шансов стать господином мира. Чтобы властвовать над миром, надо иметь в своем распоряжении достаточно большой народ, ощущающий себя народом господ и способный быть таким господином на деле. Русский народ является в Советском Союзе единственным, кто подошел бы на эту роль. Он является базисом и оплотом империи. Но он не обладает качествами народа господ. И положение его в советской империи больше похоже на положение колонии для всех прочих народов. До тех пор, пока русский народ не станет самым образованным, культурным, зажиточным и привилегированным внутри страны, о мировом господстве и думать нечего. Более того, став на деле привилегированным и господствующим народом в стране, русский народ должен будет еще добиться своего превосходства над другими народами во всех основных мирных сферах жизни. А на это нужны десятилетия, если не века. А положение русских в Советском Союзе таково, что их не допустят даже до уровня равенства с другими народами, не то что до превосходства. Между прочим, сами русские, которые как-то возвысились над массой своих соплеменников, не допустят возрождения России как нации. Короче говоря, резюмировал я свои размышления, можно строить сверхгениальные планы. Но их невозможно осуществить из-за не заслуживающего внимания пустяка. Отец еще до войны рассказывал такой анекдот. В одном учреждении было очередное собрание. На повестке дня два вопроса: 1) строительство сарая; 2) создание изобилия предметов потребле-

ния при коммунизме. За неимением досок для сарая сразу перешли ко второму вопросу. Москва могла бы построить грандиозное здание мировой империи, но у нее, увы, нет для этого досок.

В Пансионе

В Пансионе праздничное возбуждение: Энтузиаст получил отставку у своей возлюбленной уборщицы. Причина отставки — уборщица повысила плату за услуги, поскольку в стране произошла инфляция, а Энтузиаст отказался удовлетворить законное требование уборщицы. Циник сказал, что Энтузиаст допустил непростительную ошибку, так как на проститутках он теряет больше: те увеличили плату не в полтора раза, как уборщица, а вдвое. Энтузиаст понял, что сваял дурака, и кинулся исправлять положение. Но было уже поздно: уборщица отдала это время эмигранту из Польши. Циник сказал, что она тем самым выразила солидарность с «Солидарностью». Запад все-таки борется с советской угрозой. Вздвигнутый Энтузиаст обругал американского президента, западногерманского канцлера и римского Папу.

Мы и Запад

Увидел в газетах портрет одного из самых гнусных советских руководителей. Не смог одолеть любопытства. И нарушил свою клятву не прикасаться к западной прессе. Оказывается, это исчадие рода человеческого сдохло. Сдохло просто от старости, а в газетах тут намеки, будто его «убрали». Называют его «гением закулисных кремлевских махинаций». А он был выдающимся ничтожеством и посредственностью — я лично с ним не раз имел дело и работал на него. Газеты называют в качестве возможного преемника маразматиков, которым пора на тот свет, — им тоже под восемьдесят. Им тоже приписывают качества выдающихся деятелей, хотя и в негативной форме. Гадают о предстоящих переменах в руководстве и в «политике Кремля».

В чем причина таких чудовищных ошибок западных

людей в оценке явлений нашей жизни? В том, что они и нашу жизнь меряют на свой аршин. И кроме того, они не хотят признаться в том, что их систематически дурачат побившие все исторические рекорды московские примитивы. Если тебя обвел вокруг пальца гений зла, это понятно. Это оправданно. Этим даже можно гордиться: мол, наша нравственность не позволяет нам опускаться так же низко. Но чтобы обыгравший тебя партнер был даже не человеком, а лишь примитивной социальной функцией в облике человекообразного существа, этого не может быть. И в результате примитивнейшие в интеллектуальном отношении партийные чиновники вроде Сталина, Хрущева, Брежнева, Суслова, Громыко и т. п. превращаются в западном представлении в гениев зла. Пусть зла, но — в гениев.

Память

У вас будет период отчаяния и растерянности, говорили мне в Москве. Но это скоро пройдет. Я верил моим наставникам. Я у них был не первый и не последний. Они знают дело с уверенностью арифметических учебников для начальных классов. Только бы эта кагебевская арифметика сработала в отношении меня. Но пусть скорее пройдут эти отчаяние и растерянности! Пусть придет ясность! Любая. Рискованная, авантюрная, обывательская, аморальная, преступная, благопристойная, двуличная... Я устал ее ждать.

«Я рад за тебя,— говорил Вдохновитель.— Поживешь в свое удовольствие. Лови момент. Нам не так уж много осталось жить». — «А почему бы тебе самому не податься в этот западный рай?» — спросил я. «Исключено,— вздохнул он.— Я обречен быть тут. Я, между прочим, даже в Сибирь или на Урал не могу в туристический поход сходить. Только в строго определенных санаториях. Только на «дачах». За мной следят даже в общественных уборных».

О будущей войне

После первой мировой войны казалось, что следующая война будет химической, и все человечество по-

гибнет от газов, говорил Вдохновитель. Но война не была химической. И человечество не погибло, а возросло чуть ли не вдвое. Теперь кажется, что третья мировая война будет атомной, и что все человечество погибнет от атомных бомб и радиации. Но она не будет атомной. И человечество уцелеет. И скорее всего, еще более умножится. Почему она не будет атомной? Потому что нам самим невыгодно, чтобы она была атомной. И мы не позволим, чтобы она была атомной. Мы навяжем миру такой тип войны, какой выгоден нам. И наш противник пойдет на это. Это не гипотезы и не бред сумасшедшего. Мы все силы бросили на эту проблему. В принципе мы ее уже решили. Нам нужно еще несколько лет для полной уверенности. Вот почему мы так яростно боремся за мир.

Будущая война, говорил Вдохновитель, будет все равно войной масс людей против других масс людей, а не просто техники против техники. Человек навсегда останется главным оружием в войне, ибо он есть носитель оружия. Главным театром военных действий будет все-таки Западная Европа. Такова наша воля. И мы ее навяжем миру. Вот почему нам нужно любой ценой отколоть Западную Европу, нейтрализовать, деморализовать, разъединить, разрыхлить. Вот почему наше присутствие там в любой форме есть наша стратегическая цель.

Допрос

— Является нынешняя советская эмиграция уступкой властей или умышленной операцией?

— Она есть результат стечения многих обстоятельств, среди которых были и упомянутые вами.

— Наносит она ущерб стране или приносит выгоду?

— Если не считать нескольких выдающихся деятелей культуры, потери от нее для страны ничтожны, а выгоды очевидны.

— А утечка мозгов? Например, много математиков покинуло страну. А упадок целых областей культуры? Пресса сравнивает это с потерями Германии от эмиграции во времена нацизма.

— Сравнение нелепо. Эмигранты изображают дело так, будто с их отъездом в Союзе наступил полный

крах. Это ложь или самообман. Математики, о которых вы упомянули,— фигуры незначительные. С их отъездом уровень советской математики не снизился ничуть. Даже потери в музыке и в балете вполне восполнимы. Неужели вы думаете, что страна с неисчерпаемыми ресурсами человеческих талантов зачахнет от таких потерь? Но эмиграция уже выполнила роль, на которую советское руководство рассчитывало. Теперь ее будут резко сокращать.

— А мировое общественное мнение? А стремление людей покинуть страну?

— Не преувеличивайте силу того и другого. И не считайте советское руководство пугливым. Эмиграция была допущена не из страха перед Западом, а из разумного расчета. И если согласно аналогичному расчету она окажется нецелесообразной, ее сократят, какой бы шум ни подымали на Западе. Но Запад вроде бы уже не склонен к шуму на этот счет.

— Вы говорите так, будто вы — официальный советский чиновник, дающий интервью для прессы.

— Советские чиновники не всегда врут.

— Если эмиграция выгодна Советскому Союзу, то почему же советское руководство будет ее сокращать?

— У советского руководства есть много других хлопот. В этом комплексе дел оно будет вынуждено сократить эмиграцию, дабы решить другие, более важные проблемы.

— Но сокращение эмиграции усилит диссидентское движение в стране.

— Основные силы диссидентства уже выброшены из страны. Движение в принципе исчерпало себя. Люди в Союзе уже узнали, что эмиграция — далеко не рай. А на Западе уже узнали, что далеко не все диссиденты суть воплощение добродетелей. Короче говоря, советское руководство уже выпустило избыточный пар из советского котла, и взрыва не произойдет. Нужны многие годы и чрезвычайные обстоятельства, чтобы созрели условия для нового потенциального взрыва.

— Какие, например?

— Новая мировая война, например.

Слух

Есть слух, будто меня прочат в руководство будущим «Центром». Профессор вроде будет директором, Дама — заместителем по общим вопросам и по кадрам, а я — заместителем по научной части. Энтузиаста как будто подменили. Завидев меня, он еще издали издает радостные восклицания и исходит улыбками. В вечерних дискуссиях поддакивает мне, если даже я издеваюсь над его правильным социализмом. Хотя я не очень-то верю в реальность этого слуха, все-таки приятно сознавать, что где-то тебя принимают в расчет.

Реальность

Мое блаженное состояние длилось всего несколько дней. Энтузиаст вернулся в Пансион радостнее обычного и сразу же накинулся на меня без всякого повода. Это значит, что слух не подтвердился. «Погодите,— сказал я Энтузиасту ледяным тоном, желая подпортить ему настроение,— назначат меня директором «Центра»... не заместителем, а именно директором!.. тогда я вам покажу, что такое настоящий социализм». Энтузиаст побледнел и залепетал что-то насчет борьбы мнений среди единомышленников. На деньги, сэкономленные на уборщице, он купил на распродаже джинсы и дубленку — мечту гомососа.

Допрос

— Что вам известно об исследованиях в области парапсихологии в СССР?

— Разговоры на эту тему велись в Комитете Интеллектуалов, но в самых общих чертах. Примерно в таком духе. Самый мощный источник всех зол и самое мощное оружие — человеческий мозг. Вместе с тем самое дешевое и уязвимое. Зачем тратить огромные средства на атомное и бактериологическое оружие, которые в случае массового применения почти наверняка выйдут из-под контроля и последствия которых скорее всего кончатся мировой катастрофой? Гораздо интереснее сосредоточить внимание на человеческом моз-

ге и найти способы воздействия на него. То, что здесь называют парапсихологией и что служит предметом увлечения для советских неудачников, есть лишь маскировка этой программы.

— Но ведь эта знаменитая целительница есть факт! И есть многочисленные свидетельства воздействия на психику на расстоянии!.. Передача информации, например!..

— Эта целительница на девяносто девять процентов жулик и советская «липа». Специально для западных сенсаций. И для советских калек всякого рода. Таких «целителей» в России было пруд пруди. А что касается воздействия на психику на расстоянии непостижимыми для науки путями — это сказки для невежд. Слухи такого рода распускаются специально с целью отвлечь внимание от главного — от изобретения оружия, поражающего мозг людей научно контролируемыми путями. Что же касается воздействия на волю и сознание людей на расстоянии, то могучие «идеальные» средства для этого давно существуют и действуют: идеология, пропаганда, манипулирование массовым сознанием. И это воздействие давно осуществляется практически.

Открытие

Здание Пансиона довольно старое. Никакого мусоропровода. Мусор мы носим сами в целлофановых пакетах в подвал, где стоят мусорные баки. Однажды, сунув свой пакет в бак, я обратил внимание на обрывки бумаги со словами на русском языке. Ну и что, подумал я, ты же тоже выбрасываешь таких обрывков воз. И пошел к себе. Но что-то заставило меня вернуться обратно и собрать бумажки. Запершись в комнате, я сложил обрывки. Хотя кое-каких кусков не хватало, прочесть можно было. Это, по всей вероятности, был фрагмент черновика докладной записки о поведении советских эмигрантов в городе. Я заранее был уверен в том, что такие доносы тут делаются регулярно, и не одним человеком. Но моя уверенность носила абстрактный характер. Я переживал ее, как сытый человек переживает тот факт, что голод есть недостаток пищи и что многие на планете голодают. Прикоснувшись же к реальности доноса, я почувствовал себя

как человек, сам оказавшийся в ситуации голода. Кто автор вот этого доноса? Кому он предназначен? Конечно, проще допустить, что все пишут доносы на всех, и жить себе спокойно. Спокойно? А если в этих доносах идет речь о тебе? А если они могут повлиять на твою судьбу? Нет, это игнорировать нельзя. Надо установить наблюдение за советскими эмигрантами, выносящими мусор, и за их бумажками. Рано или поздно должно что-то мелькнуть, касающееся тебя. Главное — делать это надо в соответствии с методами конкретной социологии и проявить терпение. Если бы мои бывшие коллеги в Москве узнали о том, как я использую свою профессиональную подготовку и способности, они надорвали бы животы от хохота. Новая отрасль науки: социология помойки. А я, чего греха таить, рассчитывал на то, что мне будет предложена хорошая работа в солидном университете или исследовательском институте.

Сооружение

Чем больше я смотрю на мое Сооружение, тем менее безобразным оно мне кажется и тем больше овладевает моим воображением. Оно очень похоже на развалины гигантского средневекового замка. Я бы на месте строителей так и оставил его в недостроенном виде. В таком виде оно напоминает о бренности всего сущего.

Мы и Запад

Время от времени здесь разоблачают советских шпионов. Но как это делают! Тут никто не удивился бы, если бы появилось такое сообщение ТАСС: в такое-то время и в таком-то месте группа советских шпионов будет пересекать границу в направлении Запада; просьба к пограничным службам и западным властям не препятствовать переходу и оказывать содействие советским разведчикам, ибо они переходят границу с научными целями — воровать секретные научные открытия и технические изобретения.

Тени прошлого

Мои отношения с Дамой улучшаются. Я оказался даже в числе приглашенных к ней домой. Собрался цвет эмигрантского общества. Было довольно весело. По советскому обычаю много пили и жрали. Пели русские песни, в том числе «Катюшу». Отпрыск старого дворянского рода был убежден, что это — старинный русский романс. Я его поправил: цыганский романс. И он охотно согласился со мной. И стал обращаться ко мне на «ты», точь-в-точь как в захудалой московской забегаловке. Мне было очень приятно. И мы с ним здорово поднабрались.

Никогда не бывавший в Советском Союзе поп говорил о мощном религиозном подъеме в России. Его дружно поддерживали. Я тоже присоединил свой голос к ним. Дело дошло до того, сказал я, что даже старые большевики вместо «Интернационала» на партийных собраниях поют «Отче наш». А советского патриарха наградили орденом Октябрьской Революции за религиозный подъем. Поп сказал, что церковь выстояла в борьбе с режимом, и это главное. Когда советский режим рухнет, тогда она... Рухнет вместе с режимом, добавил я. Поп не успел сообразить, что я сказал, и автоматически согласился. Потом он весь вечер оправдывался, что согласился с моей репликой по инерции. Сравнительно молодая женщина, которую все почему-то называли княгиней, успокоила надоевшего всем попа: сказала, что советский режим рухнет не скоро. Человек, говоривший по-русски с американским акцентом, сказал, что он тоже считает это «пресловутое русское религиозное возрождение» выдумкой КГБ. Он попросил меня рассказать ему кое-что об этом. Я наговорил ему кучу сказок и анекдотов. Среди них анекдот о том, как поп погрозил верующему, отказавшемуся целовать крест, поставить вопрос о его поведении на партийном бюро. Человек с акцентом хохотал так, что буквально чуть не свалился со стула. Но в этом балагурстве я высказал и здравые мысли. Русская православная церковь, сказал я, существует целиком и полностью под контролем властей. Если бы раскрыть эту реальную картину контроля в деталях, тут в нее просто не поверили бы. Решили бы, что это есть выдумка КГБ. Почему религия допускается в Советском

Союзе? Она отвлекает на себя известную сумму недо-
вольства и помогает властям манипулировать массами
населения. Она удобна. И между прочим, выгодна го-
сударству экономически. Я знал хороших специали-
стов в Москве, которые располагали богатейшим ма-
териалом на эту тему и могли бы написать сенсаци-
онные книги, разоблачающие сказки насчет религиоз-
ного «возрождения». Но материалы эти засекречены,
а книги такие печатать запрещено. В строжайшем сек-
рете хранятся материалы, разоблачающие сущность
современной русской церкви! Почему? Да потому, что
власти заинтересованы в сохранении именно такого
положения вещей.

Человек с акцентом попросил назвать мне имена спе-
циалистов, о которых я упомянул, а также имена аген-
тов КГБ в «религиозном возрождении», если таковые
мне известны. Я ему продиктовал длинный список,
включив в него всех известных мне сотрудников Ин-
ститута Атеизма и всех московских интеллигентов, ко-
кетничающих с православием. С особым удовольстви-
ем я назвал имя популярного в Москве болтуна и ши-
зика, который считается там вождем и теоретиком
неоправославия. «Почему вы предполагаете, что он
служит КГБ?» — спросил человек с акцентом. «Я не
предполагаю, — сказал я, — а знаю. Я с ним вместе в
школе учился. Он уже тогда был стукачом». — «Но,
может быть, он раскаялся», — сказал Человек. «Стука-
чи никогда не раскаиваются, — сказал я. — Они могут
перестать быть стукачами по ненадобности или по рас-
чету. Но, повторяю, они не раскаиваются, ибо им не в
чем раскаиваться».

Потом обсуждали программу преобразования России
после падения советского строя. На первом месте фи-
гурировала, конечно, идея монархии, но с многопар-
тийной системой и свободными профсоюзами. Я поин-
тересовался, что они намереваются делать с фабрика-
ми и землей, — передать их в частную собственность
или сохранить как собственность государства. Как, на-
пример, они поступят с железными дорогами, авиаци-
ей, телевидением и прочими гигантскими организация-
ми и отраслями хозяйства и культуры? Как намерены
организовать управление страной? И сохранится ли
империя? Насчет империи мнение было единодушное:
империя должна быть сохранена, дело Петра Велико-

го должно быть продолжено. А что касается прочих проблем, то достаточно прогнать большевиков, и все само собой образуется. Я сказал, что они правы. Но, к сожалению, большевиков в России уже давно нет, и хозяйка может мои слова подтвердить: она была членом партии и даже избиралась в бюро областного комитета партии, но была ревностной христианкой и никогда не была большевичкой и коммунисткой. Мои слова возымели неожиданное действие. Присутствующие с почтением взглянули на хозяйку: член бюро обкома — это все равно что графский титул. Отпрыск дворянского рода встал, молодецкато вытянулся и щелкнул каблуками.

Формула шакалов

До Пансиона меня подвез человек, который лет десять назад был по туристической путевке на Западе и не вернулся домой. Невозвращенец говорил об эмигрантской среде с явным презрением. Вот фрагмент из его речей.

Мы являемся на Запад с сознанием, будто выстрадали и заслужили здесь лакомый кусок, будто Запад обязан нам этот кусок дать. Выстрадали, да и то немногие. Но почему заслужили? Кто обязан платить за страдания, если даже они были? И за чьи страдания? Запад нам ничем не обязан. Запад делает великую глупость, принимая нас и давая нам возможность тут жить. За одно то, что Запад признает справедливость претензий советских шакалов, его следует презирать. От нас надо всячески обороняться, от нас надо «железный занавес» опустить. Я вспоминаю случай после войны. Я демобилизовался из армии и поступил в Университет. Тогда в здании Университета каждую неделю устраивали вечера отдыха. Однажды я прихватил с собой своего бывшего командира, который тоже демобилизовался и через Москву ехал домой. Парень красивый, орденами увешан. Но больной. Подцепил в Германии сифилис и не успел еще залечить его. На вечере стал ухаживать за девчонкой-первокурсницей. Та, конечно, клюнула на него сразу. Я напомнил ему о том, что он болен. Он сказал, что ему на это плевать, — он выстрадал, заслужил, ему положено. «Кто тебе должен, у того и бери, — сказал я. — При чем тут

эта девчонка?! Она неповинна ни в войне, ни в твоих ранах, ни в твоих болезнях». Но он игнорировал мои аргументы. Тогда я сказал категорически: либо ты оставляешь девочку, либо я ей скажу, что ты болен. Девочка мне не поверила. Он сказал ей, что я завидую, сам хочу заполнить ее. И увел ее. С тех пор я ненавижу тех, кто требует то, что им не принадлежит ни по какому праву, у тех, кто им ничего не должен. Невозвращенец пожелал мне удачи, но ни словом не обмолвился о возможности новых встреч. Не назвал своего имени. И не дал адреса. А я не стал просить его об этом.

Лучи будущего

В Пансионе не спали. Меня встретили так, как встречают в Москве человека, вернувшегося из-за границы: как, мол, там? На месте ли еще Эйфелева башня? Я сказал, что насчет будущего России можно не беспокоиться, о нем думают лучшие сыны и дочери нашего народа. Пансионеры тут же включились в число этих лучших сынов и дочерей. Художник с женой настаивали на конституционной монархии, но без партий вообще. Они уверяли, что в дореволюционной России уровень жизни и демократии был даже выше, чем на Западе. Энтузиаст настаивал на югославском варианте с учетом польского опыта, причем с подлинно марксистской партией во главе. Шутник предложил поставить во главе России египетского фараона. Нытик говорил, что все равно там ничего путного не выйдет, и лучше всего после падения советского строя оставить там нынешний советский строй,— не такой уж он плохой. Бывает и похуже. Я сказал, что мне все равно, что будет после падения советского строя, так как после этого там вообще ничего уже не будет, кроме крыс, клопов и тараканов. И может быть, подлинных социалистов. Но как теоретик я считаю, что надо восстановить частную собственность. Поскольку народ не захочет возвращения дореволюционных частников, то фабрики, заводы и прочие учреждения надо отдать в собственность нынешним партийным руководителям, директорам, заведующим, министрам, генералам и прочим чинам. Против меня ополчились все: никакой речи быть не может о частной собственности! Самое

большее — сдать в аренду крестьянам землю, чтобы снабжали овощами города. Я сказал, что без частной собственности в России снова вырастет то, что она уже имеет. Не исключено, что Энтузиаст станет генеральным секретарем «правильной» КПСС, но я сомневаюсь, что он будет вести себя лучше Брежнева.

Я лично предпочитаю Брежнева. Он хотя и не такой умный, как Энтузиаст, зато он не врывается в мою комнату без стука, не флиртует с антикоммунистами и презирует еврокоммунистов, как они того и заслуживают. Энтузиаст заявил, что он теперь мне руку не подаст. Но уже через полчаса он предложил мне принять участие в конкурсе на лучшее название его будущего печатного органа. «Если журнал,— сказал я,— то «Колокол», а если газета — то «Искра».

Самый счастливый день

Сегодня у меня самый счастливый день за все время жизни здесь. Совпало так много приятного. Я получил документ, позволяющий мне съездить в Париж на некую конференцию. Некая организация выдала мне безвозмездно некую сумму денег. Я зашел в ресторан и съел хороший обед. Познакомился с красивой женщиной и договорился о встрече вечером.

Я иду мимо роскошных витрин, преисполненный Великим Счастьем. «Боже,— шепчу я,— благодарю тебя за такой щедрый дар». Я свернул в парк и... очнулся в кустах. Голова раскалывается от боли. Ни денег. Ни бумаг. Шатаясь, иду в полицию. Хотя личность мою установили быстро, меня держат до поздней ночи. На свидание я не пошел: поздно и денег нет.

Дома до утра ломаю голову над вопросами «Кто?» и «Зачем?». Очевидно, кому-то надо было, чтобы я поехал в Париж, а кому-то надо было, чтобы я не поехал. Или просто захотели еще раз припугнуть? Зачем? Неужели я такая важная персона, что заслуживаю индивидуального покушения? Если бы у меня был доступ к средствам массовой информации, я бы на весь мир заявил следующее: умоляю, не преувеличивайте важность моего присутствия на Западе, рассматривайте меня как заурядное советское ничтожество, каким я и являюсь на самом деле!

Враги

О нападении на меня стало известно в Пансионе. Все считают, что это — дело рук КГБ, и настаивают на предании этого случая гласности. Зачем? Полиция вряд ли подтвердит мое заявление. А из одних моих слов сенсацию не сделаешь. Все советуют мне быть осторожнее, не гулять в темноте, избегать глухих мест, не ходить в одиночку. Последний совет особенно умилил меня: где тут взять спутников? И я решил поступать как раз наоборот: гулять допоздна, в одиночку и в глухих местах. Это как раз безопаснее, ибо мой противник подобен нынешней молодежи, которая предпочитает заниматься любовью на виду у всех. Мой враг сам боится глухих мест и темноты. И тем более одиночества. Для него наиболее безнаказанная позиция — делать свое дело на виду у всех. В толпе и на свету он незрим. Да и кто он, мой враг? Самая разумная позиция в таком положении — считать, что все суть твои враги.

Друзья

Энтузиаст уверяет, что удар, который получил я, предназначался ему. Кагебешники просто нас перепутали. «Как же так? — возмутился я. — Ведь я же в два раза выше вас». — «Очень просто, — сказал он. — Они смотрели сверху, а сверху я даже побольше вас. А главное — вы же совсем не опасны для Советского Союза. Зачем вас убивать? А я сейчас для них враг номер один». — «Вы правы, — сказал я. — И во избежание путаницы я теперь буду ползать на четвереньках, дабы кагебешники сверху видели, что я — это не вы. Но все же я сомневаюсь в том, что вас убьют. Палачи из КГБ придумают Вам более страшную месть». — «Какую?» — гордо вскинул патлатую голову Энтузиаст. «Они Вас будут игнорировать», — сказал я. «Этот номер у них не пройдет! — заорал он. — Я их заставлю считаться со мной!»

Энтузиаста сменил Профессиональный Революционер — представьте себе, и такие здесь водятся. Он считает, что в России нужна новая революция, дабы осуществить на деле идеалы прошлой революции. Полу-

чает от кого-то деньги на свой журнальчик. Большую часть этих денег тратит на поездки на курорты. Беззастенчиво эксплуатирует для своего журнальчика вновь прибывающих простаков из Союза, оправдывая это «общими интересами борьбы против советского лжесоциализма». В этом пункте он сходится с Энтузиастом. Но в позитивной части своей программы преобразований они принципиально расходятся. Энтузиаст хочет строить подлинный социализм, но все же в советском стиле, а Революционер — подлинный социализм, но в западном стиле.

Революционер выпытывал у меня детали покушения. Тоже уверял, что это — «кагебевские проделки». И тоже уговаривал сделать заявление для печати. Я сказал, что еще не научился по удару в затылок определять, от какой именно организации исходит удар. Вот получу еще несколько подзатыльников, произведу научное обобщение, тогда и сделаю заявление. А вдруг это — «Красные бригады»?

Исчерпав тему покушения, Революционер перешел к своей программе для советской оппозиции. Я сказал, что выработать такую программу очень просто. Он тут же вытащил записную книжку. Спросил, не возражаю ли я, если он запишет кое-что из моих слов. Пишите, — сказал я, — мне не жалко. Советский строй — дерьмо. Советская власть — дерьмо. КПСС — дерьмо. КГБ — дерьмо. Советская жизнь — дерьмо. Надо все это послать на ... На этом месте лучше ничего не делать, так как все, что тут можно сделать, будет еще худшее дерьмо.

Он сказал, что во всем согласен со мной, за исключением последнего пункта. Нужно все-таки и нечто позитивное. Хорошо, сказал я, вот вам несколько позитивных идей. Есть общие правила составления программ, рассчитанных на массовый успех. Например, нужно желаемое изобразить как исторически закономерное (история идет именно туда, куда нам хочется) и как соответствующее неким неотъемлемым качествам человеческой натуры. Чего мы хотим? Мы — это, само собой разумеется, советские люди. Мы хотим сохранить все достоинства советского образа жизни, отбросить все его недостатки и вместо них получить все достоинства западного образа жизни. Конечно, последний мы понимаем по-своему, т. е. как изобилие еды,

одежды и прочих благ, а также наличие всевозможных свобод. Так вот, этот гибрид из воображаемых благ коммунизма и капитализма и надо сформулировать как тот идеал, за который будут сражаться лучшие представители советского народа. Это же так просто. «Но ведь мы за это и боролись там, в Москве!» — воскликнул Революционер. Верно, — сказал я. — Хорошая программа и должна на бумаге закрепить то, за что идет борьба на самом деле. А еще лучше — то, что уже достигнуто. Мы в институте в Москве обычно планировали на будущее то, что уже сделали в прошлом году. И получали регулярно переходящее Красное знамя райкома партии, а в последний раз получили звание «Предприятие коммунистического труда».

Революционер ушел. И снова возник Энтузиаст. Завел разговор о событиях не то в Боливии, не то в Чили. Мне все равно, о каких событиях и в какой стране он бормочет: я не имею представления как о тех, так и о других. Но Энтузиаст переживает их страстно. Мне надоело, и я сказал ему, что он не знает о том, что там происходит. Он в ответ сказал, что я тоже не знаю. Я согласился, но добавил, что я не знаю лучше, чем он. Он потребовал пояснить смысл моего утверждения. «Вы собираетесь перестраивать мир, — сказал я, — а с такой примитивной задачей справиться не можете. Вот вам еще одна примитивная логическая задачка. Вы говорите, что, живя в Москве, вы были ближе к смерти, чем здесь. Допустим, вы завтра умрете. Интервал времени между вашей жизнью в Москве и завтрашним днем больше, чем интервал времени между вашим приездом на Запад и завтрашним днем. Так почему же вы тогда были ближе к смерти? Даю вам слово, если вы решите эту проблему, я позволю вам перестраивать мир по вашему усмотрению. Я позволю даже установить правильный социализм в Советском Союзе». Энтузиаст обозвал меня схоластом и софистом. Но тут появился Шутник и перевел разговор на другую тему.

— Здесь много иностранцев, — сказал Шутник. — Надо создать из них партию и начать борьбу за власть. Захватив власть, выгнать всех немцев из Германии.

— Отличная идея, — сказал я. — Вполне реалистическая. Уверяю вас, сами немцы попрут в эту партию. У них очень сильно чувство вины и стыда за немцев,

Причем только сами немцы способны как следует организовать изгнание немцев из Германии.

— Вздор! — возмутился Энтузиаст. — Как это можно выгнать народ из своей страны?!

— Очень просто. Опыт на этот счет уже есть. Вспомните о Восточной Пруссии!

— А кого вы на место немцев поселите?

— Евреев, конечно. Ну, и арабов.

— Они перережут друг друга!

— Тоже неплохо. Ну, немцев из Советского Союза и ГДР.

— А куда вы выселите немцев?

— В Сибирь. Там места всем хватит.

— Но если вы выселите немцев из Германии, то тут все придет в упадок, и иностранцы покинут Германию.

— И прекрасно! На освободившееся место мы переселим немцев. И после этого тут можно будет спокойно и сытно жить.

Сон

Вдохновитель был мрачен и пьян.

— Что случилось? — спросил я.

— Откровенный разговор с начальством. Я сказал, что хочу наилучшим образом наладить нашу работу на Западе.

— А начальство?

— Сказало, что нынешнее положение является наилучшим, так как устраивает всех, за исключением таких «гениев», как я. К тому же есть важная причина, почему улучшение нашей работы на Западе нежелательно нашему руководству.

— Какая?

— Соотношение сил. Пока оно в нашу пользу, но это не очень заметно врагам. Если мы будем работать ощутимо лучше, это заставит противника усовершенствовать свою деятельность. И тогда соотношение сил начнет меняться в худшую для нас сторону. Хороша логика?

— Логика идиотов вообще несокрушима.

Ценный документ

Чуть свет за мной прислали машину — впервые за все время проверки. Значит, что-то из ряда вон выходящее произошло. Оказывается, появился новый персонаж — офицер КГБ, приехавший сюда в составе какой-то делегации и «избравший свободу». Он привез «ценнейший документ» — запись разговора шефа КГБ с генералом, ответственным за операцию «Эмиграция». Допрашиватели захотели, чтобы я высказал свое мнение о подлинности «документа». «Хотите,— сказал я,— я расскажу вам содержание «документа», не читая его? «Документ», конечно, подлинный. Но он сделан специально для вас». — «Дезинформация?» — спросили они. «Наоборот,— ответил я,— самая точная информация». — «Какая?» — спросили они. «С эмиграцией решено закругляться», — сказал я. Допрашиватели переглянулись и забрали не прочитанный мною «документ» обратно.

Они ни словом не обмолвились о покушении. И я держал себя так, будто ничего особенного не случилось.

Пенсионеры

В парке одни пенсионеры. Наверняка все консерваторы и реакционеры. А что в том плохого? В мире избыток прогрессивности и революционности. Значит, пенсионеры суть благо. Лишь пенсионеры еще могут спасти Запад. Пенсионеры суть бывшая молодежь, но утратившая иллюзии юности и приобретающая здравый смысл. У них есть время для размышлений. У них есть жизненный опыт. Бояться им нечего, можно выражаться прямо и откровенно. Их жизнь идет к концу, и потому они заинтересованы в продолжении человеческой жизни в тех же формах. Старики! Будущее человечества в ваших руках! Объединяйтесь в борьбе против грядущего прогресса! Один старичок по моей морде и одежде догадался, что я — иностранец, и сказал соседу по скамейке гадость по моему адресу. Его собачка злобно кинулась на меня. Свою концепцию насчет пенсионеров я, разумеется, тут же сменил на противоположную. Все зло в стариках. Долой стариков!

В Пансионе

В Пансионе Шутник и Циник решают проблемы новой мировой войны.

— Они тут тоже не такие уж лапти. Здесь тоже готовятся к войне. Потихоньку, тайно.

— Нельзя тайно готовиться к большой войне. Надо весь народ готовить к войне. Особенно — молодежь. Случись что, Советский Союз в пару дней превратится в единый военный лагерь. А тут месяца два нужно для борьбы со своей молодежью и с пацифистами.

— В новой войне массы населения не будут играть большую роль. Атомное оружие...

— Допустим на минуту, что изобретен способ менять курс ракет противника и даже направлять их обратно. Что тогда? Война снова станет войной масс людей в первую очередь.

Вернулся с помойки Энтузиаст, выносивший накопившийся мусор, и развел демагогию насчет западных отбросов.

— Здесь в отбросы идет то, за что в Советском Союзе люди готовы платить большие деньги и стоять в очередях.

— Вы думаете, тут не знают цену вещам? Знают лучше нашего. Потому и выбрасывают. Дешевле выбросить, чем хранить.

— И если эти отбросы сохранить, положение в мире не изменится заметным образом.

— В мире действительно сотни миллионов голодных и нищих, — внес я свой вклад в дискуссию. — Но из этого не следует, что этот сытый и богатый народ обязан тоже быть нищим и голодным. Не вина этих людей, что в мире появились многие миллионы других людей. Зачем они появились? Население к концу века увеличится еще на много сотен миллионов человек. Зачем? Почему этот народ должен о них заботиться? Каждый народ имеет право на борьбу за свое существование и благополучие. В ваших экскрементах тоже можно обнаружить питательные вещества, за которые в других местах планеты идет борьба. Что из этого следует? Легко быть гуманным за чужой счет. У вас уже три пиджака. Отдайте один нищим в Индии и Камбодже!

Энтузиаст сказал, что я «перегибаю палку», и побежал в туалет. Эти дни он шлялся по разным приемам и жрал по пять раз на день задарма.

— Если Вы так выскажетесь публично,— сказал Циник,— сами здешние богачи обзовут вас реакционером и расистом. Тут все за демократию, равенство, справедливость, гуманность.

— На словах. Это не мешает им использовать иностранных рабочих и смотреть на них как на низшую расу.

— Тут пять миллионов иностранных рабочих и два миллиона своих безработных. Но попробуйте заставить этих безработных работать на таких условиях, на каких работают иностранцы!

— Современное общество нуждается в большом числе людей, положение которых можно сравнить с положением рабов в Риме. И оно же одновременно порождает большое число людей, сравнимых с римскими плебеями. Это — общий закон. Он действует и у нас, только в скрытой форме. Что бы ни говорили гуманисты, общество не может долго существовать без иерархии и неравенства. Наш опыт — блестящее тому доказательство.

Чужая жизнь

Художник с женой живет в комнате рядом с моей. Стена тонкая. Я часто слышу их интимные разговоры. Они уверены, что на Западе перегородки между комнатами звуконепроницаемы, и не церемонятся в выражениях.

— Нужны деньги,— говорит он.

— Я могу устроиться работать модельершей.

— Тут другие пропорции нужны. Да и старовата ты.

— Не хами!

— Здесь другие понятия о молодости.

— Ну, натурщицей в художественной школе. Или у частника.

— Тут все частники. А натурщицы все проститутки.

— Это в Москве натурщицы проститутки. А здесь проституток и без натурщиц хватает.

— Нереально. Может, уборкой квартир заняться?

— Тут этим делом турки занимаются.

— Этот тип, что вчера приехал, наверняка агент КГБ.
— Тут все кагебешники.
— Странно, меня в КГБ ни разу не вызывали и не предлагали стучать. Ты что-нибудь понимаешь в этом?
— Меня тоже не вызывали и не вербовали. Вся эта болтовня о советских шпионах — сплошное вранье. Погоди храпеть! Мне, между прочим, не семьдесят лет.
— Между прочим, самый знаменитый бабник в истории, Казанова, писал, что самую приятную ночь он провел с семидесятилетней графиней.
— Вранье!
— Ничего подобного. Просто это была единственная ночь в его зрелой жизни, когда он выпался всласть. Ха-ха-ха!
— Дурак!
Я вычеркнул Художника и его жену из моего списка советских агентов.

Бессонница

Не спалось. Полистал книгу критика советского режима, которую тут раздувают как выдающееся явление. Наткнулся на такое утверждение: революцию делают для того, чтобы человеком никто не руководил. Закинул книгу под кровать. Затем листал программу некоего «Демократического Союза». В программе пятьдесят пунктов. Один пункт касается сбора пожертвований в пользу «Союза». Этим пунктом, пожалуй, создатели программы могли бы и ограничиться, сформулировав его более четко: дайте деньги!!! В программе сказано, что власть в стране должна принадлежать «всему народу, т. е. всем гражданам страны в целом и только им». А чуть подальше сказано, что она должна принадлежать «большинству населения», а осуществляться — «его избранныками». Но ведь в Советском Союзе именно это и осуществлено давным-давно. Авторы программы настаивают на действиях «в рамках закона», а далее говорят о неких «независимых группах», игнорируя то, что эти группы в рамках закона могут быть запрещены. Полистав этот шедевр политического мышления, я его тоже забросил под кровать.

Сон

Под утро я все-таки заснул. Мне приснилось, что я присутствую на чрезвычайном совещании в КГБ. На Западе вступило в строй новое секретное предприятие, и на совещании обсуждается вопрос, как заполучить секреты этого предприятия. Выдвигаются различные предложения: устроить демонстрацию протеста, заставить оппозицию в парламенте сделать запрос, заставить журналистов опубликовать разоблачительные материалы, послать террористов, внедрить своих людей, устроить правительственный кризис, пригласить специалистов к себе на симпозиум, устроить международный конгресс... Короче говоря, были высказаны все возможные варианты. Потом взоры всех присутствующих обратились на меня. «Не надо ничего делать,— сказал я.— Надо лишь немного подождать, и они сами раскроют нам все свои секреты. Даже просить будут, чтобы мы их приняли. И заплатят нам за это». Все участники совещания с гневом обрушились на меня. «Значит, мы не нужны! — кричали они.— Значит, нам делать нечего! Бей этого мерзавца! Он — агент ЦРУ!!»

Зигзаг истории

История с покушением сразу заглохла. Все делают вид, будто никакого покушения вообще не было. Как будто кто-то дал команду молчать. Мне самому стало казаться, что тот «счастливый день» есть случайный зигзаг истории.

Идея Центра

Писатель сказал, что идея создания центра, объединяющего усилия эмиграции по критике Советского Союза, обсуждается «на высшем уровне». Вот где я смогу применить свои профессиональные способности. Он готов походатайствовать за меня.

Допрос

— Вы в Советском Союзе занимали привилегированное положение.

— Я был всего лишь кандидатом наук и старшим научным сотрудником.

— Но вы были членом КПСС.

— Большинство членов КПСС живет на нищенском уровне.

— Вы были близки с ответственными работниками аппарата ЦК и КГБ.

— Это мне не давало ничего, кроме личного общения. Самая влиятельная фигура из них — Вдохновитель. Он жил в маленькой квартирке, получал немногим больше меня, не имел особых бытовых привилегий. Да и чин у него смехотворно низкий. Такие люди нигде большую карьеру не делают.

— Вы коммунист?

— Понятие «коммунист» многосмысленное. Если я, к примеру, имею одни штаны, я не чувствую себя бедным. Если имею двое штанов, не чувствую себя богатым. Я не чувствую себя голодным, питаюсь тухлой картошкой. И не чувствую себя сытым, съедая свежий бифштекс. Я буду рад, если займею хорошую квартиру. Но я могу жить и в крохотной комнатухе. Я мог бы вписать свое имя в историю науки. Но я могу раздавать свои идеи даром и кому попало, как я это и делал до сих пор. В этом смысле я есть настоящий коммунист. Но я не верю в коммунистический рай и могу смеяться над марксизмом и советским образом жизни похлеще западных антикоммунистов и советских «критиков режима». В этом смысле я не коммунист.

Правда

— Мы обязаны рассказать западным людям голую правду о нашем обществе,— говорит Писатель.

— Голую — это хорошо,— говорю я.— Это они любят. Сейчас тут ничего не смотрят и не читают, если нет чего-нибудь голого.

— Я не шучу.

— Я тоже. Со мной был тут такой случай. Пригла-

сили меня в один исследовательский институт рассказать об основных чертах советского общества. Показали институт, рассказали об организации его работы. В Союзе я бывал в исследовательских центрах. Сравнительно с общими условиями в стране уровень жизни и условия работы в них казались мне сказочными. Но то, что я увидел здесь, ошеломило меня. Советские центры показались теперь убожеством. Например, профессор, который меня принимал, имеет всего одну лаборантку. Но дело, которое он один с ней делает, равно по масштабу делу целой советской лаборатории из пятидесяти человек. Доклад мой состоялся после осмотра института. Легко сравнивать, сказал я, различные страны с однотипным социальным строем. Но сравнение стран с различной социальной системой и вынесение приговора, какая из них лучше и какая хуже, есть дело истории. Вот сравним, например, ваше положение (я указал на упомянутого профессора) и положение ученого такого же калибра в советском исследовательском центре. Такой ученый у нас имеет свою лабораторию и минимум пятьдесят подчиненных. (В этом месте все собравшиеся смеялись.) Но, сказал я, посмотрим на это дело вот с какой стороны. Вы — начальник всего над одним человеком, а ваш советский коллега есть начальник над пятьюдесятью. С учетом места в советской системе в целом, ваш советский коллега психологически ощущает себя и воспринимается другими как генерал, командующий крупным подразделением. Чувствуете разницу? Что лучше — жить, чтобы производить и повышать производительность труда, или производить (причем не обязательно высокопроизводительно), чтобы жить социальной жизнью? Потом началась дискуссия, в которой они буквально громили свои комфортабельные и стерильные условия. Я узнал, что многие из сотрудников изнывают от скуки. Душевная депрессия — обычное дело. Кое-кто попадает в психиатрические лечебницы. Смешно, они воспринимали как благо наши собрания, коллективные поездки в колхозы, общественную работу и прочие опостылевшие нам атрибуты советской жизни. Я их предупреждал, что реальный коммунистический образ жизни является искушением в основе, но именно на этой основе он превращается в новую форму закрепощения. Но они видели лишь первую часть моей форму-

лы — искушение. Вот и попробуй говорить им некую голую правду. Таковой просто нет.

— Ваш пример звучит очень литературно. Вы не возражаете, если я его запишу?

— Пишите! На то вы и писатель.

Объективность

Запад мечется между двумя крайностями — между крайним преувеличением военной мощи Советского Союза и крайним преувеличением его бытовых недостатков. Вот в журнале фотографии, из которых создается впечатление, будто Советский Союз — отсталая в хозяйственном, бытовом, культурном и промышленном отношении страна. Но, господа, откуда же тогда достижения в космосе, военная мощь, выдающиеся музыканты, победы в спорте и прочее? Советский образ жизни лежит не между упомянутыми крайностями, а совсем в иной плоскости. А в какой именно, этого не хочет знать никто. Страх объективности в понимании общественной жизни — одно из самых поразительных явлений нашего сверхнаучного века.

А можно ли вообще тут быть объективным? Вот по телевидению показывают фильм о партийном съезде в Москве. Впечатление жуткое. Особенно — от вида советских руководителей. Вот партийные чинуши с тупыми жирными мордами встали и запели «Интернационал», держа в руках листочки с текстом забытого всеми партийного гимна. Вот они вопят слова гимна «Вставай, проклятьем заклеянный, весь мир голодных и рабов». Взгляните на их рыла в этот момент! Вот вам подлинное не лицо, а именно рыло, харя, мурло коммунистического общества в самом выразительном воплощении. Ну, а местные жители? Они смотрели фильм с полным равнодушием и даже с некоторой долей уважения к этой морде коммунизма.

Сооружение

При закате солнца Сооружение выглядит как волшебный замок или храм. Нет, скорее, как космический корабль. Но вот темнота растворяет внешние контуры, и на месте сказочного видения образуется страшный черный провал.

Знать и понимать

Твоя задача, говорил Вдохновитель, не знать, а понимать. Знаний у нас в избытке, а понимания — кот наплакал. Мой шеф, например, знает поименно всех важных деятелей Западной Европы и всю их подноготную. А что в том толку? Западные кремленологи знают детали жизни наших руководителей лучше, чем мы. А что это им дает? Нам нужны ключи не к Жоржу, Герману, Джону. Нам нужны ключи к странам, массам, процессам, эпохам. Для этого мало знать. Для этого надо понять. Можно не понимать с большими знаниями. А понять можно и с малыми знаниями. Не засоряй голову пустяками. Просто живи. Думай. Жди. И понимание придет рано или поздно.

Планы и свершения

Я покидал Москву с тайным намерением изучить Западную Европу и разработать план наиболее быстрого и безболезненного завоевания ее Советским Союзом. Я предполагал, что мне для этого будет достаточно двух лет. Потом я собирался послать свой план в КГБ. Хотя я и не совсем дурак, я все же рассчитывал на то, что мой план произведет там сильное впечатление и я получу хороший пост в той системе, которая будет претворять мой план в жизнь. Я не рассчитывал на первое место в этой системе. Я рассчитывал лишь стать тайным советником некоей номерной персоны — играть роль тайного гения при явном идиоте.

Мои планы были утопическими по двум причинам. Первая причина — сроки. Я здесь живу скоро год, но почти ничего не знаю о городе, в котором живу. Если я такими темпами буду осваивать всю Западную Европу, мне потребуется тысяча лет. Вторая причина — степень доверия к моим предложениям. Чем лучше я буду понимать Запад, тем ближе эта степень будет к нулю.

Потом я устал строить такого рода планы. Я всеми доступными средствами старался вырвать самую мизерную подачку у Запада, планы завоевания которого я перед этим разрабатывал. Старался безуспешно. А ведь узнай Запад о моих планах, он наверняка отва-

лил бы мне подачку пожирнее, потому как я был бы для него не отбросом разваливающегося советского общества, а представителем могучей державы.

Устав от безрезультатных попыток вырвать подачку, но отдохнув от утопических планов завоевания Запада, я с головой окунулся в новые планы. Только на сей раз я начал разрабатывать планы ослабления Советского Союза и уменьшения его влияния на Западе. Почему лишь ослабления и уменьшения? Потому что я на сей раз решил быть не утопистом, а реалистом. А как реалист я понимал, что уничтожить Советский Союз и остановить совсем его вторжение на Запад невозможно. А планы свои я решил послать в ЦРУ. На сей раз я не рассчитывал ни на какой пост. Я рассчитывал лишь получить подачку чуточку побольше той, какую мне подбрасывают сейчас.

Когда я составлял планы покорения Запада, я принимал очень сильное допущение, а именно: допускал, что Запад умен и будет сопротивляться советскому нашествию. Начав же составлять планы защиты Запада, я принял другое очень сильное допущение, а именно: что Советский Союз умен и будет неуклонно добиваться осуществления своих намерений в отношении Запада. Но в последнее время я стал сомневаться в правильности своих допущений. Сила Запада не в уме и решимости защищаться, а в глупости и готовности капитулировать. С другой стороны, сила Советского Союза состоит точно так же в его глупости и неспособности достаточно долго выдерживать высокий уровень решимости. Следовательно, решил я, в интересах научной точности мои допущения следует поменять на противоположные. Но тогда... Тогда никакие планы не нужны вообще, ибо все происходящее в мире происходит в полном соответствии с этими допущениями. Именно идиотизм происходящего есть самое идеальное воплощение гениальных планов — вот в чем суть дела.

И я забросил свои планы защиты Запада. Пусть все идет так, как оно идет независимо от тебя, решил я. Дело не в том, что история идет неправильно. Она как раз правильно идет. Дело в том, что твое присутствие в ней неправильно. В сражении между двумя могущественными идиотами умному карлику места нет. Его раздавит кто-то из сражающихся, а то и оба совме-

стно. Надо уйти в сторону. Уйти незаметно, чтобы никто не обратил внимания на твой уход. Но уйти как можно скорее. Общество не заинтересовано в тех великих открытиях, которые могли бы вписать твое имя в историю науки. Наоборот, оно заинтересовано в том, чтобы их не было. Твоя позиция есть позиция космического пришельца, равнодушного, а значит — враждебного всему земному. Так что убирайся обратно в свой Космос, т. е. в свою мизерную личную скорлупку, и помалкивай!

Разговор с писателем

— Вы замечаете, как резко меняется к худшему отношение к нашей эмиграции на Западе? В чем дело?

— Раньше мы появлялись здесь как вестники слабости советского строя и укрепляли надежду на его скорое крушение в силу внутренних причин. Теперь мы приходим сюда как вестники силы советского строя, как авангард атакующей армии. Мы теперь вызываем тревогу на Западе за его ценности и существование. Мы разрушаем надежду на крах Москвы в силу внутренней несостоятельности.

— Ну и хорошо!

— Конечно, хорошо. Но в таких случаях действует закон переноса реакции с сильного и реального врага на слабого и мнимого. Запад начал защищаться не от самой советской угрозы, а от тех, кто пытается разъяснить сущность и силу этой угрозы.

— Вы, к сожалению, правы. По моим наблюдениям, Запад вообще погряз во лжи, лицемерии и самообмане. Тут все и во всем врут. Врут по поводу расовых и национальных проблем, по поводу диссидентов, по поводу пацифистов... А что творится в литературе и по поводу литературы!.. А кино!.. Знаете, к какому страшному выводу я пришел? Это и есть настоящая, высоко развитая цивилизация! Цивилизация в принципе есть ложь, ибо цивилизация есть искусственность. Правда есть нечто естественное. И потому она обычно неприятна и страшна. Ложь цивилизации есть сокрытие правды. Например, представители различных рас обычно ненавидят друг друга согласно естественным законам бытия. Что делает цивилизация? Привносит в расовые отношения ложь. Все делают вид, что расы

равноценны, что царит стремление к межрасовой любви и дружбе. Все дружно осуждают тех, кто обращает внимание на естественные явления в расовых отношениях, как расистов. Или другой пример. Население планеты превысило естественные нормы. Зачем? Разве от увеличения числа людей увеличивается масса счастья на земле? Разве степень прогресса находится в прямой зависимости от числа людей? В России при Петре население было всего двенадцать миллионов. Потом, несмотря ни на что, начался рост населения. Почему? Благодаря крепостному праву. Человек приобрел материальную и престижную ценность для помещиков. Людей стали разводить. А теперь-то зачем их разводить? Теперь их сокращать надо. Что вы об этом скажете?

— Хорошо, что нас никто не слышит.

— Я уже достаточно насмотрелся и начитался тут всего. Доминирующее на Западе искусство превосходит официальное советское искусство только более изощренной техникой исполнения, яркостью, массой и упаковкой. А суть его та же: замаскировать настоящую закулисную жизнь Запада и романтизировать ее. Западный человек тоже погружен в систему массового оболванивания, только на несколько иной, чем у нас, манер. Я начинаю замечать, что советская система оболванивания оставляет больше свободы для таких людей, как мы, сохраниться духовно в качестве личности. Там хотя бы протест против массового оболванивания имеет результатом свою противоположность — обособление индивидуальности. А здесь такой протест есть обычный элемент самой системы оболванивания.

Историческая мания

Художник приобрел краски, которые похожи на масляные, но сохнут молниеносно. Жалуется: эти краски сохраняются всего пятьдесят лет. А ему нужны краски, сохраняющиеся столетиями. Вечные материалы нужны. Бездарный художник, еще не продавший ни одной картины, претендует на вечность. Писатель хотя и говорит вслух о себе весьма пренебрежительно, на самом деле пишет «не на потребу дня», а на века. В чем природа этой мании «на века»? Смутное ощу-

шение того, что не будет даже десятилетий. Маниакальность в натуре нашего общественного строя. Мы должны стремиться к абсолютно полному изобилию всего, чтобы удовлетворить самые примитивные потребности людей. Мы должны мечтать о грандиозном перевороте в культуре, чтобы сделать хотя бы мизерный реальный вклад в нее. Потому наши диссиденты и критические писатели, приобретая какую-то известность на Западе, заболевают «манией бога» — начинают воображать себя творцами мировой истории. О наших вождях и говорить нечего. А чем лучше их мы — я и мой двойник в Москве, Вдохновитель? Его речи в духе античной трагедии преследуют меня до сих пор и до сих пор находят отзвук в моей душе.

Мысли о войне

В войне победит тот, кто быстрее восстановит единство своей страны после чисто военных операций и помешает это сделать противнику, говорил Вдохновитель. Подготовка к войне есть прежде всего подготовка к тому, что будет после войны. У нас есть целый институт, который занимается проблемами организации и дезорганизации населения после будущей мировой войны, а именно: тем, как восстановить единство и управляемость своего уцелевшего населения, как разрушить остатки единства вражеского уцелевшего населения и установить над ним свой контроль. Эти проблемы исследуются для всех возможных вариантов будущей войны. И что самое интересное — готовятся специалисты, которые будут практически заниматься этим, будут снабжены соответствующей информацией и наделены полномочиями. Разумеется, специалисты для стран противника в первую очередь. Они будут постепенно засылаться в страны Запада и оседать в предположительно наименее уязвимых местах. Возможно, они заранее получают указания насчет таких мест, и в таком случае их расселение не играет роли. Если мы сумеем подготовить достаточно большое число таких специалистов и заслать их на Запад, проблема их расселения вообще будет снята. Возможно, что такие специалисты будут находиться в Союзе вплоть до начала войны и будут выброшены в боль-

шом числе на Запад, когда определятся результаты первого удара.

Вот на столе лежит пылинка,— говорил Вдохновитель.— Ты ее невооруженным глазом вообще не разглядишь. А между тем есть бактериологические и психологические бомбы такого размера, которые по разрушительной мощи превосходят старые авиабомбы весом в тонну. Полстакана таких бомбочек достаточно, чтобы полностью парализовать США. Но каждая такая микроскопическая бомбочка обходится стране пока много дороже, чем старая авиабомба весом в тонну. Еще дороже обходится хранение таких бомб. Есть трудности их доставки и рационального использования. Плюс неожиданности. Одним словом, для решения всего комплекса проблем, связанных с такими бомбочками, нужны огромные средства, развитие целых отраслей науки и техники, тончайшая технология, электроника... Самые гениальные фундаментальные открытия в этом направлении сделаны. Но чтобы реализовать их, нам нужна западная технология и электроника. Одним словом, чтобы разгромить Запад, мы нуждаемся в помощи самого Запада.

Все рассматривают начало будущей войны как проблему чисто техническую и отчасти как политическую, говорил Вдохновитель.

Но начало большой войны зависит не только от состояния военной техники, массы оружия и тщеславия политиков и генералов. Оно зависит от психологического и идеологического состояния народов. Какой-то народ как целое должен быть готов к войне психологически, чтобы его руководители смогли развязать новую войну как будто бы по своему произволу и как будто бы неожиданно. Такого народа в мире сейчас пока еще нет. Но наш народ ближе всего к этому состоянию.

Короче говоря, проблема новой мировой войны есть проблема для мыслителей вроде нас с тобой, а не для чиновников и особых служб.

Сооружение

Мое Сооружение все более обретает неземные, космические формы. Похоже, что тут будут помещаться уч-

реждения, связанные с освоением космоса. Поэтому, надо думать, строители и выдумали такую фантастическую и одновременно устрашающую архитектуру, вызывающую ощущение огромности Космоса, мистического ужаса перед Бесконечностью и Неизбежностью. Башни Сооружения уже переросли самые высокие здания города.

Вести с Родины

Энтузиаст ворвался ко мне с круглыми от ужаса глазами. «Вы тут безмятежно дрыхнете,— заорал он,— а в мире черт знает что творится!» «Что случилось? — спросил я, вскакивая с постели.— Война?» — «Нет, кое-что похуже! — орал Энтузиаст.— В Советском Союзе вводят налог на собак! Представляете: налог на собак!» Услышав это, я несколько успокоился. «Я бы на месте советских властей,— сказал я миролюбиво,— ввел бы налог на клопов». — «Вы все обращаете в балаган,— укоризненно сказал он,— а еще диссидентом считались!..»

А ведь в КГБ действительно хотели изобразить из меня диссидента. Думаю, что это была грубая ошибка. И сделали они это из чисто формальных соображений. С этой точки зрения и советская система обладает всеми недостатками большой системы вообще.

Партийное собрание

Писатель увлекся своей болтовней и совершил непростительную ошибку: вошел в квартиру Дамы, захватив меня с собой. Дама при виде меня безмерно удивилась. Писатель увел ее в кухню, и они зашептались о моем неожиданном визите. До меня долетели слова Дамы «деловое совещание», «важные проблемы», «серьезные люди». Потом — слова Писателя «привлечь», «использовать», «помочь»... В конце концов они, очевидно, договорились. Вышла сияющая Дама. Сказала «что-то вы нас позабыли», «что-то вы загордились», «а что вы не раздеваетесь», «нет, нет, мы вас так не отпустим». И я был допущен в гостиную. Тут, помимо известных мне Мужа, Профессора, двух со-

трудников антисоветской радиостанции, руководителя местного эмигрантского общества и руководителя местного отделения известного эмигрантского союза, присутствовали еще несколько пожилых мужчин и женщин. Меня представили «в общем и целом». Они кивнули, руки мне не протянули и имен своих не назвали. Хозяйка бросила на меня последний тревожный взгляд. Перевела глаза на седого хмурого мужчину. Тот слегка кивнул. Я истолковал этот кивок так: не бойтесь, он — тоже наш человек, пусть понемногу втягивается. «Товарищи... хи-хи-хи... извините, господа,— начала Дама.— На повестке дня нашего... совещания... хи-хи-хи... вопрос о единстве и согласованности действий в рядах советской эмиграции на Западе. Слово для доклада имеет...» (А мне слышалось: закрытое партийное собрание советской разведгруппы в городе М. считается открытым, слово для доклада имеет член Баварского Областного комитета партии...) Седой угрюмый человек не спеша вынул из папки бумаги. Полистал их. «Э-э-э... господа,— произнес он хорошо поставленным голосом партийного работника не меньше чем районного масштаба.— Вы все прекрасно понимаете, какой сложный момент мы переживаем и какие важные задачи встают перед нами...»

Наши заботы

«Толковый мужик,— сказал Писатель, имея в виду Седого, когда мы шли домой.— И вообще, дельный разговор был. Приятно сознавать, что люди искренне озабочены...» — «Чем? — спросил я.— Хотите, я Вам расшифрую некоторые идеи доклада? Вот, например, докладчик говорил о падении престижа Советского Союза на Западе, об усилении антисоветской пропаганды и о ее новых формах. Вроде все верно. Ни к чему не придерешься. Но падение советского престижа на Западе прекрасно сочетается с усилением его фактического влияния. Престиж падает в одном, а влияние усиливается в другом. Люди, так или иначе причастные к советским интересам на Западе, могут делать что угодно, в том числе — заниматься антисоветской пропагандой. Но эта деятельность должна быть организована и направлена так, чтобы конечный ее продукт был в поль-

зу Советского Союза. Так что некая акция по усилению антисоветской деятельности может дать результат, прямо противоположный декларируемому. Есть наука манипулирования людьми. Наука не менее точная, чем физика. И опыт есть. И кадры. Задача КГБ — лишь знать положение и манипулировать людьми. А люди сами сделают все, что нужно, причем без формального сотрудничества с КГБ».

Исповедь писателя

«А вообще говоря, вы во многом правы,— признается писатель.— Сразу по приезде сюда я написал книжку. Кое-что в ней не понравилось издателям. Меня попросили исправить и подсказали, в каком направлении. Я отказался. Книгу все-таки напечатали: договор был заранее подписан. Напечатали — и книги как будто не было. Она исчезла, не успев появиться. Так что какая разница — не печатают (как у нас) или убивают равнодушием (как здесь)? Теперь я бы предпочел первое: по крайней мере, в героях какое-то время ходишь.

Мы в Союзе привыкли к тому, что если книга хорошо написана, то этого достаточно, чтобы она нашла дорогу к читателю. Книга может стать бестселлером независимо от прессы и критики, даже вопреки им. Здесь вы можете сочинять сверхгениальные книги. Но без рекламы и прессы их никто читать не будет. И покупать не будут.

А читатель! У нас книги глотают в день по несколько штук. Запоем читают. А здесь? Есть у меня один знакомый тут. Очень интеллигентный человек. Он запланировал... обратите внимание, запланировал!.. прочитать во время отпуска одну широко рекламируемую книгу. А он тут типичен как читатель.

Свободы! Многие ли у нас на самом деле нуждаются в них? Если человек нуждается в свободе, он и у нас рано или поздно ее добьется. Для себя лично, конечно. А для кого же еще? Сейчас в Москве практически можно напечатать все, что захочешь. Для этого надо всю жизнь прожить в литературной среде и отдать много сил на то, чтобы суметь напечатать то, что хочешь. Ну и что? Преодоление несвободы и достижение желаемо-

го в результате жизненной борьбы приносит высшее удовлетворение.

Между прочим, если бы я напечатал в Москве книжечку вдвое менее критичную, чем та моя злополучная книжка, она имела бы резонанс не только там, но и здесь. А в нынешних условиях я смог бы ее напечатать.

Тут до сих пор видят в нас лишь нечто экзотическое, отклоняющееся от привычных норм. Потому тут в качестве советского образа жизни видят лишь крайности и исключительные явления нашей жизни, каких нет на Западе. Тут были бы все очень довольны, если бы Советский Союз на самом деле был большим концентрационным лагерем. Вот почему наша разоблачительная литература имела тут беспрецедентный успех. Когда начинаешь писать об обычных явлениях советской жизни, читатели теряют интерес: у них эти явления у самих есть. А ведь, казалось бы, только после этого должен был бы появиться настоящий интерес: ведь речь идет о них самих. Надо иметь долгий опыт жизни в нашей стране, чтобы обратить внимание на важность очевидного. Изменение взгляда на давно знакомые явления — это тоже чего-то стоит.

И какой же урок я из всего этого извлек? Такой же, как в Москве: писать так, чтобы моя писанина устраивала тех, кто вершит здесь судьбами нашей литературы. И московский уровень теперь для меня уже недосяжим.

Вся моя прошлая жизнь была негласным сговором с властями, с коллегами, с друзьями. Я и сюда выбрался благодаря такому негласному сговору. Моя квартира кишела стукачами. Я делал вид, что не замечаю этого, и разговаривал с ними, будучи уверен в том, что мои слова где-то фиксируются и взвешиваются. В частности, я поклялся не лезть в политику, не писать антисоветских книг, встречать доброжелательно любых гостей из Москвы. Одним словом, я дал им понять, что я — типичное советское дерьмо. Попав сюда, я сделал попытку обрести независимость. Ради нее я и удирал сюда. Но не успел я оглянуться, как оказался в той же сети сговоров. Только в еще более цепкой и унижительной. Из нее уже не вырвешься — некуда. Из неволи еще есть выход: на свободу. А из свободы уже никаких выходов нет. И самое ужасное со-

стоит в том, что Запад уже не есть объект для великой литературы. Советский Союз — вот самое интересное с точки зрения литературы явление столетия. В Москве, а не в Нью-Йорке, не в Париже, не в Лондоне вырастает древо жизни. Русская литература имеет неповторимую возможность описать этот феномен... Не разоблачить, а именно описать в его могучей жизненной способности и стать благодаря этому великой литературой. Я не апологет советского строя. Но я пришел к выводу, что великая русская литература теперь возможна только как апологетическая, но ни в коем случае как критическая».

Я вычеркнул Писателя из моего списка советских агентов. Интересно, сумею ли я вычеркнуть из этого списка себя?

Агент

Я совсем не ощущаю себя советским агентом. Обычно я вообще забываю об этом. В Москве у меня был один знакомый в военной разведке. Он мне говорил то же самое. Его (назову его Агентом) забросили на Запад методом женитьбы. Позже, на курорте, познакомились с парой из того же города. Назову их Мужем и Женой. Агент стал любовником Жены. Случайно узнал, что Жена работает в фирме, выполняющей военные заказы. Он понял, что удача сама пришла к нему. Он вообще придерживался принципа: либо удача сама придет, либо не придет, несмотря ни на какие усилия. Это в кино и в романах, где события многих месяцев и даже лет сжимаются в полтора часа или в сотню страниц, шпион ощущает себя шпионом и ведет себя так, будто он каждую минуту рискует жизнью, говорил он. А в реальной жизни растянуто. Я два года прожил на Западе, вообще позабыв о том, что я — шпион. Даже узнав, что Жена имеет доступ к военным секретам, я не сразу использовал эту возможность.

Однажды он предложил ей поехать на очень дорогой курорт вдвоем. Но, сказал он, для этого надо много денег. Их можно легко заработать. Пусть она приносит из своего учреждения всякую макулатуру, какая подвернется. А он ее будет сбывать за хорошие деньги «одному кретину из одной фирмы». И она начала

усердно таскать ему «макулатуру» в таких количествах, что он еле поспевал пересылать ее в Москву. Сам он в этих документах разобраться не мог. И не хотел: он уже привык ничего не делать. Так продолжалось три года. Наконец в Москве в этой «макулатуре» обнаружили все то, что касалось нового важного изобретения для управления танками.

Теперь представьте себе, что таких агентов десятки. Они живут обычной жизнью. Совсем не ощущают себя агентами. Они не делают ничего криминального. Они ждут удобного случая. Такой случай выпадает не всем. Но если агентов много, то он кому-то из них обязательно выпадает. Причем агенты такого рода не обязательно забрасываются из Москвы. Сами западные граждане за сравнительно небольшие деньги могут продать вам все, что душа пожелает. Риск провала невелик. А система наказания на Западе настолько слабая, что она не может удержать людей от искушения.

Мои источники

Я прожил жизнь в Москве. Я не одну цистерну водки выпил с сотрудниками ЦК, КГБ и прочих важных служб. А они тоже люди, к тому же гомососы, склонные к пьяной сердечности и откровенности. Нельзя ли западным агентам в Москве использовать эту возможность? Систематически — нет. Для этого надо очень много агентов. Нужно, чтобы они жили свободно, как местные жители. И нужно самому быть гомососом, дабы иметь доступ к душам собутыльников. Подкуп? Как система тоже не пойдет. В советских условиях не так-то просто истратить большие деньги. Люди, имеющие доступ к секретам, дорожат своим положением и находятся под контролем. Настоящие секреты удалены от мест, где могут действовать западные агенты. А секреты, доступные им, либо липа, либо пустяки, либо дезинформация. Но зачем западным агентам советские секреты, аналогичные тем, какие тут, на Западе, раздобывают советские агенты? В Советском Союзе для Запада интереснее другое: механизмы общества, которые не могут понять никакие агенты и которые можно понять с небольшими усилиями и без агентов.

Я покоряю Европу

— Что бы вы сделали, если бы были главой советского руководства?

— Ничего. Глава советского руководства имеет лишь видимую и чисто символическую власть.

— Допустим, вы обладаете реальной властью.

— Первым делом перестая тратить средства на Кубу. Можете делать с ней, что хотите.

— Отлично!

— То же самое делаю с Африкой и Азией. Можете забрать себе и всех арабов.

— Прекрасно!

Остановись я на этом, может быть, мои допрашиватели закончили бы проверку и дали бы свое «добро» на счет моей работы. Но мое честолюбие понесло меня дальше.

— Поступая так, я никакого ущерба своей стране не наношу. События в этих частях мира все равно пойдут в желаемом для Москвы направлении. Без вмешательства Москвы они даже лучше пойдут. К тому же я отдаю вам наши дорогостоящие хлопоты в Африке, Азии и Латинской Америке не даром, а за хлеб, мясо, электронику. И за невмешательство в нашу Восточную Европу.

— Гм!

— Все силы страны бросаю на улучшение положения своего населения, на воспитание молодежи, на подавление оппозиции, на модернизацию промышленности. И конечно, на укрепление армии.

— М-да!

— Оживляю культуру. Расширяю контакты с Западом. Усиливаю наше мирное проникновение на Запад.

— Постойте!

— Выжидаю момент, когда Запад запутается в своих противоречиях и погрязнет в своих делишках в Азии, Африке, Латинской Америке.

— И?

— И оккупирую Финляндию, Швецию, Норвегию, Австрию, Голландию, Данию, Бельгию.

— ?!

— Францию и Италию тоже.

— Как вы смеете?!

— А почему бы нет, раз есть возможность?

- Но это же Мировая война!
- Ну и что? Рано или поздно война будет все равно.
- Но это же бесчеловечно!
- Но я же — воображаемый всеильный советский руководитель!
- А что вы сами думаете по этому поводу?
- Советские руководители не настолько умны и решительны, чтобы принять такую стратегию. Так что спите спокойно. Советский Союз и впредь будет тащить на себе груз нынешней глупой внешней политики.
- На чем базируется ваша программа как воображаемого руководителя?
- Когда боксер готовится к решающему матчу, он сбрасывает лишний вес, укрепляет мускулы, концентрируется психологически на предстоящем сражении и на предполагаемом противнике. Это же очевидно.
- Да, это очевидно.

Я защищаю Европу

- Ну а если бы вы были западным политиком, обладающим реальной властью? Что бы вы сделали в защиту Запада?
- Попытался бы помешать советскому руководству перейти к той стратегии, какую я изложил выше. Постарался бы взвалить на СССР новые непосильные расходы в мировой активности, вовлечь в новые хлопоты. Усилил бы гонку вооружений. Мешал бы преодолению внутренних трудностей в стране.
- Это очевидно.
- Да. Но тут одно не очевидно.
- Что именно?
- То, что все это очевидно.

Преемственность поколений

- Поразительно,— говорит Циник, читающий русскую эмигрантскую газету.— На сто девяносто шестом году жизни скончался поручик Лейб-гвардии Его Императорского Величества Семеновского полка... Смешно! Сто девяносто шесть лет, а всего — поручик!

- Не сто девяносто шесть, а лишь девяносто шесть,— поправляет Нытик.
- Все равно смешно. Неужели эти мумии еще надеются вернуть прошлое?
- Эту газетенку делают молодые люди. Они не надеются ни на что, но готовы изображать надежду на что угодно, лишь бы за это платили.
- За деньги я бы тоже согласился.

Демократия

- Внимание! Начинается передача о гомосеках!
- Совсем сдурели!
- Гомосексуалисты тоже имеют право на существование.
- Гомосексуализм способствует разрушению семьи и подрывает основы общества, так что общество имеет право от него защищаться. К тому же гомосеки составляют ничтожное меньшинство населения.
- При демократии и меньшинство имеет право существовать.
- Смотря какое меньшинство. Гангстеры и террористы тоже в меньшинстве. Демократия не есть свобода всего. Это есть лишь определенная форма политической организации общества. Это — правовое общество. Какое меньшинство имеет право на существование, должно решать большинство.
- Те гомосеки, которых мне приходилось видеть, все были жуткой мразью. Но если они хотят существовать, пусть существуют.
- Но они хотят большего. Они навязывают себя обществу, привлекают к себе внимание и вовлекают в сферу своих интересов нормальных людей. Общество, повторяю, тоже имеет право защищаться от этой заразы. А вообще говоря, обсуждение проблемы гомосексуализма в терминах демократии есть опошление последней.
- А можно ли наших советских гомосеков считать борцами за права человека?
- А чем они хуже религиозных сектантов?
- И все равно советский строй — дерьмо!

Вести с Родины

Передачу о гомосеках сменила передача о Советском Союзе. Это значит, что здесь отношениям с Москвой придают большое значение. Сбежали все обитатели Пансиона. Смеемся, охаем, ругаемся, узнаем знакомые места. Вот западный журналист берет интервью у «простого рабочего».

«Идиот! — кричат все в один голос. — Это же кагебешник, за версту видно!» — «Мы все выглядим как кагебешники, — вздыхает Нытик. — Когда вас (это к Энтузиасту) показывали по телевидению, тут все были уверены, что вы — агент КГБ.» Потом все же показали московские очереди, сказали о продовольственных затруднениях и о новых арестах. И мы успокоились: все идет нормально. Интересно, стоило на короткое время оторваться от родины, как уже начинает казаться, что там все пошло по-другому, хотя сам твердо знаешь, что по-другому там не будет никогда и ни при каких обстоятельствах. Чуть-чуть лучше или много хуже, но не по-другому. Причем люди боятся не столько ухудшения в стране, сколько улучшения. И это понятно: если улучшение, эмиграция теряет смысл. Стоит советским властям улучшить положение в стране (к чему они, к нашему счастью, не способны), как настроение в эмиграционной среде резко ухудшится. Единственное, что дает здесь ей духовную опору, это сознание того, что в Советском Союзе «нечего жрать и сажают пуще прежнего». Второе теперь явно ложно: сажать уже некого. А если в Союзе произойдет радикальное улучшение жизненных условий, на Западе начнется психологическая и идеологическая паника.

Наконец сообщили о повышении цен на продукты питания в Союзе. Какое началось ликование!

Вести на Родину

Пришел Художник, гордый и неприступный: ему удалось выставить несколько своих работ в захудалой галерее. Сомнительно, что кто-то купит их — здесь такого добра своего навалом. А в Москву он напишет так, будто ему устроили выставку в самом Лувре.

И его знакомые художники там будут от зависти сохнуть. Писатель тоже описывает свое положение здесь друзьям и родственникам в Москве так, будто он сейчас — в центре мировой литературы. Это ложь. Но попробуй проживи тут без нее. Если бы мне было кому писать в Москве, я бы тоже, надо думать, написал бы ставшее общим штампом признание, что «свобода раскрепощает творческие силы и пробуждает необычайную энергию», изобразил бы свою социологию помойки как вклад в мировую науку.

Социология помойки

Изучение помойки советской эмиграции действительно захватило меня как ученого. По советской эмиграции можно судить о самом советском обществе, породившем эту эмиграцию. Точно так же по отходам человеческой жизни вообще можно с большой степенью точности судить о самих людях и их жизни. Обычную методику наблюдения я обогатил специальными методами. По клочку страницы я научился восстанавливать текст целой страницы, по косвенным намекам научился докапываться до существенных сведений. Для КГБ эта моя методика была бы великим благом. Можно было бы, по крайней мере, в десять раз сократить траты на собирание и обработку помоечной информации. Кто знает, может быть именно на этом пути мне суждено вписать мое имя в историю науки. Но в моей памяти возник образ Вдохновителя и развеял мою розовую мечту.

Наши враги

— Твой основной недостаток состоит в том, что ты — прирожденный первооткрыватель, — говорил Вдохновитель. — Между прочим, это хорошо, что таких людей на свете мало.

— А что в этом плохого?

— Если бы таких было много, то от земли давно один пишик остался бы.

— А что в этом плохого?

— Действительно! Я об этом как-то не подумал. Но вернемся на землю. Я думаю, что ты уже извлек урок из своего жизненного опыта здесь и не будешь проявлять этот свой недостаток там. Помни аксиому нашей профессии: агент не творец, а разрушитель.

— Я это знаю. Я ведь думаю обо всем этом просто так, для развлечения.

— Не финти. Меня ведь не проведешь. Я сам еще в худшем положении. Я же вижу сам, что нашему руководству достаточно сделать несколько очень простых ходов, чтобы эту игру выиграть. Выиграть спокойно, бесшумно, без сенсаций. Но я знаю сущность нашей системы и нашего руководства. Они не способны на такие ходы. Если бы я сейчас изложил высшим руководителям свой план, доказав его утверждения как теоремы, мне все равно не поверили бы. Еще хуже того: мне просто не дали бы высказаться. Если бы даже все были уверены в моей правоте, мне заткнули бы глотку прежде, чем я начал бы говорить. Потому нам надо хитрить. Надо сначала перехитрить своих, чтобы потом перехитрить чужих. Другого пути, брат, нет.

— Запад нам пока не враг, а поле нашей деятельности,— продолжал Вдохновитель.— Наши враги пока — наше собственное руководство и наши собственные агенты на Западе. Первые не способны подняться на уровень научного понимания действительности и научно обоснованных политических расчетов. Вторые по-советски выполняют наши планы, т. е. халтурят, обманывают, занимаются не тем, создают видимость дела. Вот тебе характерный пример. Из одного западного государства выслали как шпионов сразу несколько десятков наших сотрудников посольства, консульства, торговых представительств и культурных обществ. Сенсация мировая. Гневные статьи. Протесты. Демонстрации перед нашими представительствами. Неслыханная ранее антисоветская кампания. Это то, что лежит на поверхности и бросается в глаза. Наши руководители в панике. Одно секретное совещание за другим. Куча народу потеряла свои посты. Резолюции. Приказы. Инструкции. Одним словом, тоска зеленая. Наша агентура завалила Москву своими сообщениями в том же духе. А что в это время происходило в глубине событий и что можно было обнаружить и оце-

нить лишь средствами науки? А вот что. Немного терпения и несколько малозначащих жестов (например, намеков на то, что высшее руководство осуждает поведение некоторых ответственных лиц, и смена этих лиц) — и многие фирмы, сотрудничество с которыми нам было очень важно, подписали бы с нами контракты. Важные особы в государственных и военных учреждениях этой страны дали понять, что они готовы работать на нашу разведку. Но нашу оценку ситуации разгромили, наш проект эффективного использования этой внешне скверной ситуации отклонили, наши агенты на местах повели себя так, что сорвали вербовку упомянутых лиц. Итог — огромный ущерб для нашей страны не только на поверхности исторического процесса, но и в глубине его. Я мог бы привести тебе примеры когда кажущийся внешний успех был связан с реальными скрытыми потерями. И таких случаев — сотни. Мы изучили их, выработали строгие теории, подтверждаемые фактами и практически не знающие исключений. А как к этому относятся и как используют? Лучше не говорить. Наша операция по подчинению Западной Европы должна проводиться на уровне математически точных расчетов. Как космические полеты. И в принципе может. Но...

Мы — враги

— Но наше положение трагично,— говорил Вдохновитель.— Ты сам не хуже меня знаешь, кто является самым опасным врагом нашего строя: настоящий советский человек, который мог бы свое дело делать лучше других. Он становится опасным для этих других, и они выталкивают его на роль врага всего общественного устройства. Наиболее опасен для советского строя не тот, кто использует удобную ситуацию и вылезает в оппозиционеры, а тот, кто самим обществом вынуждается быть его врагом и насильно выталкивается на эту роль. Сейчас отличить таких настоящих врагов советского строя от мыльных пузырей диссидентства довольно трудно. Но когда эти пузыри лопнут, можем быть, кое-что прояснится. Нам надо ухитриться не стать врагами того дела, в которое мы вложили свои души.

Сооружение

Мое Сооружение начали облицовывать какими-то плитами. Они временами сверкают, как зеркала, временами становятся голубыми, временами — золотистыми. Беспорядочное переплетение блоков и цилиндров обретает строгие формы. Теперь я поражаюсь дерзости архитекторов, решившихся на такие формы. В Москве такое ни за что не разрешили бы.

Допрос

- Как КГБ может использовать вас?
- Скорее всего, никак.
- Почему?
- В силу их внутренних отношений. Им нужна фикция дела, а не реальное дело. И таких, как я, слишком много. Использовать каждого индивидуально невозможно физически.
- А если вас все-таки попытаются использовать?
- Если вы допускаете такую возможность, перехватывайте инициативу. Что вам мешает?
- Наши собственные внутренние отношения. И вас таких слишком много. Мы тем более не можем использовать каждого индивидуально.
- Неплохо сказано. Один-ноль в вашу пользу.

Центр

«Центр» утвержден. Кем? Здесь же нет ЦК! Очевидно, тем, кто будет давать деньги. Директором будет Профессор, заместителем — Дама. Энтузиаст считает, что им потребуется профессиональный социолог, а тут никого нет, кроме него. Просит походатайствовать за него. Он готов взять на себя руководство отделом, изучающим советское диссидентство. Готов редактировать журнал: «Центр» наверняка будет выпускать журнал.

Я сомневаюсь в том, что меня возьмут в «Центр» — профессионалу не место в обществе шарлатанов. Но я хотел бы попасть туда. Все-таки какая-то работа.

Зацепившись в «Центре», я потом мог бы подыскать место получше.

Нытик тоже просит устроить его в «Центр». Его претензии минимальны: он готов работать сторожем, уборщиком, курьером.

День рождения писателя

Писателю исполнилось шестьдесят лет. Вся мыслящая часть эмиграции собралась в его квартире. Ели, пили, кричали, как в Москве. И треп был вроде московского — обо всем на свете, хаотический, местами мудрый, а в целом нелепый.

— Уровень жизни у них высокий, это у них не отнимешь.

— Это как раз у них можно отнять.

— Будущее Запада зависит от молодежи

— Очень мудро. Я иду дальше: оно зависит от младенцев.

— Без шуток! Посмотрите на западную молодежь! Распушенность. Истеричность. Идеологический хаос. Бунтуют против потребительского общества, а в глубине души сами хотят иметь все, но сразу и без труда.

— Вполне здоровое желание. Я бы тоже не отказался.

— Зажрались, сволочи. Если бы нам хотя бы половину того, что они имеют!..

— Мы видим идеал будущего не во времени, а в пространстве — на Западе. Ждать во времени слишком долго, а в пространстве можно прийти и взять.

— Когда на каждого западного гражданина будет приходиться два советских шпиона, тогда сами отдадут.

— Тогда западные люди будут за продуктами в Москву ездить.

— Удивляюсь, почему тут не умеют обнаруживать наших шпионов. Это же так просто: по роже.

— У них демократия. Если ты по паспорту не китаец и нельзя формально доказать, что ты китаец, то ты не китаец, будь ты хоть сам Мао Цзэдун. По роже ты можешь быть самым шефом КГБ. А если согласно бумажке ты диссидент, то ты диссидент.

— Я наблюдал сегодня демонстрацию,—говорит Писатель.— Любопытное зрелище. Надо бы описать типичного демонстранта, его психологию и обстоятельства его жизни.

— Попробуйте,— говорю я.— Но если вы выделите отдельного демонстранта и попытаетесь проанализировать его как нечто индивидуальное, вы вынуждены будете оставить без внимания сам факт его участия в этой демонстрации, его принадлежность к этому разнородному и временному скоплению людей. Если же вы будете рассматривать отдельного демонстранта именно как представителя этого скопления людей, вы вынуждены будете оставить без внимания именно его индивидуальные свойства и обстоятельства.

— Вы думаете, такие явления не заслуживают внимания?

— Заслуживают, но в меру. На такую демонстрацию, например, хватило бы нескольких строчек в описании чего-то другого, допустим — в описании переживаний такой личности, как вы сам.

— Вы, пожалуй, правы. Мои личные впечатления от этой демонстрации важнее для литературы, чем психология участников демонстрации.

— Отразить психологию участника демонстрации через психологию человека, который не имеет ни малейшего представления о жизни и психологии этого участника демонстрации,— на такое способны только члены Союза советских писателей.

Я люблю такой наш ни к чему не обязывающий треп. Никуда спешить не надо. Время для тебя — совсем не деньги, а ничто. Уходи, время, прочь, теряйся бессмысленно! Бессмысленно ли? Без прибыли — да. Но не бессмысленно. Это — наша жизнь. Жизнь вообще есть лишь потеря времени.

По домам расходимся уже утром. Солдаты Особого батальона еще спят. В парке усердно бегают толстые немцы — сбрасывают лишний вес. Немцы вообще гениальный народ. Если они за что-то берутся, то делают хорошо и всерьез. Сейчас они сбрасывают лишний вес. За полгода они все вместе уже сбросили вес населения целой прибалтийской советской республики.

Мы и Запад

Энтузиаст сделал попытку попасть на прием к Президенту. Ему долго морочили голову и в конце концов отказали. Он взбешен. Орет, что такого бюрократизма даже в Москве нет, что если бы он захотел встретиться с Брежневым, то рано или поздно добился бы этого. Слушая вопли Энтузиаста, я вспомнил про один из методов приема посетителей высшими лицами нашей страны, который был придуман психологами нашего института. Жаждущему аудиенции назначают день и час приема. Его встречает один из помощников Вышнего Лица и вежливо просит пройти в другую комнату. В этой комнате нет никаких портретов, нет окон. Только стол и два стула. Помощник Лица вежливо предлагает посетителю присесть и изложить суть своей просьбы или жалобы, прежде чем идти к Лицу. Тот с энтузиазмом рассказывает. Выслушав, Помощник предлагает Посетителю пройти в другую комнату. Точно такую же, как и предыдущая. Там точно такой же Помощник просит Посетителя изложить суть его просьбы, прежде чем идти к Лицу. Посетитель повторяет, но уже с меньшим энтузиазмом и не с такими подробностями. Затем Помощник ведет Посетителя в следующую комнату, где его ждет та же процедура. Обычно на третьем этапе Посетителя охватывает ужас, и он просит его отпустить домой. Его отпускают. Редко кто дотягивает до пятой комнаты. Комнат, между прочим, всего две. И всего два Помощника. Но посетитель уже на третьем этапе теряет способность идентификации людей и вещей.

Недавно мне об этом методе с ужасом рассказывал один советский диссидент в Москве. Я сделал вид, будто слышал об этом впервые, и посоветовал диссиденту разоблачить «эту преступную систему». Он сказал, что, к сожалению, нет никаких формальных доказательств существования ее. И он был прав. Никто из тех, к кому был применен этот метод, не проболтался о нем. Почему? Да потому что этот метод мы рекомендовали применять лишь к интеллигентам. Рабочего и крестьянина такой «тонкой психологией» не проймешь. К ним применяются методы попроще, например — метод двойников. В сталинские времена, рассказал мне один старый «бухарик», трудящиеся с особой

охотой рвались на прием к Буденному и Ворошилову. Однажды и он попробовал попасть к Буденному с просьбой улучшить жилье. Сопровождавший его чиновник был пьян, и вместо комнаты, где его должен был принять Буденный, завел его в комнату, где дежурило штук двадцать «Буденных». Они пили пиво, играли в шашки, «забывали козла», ругались матом и хохотали. Это было самое жуткое зрелище, какое «бухарику» приходилось видеть в жизни. Его первым делом избили, а затем отвезли в сумасшедший дом. Когда он оттуда вышел через пару лет, его рассказу никто не поверил.

Сооружение

Мое Сооружение облицевали больше чем наполовину. Красота получается необыкновенная. Это будет самое красивое здание из всех, виденных мною. Я с нетерпением жду, когда оно будет закончено. Теперь я угадываю его будущий вид в деталях, и мои предвидения сбываются. Задумаю, например, что такую-то часть надо закрыть, а в таком-то месте надо дать такую-то облицовку, как на другой же день мои пожелания точно исполняются. Я разгадал замысел строителей. И я уже предвижу, как будет выглядеть Сооружение в завершенном виде. Это будет материализованная сказка.

Признание шутника

— Я весь мир объездил,— говорит Шутник.— Насмотрелся на нашего брата и на наше влияние в мире. Должен признать, что мы — носители страшной эпидемии. Еще немного, и мы заразим мир так, что за сто лет не вылечиться. Мы заражаем мир цинично, последовательно, систематично, с сознанием делателей великого прогресса. Мы несем болезнь как высшее здоровье. Мы фактом своего существования придаем всем западным подонкам уверенность в том, что они естественны и что будущее за ними. У меня с каждым днем растет ненависть к нам самим.

Мы проходим по мосту. Солдаты Особого батальона

выскакивали из своих лодочек и с воплями лезли на берег. На сей раз они были с оружием: у них было серьезное боевое учение. «Я,— сказал Шутник,— служил в армии. У нас аналогичные вещи делаются не лучше. Может быть, еще хуже. Но не в этом дело. Здесь халтурят всерьез. А мы серьезные дела делаем халтурно. Западные армии, как бы они ни важничали и ни серьезничали, все равно производят впечатление опереточных. Советская армия, несмотря на нелепости, халтуру, глупости, очковтирательство и прочие общие качества советского явления, есть армия настоящая, армия для убийства других и для своей собственной гибели ради убийства других. Советский Союз есть вообще огромная армия, которая всем строем нашей жизни готовится к нешуточной войне. Я не хочу, чтобы она победила».

Я вычеркнул Шутника из моего списка советских агентов. Если дело и дальше так пойдет, кто останется в списке?

Наши проблемы

— Мы можем заслать на Запад тысячи агентов,— говорил Вдохновитель.— Цена каждому из них по отдельному — грош. Но в системе...

— Ты же знаешь, что советский тип системы не способен долго сохранять высокий уровень организации.

— Где же выход? Как добиться того, чтобы система из ненадежных элементов была достаточно надежной?

— Один из методов для этого — иерархия систем с постепенным переходом от полностью неорганизованного множества к полностью организованному на вершине пирамиды.

— Знаю. Теоретически это доказано. Но надо попробовать осуществить это на практике. Это будет первый эксперимент такого рода. И вклад в науку, само собой разумеется.

Я никогда не придавал серьезного значения моим разговорам с Вдохновителем. Это были разговоры, имевшие (с моей точки зрения) цель в самих себе. Поболтали, более или менее приятно провели время, и дело

с концом. Но ведь такие разговоры вели и ведут многие тысячи людей. И они в конце концов имеют следствием какие-то действия людей. Доказательство тому — десятки тысяч наших агентов на Западе. И я тоже здесь. И, надо думать, не для сомнений и самоанализа, а для реального дела.

— Помяни мое слово,— говорил Вдохновитель,— мы создадим такую агентурную сеть на Западе, что даже через тысячу лет историки будут дивиться, как это мы ухитрились из такого дерьма слепить такое грандиозное здание. Если мы выиграем будущую войну,— а мы должны ее выиграть,— то в первую очередь не благодаря танкам и ракетам, а благодаря нашей агентуре. Будущая война будет прежде всего войной шпионов. И мы суть ее подлинные солдаты и генералы.

Не иметь

На улицах полно молодых красивых женщин, готовых отдаться в любую минуту, причем задаром. Но ни одна из них не принадлежит мне. Надо иметь некоторый минимум денег, чтобы иметь женщину, доступную и без денег. Если у тебя нет денег, это заметно во всем твоём существе. И женщина, готовая отдаться без денег любому существу с деньгами, не отдастся тебе по той причине, что в тебе нет денежной субстанции. В Москве аналогичную роль играет социальное положение индивида. Женщины чувствуют эту субстанцию в мужчине и отдаются безвозмездно самой этой субстанции как таковой.

Мой интеллект, приносивший мне победы над московскими женщинами и составлявший часть субстанции моего положения, здесь не стоит ломаного гроша. Тут даже от себя нужно доплатить, чтобы кто-то согласился заметить твой интеллект. Интеллект здесь становится капиталом лишь на основе капитала, подобно тому, как в Москве он превращался в нечто социально значимое только на основе некоторого социального положения. Умник без денег здесь на Западе подобен умнику без должности в Москве.

В Москве я считал себя распутником. Здесь я чувствую себя целомудренным. Оказывается, наше отно-

шение к сексу определяется не столько нашей сексуальной практикой, сколько всей системой нашего отношения к жизненным благам.

Война и мир

Как сообщили в газетах и по телевидению, военные учения прошли успешно, несмотря на трудные погодные условия,— моросил дождь. Один солдат утонул, поскользнувшись на камнях, которые были мокрыми из-за дождя. Состоялась многотысячная демонстрация в знак протеста против жертв учений (как это понимать?) и против милитаризации страны. Демонстранты несли лозунги, глядя на которые можно было подумать, что их утвердили в Москве в ЦК КПСС. Чаще всех мелькал лозунг «Лучше красный, чем мертвый». Тысячи юношей призывного возраста жгли регистрационные (не призывные, а всего лишь регистрационные) повестки перед зданием военного министерства. В схватке с полицией было убито два полицейских и около двадцати полицейских было ранено. Интересно, что в схватке участвовали главным образом лица, не имеющие никакого отношения к призыву молодежи в армию. И призыва-то никакого не было. Один тридцатилетний «студент», приехавший сюда с севера страны специально с намерением принять участие в борьбе с «фашистами», попал под автобус, удирая от полиции. Хотя очень возможно, что это он убивал полицейских, по всей стране его рассматривают как жертву полицейского произвола. Похороны «жертвы» будут превращены в грандиозную демонстрацию. В город уже съехались десятки тысяч людей со всех концов страны.

Наши возможности

Встретил Даму с Седым. Дама с Мужем (и Седой, конечно) на вечере у Писателя не были — они занимают в эмигрантской иерархии более высокое положение. Положение Дамы с Мужем здесь соответствует уровню партийных руководителей областного масштаба в Союзе. Седой тянет, очевидно, на уровень важ-

ной персоны в аппарате ЦК или КГБ. А Писатель и самые именитые его гости котируются в лучшем случае на уровне профессоров, полковников, работников райкома партии и заведующих магазинами.

Дама и Седой обрадовались мне, как радуются старому другу, которого долго не видали (и которого, к счастью, больше не увидят совсем). Я не придаю этому глубокого смысла, так как это тоже в натуре гомососа — иногда проявлять радушие к существу, которого не любят и не хотят видеть. Мы решили «посидеть в ресторанчике». Столик заняли в самой глубине ресторана, у стенки. Седой по старой шпионской привычке сел так, чтобы у него за спиной не было никого, но чтобы он видел весь зал и всех входящих и выходящих. Заказывал Седой. Заказал самое дешевое — это явно результат тлетворного влияния Запада. А мог бы и по-московски шикануть, подумал я. Ведь все равно возьмешь счет, и «фирма» оплатит тебе этот «служебный расход». Шутник рассказывал, что тут есть своя техника мелкого жульничества. Например, можно получить счет на сумму вдвое больше потраченной, дав официанту несколько марок за это.

— Что вы скажете по поводу этих «волосатиков»? — спросил Седой, кивнув на группу волосатых молодых людей, ввалившихся в ресторан. — Каковы причины происходящих молодежных беспорядков?

— Недавние военные учения. Но это лишь предлог, а не причины. Причины тут искать бессмысленно. Несколько дней назад группа молодых людей заняла пустой дом недалеко от Пансиона. Какова причина этого явления? Жилищный кризис? Да о таком «кризисе» мы в Москве мечтать не смели. Я разговаривал с «захватчиками». Знаете, они охотно дают интервью и позируют для телевидения. Одна девочка приняла участие в этом деле потому, что ее любовник прихватил ее с собой. Другая девочка — единственная дочь богатых родителей. У них большой дом. Среди них я не заметил ни одного студента, который старательно учился бы. На мой вопрос об этом они рассмеялись. Одному студенту уже за тридцать. И он вряд ли окончит университет. Короче говоря, можно отыскать некие причины, заставившие того или иного отдельного человека оказаться вовлеченным в это дело. Но невозможно сделать это для явления в целом. Между прочим,

полиция решила на сей раз не трогать «захватчиков». К утру они все куда-то испарились. В таких случаях люди нуждаются во внимании. Безразличие порою убивает такие движения. Они хотели спровоцировать сражение с полицией, чтобы привлечь к себе внимание. Такие сражения опасны лишь для полиции, а не для «бунтарей». Тут другое более интересно.

— Что именно?

— Наличие избыточного человеческого материала для массовых явлений такого рода и исключительно благоприятные условия. Никакого комсомола. Никакого КГБ. Либеральная полиция. Транспорт, одежда, еда, климат, демократия, внимание прессы... Число людей, которым нечего делать, которые не хотят трудиться, которые скучают и жаждут острых ощущений, здесь огромно. Особенно молодежь. Стремление к созданию стихийных объединений огромное. А для многих общественные беспорядки суть времяпрепровождение, бизнес, самоутверждение.

— И что отсюда следует?

— Этой массой людей легко манипулировать. Если дать им цели и умело направить, можно серьезные делашки проворачивать. Например, сорвать строительство атомной электростанции или военного аэродрома, помешать призыву молодежи в армию и созданию новых ракетных установок... В принципе для любой заранее заданной цели можно организовать массовое движение. Достаточно проявить инициативу и минимум организаторских усилий. Достаточно нескольких часов, чтобы организовать «стихийную» демонстрацию или бунт с участием нескольких сот человек. За неделю можно организовать демонстрацию тысяч в десять участников. За месяц можно подготовить буквально ураган демонстраций и бунтов. Вы знаете о беспорядках в Ф.? Лишь пять процентов участников — местные жители. Остальные съехались со всех концов страны в три дня. Разумеется, с увеличением масштабов «скандалов» нужно повышать и социальный состав участников, а также уровень прессы. Для «скандальчика» с участием десятков тысяч людей нужно заранее подготовить телевидение, парламентские дебаты, интервью с именитыми персонами. Надо, конечно, привлечь писателей, профессоров, попов и прочих любителей паблисити и игры в духовных лидеров. Это не

проблема. Многие из них от себя готовы приплатить, лишь бы к ним проявили внимание.

— Вы, я вижу, невысокого мнения о них?

— Интеллектуальный уровень любых массовых движений очень низок. Уровень вождей таких движений адекватен уровню масс: иначе вождем не станешь. Ум вождям нужен лишь для того, чтобы суметь превратиться в дурака, соответствующего массе дураков, и чтобы завоевать возможность говорить глупости с умным видом.

Официантка принесла счет. Седой тщательно его изучил. «Здесь без этого нельзя,— сказал он.— Тут мелочный педантизм уважают». Убедившись в том, что все правильно, Седой попросил «квитунг» с печатью и с указанием того, что это — «служебные расходы».

Когда мы покидали ресторан, по улице с воплями неслась толпа молодежи, громя витрины, опрокидывая столики у кафе. Молодые люди из нашего ресторана тоже сорвались с мест, не заплатив, выбежали на улицу и помчались вместе со всеми. Ко мне кинулась незнакомая собака и облобызала меня. Потом появился разгневанный хозяин собаки и обругал меня.

Собаки

Местные собаки довольно часто реагируют на меня совсем не так, как их хозяева. Завидев меня, они издавка кидаются ко мне, рвутся с поводков. Если им удастся сорваться с поводков или добежать до меня, прежде чем их остановят хозяева, они лижут мне руки и лицо, смотрят в глаза, радостно повизгивают, улыбаются. Хозяева сердятся, отзывают и оттаскивают их от меня. Они сопротивляются, жалобно скулят и потом еще долго оглядываются на меня. И я рад им. Мы понимаем друг друга. Как только устроюсь, первым делом заведу собаку. Но такую, как я сам,— без поводка.

Люди

— Не забывай о таком важнейшем факторе истории, как наступление Желтого и Черного Мира на Мир Белых,— говорил Вдохновитель.— Только мы способны

защитить Мир Белых от этой опасности. Потому нам по праву истории надлежит покорить Запад. Покорить, чтобы спасти. Если Запад не покорится нам, он погибнет. Покорившись, он потом возродится снова. Покорив Запад, мы сами покоримся ему,— это общий закон преемственности цивилизации. Надо, брат, мыслить большими историческими отрезками. Не днями и годами, а эпохами.

— Ты идеализируешь нашу роль,— возражал я.— Ты не учиываешь натуру нашего общества и нашего человека. Я знаю, что из себя представляет наше общество: гнусное общество. Я знаю, что из себя представляет гомосос: гнусное существо. Мы не в силах изменить свое болото и изменить самих себя, приспособленных жить в этом болоте. Мы в силах лишь избрести спасительную ложь о своем болоте и о самих себе и навязать эту ложь всем. А чтобы эта ложь была на века, нам нужно уничтожить материал для сравнения — уничтожить прекрасные житейские реки, озера, моря. Таким нам представляется Запад. Его существование раздражает нас, причиняет нам страдания. У нас один путь возвыситься над ним: принизить и разрушить его. Мы можем спасти Запад от Желтой и Черной Опасности, навязав ему наш Мир, но не Белый, а Серый.

— Красный. ты хочешь сказать.

— Какая разница? Красный — значит, серый.

— Это тоже общий закон истории, подтвержденный многочисленными фактами и не знающий исключений. Самые могучие деревья вырастают все-таки из земли. Самые яркие цветы имеют корни в земле. Согласен, мы — грязь, навоз и прочее. Но мы — почва. Пойми, Запад сам навязал себе ограничители, которые он уже не в силах преступить: гуманизм, демократия, права человека... А мы не будем церемониться ни с кем, — ни с черными, ни с желтыми, ни с красными. Если будет нужно, мы не остановимся ни перед чем. И Запад это знает.

Центр

О создании «Центра» объявлено в печати. Профессора при этом произвели в члены Академии Наук СССР (в бывшего, конечно), хотя он не был даже настоя-

щим профессором. Даму произвели в профессора. Они, конечно, это вранье не опровергают. Я никаких предложений насчет работы в «Центре» не получил. Не получил даже личного приглашения присутствовать на торжественном открытии «Центра». Энтузиаст такое приглашение получил. Смотрит на всех свысока. Рад, что меня не взяли в «Центр», и не скрывает своей радости. Говорит, что хотя я и являюсь профессиональным социологом, но в Москве «это дело» поставлено так плохо, что он, Энтузиаст, «разбирается в социологии фактически лучше, чем все советские социологи, вместе взятые» (это его собственные слова). В Пансионе идет бурное обсуждение проблемы «Центра».

— Этот «Центр» — подарок для КГБ

— Как раз наоборот.

— Верно, подарок от КГБ.

— Не занимайтесь софистикой.

— Организовали бы лучше особый центр «Советский образ жизни». Жизнь в нем организовать, как в Советском Союзе. Путевки туда продавать. Успех был бы бешеный.

— Сомневаюсь. Западные люди и без этого могут в любое время ехать в Советский Союз. Путевки дешевые.

— И смотреть то, что им покажут. И жить в особых условиях. А тут — жить так, как живут советские люди.

— Я тоже сомневаюсь в успехе такого центра. Чтобы в полной мере ощутить советский образ жизни, даже года мало. И даже порой десяти лет мало. И потом посетители центра будут там жить с надеждой скоро покинуть центр. А настоящий советский образ жизни исключает всякую надежду вырваться из него. Как вы учтете в таком центре выращивание и устройство детей, карьеру, образование?

— Зачем особый центр, если проще правдиво описать жизнь в Советском Союзе...

— Правдиво никогда не проще. И на таком описании денег не заработаешь. А тут здорово нажиться можно.

— В таком случае по законам бизнеса надо обманывать. Чтобы такой центр принес доход, нужно, чтобы людям было приятно жить в нем в условиях ужаса. Значит, ужас должен быть декоративный.

— Верно. Я об этом и говорю. Чтобы люди жили не в Советском Союзе, а как бы в нем.

— Вот и этот «Центр» будет изучать не Советский Союз, а как бы Советский Союз.

Откровенный разговор

К нашему разговору прислушивается незнакомый человек. Когда мы замолчали, он попросил меня уделить ему несколько минут. Он хочет побеседовать со мной наедине. Не для печати, а для личного пользования. Я сказал, что предпочел бы для печати. Он пропустил мои слова мимо ушей и попросил объяснить, чем мои взгляды отличаются от взглядов прочих советских эмигрантов.

— Прежде всего тем, что у меня есть взгляды, а у них таковых нет,— сказал я.

— А во-вторых?

— В главной ориентации сознания. Западные советологи и журналисты совместно с советскими оппозиционерами и «критиками режима» придумали новую ложь о Советском Союзе вместо лжи официальной. И эта новая ложь служит властям так же хорошо, как и ложь официальная.

— Не понимаю. Каким образом критика советского режима может служить режиму?!

— Потому что это — тоже дымовая завеса, только другого цвета. А цвет дымовой завесы, скрывающей реального атакующего противника, не играет роли.

— А где гарантии, что ваши слова — не дымовая завеса?

— Ваш здравый смысл. Отбросьте предрассудки. Думайте сами. Истина проста, если вы сами возьметесь за ум. И кроме того, истину говорят только одиночки. А я — одиночка.

— Вы сказали об атакующем противнике. Что вы имеете в виду? Будущую войну?

— Нет, уже начавшуюся атаку Советского Союза на Запад. Пока — мирное проникновение массы советских людей в тело Запада. Последняя эмиграция...

— Но это же несерьезно. Все эти люди на учете. Доступ их к жизненно важным пунктам общества закрыт совсем или ограничен.

— А им никакого доступа не нужно. Они уже принимают активное участие в создании дымовой завесы. А главное — само присутствие в теле врага...

— Что они могут сделать?

— Посчитайте, сколько нужно сил для контролирования и изолирования одного человека в условиях нормальной жизни страны. А для десяти? А для тысячи? А для сотни тысяч? Обратитесь к математикам, которые занимаются социальными проблемами, и они вам подсчитают, сколько нужно для «пятой колонны», которая может в случае чего деморализовать эту страну.

— Вы думаете, в Советском Союзе это уже подсчитали?

— Конечно.

— И осуществили на деле?

— Близко к этому, во всяком случае.

— Извините, но это фантазии.

— Попробуйте предайте мои «фантазии» гласности или хотя бы привлечите к ним внимание в тех кругах, которые...

— Это трудно. Нужны серьезные данные, чтобы...

— А для распространения дымовой завесы никаких серьезных данных не нужно.

— Но тут фактов больше чем достаточно.

— Фактов можно насобирать сколько угодно для любой лжи.

— Скажите, как относится советский народ к оппозиционным явлениям в стране?

— В целом отрицательно.

— Но почему? Ведь критика режима справедлива. Требования оппозиционеров естественны и здравы.

— Смотря с какой точки зрения. С вашей, западной — да. А с точки зрения советского населения требования оппозиционеров означают требования привилегий, которые недоступны массе населения.

— Ничего не понимаю. Объясните!

— То, что требуют советские оппозиционеры, кажется естественным с точки зрения Запада, где все это есть. Но в массе советского населения, для которой все это недоступно, требования оппозиционеров лишь вызывают раздражение. Лишь небольшая часть населения может быть допущена до этих благ. Естественно, ими пользуются те, кто сумеет урвать кусок, используя свое положение в советском обществе. Но это уже де-

лается по нормам общества, а не вопреки им. Легко возмущаться какими-то фактами советской жизни, сидя здесь, на Западе. А вы попробуйте удовлетворить требования оппозиционеров там, в советских условиях. Легко быть благодетелем и гуманистом за чужой счет. Будьте благодетелями за свой счет, тогда, может быть, поймете, в чем суть дела.

— Но ведь требования диссидентов легко удовлетворить. Например, право на эмиграцию.

— Сколько человек из Советского Союза может принять ваша страна? Насколько мне известно, у вас тут около двух миллионов безработных.

— Это наши проблемы, а не ваши.

— А отношение к диссидентам — наши, а не ваши проблемы. Я вам расскажу одну поучительную историю. В Советском Союзе каждое лето многие миллионы людей посылаются на уборочные работы в деревни. Я тоже не раз ездил. И вот однажды в нашей бригаде появился оппозиционер. Он говорил, что такие поездки в деревню — принудительный, рабский труд, что условия труда тут ужасные. И ничего не делал в знак протеста. Как вы расцениваете его поведение?

— Мужественный человек. Если бы все последовали его примеру, то...

— То продовольственное положение в стране было бы еще хуже. Для вас этот человек — мужественный борец за свободу, за права человека и прочие красивые вещи. А для нас он был просто паразитом и демагогом. Мы его немного потерпели, а потом выбросили из бригады.

— Как вы могли!..

— Бригаде было поручено определенное дело. А он изображал из себя мужественного и принципиального борца за демократию за наш счет. Но вот вам другой пример. Вчера по телевидению выступал советский эмигрант. Он красноречиво описывал свое сражение с «режимом» по поводу автомашины. Скажите, желание этого бывшего советского человека иметь автомашину естественно?

— Конечно!

— А знаете, какая у этого человека была зарплата? Чтобы из такой зарплаты накопить на машину, нужно было ждать сто лет. Без шуток: это точно подсчитано. Откуда этот человек взял деньги? А советские люди знают откуда. Для них этот человек есть заурядный

жулик. Запад этого не знает. И знать не хочет. Вам неважно, откуда у человека деньги. Вам важно, что они у него есть и что он хочет иметь машину. И машин, между прочим, в Советском Союзе производят немного. Почему эту возможность иметь машину следует предоставить этому зубному врачу, имевшему нелегальные доходы, а не другим, например профессорам, артистам, писателям? У вас есть машина? Так подарите ее диссиденту в Москве, жаждущему иметь машину по нормам западного, а не советского общества. А отстаивая право этого человека на машину в Москве, вы тем самым боретесь не за права человека и демократию, а за то, чтобы советское общество выдало этому человеку долю благ, которая ему не положена по нормам советского общества: он ее там не заслужил. Вы тем самым боретесь за привилегию для этого человека, против справедливости. И так во всем остальном, включая свободы слова, печати, совести.

— Но должны же мы как-то влиять на советских людей.

— Воздействуя на Советский Союз, Запад преследует свои цели: ослабление своего врага. Метод воздействия — искушение незначительной части населения западными соблазнами и возбуждение ее на борьбу с «режимом». При этом рассчитывают не столько на то, что советское общество будет эволюционировать в сторону Запада (это демагогия для маскировки), сколько на то, что оно будет ослаблено изнутри и что Запад займет в нем нечто вроде своей «пятой колонны». Именно в этом состояла сущность западной операции в Советском Союзе, именуемой «диссидентское движение». Советские власти ответили на это серией своих операций, среди которых важнейшая — операция «Эмиграция». Теперь давайте подводить итоги...

— Я на это смотрю иначе. Вы неправильно понимаете советское общество, советское руководство, советскую оппозицию. Позвольте, я вам объясню...

Мы и Запад

Того самого политического деятеля, о котором говорил Вдохновитель, все-таки убили. Запад в панике. Мои допрашиватели виду не подают, что я их предупреж-

дал об этом, а я не хочу им напоминать сам. Мои мысли работают в другом направлении. Здесь паника. А случись такое в Советском Союзе, реакция была бы противоположной: мол, сплотим еще теснее свои ряды, усилим, укрепим, повысим!.. И странно, почему этого заурядного политика возвели в ранг великих? Здесь великие политические деятели невозможны в принципе, ибо их влияние на реальный ход дел ничтожно, власть их незначительна, они подвержены критике, пресса их развенчивает и заземляет, отбор их производится по таким принципам, что они сами больше думают о своем личном положении, чем о положении своих стран.

Шеф спросил меня, что я думаю по поводу этого убийства. «Превосходно удавшийся эксперимент?!» — спокойно сказал я. «Что за эксперимент?!» — вытарашил глаза Шеф. «Представляете, что тут у вас начнет твориться, если сразу шлепнут штук десять таких «великих политиков», — сказал я без всяких эмоций. Шеф ничего не ответил. «Между прочим, Советский Союз начнет войну против Запада, — сказал я, — когда тут выпадет снег. Запад будет парализован» — и... Шеф ушел, не попрощавшись.

Открытие «Центра»

Открытие «Центра» происходило, как отметил в своем вступительном слове Профессор, в торжественной обстановке. В речи Профессора это было единственное место, заслуживающее внимания: это мероприятие очень напоминало торжественное собрание советского учреждения по поводу официального праздника, юбилея, пуска, вступления в строй, вручения ордена или переходящего Красного знамени... Не хватало портретов классиков марксизма и руководителей Партии и Правительства, бюста Ленина, красных знамен и лозунгов. Но мы, годами натренированные лицеизреть все эти атрибуты наших торжеств, легко восполнили их отсутствие своим воображением. Наше воображение было подкреплено тем, что собравшиеся бурными аплодисментами и вставанием приветствовали послание «Центру» от Писателя земли Русской. В послании давались четкие указания «Центру» и всей советской

эмиграции (и заодно — президентам всех западных стран, деятелям культуры и рядовым гражданам), что делать и куда вести человечество. Указания сводились к следующим двум краеугольным камням программы спасения Руси, а значит, всего человечества: 1) живи не по лжи; 2) слово «Бог» пиши с большой буквы. Потом зачитали послание Великого Диссидента из Союза, которое тоже было встречено бурными аплодисментами и вставанием. В послании говорилось о том, что обстановка чревата последствиями. Потом зачитывали другие послания. Им аплодировали, но не вставали. Сидевший со мною рядом Шутник сказал, что тут не хватает только послания от ЦК КПСС и КГБ. «Не спешите,— сказал я.— Все еще может быть». И я не ошибся. Профессор зачитал выдержки из советских газет под соусом «Как наши враги оценивают нашу благородную деятельность на благо...». Когда профессор делал это, в зале начался шумок, так что пришлось призывать собравшихся к порядку. Дама, исполнявшая в это время функции председательствующего, сказала с упреком, что тут все-таки не партийное собрание в советском учреждении, можно было бы и потише.

Среди собравшихся можно было увидеть представителей западных разведок и антисоветских организаций. Я заметил, по крайней мере, с десяток человек, относительно которых я на сто процентов был уверен, что они из КГБ, и больше двадцати, насчет которых моя уверенность была выше пятидесяти процентов.

Затем с обстоятельным докладом о задачах Центра выступила Дама. Доклад был заранее заготовлен; она зачитывала его, невольно подражая нынешнему Генеральному Секретарю ЦК КПСС. Заметил это не я один. Но было уже несмешно. «Где мы? — спросил меня Шутник.— На партийном собрании?!» — «Берите выше,— сказал я.— На партийной областной конференции, по крайней мере».

— Господа,— начала доклад Дама и, довольная, что проскочила опасное место, улыбнулась.— С чувством большой ответственности за судьбы человечества, прогресса и демократии начинает наш Центр свою деятельность по... Обрисовав международную обстановку и ситуацию в Советском Союзе, Дама сделала своего рода отчет о деятельности советской эмиграции за пос-

ледные годы (за прошедшую пятилетку, как заметил Шутник). Она отметила, что с каждым годом советская эмиграция наращивает мощь, что сложился многотысячный коллектив борцов против советского режима, что втрое возрос объем антисоветской печатной продукции и в десять раз возросло число встреч, посвященных антисоветским проблемам, что возросла слаженность в работе различных групп, укрепилось содружество всех трех потоков эмиграции... Успехи с особой силой проявились в том, что... Но отдавая должное успехам, достигнутым в борьбе с советским режимом (перешла Дама к критической части доклада), бережно подходя к положительному опыту, мы должны в то же время остро, по-деловому вскрывать упущения и недостатки... Необходимо всемерно повышать... Решительно пресекать... Вскрывать имеющиеся резервы... Преодолевать ведомственные барьеры... Чутко относиться к рационализаторским предложениям... Внедрять в дело... Поддерживать почин... Комплексно.. Сама жизнь диктует нам новые методы... Движимые единым порывом,—выкрикнула Дама в заключение,—мы, советские эмигранты, жертвы советского режима и поборники прав человека, будем твердо и последовательно бороться за!.. — Звание предприятия антикоммунистического труда,—закончил фразу довольно громко Шутник. На нас зашикали.

Мы и Запад

После заседания именитые персоны отправились в ресторан отмечать событие. Конечно, за счет «Центра», т. е. за счет местного налогоплательщика. Писателя не пригласили. Он был уязвлен. И вел себя как московский партийный правдоборец, которого не выбрали в партийное бюро: как обиженный, видящий свое превосходство над окружающими в том, что его обидели.

— Почему они вас не привлекли? — сказал он, заметив меня в толпе неприглашенных. — Это очень странно. Я так старался для вас. Хотя с моим мнением тут тоже не очень-то считаются. Пойдемте-ка лучше к нам, жена нас покормит получше ресторана.

Солдаты Особого батальона на надувных лодках и, как всегда, в ярко-оранжевых спасательных жилетах возвращались в свои комфортабельные казармы.

— Глядите! — воскликнул Писатель. — Что это?!

— Воины.

— Что это на них?

— Спасательные жилеты.

— Зачем? Тут же воды по колено.

— Чтобы ближе к боевой обстановке.

— А почему они без оружия?

— Они же западные солдаты. Оружие им ни к чему. Они думают, как бы уцелеть.

— А почему жилеты такие яркие?

— Чтобы противник их издали заметил и прекратил стрельбу.

— Вы шутите?

— Ничуть. Тут всех волнует одна проблема: куда бежать в случае прихода Советской Армии и как наимыгоднейшим образом капитулировать перед ней.

— Странно. Перед нами никогда не стояла проблема, как жить под немцами. Мы воевали против них. И первым делом мы выбрасывали излишние средства самозащиты — противогаз, каску, штык. Как любил говорить наш политрук, солдат должен иметь с собой только то, что позволяет ему быстрее добраться до своей гибели.

— Хорошие слова.

— Он погиб, тот политрук. Я был трижды ранен, сражаясь за Советский Союз. Но если бы сейчас Советская Армия ринулась сюда, я пошел бы добровольцем воевать против нее.

Жена Писателя накормила нас ужином по-московски. Писатель сказал, что это хорошо, что мы не пошли в ресторан: у него от ресторанной еды изжога бывает. Потом мы смотрели по телевизору совершенно пустой, но технически великолепно сделанный фильм. Писатель сказал, что для западного искусства вообще характерно несоответствие формы и содержания. Грандиозно ни о чем — вот его суть. А у нас, в Москве, наоборот: убого о грандиозном.

Когда шел домой, на улицах не было видно ни одного прохожего. В Москве в это время улицы полны народу. Недалеко от пансиона со мной поравнялась полицейская машина, некоторое время она медленно дви-

галась рядом со мной, потом внезапно умчалась на большой скорости. Стражи порядка, очевидно, решили, что я не представляю опасности для их демократического общества.

Суть дела

Ночь проходит без сна. Чтобы скоротать время, вспоминаю разговоры с Вдохновителем.

— Не надо преувеличивать мощь нашей агентурной сети на Западе,— говорил Вдохновитель.— Не надо преувеличивать наше воздействие на Запад вообще. Не надо думать, будто Запад такой уж легковверный, ранимый, беззащитный. Там тоже есть понимающие и деловые люди, занятые «советскими делами». Короче говоря, оставим детективный и идеологический вздор и будем рассуждать здраво и трезво. Запад — это машина. И если эта машина покатилаь в каком-то направлении, то никакая советская политика в отношении Запада и агентура на Западе не способна свернуть ее с этого направления. Проблема стоит для нас так: катится эта машина в общем и целом в желаемом для нас направлении или нет, и если да, то что мы можем сделать, чтобы она и дальше катилась туда же, причем — стремительнее, чтобы она сама сметала на своем пути тех, кто хочет воспрепятствовать этому движению. Наша деятельность может иметь успех только в том случае, если она соответствует объективным тенденциям истории — вот в чем суть дела. Нам надо выяснить с полной определенностью, так это или нет. Всякого рода сведений о том, что творится в мире, у нас в избытке. От всякого рода специалистов и знатоков отбою нет. Чем больше сведений и чем больше знатоков, тем меньше уверенности в том, что мы достаточно правильно и глубоко понимаем происходящее. Нам сейчас дозарезу нужно всего несколько человек, которые способны на такое дело и которые заслуживали бы нашего доверия. Нужны настоящие гении в этом деле.

Предстоит самое великое сражение в истории,— говорил Вдохновитель.— От него будет зависеть, останемся мы в будущем на века или сойдем со страниц истории как временный зигзаг и курьез. Мы на карту ставим все. Наши силы не безграничны. Пока еще можно

выбрать путь: либо мы замыкаемся в себе и превращаемся в обороняющуюся крепость, либо мы растекаемся по всей планете и проникаем во все ее поры. Выбор пути зависит от того, поймем мы ход истории верно или нет, поверим мы в нашу концепцию ее или нет. Сейчас пока мы действуем в силу прошлых установок и по инерции, т. е. вслепую.

А вдруг этот путь ведет к катастрофе? Мы начинаем терять уверенность и обретать страх. Мы уже не способны довести до конца гениально задуманные и рассчитанные планы. Мы нехотя начинаем их осуществление и охотно бросаем на половине пути. Возьми, к примеру, операцию «Афганистан». Да и операцию «Эмиграция» мы вряд ли доведем до конца. Может быть, у нас хватит выдержки на операцию «Польша». Но она самая примитивная. Да и то там сверху раздаются голоса «прекратить этот шабаш». Сейчас нам нужно нечто аналогичное тому, что в свое время сделали Маркс, Ленин и Сталин вместе. Ирония истории состоит в том, что сейчас такое можно сделать только тайно. Интеллектуальные функции исторического гения теперь могут выполнить только тайный агент вроде тебя и средний чиновник Органов вроде меня. Зато через много лет...

Через много лет, думал я, в качестве гения такого рода будет признан тот, кто в подходящий момент выскажет хотя бы сотую долю того, что может высказать сегодня настоящий гений. К тому же для нас проблемы выбора пути тоже уже нет: мы обречены на то, что происходит независимо и порою помимо нашей воли. И гений тут нужен лишь на то, чтобы удовлетворить свое праздное любопытство. Я его удовлетворил вполне. Мне все ясно, причем на много веков вперед. Наконец, гений в наше время есть объединение многих посредственностей, выполняющих примитивные функции. Нынешние компьютеры — вот материализация гения нашей эпохи. А продуктами гения, как всегда, пользуются дегенераты и проходимцы. Ученики здешних школ не знают даже таблицу умножения, но все умеют обращаться с компьютерами, которые чуть побольше спичечной коробки. Советские руководители с трудом читают по складам чужие тексты и не способны даже обучиться владеть школьными компьютерами. А решают они эпохальные проблемы.

Сооружение

Есть лишь одно светлое пятно на мрачном горизонте моей жизни (я начинаю красиво выражаться, это симптоматично!) — это мое Сооружение. Оно особенно красиво рано утром, когда восходит солнце. Оно становится таким сияюще-радостным, что хочется плакать от восторга. Это, конечно, будет Храм новой чистой Религии. В нем будет обитать молодой и ликующий Бог.

Надежды

Утром позвонила Дама. «В руководстве «Центра», — сказала она торжественно (в ее голосе мне послышалось «в партийном бюро»), — есть намерение привлечь вас. Пока, конечно, без оплаты. На общественных началах, так сказать (она в этом месте подхихикнула помосковски). Прочитать вводный курс лекций по социологии сотрудникам «Центра». Кроме того, мы готовим сборник статей. Не могли бы вы дать в него статью? Гонорар мы пока не платим».

Истратив последние гроши на письменные принадлежности, я засел за статью. Работал с увлечением — изголодался по работе. На другой день статья была готова.

Статья

Чтобы понять реально существующее коммунистическое общество (а именно таким является оно в Советском Союзе), надо быть изощренным диалектиком. Но диалектический способ мышления либо начисто забыт, либо в окарикатуренном виде служит предметом насмешек для всякого рода образованных бездарностей и снобов, либо в оглуленном и опошленном виде вошел как часть в государственную идеологию. Пренебрежение к диалектическому методу мышления — таково первое серьезное препятствие на пути к познанию реального коммунизма.

Сейчас огромное количество людей думает, говорит и пишет о советском (и вообще коммунистическом или

социалистическом) обществе. Но все они погружены в болото житейских страстей, тщеславия и корысти. Одни защищают это общество ценой потери истины, другие критикуют его той же ценой. Одни смотрят на него глазами пострадавшего, другие — глазами выгадавших. Одни хотят показать себя умниками и благородными за счет подходящей темы, другие хотят урвать кусок благ за счет указания на язвы этого общества, третьи предлагают программы преобразований и выдают желаемое за возможное и действительное. Никто не хочет взглянуть на это общество просто с точки зрения интеллектуального любопытства, не отдавая предпочтения никакой априорной доктрине, не становясь на позиции никакой (пусть «прогрессивной») социальной категории людей, не выдвигая никаких программ избавления людей от зол этого общества и построения некоего «подлинного социализма (коммунизма) с человеческим лицом». Эта неспособность к некоему незаинтересованному интеллектуальному любопытству есть второе серьезное препятствие на пути к пониманию реального коммунизма.

В этой короткой статье я и попытаюсь изложить взгляд на реальное коммунистическое общество диалектически мыслящего человека, для которого это общество не есть ни благо и ни зло, который не хочет предписывать ему, каким оно должно быть согласно его политической демагогии или мании величия, который принимает его как объективно существующий факт, достойный, по крайней мере, праздного интеллектуального внимания.

Последствия

Статья произвела переполох в «Центре». Профессор заявил, что это провокация КГБ. Дама сказала, что не ожидала от меня такой подлости. Статья была обречена. Но чтобы придать видимость демократичности «Центру», ее дали на отзыв Энтузиасту.

Энтузиаст заявился ко мне важный, без обычного хихиканья, с видом вершителя судеб. Сказал, что ему дали посмотреть мою статейку и высказать свое мнение. Он категорически не согласен с моей концепцией. И если я радикально не переработаю статью, он

вынужден будет ее отклонить. Я спросил его, как же быть со свободой мнений? Как он собирается строить правильный социализм со всеми гражданскими свободами, в том числе — со свободой слова, если сам проявляет такую нетерпимость в отношении чужого мнения, находясь к тому же в обществе со всеми этими гражданскими свободами? «Мы,— сказал он (обратите внимание: уже «мы»!),— не мешаем вам печатать ваше мнение в любом другом месте. И репрессировать вас не будем, как в Советском Союзе. Но наш (уже «наш!») журнал (уже «журнал!») имеет свое политическое лицо (уже имеет, хотя еще не вышел!). Мы не можем...»

Свобода слова

Я перевел статью на немецкий и послал в журнал, известный своей «объективностью». Через две недели получил отрицательный ответ. Я поинтересовался, в чем дело. Оказывается, они обратились в «Центр» с просьбой высказать мнение о статье. Дама послала им громный отзыв Энтузиаста. Я напомнил последнему его фразу о том, что «они» не мешают мне печатать мое свободное мнение в других местах. Он сначала растерялся, начал хихикать и лепетать что-то бессвязное. Потом, ощутив важность своей персоны, принял позу всесильного гиганта «Борьба есть борьба,— изрек он.— Мы не остановимся ни перед чем, но откроем глаза миру на...» Я не стал слушать, на что именно эти карлики собираются открывать глаза миру: я опаздывал на очередной допрос. Ты — одиночка, думал я дорогой, и потому ты обречен здесь на жалкое существование. В Советском Союзе ты мог позволить себе быть независимым одиночкой, ибо ты примыкал к официальному коллективу, к официальной партии, к официальному обществу, которые законно и открыто присвоили себе функции мафии. Это лично не оскорбительно. Поскольку советская мафия всесильна, она иногда бывает великодушна по отношению к таким, как я. А поскольку местные мафии ограничены и слабы, они беспощадны и оскорбительны. И я вычеркнул Даму и Профессора из своего списка советских агентов.

Будни

Альянс Энтузиаста с «Центром» не удался. Он их завалил своей макулатурой. Они героически отбиваются от него. Он поносит Профессора, Даму и «весь этот сброд». Уверяет меня, что его вынудили разгромить мою статью, предлагает пристроить статью в журнал госпожи Анти. У него есть соображения насчет компромисса с ней. Конечно, какие-то расхождения с ней будут. Это все-таки Запад, а не Москва. Свобода слова! Я сказал, что антикоммунистический журнал, развивающий теорию правильного коммунизма,— это будет мировая сенсация. Только возникнет проблема: что считать правильным и неправильным антикоммунизмом и не окажется ли правильный коммунизм неправильным антикоммунизмом? Энтузиаст презрительно хмыкнул и умчался планировать первый совместный программный номер журнала. Кто кого из них перепараноит? Неужели и советские параноики уже превосходят западных?

Битва против режима

— Великий Диссидент объявил голодовку,— гордо объявил Энтузиаст.

— Сейчас в Советском Союзе плохо с продовольствием, так что почин Великого Диссидента будет подхвачен всем народом,— сказал Циник.

— Я не шучу,— обиделся Энтузиаст.— Он объявил голодовку в знак протеста.

— Против советской интервенции в Афганистане?

— Против отказа властей разрешить его свояченице выехать в США.

— Ну и дурак. Советские диссидентские генералы превратили оппозицию в мелких склочников. Великий Диссидент подобен великану, сражающемуся швейной иглой. А против чего, и сам толком не знает.

Циник попал в точку. Много лет назад в Комитете интеллектуалов обдумывали, как вынудить крупных диссидентов заниматься мелкими делишками, вынудить их на крохоборство. Если сопоставить дела Великого Диссидента с масштабами страны и с ее историческими проблемами, то замечание Циника о великане со швей-

ной иглой вместо меча будет очень точным. Трагедия советского оппозиционного движения состоит в том, что оно всегда остается неадекватным масштабам истории. А Запад, раздувая до невероятных размеров ничтожные дела диссидентов, еще более усиливает эту неадекватность.

В Пансионе по поводу голодовки Великого Диссидента появились журналисты. Пансионеры, за исключением Циника, изображают восторг. Я от интервью уклонился. На другой день интервью с пансионерами появилось в газетах, но без ответов Циника. И это называется свободой слова! — ругался Циник. — Еще пара таких случаев, и я стану яростным защитником советского строя.

Душа и мозг истории

— На Западе думают, будто мозг и душу наших исторических устремлений образуют высшие партийно-государственные руководители, — говорил Вдохновитель. — Это грубая ошибка. Душа и мозг нашей истории — ты, я и миллионы других представителей интеллектуальной элиты. Мы рассеяны в обществе и спрятаны за кулисы видимого исторического спектакля. Нас много. Но нам недостает организационного единства и элитарной солидарности. А без господствующей монолитной элиты великие исторические проблемы не решить. В стране есть только одна сила, способная создать такую элиту: это — мы, Органы! Но у нас слишком мало времени и слишком дурная репутация. Надо спешить и насильственно менять наш моральный статус. Для этого надо вернуться к сталинским методам. Западные кретины боятся наших «ястребов», «недобитых сталинистов», «стариков» и возлагают надежды на «голубей», «либералов», «молодых». А бояться надо, как раз наоборот, нас. Душой сталинизма, между прочим, тоже были молодые.

А где они, эти молодые гении, думаю я. Исчезли бесследно. Их имена никогда не появятся на страницах истории. Мы прилагаем титанические усилия к тому, чтобы общество использовало хотя бы ничтожную долю нашего гения — гений вообще есть служение лю-

ням. Общество нехотя делает это, но охотно наказывает нас же за нашу способность.

— Не думай, что я — сталинист, — говорил Вдохновитель. — Я хочу лишь сказать, что сталинизм до сих пор рассматривали либо со стороны (глазами западных наблюдателей), либо с точки зрения личного аппарата власти Сталина и системы репрессий. Настало время посмотреть на сталинизм снизу, т. е. как на массовое явление, как на великий исторический процесс подъема миллионов людей с самых низов общества к образованию, культуре, творчеству, активности. Много погибло, это верно. Но гораздо больше уцелело, изменило в корне образ жизни, поднялось, жило интересной, сравнительно с прошлым, жизнью. Это был беспрецедентный в истории культурный, духовный и деловой взлет огромных масс населения. Это был процесс творческий во всех основных аспектах жизни. Он еще не оценен по достоинству. Думаю, что нужны столетия, чтобы отдать ему должное со всей объективностью. То, что мы имеем сейчас — убогость, серость, унылость по сравнению со сталинским периодом. Но мы с тобой не историки, а деятели и мыслители, — говорил Вдохновитель. — Я заговорил о сталинизме вот почему. Если бы мне новый Сталин предложил хотя бы на два-три года полную власть в моей сфере деятельности, но предупредил бы, что я через эти два-три года буду расстрелян, я принял бы это предложение. Я хотел бы хоть раз в жизни и хотя бы на короткий срок влить свою мысль и волю в какой-то ручеек большой истории. При Сталине это было возможно. Теперь — нет. Знаю, что дело тут не в личности Сталина, а в характере самой эпохи, породившей в том числе и Сталина. Но мы привыкли персонифицировать эпохи и связывать несбыточные надежды с личностями.

Творческая лаборатория

Сегодня Писатель разговаривал со мною так, будто его выбрали секретарем партбюро или председателем месткома. И он имел для этого достаточно серьезные причины: у него взяли интервью для журнала. Причем интервью не о тяготах цензуры в Москве и не

о свободе творчества на Западе, а о его, Писателя, творческой лаборатории. В конце концов, довольно политики,— горделиво говорил он, глядя в потолок,— я же художник. Я же мастер слова. Мне же важнее говорить о моих приемах творчества. Знаете, какой вопрос для меня был полной неожиданностью? Жена Писателя, прислушивавшаяся к нашему разговору из кухни, тоже рассмеялась. «Ни за что не догадаетесь»,— сказала она. «Они спросили,— опередил ее Писатель,— применяю ли я допинг?» — «А он спросил их,— решительно вклинилась Жена,— что такое допинг?» — «Представляете, как они хохотали,— снова взял инициативу сам Писатель.— Сказали, что мы, русские, все очень остроумные, что этот мой ответ будет сенсацией для их читателей». — «Они сказали, что поместят это на обложке журнала вместе с его портретом»,— перебила его Жена «Потом они сказали,— перебил ее Писатель,— что я, как и все русские, пью водку. А я спросил их...» — «А он спросил их,— перебила его жена,— разве водка — допинг? Это же национальный русский напиток вроде вашей кока-колы».

Успех

— Напечатали, сволочи!— кричит Энтузиаст, размахивая эмигрантским журнальчиком с его статьей.— Первый серьезный труд в мировой науке о советском диссидентском движении! Читайте!!

— Извините, не могу. Я принял решение...

— Знаю, но не одобряю. И это не по-товарищески.

— Ладно, сдаюсь.

Я бегло просматриваю сочинение Энтузиаста. С первых же строчек мне ясна картина: типичное советское очковтирательство. По такому принципу составляются все советские отчеты. И хотя в статье все вроде бы есть правда, но в целом получается типично советское вранье.

— Здорово! Советскому строю осталось жить считанные минуты.

— Вам бы все шутить!..

— Я не шучу, я грущу. Мне жаль, что коммунистическое общество пожило так мало и что скоро исчезнет насовсем.

Мнение циника

Энтузиаст убежден, что, по крайней мере, тысяча копий номера журнала с его статьей будет заслана в Советский Союз, и его влияние на «освободительное движение» там еще более возрастет. Циник сказал, что он согласен с заявлением Энтузиаста, так как знаком с системой засылки антисоветской литературы в Союз. Более того, он даже уверен, что КГБ не будет чинить особых препятствий, поскольку хорошо знает цену такой макулатуре и знает, какое влияние она на самом деле оказывает на «освободительное движение» — разочарование, уныние, презрение, раздражение (мол, «там совсем сдурели»). И влияние Энтузиаста на сие «движение» возрастет, но именно в этом направлении. Он бы на месте КГБ стал выпускать в Москве специальный бюллетень, в котором печатал бы сочинения мудрецов вроде Энтузиаста без всяких комментариев. Бюллетень назвал бы «Параноики на службе коммунизма». Впрочем, этот идиотизм вполне в западном духе. Сейчас тут все с ума сходят по поводу предсказаний некоего Нострадамуса. Тысяча книг и статей печатается. Целая эпидемия жульничества и шарлатанства. А книгу с серьезным анализом реальных перспектив и с серьезными прогнозами тут их силой читать не заставишь.

Отчаяние

Упоминание Циника о Нострадамусе затронуло мою душевную рану. Сколько средств тратит мир на шарлатанство и спекуляции такого рода! А ведь одной тысячной доли этих средств хватило бы на то, чтобы разработать научную теорию, позволяющую делать достоверные прогнозы насчет будущего. Не идиотские предсказания вроде таких, какого числа и от какой болезни сдохнет тот или иной советский чиновник и кто ему придет на смену, а предсказания жизненно важных тенденций и состояний больших групп населения, стран, объединений стран. Я на пари и из чисто интеллектуального любопытства готов с небольшой группой хороших помощников построить такую теорию для предсказания важных поступков советского

руководства и эволюции советского общества вообще на ближайшие десять — двадцать лет и построить электронную модель Советского Союза, которая позволила бы использовать общую теорию в приложении к конкретным фактам. Но...

«Но,— слышу я насмешливый голос Вдохновителя,— бодливой корове бог рогов не дает. Это хорошо, что у тебя там ничего не получается. Мы на это рассчитывали заранее». — «А если вы заранее знали, что я буду думать об этом, почему же вы пустили меня сюда?» — спрашиваю я. «Потому что не все мы идиоты,— говорит он.— Потому что мы знаем, что человеческие психические явления не есть нечто раз навсегда установленное, неподвижное, неизменное. Жаль, я тебе не успел показать одного нашего агента, который у нас считается образцом мужества, преданности неколебимой веры в наши идеалы и прочих добродетелей. Он бы тебе в деталях рассказал, что такое эти качества в реальной жизни, т. е. растянутые во времени на много лет. Он попался, но выстоял и не предал нас. Но периоды душевного упадка и готовности предать у него были не реже, чем периоды подъема и желания сохранить верность. Он сказал бы тебе, что такие его качества, как мужество и преданность, были лишь одной из сторон и тенденций в его психической жизни, а также результатом стечения обстоятельств. Однажды он принял твердое решение расколоться и продаться противнику. Но противник сам помешал этому. И этот агент стал героем в конечном счете, в силу обстоятельств. Есть примеры противоположные, когда агенты с более высокими, казалось бы, моральными качествами, чем этот агент, становились предателями и теряли выдержку. Короче говоря, в сознании интеллектуально развитого, культурного и образованного человека, т. е. интеллигента, с течением времени происходят все логически мыслимые пакости. Важно, что число различных типов ситуаций, в которых оказывается интеллигент, и число возможных внешних реализаций его внутренних состояний невелико. Это легко заранее высчитать и предсказать. Ну, да на этом деле ты сам собаку съел».

Битва против режима

Главы западных государств обратились к Брежневу с просьбой разрешить Свояченице выехать на Запад. Пансионеры торжествующе потирают руки: вот, мол, советским властям втык сделали! Циник говорит, что если советские власти удовлетворят эту просьбу, он перестанет уважать их. Энтузиаст заявил, что если Циник будет и впредь уважать советские власти, то он перестанет уважать Циника и не подаст ему руки.

Вид сверху

Это было еще задолго до того, как я оказался вовлеченным в операцию «Эмиграция». Мы с Вдохновителем сидели в «Национале», пили вино, болтали о пустяках. Я поругивал наше высшее руководство за неспособность решать, казалось бы, простые проблемы. «Все происходящее будет выглядеть иначе, если на него взглянуть не снизу, а сверху,— сказал он.— Если хочешь, я тебе устрою возможность взглянуть на мир сверху. На одной из цековских дач будет собрана лучшая часть нашей интеллектуальной элиты. Покажут фильмы о всех сторонах жизни наиболее важных частей планеты, главным образом сделанные по заказам специальных служб Запада и добытые нашей разведкой, а также сделанные нашими разведчиками. Прочитают цикл информационных лекций без всяких идеологических коррективов и цензуры. Затем участники симпозиума на основе полученной информации будут обсуждать проблемы эпохального значения. Если этот опыт будет удачным, то подобные симпозиумы будут проводиться регулярно».

Я, конечно, согласился. Уже через три дня мы получили информацию, какую не накопили за всю прошлую жизнь. А ведь многие из участников симпозиума регулярно ездили за границу. Мы были растеряны и буквально раздавлены тем, что увидели и услышали. Лишь через неделю ко мне вернулось прежнее спокойствие и способность к трезвым размышлениям. В конце симпозиума я пришел к следующим выводам. Глядя на мир сверху, можно увидеть, что идет борьба огромных масс людей просто за физическое выжива-

ние. Коммунистическая система организации людей в ее советском исполнении является с этой точки зрения наилучшей. Наилучшей не для жизни людей в системе, а для выживания данного объединения в борьбе с другими. Сравнительно с Западом она есть единая и централизованная система. А сравнительно с Японией (и отчасти с Китаем) она естественна и опирается на естественные качества человеческой натуры. Она не предполагает такой жестокой тренировки тела и духа, как в Японии. Она может существовать без жестокой дисциплины труда, аккуратности и точности всего делаемого. Система японского типа предполагает надежность у всех составных элементов, контролируемость всех условий функционирования. Наша система состоит из ненадежных элементов, причем — в неконтролируемых условиях функционирования. У нас есть свои методы контроля, организации, надежности. Все-таки они свободнее и человечнее методов в системе японского типа, ближе к духовным достижениям западной цивилизации. Мы устремлены все-таки на Запад. Наше руководство, несмотря ни на что, поступает единственно правильным образом. Оно способствует развитию у себя дома типа производства и культуры, адекватного возможностям людей. Оно стремится взять на Западе все то, что мы не способны произвести сами. Не подражать Западу, как Япония, а именно брать там готовое. Япония конкурирует с Западом, мы — нет. Мы его используем. Наше руководство, наконец, стремится прежде всего развивать военную мощь страны, подчиняя этой цели все остальное. Готовить страну к будущей войне и делать в мире все, что может способствовать победе в этой войне, — вот эпохальная задача нашего руководства. А экономическое и культурное соревнование с Западом — это потом, когда мы разгромим Запад.

— Вот ты и взглянул на мир сверху, — сказал Вдохновитель. — Что целесообразно было бы сделать у нас с учетом того, о чем ты узнал?

— Одно, — сказал я, — а именно: настойчивее и последовательнее делать все то, что и делалось до сих пор. Но хотя бы немного повысить качество делаемого.

— Ты попал в точку, — сказал он. — Мы с тобой здесь единственные здравомыслящие люди. Знаешь, даже наши высшие руководители теряют голову, когда их

знакомишь с реальностью хотя бы в ничтожной мере. И начинают пороть чушь ничуть не лучше, чем собравшиеся здесь лучшие умы нашего общества. наших руководителей надо обучать науке эпохального руководства с азов, причем цинично, без идеологической шелухи. И нужен новый Сталин. Иначе мы можем проиграть нашу мировую битву из-за неспособности пойти до конца при исполнении наших гениальных планов.

— Если на горизонте замаячит твой новый Сталин, дай мне знать,— сказал я.— Я буду служить ему беззаветно, не оставляя лично для себя ни крупинки своих способностей.

— Я тоже согласен быть расстрелян за это. К сожалению,— сказал он,— это сейчас пока невозможно. А наши способности недостаточно сильны для того, чтобы составлять липовые отчеты чиновникам среднего ранга.

Правда и ложь

У Писателя целая библиотека антисоветской, разоблачительной, советологической, кремленологической и прочей литературы такого рода. Он черпает сведения и суждения о советском обществе главным образом из этой литературы, а не из своего жизненного опыта. Последний оказался у него чрезвычайно мизерным, как и у всех прочих критиков режима и разоблачителей (за редким исключением). Я не перестаю поражаться этой слепоте людей, купавшихся в океане фактов советской жизни, но не понявших в ней почти что ничего. Вот я держу в руках книгу известного критика советской системы и сталинизма, весьма популярного в диссидентских кругах в Москве. «Красная армия,— пишет сей бывший советский партийный чиновник,— не хотела воевать (во время войны с Германией), народ жаждал поражения собственного правительства». И дальше: «Дряхлость Сталина совпала с дряхлостью режима». И такого рода глупости и нелепости почти на каждой странице. «Как вы это расцениваете?» — спрашиваю я Писателя. «Чушь, конечно,— говорит он.— Я был на фронте с первых дней войны. Мы рвались в бой. Но такие оговорки — ме-

лочь. Главное — описание структуры власти и системы тут...» — «Еще большая чушь,— говорю я.— Это я говорю вам как специалист. Книжечки эти рассчитаны на невежд с определенными умонастроениями. Интеллектуальный уровень их не выше уровня заурядного партийного аппаратчика. И роль их объективно состоит в том, чтобы задурять мозги западному обывателю насчет советского общества». — «Что же делать?» — говорит Писатель. «Разоблачайте,— говорю я,— но умно и справедливо. Вы прожили в России шестьдесят лет. Участвовали в коллективизации, в войне, в послевоенной борьбе со сталинизмом... Напишите обо всем этом, но правдиво». — «Не напечатают,— говорит он.— А напечатав, разгромят как советского агента». — «Ну что же, тогда лгите», — говорю я. «Не получается», — вздохнул он.

Решение судьб

Повесился Нытик. Об этом узнали только на третий день, когда из его комнаты потянуло зловонием. Нас попросили помалкивать об этом случае, дабы не портить гармоничную картину эмиграции. Но нас и уговаривать не надо было. Мы сами позабыли о Нытике в тот же день. Как будто его вообще не было. Я вычеркнул Нытика из моего списка советских агентов и из моей памяти.

Битва против режима

Советские власти разрешили Свояченице покинуть Советский Союз. Циник заявил, что он разочарован. Он думал, что советские власти суть настоящие тираны, а они, оказывается, просто слабаки. Энтузиаст пожал Цинику руку. А я вычеркнул Циника из моего списка советских агентов.

А в это время

Запад ликует по поводу великой победы сил демократии. Еще бы не ликовать! Свояченица получила раз-

решение покинуть пределы нелюбимой Родины! Какое грандиозное событие! А что происходит в это время в глубине советской жизни? На это Западу наплевать. С его точки зрения никаких глубин в советской жизни нет и не может быть. Что еще может быть глубже желания Свояченицы покинуть застенки большевизма?! А если в это время «под шумок» уничтожили несколько настоящих, но никому (кроме КГБ) не известных борцов против «режима», это не в счет. Поскольку Запад об этом не знает (да и знать не хочет), то этого считай, что вообще нет и не было.

Несколько лет назад был аналогичный случай. Тогда другой Великий Диссидент вел героическую борьбу за возможность позвонить во Францию. Великому Диссиденту через три часа после решительного протеста мировой общественности разрешили разговор с Парижем. В этом разговоре он подтвердил, что ему действительно запретили этот разговор. Запад тогда тоже ликовал победу. А в одном провинциальном городе в это время уничтожили некую «террористическую» группу. Об этом деле мне проговорился по пьянке знакомый следователь КГБ. Он рассказал также, что члены группы пытались установить контакты с западными журналистами и столичными диссидентскими лидерами. Но те сочли их провокаторами КГБ. Очень удобная позиция! Наши ведущие диссиденты не могли допустить даже мысли о том, что кроме них в России еще кто-то способен бороться против «режима», да к тому же бескорыстно и без расчета на известность на Западе.

Решение судеб

Получил работу в маленьком городке на севере Германии Циник. Весь день мы пьянствовали с ним. «Как устроюсь, сразу напишу,— сказал он на прощание.— Приезжайте ко мне в гости. Денег у меня будет теперь полно. Выпьем как следует, по-московски. Поболтаем. Не унывайте! Скоро и ваша судьба решится».

Битва против режима

На первых страницах газет подробности голодовки Великого Диссидента. Где-то на десятых страницах — сообщение о том, что Советский Союз увеличил поставки оружия в страны Африки, строящие социализм, и послал еще двадцать тысяч войск в Афганистан.

Шутник говорит, что Великий Диссидент научился голодать. Теперь он может использовать свой опыт и объявить новую голодовку с... «С требованием вывести советские войска из Афганистана!» — заорал Энгузиаст. «Зачем так мелочиться?! — сказал Шутник. — Есть повод поважнее: лампочка в коридоре перегорела».

Допрос

— Как можно ослабить и разрушить советскую систему изнутри?

— Позвольте, я сначала расскажу вам одну притчу, а потом общую идею. Я мог бы, как Христос, ограничиться одной притчей. Но, как показал опыт истории, даже ближайшие ученики Христа не понимали смысла его притч, а последующие поколения толковали их вкривь и вкось. У нас, у русских, еще со времен баснописца Крылова идет хороший обычай: давать популярное пояснение даже самым примитивным притчам. Правда, это тоже мало помогает: люди все равно ничего не понимают. Но зато совесть чиста.

Жила-была хорошая, интеллигентная советская семья. Муж и жена — ученые. Квартирка, разумеется, тесная. Родители умерли — в квартирке стало свободнее, светлее, радостнее. Но была одна крупная неприятность у почти счастливой пары: престарелая бабушка. Бабушке было под девяносто, а умирать она и не думала. Крепкая старуха была, чтоб ей на том свете худо было. И даже зубы кое-какие сохранила. Здоровые зубы, как у лошади. И житья от нее, можно сказать, не было.

И решили тогда интеллигентные супруги уморить опостылевшую бабушку голодом. Но не сразу, а постепенно. Рассчитали рацион, достаточный для этого. Муж работал в важном институте, рацион этот на

электронных машинах рассчитал. И начали проводить свой замысел в жизнь. Что творилось со старухой — ни в каком фильме ужасов не увидишь ничего подобного. Желтая, худая, с лязгающими лошадиными зубами, она бродила по квартире круглые сутки в поисках какой-нибудь пищи. Но... Но ожидаемого эффекта не получилось. Прошло три месяца, еще три месяца. И еще три. А старуха становилась даже еще крепче. Показали врачу. Осмотрел он бабушку. Сказал любящим внукам, что она вполне здорова, что она, как египетская мумия, тысячу лет проживет.

И охватил супругов ужас. Что делать? Прослышали они об одном Мудром Человеке, который неизлечимые болезни лечил и советы для неразрешимых ситуаций давал. «Эх вы, люди! — сказал Мудрый Человек. — Знаете, что есть самая сильная сила в мире? Добро! Возлюбите свою бабулю, окружите ее вниманием, купите курочку, а еще лучше — утку. Пусть кушает на здоровье. И живите в мире». Обругали супруги Мудрого Человека последними словами. А что делать? Решили попробовать — все равно терять нечего. Так и поступили. И уже через три дня похоронили любимую бабушку.

— Значит, Запад правильно поступает, поставляя в Советский Союз продукты питания и техническое оборудование?

— Прав был Христос: слыша, не слышат. Помощь Запада не улучшает положения советского населения, она лишь облегчает властям их усилия по укреплению военной мощи страны. Советское общество посложнее той старушки. Какая мера и комбинация добра и зла должна быть причинена советскому обществу, дабы оно удовлетворило вашим заветным мечтам, — это надо еще суметь рассчитать, причем с учетом натуры и состояния этой «старушки». Западным советологам, кремленологам, сотрудникам разведывательных служб, журналистам, критикам режима и дилетантам из эмиграции эта задача не по зубам.

— А кому она по зубам?

— Если такой человек найдется, то он получит по зубам. Считайте, что это каламбур.

— Смогут ли в «Центре» решить эту задачу?

— Никогда и ни при каких обстоятельствах.

— А смогли бы вы это дело организовать?

— Смог бы, но мне не позволяют.

— Кто?

— Все те, кто причастен к этому делу. А их — легион.

— Но ведь без участия большого числа людей в наше время серьезное дело не делается.

— Верно. Но тут нужна интеллектуальная диктатура немногих, но действительно способных и одержимых стремлением к научному успеху людей.

— Эта идея чисто советская. Здесь же демократия.

— Такой демократии и в Советском Союзе в избытке. А вот настоящей диктатуры и там, увы, большой дефицит.

Опять о будущем

В «Центре» идет симпозиум, посвященный социально-политическому устройству России после падения советской власти. Собрались специалисты со всего света. Я от скуки тоже забрел туда. Попал на доклад одного из ведущих теоретиков эмиграции. Основной тезис доклада — Россия должна (именно должна!) вернуться в «послефевральское», но и в «дооктябрьское» состояние. Бурные аплодисменты вдохновили докладчика на новые глупости. «Частное хозяйство имеет неоспоримые преимущества перед общественным, — кидал он в зал свои «несокрушимые» аргументы. — Например, в частном владении в Советском Союзе находится всего один процент обрабатываемой земли, а овощей на ней производится больше, чем в колхозах и совхозах. Что еще может быть убедительнее?! Централизованное руководство экономикой препятствует развитию промышленности и прогрессу технологии. Рухнула система планирования. Планы не выполняются. В стране царит хаос. Потерпела банкротство марксистская идеология. Никто уже не верит в марксизм. Идеиный разброд разъединяет монолитность общества. Всеобщая коррупция стала движущей силой поведения людей. Исчезли идейные борцы за коммунизм. Деградация культуры...»

Мне стало тошно. Я потихоньку выбрался из аудитории. За мной увязался какой-то тип.

«Стоило эмигрировать, чтобы слушать таких идиотов, — сказал он. — Они думают, что если на данном

участке производится столько-то овощей, то будет производиться вдвое, втрое, вчетверо больше на вдвое, втрое, вчетверо большем участке. Силы человека ограничены. На участке вдвое больше он произведет, может быть, лишь в полтора раза больше. А начиная с некоторого момента увеличение обрабатываемой площади не будет играть роли или будет действовать в обратном направлении. С ростом участков должно возрастать число вовлекаемых в хозяйство людей. А проблемы хранения, сбыта, доставки, конкуренции?!

О каком идейном крахе советской системы они говорят? — продолжал Тип. — Здесь миллионы людей в любую минуту готовы предать все ценности западной цивилизации. Я тут десятый год. И еще не встретил ни одного идейного защитника этих самых ценностей. Такие идейные защитники Запада могут появиться только из нас, из советских людей».

Выхода нет

Мы вышли на улицу. «Вот где будущее Запада, — сказал Тип, указывая на группы студентов. — Сумеет ли Запад взять контроль над ними? Впрочем, это их дело. У нас свои заботы. Тут тучи спекулянтов за счет русской темы, а русских среди них почти что нет. Западное общество настоящих русских не принимает. Здесь кого угодно могут признать, только не настоящего русского. Перед русскими тут какой-то затаенный страх. Западные люди в глубине души хотят, чтобы мы остались на уровне «матрешек», балалаек, самоваров, частушек и переплясов. И очень злятся, когда мы чем-то обнаруживаем свое превосходство. Стараются это замолчать, принизить или испачкать. А у себя дома мы сами делаем все, чтобы помешать своим близким вырасти в нечто значительное.

Они болтают о России, — продолжал свое словоизлияние Тип, — а что они знают о реальной России? Если вы назовете русского человека лапотником, они вам зададут вопрос: а что такое лапот? Когда-то мы провели опрос в самых глухих уголках России. Большинство опрошенных ответили, что они никогда не видели лапти. До недавнего времени все русские были убеждены, что картошка испокон веков росла на тер-

ритории России. Казалось, что русский человек и возник в результате перехода наших животных предков от мясоедения к картофеледению. Пройдет еще немного лет, и в России восторжествует мнение, будто картошка растет только в Америке, причем на деревьях, а Россия производит танки, ракеты, спутники.

Русский народ уже получил свое будущее. И потому он равнодушен к будущему. Он уже имеет свою историческую ориентацию. Лишь катастрофа может изменить ее. И вообще, судьба русского народа не есть проблема русская. Это проблема тех, кто боится того, что русский народ проявит свои скрытые силы и будет сражаться за достойное его масштабам место в истории человечества.

Эти болтуны считают себя русскими. Но чтобы быть русским, мало уметь говорить по-русски, вырасти в русской среде, читать русских писателей. Нужно иметь нечто большее: судьбу русского человека. А вот этого они как раз не хотят. Они предпочитают судьбу западноподобных людей, лишь специализирующихся на русской теме.

Считается, что мы, русские, склонны к ностальгии. А дело тут не в ностальгии, а в чем-то другом. В чем — до сих пор не могу толком разобраться. Только оказавшись здесь, я ощутил, чем была для меня Россия и что я потерял. Потерял безвозвратно. Если бы случилось чудо и я вернулся бы обратно, это все равно не было бы восстановлением моей прежней связи с Россией. Будучи оборвана однажды, эта связь уже не может быть восстановлена никогда. Я уверен, что боль от этого разрыва была бы еще сильнее, если бы я вернулся. Тут хоть какая-то надежда остается на то, что можно вернуть прошлое. А вернувшись, расстанешься и с этой последней надеждой. Теперь я хорошо понимаю тех эмигрантов, которые в свое время вернулись в Россию на верную гибель, презрев все грозные факты и предупреждения. Разумом я понимаю, что та Россия, тоска по которой изводит меня здесь, на самом деле давно не существует. Но это несколько не ослабляет тоску. Наоборот, это еще более усиливает ее — к ней присоединяется тоска по безвозвратно ушедшему прошлому. Я знаю, что наша российская жизнь и в прошлом была кошмарной. И от сознания

этого становится еще тоскливее. И никакого просвета в будущее».

Мы шли по узеньким улочкам города, битком набитым машинами. Вот специальная полицейская машина увозит шикарный «мерседес», оставленный в запрещенном месте. «Смешно,— сказал Тип,— на Западе машин полно, зато ставить их негде. У нас машин мало, зато места для них сколько угодно. Что хуже?»

Я слушал Типа и испытывал удовлетворение от того, что я не одинок в своей судьбе. Мы обменялись телефонами. На другой день я позвонил по телефону, который он дал мне. Мне ответили, что такой человек там не проживает.

Моя ошибка

В Москве я сделал попытку построить научную теорию коммунистического общества. Причем не для широких масс населения, а для служебного пользования внутри ограниченного круга интеллектуальной элиты. Рукопись у меня отобрали. Произвели тщательный обыск дома на предмет черновиков. Взяли подписку о том, что я больше не буду работать в этом направлении и не буду распространять свои идеи. Эти меры мотивировались тем, что у нас документы с грифом «Для служебного пользования» вскоре становятся достоянием многих, и моя теория будет играть роль антисоветской пропаганды. Моя идея, что недостатки нашего общества суть необходимые следствия и проявления его достоинств, была сочтена научно несостоятельной и идеологически порочной. Раз основы общества хорошие, то и вырастающие на этой основе явления жизни должны быть хорошими. Значит, наши недостатки преходящи и не имеют отношения к сущности самого нашего общественного строя. Я признал свои ошибки и на несколько лет законсервировал свой мыслительный аппарат.

Согласившись на предложение Вдохновителя и получив разрешение действовать по своему усмотрению, я решил использовать, казалось, неповторимый случай в своих личных интересах. Я сразу дал понять всем соприкасавшимся здесь со мной лицам, что я имею свою объективную теорию советского общества и что

могу лучше других организовать научное исследование этого общества. Это была непоправимая ошибка. Тут тоже нужна мобилизующая ложь, а не сеющая пессимизм правда. В моей идее единства достоинств и недостатков коммунизма мои здешние судьи опускают ударение на недостатки и видят лишь констатацию достоинств. С их точки зрения дурные следствия производятся дурными причинами, и потому коммунизм не может иметь существенных достоинств. Значит, моя научно объективная теория есть просоветская пропаганда.

Решение судеб

Энтузиаст получил «социал-вонунг», — двухкомнатную квартиру за мизерную плату. Теперь он грозит вызвать сюда кучу московских родственников и друзей: КГБ с удовольствием выбросит из страны еще несколько паразитов, шизиков, пенсионеров и, само собой разумеется, своих агентов. А немцы со своей «больной совестью» зашли так далеко, что уже не способны воспрепятствовать этому. Грузить вещи Энтузиасту помогали все наличные пансионеры. Он за это время здорово обарахлился на местных распродажах. А из Москвы он ухитрился привезти целую библиотеку книг, в том числе полные собрания сочинений Маркса, Энгельса и Ленина. С отъездом Энтузиаста в Пансионе стало тише и еще пустее.

Шутник

Из нашего «заезда» в Пансионе остались только супружеские пары Художника и Диссидента, которых я почти не вижу, и Шутник. Шутник ждет визу на въезд в США. Мы шлеяемся с ним по городу и пропиваем все, что нам перепадает. Он рассказывает забавные московские истории. Вот в таком духе.

— Я жил в самом диссидентском районе Москвы, — говорит он. — Наш дом был почти полностью диссидентский, за редкими исключениями. КГБ, естественно, проделывало у нас всякие штучки, главным образом идиотские. Вы можете объяснить, почему Они Там та-

кие идиоты? Поручили бы это дело мне, я бы в полгода из диссидентов сделал бригаду Коммунистического труда. Жил у нас в подъезде один тип, принадлежавший к упомянутым исключениям. Секретарь партбюро в своем учреждении. Этажом ниже жил Н. В КГБ решили устроить провокацию в отношении Н., подсунуть ему доллары, провести обыск и обвинить в валютных махинациях. Агенты КГБ спутали этажи (у нас это неудивительно) и подсунули доллары партийному секретарю. Жена Секретаря устраивала генеральную уборку и обнаружила доллары. Как честные коммунисты, они их утаили и на другой же день ринулись в «Березку». Там их задержали. В КГБ на них очень рассердились. Секретаря провалили на следующих выборах в партбюро. А Н. потребовал у Секретаря соответствующую сумму в порядке компенсации, поскольку доллары предназначались для его квартиры. Если бы он их нашел у себя (а он их наверняка нашел бы!), он не дал бы такого маху, как Секретарь. Кошмар, не правда ли?

Сооружение

Строительство закончено. Теперь я воочию вижу, что такое Абсолютное Совершенство. Но что же будет размещено в этом Волшебном Замке, Храме, Обиталище Бога, Космическом Корабле, Дворце Красоты и Счастья?

Мария

Писатель жалуется на творческий кризис.

— Мне бы важную тему и острый сюжет,— говорит он,— я в пару месяцев сделал бы такой роман, что...

— Я могу рассказать вам одну московскую историю. Вы из нее можете раздуть роман похлеще Кафки. Жил в Москве ученый. В молодости он влюбился в женщину, которая не захотела выйти за него замуж. Звали ее Мария. Он сделал попытку повеситься, но его спасли. Вешаясь, он испытал сексуальное удовлетворение. Женщин до этого (да и после) он вообще не имел. Потом он изобрел машину. Особую маши-

ну — любовную. Назвал ее «Марией». Когда он ощущал сексуальную потребность, он шел к своей «Марии», вешался, удовлетворял свою страсть, а «Мария» спасала его. И жил он с ней так тридцать лет. Он был ей безраздельно предан. Называл ее ласковыми словами. Дарил ей цветы. Объяснялся в любви. Иногда ссорился с ней. Упрекал в холодности. Ревновал. Подозревал в изменах.

— Откуда это известно?

— Из его дневника. Его любимый ученик и ближайший помощник случайно прочитал несколько страниц из него и догадался о существовании «Марии». Выбрав подходящий момент, Ученик сам вступил в связь с «Марией». После этого в дневнике Учителя все чаще стали появляться жалобы на холодность «Марии». И вот она вообще стала уклоняться от связи с ним. Она предпочла молодого Ученика старому Учителю. Настал день, когда «Мария» не захотела спасти своего опостылевшего любовника.

— Это, конечно, в духе кибернетической фантастики.

— Вы правы. Такое объяснение я придумал специально в интересах литературы.

— А что произошло на самом деле?

— Ученик завидовал Учителю и хотел занять его место. Обнаружив «Марию», он сломал в ней маленькую детальку.

— Это банальный детектив. Это для литературы второго сорта. Для серьезной литературы из этой истории не выжмешь даже страничку.

— Не нравится этот сюжет, могу предложить другой, остро социальный, допустим, как защитить Запад или, что то же самое, как покорить его.

Как защитить Запад

Что может Запад противопоставить Советской Армии, если та ринется сюда? Во-первых, против каждого танка — десяток трибун, с которых защитники Запада будут свободно критиковать... нет, не Москву, боже упаси от этого!.. критиковать свой социальный строй и свои правительства. Пусть советские солдаты видят, какая здесь свобода! Во-вторых, вдоль всех

границ Запад устроит распродажу по сверхсниженным ценам... а лучше — раздачу... вещей и продуктов, какие советским людям не снились. Пусть они видят, какой здесь высокий уровень жизни! Наконец, в авангарде западных армий пойдут полчища террористов, борющихся бог весть за что, студентов, бунтующих детей. Советские люди увидят существа, у которых вместо лиц дамские нейлоновые чулки, и слегка задрожат от страха. Затем студенты бросятся занимать под жилье малонаселенные танки, и Советская Армия остановится. А когда орава ребятишек с дикими воплями ринется на танки, переворачивая их и забрасывая их бутылками с горючей жидкостью, то Советская Армия в панике убежит в Сибирь. А на освободившемся месте русские эмигранты (т. е. евреи при поддержке латышских стрелков) восстановят монархию и православие.

Как покорить Запад

А с другой стороны, Западную Европу можно взять голыми руками. Для этого надо всячески расширять любые контакты с Западом. Удешевить эмиграцию. Укрепить ее диссидентским элементом. Для этой цели в стране надо наладить массовое производство диссидентов. Учредить особые учебные заведения для диссидентов, включая высшие. Печатать популярные брошюры и книги о том, как стать диссидентом. Пропагандировать диссидентство в печати и через телевидение. Устраивать специальные симпозиумы и съезды, регулярный обмен опытом. Ввести для начинающих диссидентов бесплатное обучение иностранным языкам и технике общения с представителями зарубежных разведывательных служб. После сдачи выпускных экзаменов диссидентов направлять на практику в исправительно-трудовые лагеря строгого режима. По отбытии положенных сроков выдавать свидетельства «Дипломированный диссидент» и высылать обладателей таких дипломов в Западную Европу или в США. При засылке на Запад предоставить диссидентам полную свободу действий. Остальное получится само собой. Через десять лет Запад поднимет руки, согласится на любые условия, лишь бы мы сократили

нашу эмиграцию и взаимовыгодные контакты с ними. Тут мы и предложим им наш коммунистический строй.

Писатель сказал, что эти сюжеты тоже для литературы второго сорта, т. е. для сатириков и юмористов. Ему надо в самые глубокие тайники человеческой души забраться. Он мечтает дать глубокий анализ переживаний гениального писателя, оказавшегося в изгнании и лишенного...

Интеллектуальная элита

Домой иду привычным маршрутом — вдоль реки. Вода в реке почти совсем исчезла, так что солдатам Особого батальона придется ставить свои лодки на колеса. Мне кажется, что рядом со мной идет Вдохновитель и развивает свои сумасшедшие идеи.

— Интеллигенция, — говорит он, — неоднородна, поскольку она теперь есть массовое явление. Твой Писатель — типичный представитель бездарной, тщеславной и алчной массы интеллигентов. Он еще лучше многих других. Он не дурак. И как русский человек пережил трудности и страдал. Внутри интеллигенции есть очень небольшая часть, действительно являющаяся мозгом и гением общества, — интеллектуальная элита. Если хорошенько покопаться в механизмах нашего общества, то обязательно обнаружишь продукты деятельности интеллектуальной элиты. Масса интеллигенции скрывает этот факт, поскольку она в первую очередь эксплуатирует свою элиту и паразитирует за ее счет. Она присваивает ее продукты, фальсифицируя всю ситуацию в культуре общества. Она имеет мощного союзника — власть. Власть тоже тщательно охраняет эту тайну, ибо она в качестве власти узурпирует функцию интеллекта: власть должна выглядеть не только волевой, но и мудрой. Что было бы с армией, если бы всем было известно, что план предстоящего сражения был разработан группой младших офицеров во главе с капитаном, который не умеет даже подать команду «Шагом марш!»?!

Возьмем машину сталинских репрессий. Наши разоблачители все приписывают Сталину и его подручным. А на самом деле она была бы вообще невозможна

без интеллигенции и, в конечном счете, без интеллектуальной элиты. Она была спроектирована, рассчитана, создана и пущена в ход рафинированными интеллигентами. Я входил в комиссию, изучавшую этот аспект сталинских репрессий. Если бы я тебе рассказал, кто из нашей интеллигенции и в какой форме приложил руку к нему, ты не поверил бы. К счастью для истории, все следы на этот счет уничтожены. И нашим потомкам останется только гадать о фактической роли интеллигенции в преступлениях сталинской эпохи. Впрочем, роль интеллигенции в идеологическом оправдании их уже не скроешь. Сталинские репрессии — дело прошлое. А жизнь идет. И в таком огромном организме, как наша страна, постоянно складываются циклопические механизмы для решения не менее важных проблем, чем проблемы сталинских времен. Думаешь, эти проблемы можно решить силами официальных учреждений? Сейчас страна готовится к мировой войне. Невозможно даже вообразить себе, какая исполнинская мозговая работа идет в связи с этим. А кто ее выполняет? Кто генерирует идеи?

Разумеется, посредником между элитой и обществом выступает масса интеллигенции. Мы всю нашу интеллигенцию заставили работать в нашу пользу. Мы и западную интеллигенцию используем в беспрецедентных масштабах. Вот тебе примерчик из многих тысяч примеров такого рода. Вышла на Западе книга критика нашего общества. Одновременно вышел перевод книги Академика Н. Сотрудник нашего посольства заранее узнает, кто будет рецензировать эти книги, в этом отношении мы имеем бесчисленные и безотказные источники информации, не стоящие нам никаких затрат. А бывает и так, что мы сами советуем подходящих лиц, и нам охотно идут навстречу. Происходит якобы случайная встреча дипломата с будущим рецензентом. Дипломат намекает, что в Москве собираются переводить книгу рецензента. Остальное делается само собой. Появляется плохая рецензия на книгу критика режима и превосходная — на книгу советского академика. Что это за книги, ты знаешь сам.

Сомнения

«А не переоцениваем ли мы роль интеллектуальной элиты в нашей Великой атаке на Запад? — говорю я, мысленно обращаясь к Вдохновителю. — Современное общество интеллектуально избыточно. Обычные люди, которых интеллектуалы считают невеждами и дураками, на самом деле имеют интеллект, вполне достаточный для решения всех проблем современной жизни. В понимании этих проблем интеллектуалы не превосходят их нисколько. Скорее, наоборот. Они превосходят практически живущих и действующих людей только по уровню словоблудия. Если бы интеллектуалы заняли место руководителей общества, стало бы много хуже, ибо у них нет чувства реальности, здравого смысла. Для них их слова важнее реальных законов и тенденций общественных процессов. Психологический принцип интеллектуалов таков: мы могли бы организовать все наилучшим образом, но нам не дают. А фактическое положение таково: они могли бы организовать жизнь наилучшим образом лишь при наличии условий, которые практически неосуществимы, и потому они не способны действовать даже на уровне презируемых ими лидеров общества. Фактические руководители подчиняются потоку жизни, и потому они хоть что-то делают. Интеллектуалы недовольны тем, что поток жизни им неподвластен. Они его считают неправильным. Они опасны, ибо выглядят умными, будучи на самом деле профессионально изощренными глупцами.

Вот, например, проблема: может ли группа гениев спланировать для руководства страной гениальную политику? Я утверждаю: нет. Почему? Одно дело — замысел и план. Другое дело — условия их исполнения. Гении планируют абстрактно, т. е. отвлекаясь от «мелких» житейских обстоятельств. Без этого они не были бы гениями. Может ли, например, гений из окружения начальника КГБ принимать во внимание тот факт, что советские шпионы в некоем районе Западной Европы будут пьянствовать, жульничать, интриговать, халтурить, короче говоря — вести себя как нормальные советские люди? Нет, конечно. Тот, кто будет исходить из этих явлений, тот в группу гениев допущен не будет. Практически действующий началь-

ник соответствующего отдела КГБ, которого все гении считают формалистом и идиотом, на опыте знает цену шпионской сети в курируемом им районе. Он соглашается с гениальными планами интеллектуалов, но делает по-своему. И хоть что-то имеет в итоге. Так кто же гений на самом деле?

Западная интеллигенция, говоришь, служит нам? Верю, ты можешь привести тысячи примеров такого рода, как пример с рецензиями. Но это мелочи. Из тысячи мышей не сложишь одного слона».

«Верно,— слышу я ехидный голос Вдохновителя,— не сложишь. А зачем складывать? Слоны нам не нужны. Нам именно мыши нужны. А еще лучше — крысы. Миллионы крыс. Причем образованных и интеллигентных крыс».

Подозрение

Любая мыслительная машина портится без реальной пищи для размышлений. Это касается и меня. Я теряю точки опоры и социальную ориентацию. Бросаюсь из одной фантазии в другую, будучи не в состоянии отдать предпочтение какой-то из них. Сейчас мне начинает казаться, что все это — пустые разговоры, что на самом деле идет подлая и грязная игра. Но играю не я. Играют мною. Игроки — советская и западная контрразведка. Второй я кажусь крупной фигурой из КГБ, прибывшей на Запад с особой миссией. Первая дает понять второй, что ее подозрения основательны. Для второй я удобен как объект, на котором она может продемонстрировать свое профессиональное мастерство и заслужить одобрение своего начальства. Для первой я удобен как средство отвлечения внимания от реальных ее фигур. И как дымовая завеса. Я есть лишь карта в игре, которую один игрок подбросил другому, чтобы тот побил ее и был доволен своей кажущейся победой. Этому игроку достаточна кажущаяся победа, а его противник готов пойти на кажущееся поражение, чтобы скрыть фактическую победу. Общим важна не объективная истина и справедливость, а их собственные действия, расцениваемые ими самими как успех. От меня лично в этой игре ничто не зависит. Я действительно мог говорить и делать все что угодно.

Судьба моя была предрешена самим фактом выбора меня на эту роль.

«Верно,— слышу я голос Вдохновителя.— Выбрать подходящего актера на западную роль — на то и нужен хороший режиссер».

Намерение

Теперь я хочу одного: вырваться из чужой игры и стать сторонним наблюдателем. Видеть и понимать — и больше ничего мне не надо. Я по профессии и по призванию понимаю. Вся моя прожитая жизнь может быть обозначена одним словом — «размышление». Здесь у меня от обычных феноменов жизни почти ничего не осталось и практически. Я стал органом познания как таковым. И оказалось, что именно в роли чистой мысли я меньше всего нужен людям. К тому же гомосос есть личность лишь как частичная функция коллектива. Моя роль чистой мысли сложилась как роль в советском коллективе. Я могу существовать в качестве понимающего, только прилепившись к полноценному советскому коллективу.

«Мы знаем это,— слышу я голос Вдохновителя.— Став сторонним наблюдателем, ты лучше поймешь происходящее. А когда тебе будет совсем невмочь, мы протянем тебе руку братской помощи из нашего советского коллектива».

Решение судеб

Художник устроился на временную работу в фирму, производящую елочные украшения. Говорит, главным художником. Явно «цену набивает» — такой советской должности здесь вообще нет. Они с женой собрали тихонько пожитки и непроданные картины. Уехали, не попрощавшись.

Шпион века

Рано утром Вдохновитель заехал за мной на служебной машине, что делал в исключительных случаях. «На Западе,— сказал он, когда мы выехали за преде-

лы Москвы,—любят всякое ничтожество возводить в великие личности. Не умеющего рисовать художника объявляют величайшим художником века, страшную бабу — первой красавицей мира, пошлого кинорежиссера — великим новатором, пустого писаку — величайшим мудрецом. Так обстоит дело и в нашем шпионском мире. И кого только тут не объявляли величайшим шпионом века! А если разобрать по существу, что эти гении шпионажа сделали, то только диву даешься, за что на них вообще обратили внимание. Настоящие гении обнаруживаются лишь по прошествии столетий. А чтобы наша эпоха очистилась от мусора и обнажила своих подлинных гениев, нужны тысячелетия,—слишком уж много мусора накопилось. Но хватит общих разговоров. Сегодня я тебе покажу самого незначительного советского шпиона на Западе».

Через час мы были в дачном поселке и пробирались через грязь к маленькому домику, затерявшемуся среди недавно отстроенных шикарных дач. Навстречу нам вышел невзрачный старикашка. Вскоре мы сидели на террасе с прогнившим полом, пили привезенную нами водку, закусывая привезенной нами же колбасой. Вдохновитель попросил хозяина рассказать кое-что из своего прошлого. Тот замахал руками: мол, он вообще ничего не сделал такого, о чем стоит рассказывать. «Вот об этом и расскажите»,—настаивал Вдохновитель. Старик нехотя начал говорить. «Советских шпионов в Германии перед войной было много. И информация от них поступала в гигантских размерах из всех сфер немецкого общества. Надо было эту информацию обрабатывать и направлять в Москву. Никакой электронной техники не было. И средства связи не такие были, как сейчас. Именно из-за плохой организации обработки и передачи информации начались провалы. Вся наша шпионская сеть оказалась под угрозой гибели. И тут только кто-то и где-то упомянул о забавном пареньке в одном исследовательском институте. Пареньек конструировал и чинил хитроумную аппаратуру, а заодно молниеносно решал в уме головоломные математические задачи, над которыми доктора наук бились порой месяцами, запоминал с одного взгляда целые газетные страницы и проделывал другие «штучки», забавлявшие ученых института. Паренька забрали в соответствующее учреждение, кое-чему подучили, пере-

правили в Германию и буквально спрятали под землю. Так он и прожил два года до войны и всю войну в погребе где-то неподалеку от Берлина. В его задачу входило обрабатывать, ужимать и максимально экономно кодировать мощный поток шпионской информации. Уже через несколько месяцев он достиг такого совершенства, что молниеносно определял степень ценности документа, из многих тысяч страниц извлекал достойные внимания, ужимая информацию порою до нескольких строк. После войны его хотели на всякий случай расстрелять, но потом решили все же сохранить. До 1958 года он просидел на Лубянке в одиночной камере. Потом освободили, дали мизерную пенсию и этот домишко. Ничего из того, что прошло через его голову в те годы, он не помнит. Не помнит и свою систему «упаковки информации».

«Неужели Они и меня прочат на аналогичную роль», — подумал я, выслушав историю Старика. «Твоя задача будет посложнее, — угадал мою мысль Вдохновитель. — Тут потребуются образование, эрудиция, навыки научной работы. И твои мозги, конечно. Тебя ведь тоже считают мыслящей машиной. Но на домик под Москвой не рассчитывай».

«Наша активность на Западе дает свои результаты, — говорил Вдохновитель на обратном пути в Москву. — Но какой ценой? Это вранье, будто это не стоит нам ни копейки. Как раз наоборот, это обходится нам в копеечку. Еще немного, и мы сами вылетим в трубу. Надо в корне менять всю нашу работу на Западе. Убедить наше руководство — наша задача здесь. Твоя задача — узнать там для этой цели то, что не узнаешь ни из каких газет, журналов, книжек, тайных документов. Жаль, у нас уже нет времени обсудить детали...» — «А куда спешить?» — спросил я. «Операция «Эмиграция» исчерпала себя, — сказал он. — Приказано закругляться. И это в момент, когда мы могли бы извлечь из нее максимальную выгоду! Ну, пора. Давай попрощаемся. Мне грустно расставаться с тобой: я тебя любил и люблю как брата. Но пойми меня правильно: ты — мой главный козырь. И, может быть, последний козырь. Прощай!»

Решение судьб

Писатель получил постоянную работу в антисоветском издательстве. Он на седьмом небе от радости. Хотя зарплата мизерная, зато гарантированная. И работа пустяковая — читать рукописи и давать отзывы на них. Пустяковая с точки зрения затрат времени и сил, но важная (по его словам) с точки зрения влияния на судьбу русской литературы здесь, на Западе. Теперь он может спокойно отдаться серьезному литературному творчеству. Теперь он горы свернет. Одним словом, не надо впадать в мрачный пессимизм. Трудное время рано или поздно пройдет.

А ведь и тебя в лучшем виде ждет нечто подобное, думал я, слушая восторженное блеяние Писателя. И ты в конце концов получишь жалкий во всех отношениях минимум и будешь уговаривать окружающих и себя самого, что никаких оснований для пессимизма нет, что трудное время рано или поздно пройдет.

По дороге в Пансион мне пришла в голову идея: а что, если я сыграю с Писателем шутку — сочиню что-нибудь и пошлю в его издательство? Под псевдонимом, конечно. Он все-таки добрый человек. Я не хочу ставить его в неловкое положение. И за одну ночь я сочинил повесть. Сюжет ее таков. Советский агент попадает на Запад под видом диссидента. Стремится работать хорошо. Для этого он должен стать агентом западных секретных служб. В КГБ подозревают его в предательстве и хотят устранить. Западные секретные службы усматривают в этом хитрую игру КГБ и тоже хотят устранить агента. Тогда он использует последнее средство: начинает халтурить, врать, изворачиваться, короче говоря — вести себя как нормальный гомосос. В результате его признали своим все разведки мира, повысили в чине как в Москве, так и на Западе. Поскольку теперь на Западе без сексуальных сцен не изображают даже заседание правительства, похороны и террористические акты, и я снабдил свою повесть сценами такого рода. Чуть ли не на каждой страничке герой совокупляется с прекрасной незнакомкой (рост сто семьдесят, талия шестьдесят, зад сто шестьдесят, груди, по два кило каждая), причем использует не он ее, а она его, восторгаясь русской выносливостью. «Теперь,— говорит она,— я по-

нимаю, почему русские выстояли в войне с Германией».

Отослал повесть в издательство. Стал ждать. Шли дни. Недели. Писатель уехал в очередную поездку «с лекциями». Особых надежд на повесть я не возлагал. Это была, скорее, шутка. Шутка не удалась. Туда ей и дорога. И я вообще позабыл о своем литературном начинании.

Проблемы

Самый близкий мне теперь человек — Хозяйка. Она помогает мне в бытовом отношении (белье, еда) и рассказывает много такого о жизни обычных людей, что имеет первостепенное значение с социологической точки зрения, но на что тут никто не обращает внимания. Сейчас она объясняет мне, как следует экономить на транспорте. По ее подсчетам получается экономия пятьдесят пфеннигов в неделю, две марки в месяц, двадцать четыре марки в год, двести сорок марок в десять лет... Две тысячи четыреста марок в столетие, доканчиваю я ее расчеты. Но мы, русские, изобрели еще более мощные методы экономии: мы ходим пешком. Это экономит нам в неделю пять марок, в месяц двадцать марок... А за сто лет набегает огромная сумма. Дом можно купить. Хозяйка принимает мои слова всерьез. Согласно официальной статистике семьдесят процентов семей здесь имеют всего одну зубную щетку: экономят. Тут экономят во всем так, что тошно становится. А мы проживаем все от получки до получки, не придавая такого угнетающего значения будущему. Что лучше? Если бы советские власти были чуточку поумнее, они могли бы в течение нескольких лет поднять жизненный уровень населения настолько, что отпали бы всякие сомнения насчет преимуществ того или иного образа жизни. Именно это есть самое мощное советское оружие, а советское руководство уже не способно его использовать.

Решение судеб

Шутник получил разрешение на жительство в США. «Теперь будет все о'кей,— сказал он на прощанье.—

Приезжайте в Штаты. Там устроиться гораздо легче». — «Боюсь, что меня отсюда не выпустят», — сказал я. «Кто?» — удивился он. «Они», — сказал я. «Кто Они?» — спросил он. «Не знаю», — сказал я. — Они всегда и везде Они».

Запад

Состав пансионеров полностью обновился, за исключением меня и Диссидента с женой. Знакомств с новыми пансионерами заводить не хочу. И они меня избегают. Очевидно, их кто-то предупредил, что со мной надо быть поосторожнее. С Диссидентом у меня тоже нет никаких контактов. Утром они бесшумно проskalзьывают через холл на улицу, а поздно вечером — в свою комнату. И все. Целыми днями я валяюсь на кровати или смотрю телевизор. Выхожу только за сигаретами и поесть что-нибудь. И на допросы, конечно. Оценил по достоинству ценность телевидения для социолога, желающего изучить Запад. Вот, к примеру, что я узнал тут только за один день. Деятель церкви призывает к духовному единению, усматривая в этом путь спасения. «Болван», — говорю я, — если путь спасения и существует, то не в единении, а в разъединении. Нужна ясность во всем, а не помутнение. Нужны четкие формы, а не расплывчатые очертания. Лучше искренняя вражда, чем лицемерная дружба».

Еще одна пара советских танцоров решила не возвращаться в Советский Союз. Поскольку невозвращенцы стали обычным явлением, советским властям следовало бы признать их официально. В анкеты, которые советские граждане заполняют перед поездкой за границу, следует добавить пункт: собираешься или нет остаться на Западе, в какой стране и с какой мотивировкой?

Дискуссия по поводу убийцы, убившего целую семью из пяти человек: считать его вменяемым или нет? В дискуссию вовлечены светила наук, медицины, права, литературы, журналистики. Никакой проблемы на самом деле тут нет. Пятьдесят лет убийца был нормальным человеком, а тут вдруг появилось сомнение. Просто последствия преступления принимались во внимание заранее: смертной казни нет, будет волянка с выяснением его психического состояния (считай, санаторий)

и прочее. А всем, вовлеченным в дело, выгодно, чтобы оно тянулось: статьи, выступления по телевидению, гонорары.

Один пенсионер умер почти три года назад в своей квартире, но только сейчас это обнаружили в связи с необходимостью ремонта водопровода. Почти три года человек был мертв, а все житейские операции в это время совершались через банк. Не сломайся водопровод, может быть, еще пару лет не обнаружили бы, что он мертв. Опять дискуссия. Одни усматривают в этом достоинство банковской системы, другие — порок капитализма.

Похитили семилетнюю девочку. Требуют выкуп два миллиона. Похитили генерала. Никакого выкупа до сих пор почему-то не требуют. Любопытно: западные террористы не захватывают советских посольств, не убивают советских чиновников и дипломатов, вообще не касаются ничего, имеющего отношение к Советскому Союзу. Почему бы это, а? Западные умники видят в этом свидетельство того, что террористы действуют по указке из Москвы. Если бы это было так, Москва первым делом разыграла бы спектакль с покушением на что-либо советское.

Бунтуют ученики. Повод для бунта — покончила с собой девочка, которой показалось, что ей занизили отметку на один балл. Ученики старших классов требуют либерализации школы (хотя они и так вытворяют что хотят) и облегчения программы (хотя программа здесь просто смехотворна сравнительно с московскими школами). Само собой разумеется, требуют демилитаризации (II) Западной Европы и отмены армейской службы вообще. Ученики младших классов жалуются на то, что повысили цены на конфеты и пирожные. «Если бы правительство меньше тратило денег на вооружение и больше на насущные нужды населения,— сказала семилетняя крошка,— то сладости были бы дешевле». Толпа журналистов и прочих взрослых, беседовавших с детьми, разразилась бурными аплодисментами.

Мы

А по ночам слушаю разговоры в комнате, где раньше жил Художник с женой. Не хочу их приводить здесь.

О чем могут говорить советские люди, выбравшиеся под каким-то предлогом из голодной и убогой русской провинции на сказочно изобильный и яркий Запад? Но иногда в их речах улавливаются зловещие нотки.

— Без языка тут плохо.

— Изучим. А нет, так и без языка проживем. Иван десять лет тут торчал, а по-ихнему не научился даже водку заказывать.

— Иван чуть ли не погорел из-за незнания языка, он сам мне об этом рассказывал. Он раздобыл очень важные секретные документы и хотел отослать в Москву. Упаковал. Пришел на почту. А там пакет не принимают, суют какую-то бумажку и велят заполнить. Взглянул на бумажку и понял одно, что от него требуется имя написать, адрес и еще что-то. Анкета, подумал он по советской привычке. Решил, что это — провал. Впал в панику. Решил признаться. Ничего страшного в этом нет. Многие так делают, а потом все равно хорошо работают. Пошел в полицию. Раскрыл пакет, показал документы. Пальцем в себя тычет: мол, их бин советиш шпион. В полиции сказали, что это не по их части. А где найти службу безопасности, никто не знал. Собралась толпа. Кто-то сказал, что тут две службы безопасности — гражданская и военная. Если документы суть военные секреты, надо идти во вторую, а если промышленные — в первую. Возникла жаркая дискуссия по поводу политических секретов: военные они или гражданские? К счастью, нашелся добрый человек, кое-как говоривший по-русски (был у нас в плену). Он растолковал Ивану, в чем дело и как быть. Оказывается, бандероль была слишком тяжелой. Ее можно было разделить на две части и послать их по отдельности. Но это на целых сорок пфеннигов дороже. Это непрактично. Лучше послать посылкой, заполнив для этого другую бумажку. А стоит будет даже на десять пфеннигов меньше. Знаешь, что самое обидное в этой истории? Иван говорил, что он чувствовал себя тогда круглым идиотом, а эти люди смотрели на него свысока как на типичного русского недоумка.

— Не беда! Мы им еще покажем, какие мы недоумки.

Резюме

Снова набросился на газеты. И снова плююсь, просматривая то, что в них пишут о советском блоке. Отбирают факты, соответствующие их априорным установкам, и интерпретируют эти факты в духе своих представлений о социалистическом обществе и своих желаний насчет его. Если бы от меня сейчас потребовалось сделать отчет для КГБ, в нескольких строках сообщив самое главное из моих наблюдений, я бы ограничился следующим: Запад не просто не может понять сущность нашего общества, он активно не хочет это делать. Советские службы, занятые Западом, могут смело принять это как аксиому своей деятельности вплоть до новой мировой войны. Все западные специалисты по советскому блоку, вместе взятые, в принципе не способны правильно оценить жизненный и военный потенциал советского блока. Они способны лишь на то, чтобы метаться между различными крайностями, случайно и временами натываясь на верные идеи, но не будучи в состоянии правильно оценить и использовать свои же собственные верные догадки. Советская официальная идеология ближе к истине в понимании социальной реальности, чем все то, что я увидел здесь, на Западе. Она плохо сформулирована и испорчена интересами пропаганды, что позволяет западному бесконтрольному словоблудию смотреть на нее свысока. Изначальная истина часто выглядит уродом в сравнении с высоко развитым заблуждением. Советская идеология, поддавшись влиянию Запада в послесталинское время, несколько выиграла в отношении внешней словесной формы, но много потеряла по существу. Наши московские представления о Западе в общем и целом верны, и на Запад стоит выезжать не с целью познать Запад, а с целью познать самих себя и оценить свои собственные возможности.

Решение судеб

Самыми незаметными в Пансионе были Диссидент с женой. И вот они совсем перестали появляться в холле и встречаться на пути в туалет и на помойку. Я не удивлюсь, если именно Диссидент окажется тем Ве-

ликим Рыбаком В Мутной Воде, о котором я когда-то говорил Цинику. Очень уж он сер и скучен. И незаметен. Пока здешняя контрразведка волянится со мной, этот Великий Рыбак тихо и незаметно проскользнул туда, куда ему и нужно было, и начал свою скромную деятельность раковой клеточки в теле западного общества. Мы вползаем в тело врага как могильные черви. И я тоже теперь мечтаю лишь о положении червяка, пожирающего свое окружение и отравляющего его своими выделениями.

Подлинное лицо

Я сказал, что мне надоели допросы. Они сказали, что им еще не вполне ясно мое «подлинное лицо». Этого,— сказал я,— вы никогда и не узнаете. Проблема неразрешима логически. Если взять множество поступков многих людей и множество соответствующих их внутренних состояний, то по одним можно достоверно судить о других. «Подлинное лицо» массы людей точно выражается в массе их поступков. Но для отдельных людей и их отдельных поступков такого совпадения обычно не бывает. Я — представитель массы. Как индивид я не имею лица. «Но есть же у вас какие-то тайные цели»,— сказали они. «Какие цели может иметь червяк, насаженный на крючок?— сказал я.— Цели имеет рыбак и рыба».— «Хорошо,— сказали они.— Действительно, пора... как это по-русски... закругляться. У нас последняя просьба: сделайте в письменном виде краткое описание советского человека».

Описать гомососа! Они от меня требуют решить задачу, за решение которой через много десятилетий или даже столетий люди будут признаны выдающимися учеными. А какую награду получу я за это? Ладно. Тут, как говорится, не до жиру, лишь бы быть живу. Попробую решить им эту эпохальную задачу.

Гомосос

Гомосос — это гомо советикус, или советский человек как тип живого существа, а не как гражданин СССР. Не всякий гражданин СССР есть гомосос. Не всякий

гомосос есть гражданин СССР. Ситуации, в которых люди ведут себя подобно гомососам, можно обнаружить в самых различных эпохах и в самых различных странах. Но человек, который обладает более или менее полным комплексом качеств гомососа, проявляет их систематически, передает их из поколения в поколение и является массовым и типичным явлением в данном обществе, есть продукт истории. Это человек, порождаемый условиями существования общества коммунистического (социалистического), являющийся носителем принципов жизни этого общества, сохраняющий его внутриколлективные отношения самым своим образом жизни. Впервые в истории человек превратился в гомососа в Москве и в сфере ее влияния в Советском Союзе (в Московии).

Гомосос есть продукт приспособления к определенным социальным условиям. Потому его нельзя понять вне его нормальной среды, как по движениям рыбы, выброшенной на песок или попавшей на сковородку, нельзя судить о ее качествах, как существа, плавающего в воде. Надо взять характерные и типичные ситуации нормального образа жизни массы гомососов и поставить вопрос: как в такой ситуации поступит нормальный гомосос? И из ответов на такие вопросы вы получите описание гомососа как особого типа человека, адекватного особому типу обществу. Возьмем, например, современных гомососов, живущих в Московии. Повысили цены на продукты питания. Будет такой гомосос устраивать демонстрации протеста? Нет, конечно. Гомосос приучен жить в сравнительно скверных условиях, готов встречать трудности, постоянно ожидает еще худшего, покорен распоряжениям властей. Как поступит гомосос, если нужно открыто (т. е. в своем коллективе, на собрании) выразить свое отношение к диссидентам? Конечно, одобрит действия властей и осудит действия диссидентов. Гомосос стремится помешать тем, кто нарушает привычные формы поведения, холуйствует перед властями, солидарен с большинством сограждан, одобряемых властями. Как реагирует гомосос на милитаризацию страны и на рост советской активности в мире, включая интервенционистские тенденции? Он всецело поддерживает свое руководство, ибо он обладает стандартным идеологизированным сознанием, чувством ответственности за

страну как за целое, готовностью к жертвам и готовностью других обрекать на жертвы. Конечно, гомосос способен и на недовольство своим положением, даже на критику порядков в стране и властей. Но в соответствующих формах, на своем месте и в своей мере, не угрожающей осязаемым образом интересам общественного организма. И для этой проблемы можно указать характерные ситуации и характерные поступки гомососов. Из серии таких характеристических вопросов и ответов на них вы получите описание человека, адекватного социалистическому (коммунистическому) обществу и удобного с точки зрения его целостности и интересов как целого.

Приведенное выше сравнение гомососов с рыбами односторонне. Гомосос, в отличие от рыб, сам является носителем и охранителем своей социальной среды обитания. Но происходит это обстоятельство не из свойств гомососа как индивида, а из его свойств как представителя массы гомососов, организованных в единое целое. Гомососы общими усилиями изобретают, поддерживают и признают разумными некоторое число самых фундаментальных принципов своей организации. На основе этих принципов вырастает сама социальная среда их обитания, к которой они приспособляются из поколения в поколение. Они как индивиды приспособляются к самим себе как к массе индивидов, образующей социальный сверхиндивид. Социальная среда гомососа в такой же мере немыслима без самого гомососа, как и он без нее.

Гомосос не есть комплекс только недостатков. Он обладает и многочисленными достоинствами. А точнее говоря, он обладает качествами, которые суть достоинства или недостатки смотря по обстоятельствам и в зависимости от критериев оценки. Одно и то же качество в одних условиях проявляется как добро, а в других — как зло. Для одних людей оно есть зло, для других — добро. Одним кажется добром, другим — злом. Среди массы гомососов можно обнаружить все общечеловеческие характеры, но в специфически социалистических (коммунистических) формах и пропорциях. Отражая в себе свойства своего социального целого, гомосос одновременно есть лишь частичная функция этого целого. Различные функции коммунистического коллектива воплощаются в отдельных его членах, ко-

торые становятся по преимуществу носителями этих функций. Отсюда — различные виды гомососов внутри единого рода «гомосос».

В обществе гомососов есть свои критерии оценки качеств и поступков отдельных его членов. Эти критерии во многом не совпадают с аналогичными критериями в обществах другого типа. Они ситуационны. С этой точки зрения гомосос гибок и пластичен до такой степени, что кажется совершенно бесхребетным. Он обладает сравнительно большой амплитудой колебаний, социально-психологических состояний и оценок. Но он обладает и способностью восстанавливать некоторое средненормальное состояние. Гомосос, например, может внимательно выслушать вашу речь, разоблачающую язвы советского общества, и полностью согласиться с вами. Но не спешите делать вывод, будто вы его распропагандировали и обратили в свою веру. Он вам тут же сам может привести массу примеров в духе вашей речи и даже высказаться более резко о своем обществе. Но он от этого не перестанет быть гомососом. Сущность его останется той же. Лишь ничтожный процент гомососов «кляует» на такую пропаганду. Этот процент априори вычислим, — такие отклонения есть норма во всякой массе людей. Гомосос, например, может дать искреннее согласие сотрудничать с вами. Но не спешите поздравлять себя с успехом. Он тут же и столь же искренне донесет на вас. Исключения и тут бывают. Но именно исключения, величину которых тоже можно априори высчитать. Для общества гомососов эта величина практически ничтожна. Такого рода отклонения от нормы вскоре обнаруживаются коллективами гомососов и властями и в конце концов ликвидируются. Общество очищается, освобождая место для новых скрытых до поры до времени отклонений того же рода.

Если смотреть на поведение гомососа с точки зрения некой абстрактной морали, он кажется существом совершенно безнравственным. Гомосос не является существом нравственным — это верно. Но неверно, будто он безнравствен. Он есть существо идеологическое в первую очередь. И на этой основе он может быть нравственным или безнравственным, смотря по обстоятельствам. Гомососы не злодеи. Среди них много хороших людей. Но хороший гомосос — это такой, ко-

торый не имеет возможности причинять другим людям зло или для него в этом нет особой надобности. Но если он получает возможность или вынуждается творить зло, он это делает хуже отпетого злодея.

Пока качества гомососа наиболее высокой степени зрелости достигли в советских людях со сравнительно высоким уровнем культуры и образования, а также в среде самой социально активной части населения, особенно в сфере управления, науки, пропаганды, культуры, образования. Но эта часть высокоразвитых гомососов оказывает влияние на все остальное население страны, а также на все внешнее окружение. Зараза гомососта стремительно расползается по всему миру. Это самая глубокая болезнь человечества, ибо она проникает в самые основы человеческого существа. Если человек ощутил в себе гомососа и вкусил яд гомососта, вылечить его от этой болезни еще труднее, чем вернуть к здоровой жизни закоренелого алкоголика или наркомана.

Гомосос не есть деградация. Наоборот, он есть высший продукт цивилизации. Это сверхчеловек. Он универсален. Если нужно, он способен на любую пакость. Если можно, он способен на любую добродетель. Нет тайн, для которых он не нашел бы объяснения. Нет проблем, для которых он не нашел бы решения. Он наивен и прост. Он пуст. И он всеведущ и всеущ. Он преисполнен мудрости. Он есть частичка мироздания, несущая в себе все мироздание. Он готов на все и ко всему. Он готов даже к лучшему. Он ждет его, хотя не верит в него. Он надеется на худшее. Он есть Ничто, т. е. Все. Он есть Бог, прикидывающийся Дьяволом. Он есть Дьявол, прикидывающийся Богом. Он есть в каждом человеке.

Человек! Приглядишься к себе, и ты узришь в себе самом по крайней мере эмбрион этого венца творения. Ты сам и есть гомосос.

Живи

Озабоченность Запада советской угрозой проявляется в том, что все чаще показывают по телевидению солдаты. Те все настойчивее говорят, что они не хотят умирать, что они хотят жить, что они участвуют в движе-

нии борцов за мир. Война еще не началась, а они уже требуют мира. Никто еще не погиб (если не считать того упившегося пивом болвана, который ухитрился утонуть на сухом месте), а они уже вопят о жажде жизни. Желанию жить учиться не надо. Никакого ума и мужества не нужно, чтобы высказать это примитивное животное ощущение, раздутое средствами массового оболванивания до масштабов эпохальной идеологии. Истерия страха смерти есть идеологическое средство манипулирования людьми, причем людьми западными (в отношении советских людей это средство неэффективно), и есть средство советское. Оно было тщательно продумано во всех звеньях советского аппарата власти и одобрено на самом высшем уровне как общая установка вплоть до новой мировой войны.

Я не вижу ничего плохого в том, что вы хотите жить — мысленно обращаюсь я к солдатам, борющимся за мир. — Но недостойно мужчине думать и тем более говорить об этом вслух. Это есть интеллектуальная и моральная деградация общества, если его защитники думают лишь о своей шкуре. И болтовня о мире есть самое дешевое и ненадежное средство сохранить мир. Старинное правило «Хочешь мира — готовься к войне» сохраняет силу и для наших дней. Если хочешь жить, готовься к смерти!

Готовься к смерти

В наше время эта проблема актуальна для всех. Даже в случае атомной войны миллионы людей будут иметь достаточно времени, чтобы осознать: это — конец. Мы, гомососы, имели богатый исторический опыт на этот счет. Мы привыкли к этому «конец» и готовы встретить его в очередной раз как постановление родного ЦК КПСС, имеющее целью поднять наш жизненный уровень на новую недостижимую ступень. И мы готовы поделиться с вами своим опытом.

В Советском Союзе применяется такой метод лечения алкоголиков. Дают особое лекарство. Если человек после этого выпьет что-то алкогольное, он должен умереть. Алкоголиков об этом предупреждают. В середине курса приема лекарства им устраивают имитацию

смерти — дают немного водки, чтобы они сами убедились в реальности угрозы смерти. У них действительно начинается умирание. Но до конца умереть им не дают, спасают. И напрасно, как утверждают некоторые специалисты. После приема полной дозы лекарства спасти человека уже нельзя, если даже он примет всего лишь грамм алкоголя. Правда, еще не было ни одного случая, чтобы алкоголики после этого вылечились. Кое-кто дотягивал до срока окончания действия лекарства и начинал пить с удвоенной силой. Большинство как-то ухитрялось начинать пить задолго до окончания этого срока. Но дело не в этом. Некоторые после этого привыкают пить только с имитацией смерти. Говорят, в Москве возникло тайное общество любителей выпивок на грани смерти. Социологи провели опросы многих, испытавших имитацию смерти. На вопрос, не страшно ли им было, они отвечали смехом. Большинство уверяло, что самое неприятное в этой процедуре — возвращение к жизни, причем к трезвой жизни.

Такую имитацию смерти можно устраивать западным школьникам и солдатам, а затем — государственным служащим. Конечно, предварительно их надо будет обучить пить водку. Но это, как показал опыт нашей великой страны, уже не проблема. Вместо газопровода из Сибири в Западную Европу можно будет построить водкопровод. Никаких протестов против него на Западе не будет. Денег нам дадут вдвое больше. А с точки зрения завоевания Запада водкопровод вдвое эффективнее. Стоит его перекрыть, как Запад сам на четвереньках приползет в Москву похмеляться.

Что касается теоретической подготовки к смерти, то я могу предложить вам несколько общих принципов, извлеченных мною из моего личного опыта в качестве гомососа.

Будь спокоен за будущее человечества. Человек — это такая тварь, которая выживет при любых обстоятельствах. За последние двести лет население Китая выросло в двадцать раз, а России — в десять. А сколько народу там было истреблено! После будущей мировой войны население планеты, за исключением белых европейцев и белых американцев, удвоится. Радуйся этому обстоятельству. И подымай с такой же верой в светлое будущее, с какой это делают русские алкого-

лики, которых лечат современными методами от неизлечимой национальной судьбы.

Наплюй на дружбу. Мой близкий друг писал доносы на меня и других, но делал это так, что подозрение падало на меня. Мой лучший друг Вдохновитель пожертвовал мною ради своих маниакальных планов. Помни: чем сильнее дружба, тем страшнее предательство ее.

Не люби. Я любил раз в жизни и был любим, но это была мука. Мы друг в друге персонифицировали невозможность настоящей любви, и взаимная ненависть навечно вошла в наши души. Помни: чем чище и сильнее любовь, тем болезненнее разочарование.

Оставь тщеславие. Однажды я по заданию ЦК провел очень сложное и интересное исследование с небольшой группой сотрудников и с небольшими материальными средствами. Я с большим подъемом провел это исследование. Думаю, что это был мой лучший результат в науке. Особая комиссия, в которую входили крупные ученые, дала ему самую высокую оценку. Академик Н. сказал, что, если бы это исследование можно было предать гласности, оно вошло бы во все учебники социологии как одно из самых блистательных в истории социологии. Результаты моего исследования вошли в секретные документы без упоминания моего имени. Я получил премию — месячную зарплату. Потом я много раз выполнял аналогичные задания без премий и без похвалы. Помни: чем больше создаешь, тем меньше удерживаешь за собой.

Не доверяй никому. Я не знал ни одного человека, который не обманул бы меня в чем-нибудь или не обманул бы других на моих глазах. Помни: чем больше доверяешь людям, тем циничнее будешь обманут. Поняв это, ты увидишь, что ты — один. Ну а в одиночестве жить долго невозможно.

Учись терять. Чем больше потеряешь, тем легче идти к смерти. Я потерял все. Я не иду, а парю. Мчусь с ощущением невесомости. Учись не иметь. Я постиг эту науку в совершенстве. Я так мало имел в жизни, что мне и учиться не иметь не надо было. Взгляните на Энтузиаста и содрогнитесь от вида его участи. Раньше у него были всего одни штаны, которые он таскал лет десять. И он был мужественным борцом против советского режима. Теперь у него есть пижама, три пары штанов и электрическая бритва. И он уже вздра-

гивает от каждого шороха, подозревая в нем коварное намерение Москвы лишить его драгоценной жизни.

Не думай о потомстве. Потомкам безразлична наша судьба. Даже наши лучшие намерения потомки истолковывают как насилие, а наши лучшие достижения — как глупость и бездарность. Взгляните на того же Энтузнаста. Он вытаскивает сюда кучу своих и чужих родственников. Помяните мое слово: скоро вы увидите его среди борцов за превращение Западной Европы в «безатомную зону», а его сопливых внуков — в числе буйствующих второгодников, требующих сокращения трат на вооружение на миллиард марок с целью снижения цен на кухни и конфеты на один пфенниг.

Научись смотреть на себя со стороны, и тебе покажется комичным, как такое мизерное существо ухитряется развить в себе такой грандиозный страх смерти. Тогда ты увидишь, что страх смерти не имеет ничего общего с жаждой жизни. Тот, кто на самом деле жаждет жить, не боится смерти. Ожидающий смерти боится ее. Знай: мертвым безразлично то, что после их смерти остается жизнь.

И не забывай твердить себе каждый раз, как об этом вспомнишь, что ты готов умереть. Лучше это делать без трагического пафоса, спокойно, даже с усмешкой. Мол, все равно все подохнем. Что касается меня, то я готов хоть сейчас. Я все равно все познал. И мне все равно нечего терять. У меня не осталось ничего родного, ничего святого, ничего таинственного. Я готов платить за жизнь адекватную ей плату. Я считаю эту плату справедливой. Но..

Вот в этом-то «но» и состоит суть нашего учения о смерти. Готовность встретить смерть достойно человека и покорность перед лицом смерти суть противоположности. В первом случае человек сражается за жизнь до последнего мгновения, во втором — впадает в панику и капитулирует. Я расскажу вам коротенькую притчу, которую сам услышал в Москве от одного незнакомого пропойцы. «В начале войны,— говорил он,— наша часть была разгромлена и окружена. Мы понимали, что были обречены. Нужно сдаваться, решили одни из нас, все равно нам капут. Нужно сражаться до последнего, решили другие — все равно нам капут. Мы пытались переубедить первых, но безрезультатно. Они были парализованы страхом смерти. Бро-

сив оружие, они бросились к врагу — сдаваться. Часть из них убили мы сами как трусов и предателей, остальных добили немцы. Мы же сражались. Эх, как мы тогда дрались! Скольких врагов мы отправили на тот свет! И кое-кто из нас уцелел». — «А ради чего?» — спросил с насмешкой начинающий, критически настроенный алкаш. «Из принципа, — ответил пропойца, — из чисто мужского достоинства. Хотя бы просто так. Погибать, так с музыкой». Так вот, признав справедливость смерти и выработав в себе готовность умереть, скажи в заключение это замечательное, жизнеутверждающее «но». Скажи себе по-русски: «Погибать, так с музыкой!» И дерись за жизнь. Не проси, не умоляй, а дерись!

Решение судеб

Вернулся Писатель. Я по московской привычке зашел к нему без приглашения. У него было много народу. Ели, пили, кричали. Потом Писатель попросил тишины и начал читать вслух... мою повесть. Я наблюдал реакцию гостей. Иногда смеялись. Временами возмущались. Временами вздыхали. Спрашивали, кто автор. «Автор неизвестен», — сказал Писатель. «Будете печатать?» — спросил кто-то. «Ни в коем случае, — сказал Писатель. — В литературном отношении повесть слабая. Идейная направленность нам не подходит». В этом месте я вспомнил штампованные московские оценки типа «научно (художественно) несостоятельно, идейно порочно». И не мог удержаться от смеха. На меня посмотрели осуждающе.

«Оказавшись на Западе, — декламировал Писатель, — я понял, что Запад отстал от нас. Точка роста литературы не здесь, а в России. Россия накопит новые силы и произойдет новый мощный литературный взрыв. Мы обязаны готовить его. Потому мы должны беспощадно отсекают вот такое с позволения сказать творчество (он помахал моей рукописью), снижающее уровень русской литературы. Мы, господа, все-таки прошли школу Союза советских писателей!»

Бывший советский кинорежиссер, ветеран войны, сказал, что сексуальные сцены в повести описаны хорошо. Если бы ему дали деньги, он сделал бы из них сенсационный фильм. А вообще Запад недооценивает

скрытые сексуальные возможности русского народа. Вскоре после войны один подвыпивший русский сапер забрел в бардак — бардаки еще не успели ликвидировать. Заявил, что не уйдет оттуда, пока не перепробует всех... ну, скажем, женщин без исключения и пока не удовлетворит их «по первому разряду». Что он при этом имел в виду, выяснилось потом, когда... ну, скажем, женщины стали с воплями разбегаться из бардака, закрывая обеими руками сокровенные места. Мы, русские, себя еще покажем! Мы еще займем подobaющее нам место в мировой культуре!

Неужели я снова начну их включать в список советских агентов, подумал я. Нет, не стоит. Из этих отбросов советского общества нельзя сделать хорошую шпионскую сеть и нашу «пятую колонну» на Западе. Для этого нужны гомососы более высокого качества.

Конец проверки

Допрашиватели были сегодня необычайно приветливы. Угостили меня кофе и сигаретами. Сказали, что проверка окончена, и мне теперь остается лишь ждать решения своей судьбы. Они надеются на наилучший вариант. Было немного грустно: эти допросы были важной частью моей жизни за это время. На прощание я рассказал им историю о том, как в Москве был разоблачен западный шпион, добывший за бешеные деньги сверхсекретные чертежи какой-то военной штуковины, которые оказались давно устаревшими на Западе и добытыми там советским шпионом за еще большие деньги. Они хохотали до слез. Хлопали меня по плечу. Говорили, что мы, русские, «мировые ребята». «А что сделали с тем западным шпионом?» — спросили они. «Обменяли на того советского», — сказал я. Солдаты Особого десантного батальона выпустили воздух из лодок и спасательных жилетов, аккуратно сложили их и готовились к ужину. Скоро одни из них на собственных машинах поедут к девчонкам или к родственникам, другие поедут принимать участие в демонстрации борцов за мир, а третьи завалятся спать в полосатых пижамах. Солдаты в шикарных пижамах — надежная защита Запада. Проверка окончена. Самое трудное позади. Не надо больше ломать голову над

неразрешимыми проблемами, доказывать недоказуемое и опровергать неопровержимое. К какому выводу пришли их замечательные компьютеры, обработав необъятную сумму информации, полученной от меня и обо мне? Я мог бы этот вывод предсказать заранее и без тех титанических усилий, какие были затрачены на его получение. Жаль, я не предложил им это в качестве научного эксперимента. Впрочем, они все равно не сообщили бы мне результат эксперимента или сказали бы, что я ошибся. Они не могут допустить, чтобы какой-то ничтожный гомосос был способен конкурировать с их замечательной техникой — воплощением их великого коллективного интеллекта. Они уверены, что в соревновании человека и машины будущее принадлежит машине. Они не знают гомососов. Мы же уверены, что в соревновании гомососа и машины будущее принадлежит гомососу.

Какое решение им предписано принимать в случае выводов такого рода, как вывод обо мне? Использовать по такому-то разряду? Предоставить самому себе? Чинить препятствия вплоть до уничтожения? Но это уже их дело, а не мое. Я свою роль сыграл.

Вред

В Пансион вернулся поздно. Хозяин долго не хотел открывать. Я пригрозил обратиться в полицию. Он смилостивился, но предупредил, чтобы это было в последний раз. Тут вам не Россия, тут порядок должен быть!

Ночью мучили бредовые сны. Явился Вдохновитель. «Ты правильно сыграл свою роль,— сказал он.— Потерпи еще немного и ты выкарабкаешься. Ты станешь большим человеком. Ты станешь полномочным представителем советской власти в Западной Европе». — «А если Они тоже так рассматривают мою роль? — спросил я.— Что тогда?» Вдохновитель исчез, не ответив.

Рассвело. Я вспомнил о моем Сооружении и кинулся к окну. Оно сияло в голубом небе такой невиданной красотой, что у меня дух захватило. Но что это? На самом видном месте отчетливо выделялись буквы: БАНК.

ПАРА БЕЛЛУМ

ПРОБЛЕМА

Короткий некролог на последней странице второстепенной советской газеты. Подписан: «Группа товарищей». Привычные шаблонные выражения: «скоропостижно», «преждевременно», «ответственный работник»... Знакомая фамилия. Неужели это тот самый? Быть того не может! Если бы это был тот самый, некролог поместили бы в центральных газетах. И подписали бы его высшие лица страны.

А если это все-таки он? Случаи такого падения бывали. И слова «ответственный работник» что-то да значат. И некролог далеко не самый низший, хотя и позорный для человека такого ранга. Почему в таком случае он отброшен на последнюю страницу второстепенной газеты? Почему всего лишь безликая «Группа товарищей» почтила память человека, перед которым заискивали министры?

Проблема заинтриговала меня, и я решил реконструировать возможное сцепление событий, которое привело к падению этого некогда могущественного человека.

I. ВЕЛИКАЯ КАРТА

Западник

Он был одной из важнейших фигур в руководстве советской активностью в отношении стран Запада. Его роль в центральном аппарате власти одно время была настолько значительна, что его сослуживцы кто в шутку, а кто всерьез так и называли «Начальником

Запада». Признание его значительности принимало порою анекдотические формы. Один старый сотрудник органов государственной безопасности (чекист) в доносе на него так и написал, что тот «забрал в свои руки непомерную власть над Западом». Этот старый чекист написал свой донос по образцу тайного доноса Ленина на Сталина, в котором Ленин сообщал (кому?!), что Сталин «забрал в свои руки непомерную власть над партией». Но донос чекисту (как, впрочем, и Ленину) не помог, и старого чекиста уволили на пенсию. Кому, спрашивается, мог старый чекист, занимавший высокий пост в КГБ, написать донос на своего бывшего подчиненного, сотрудника того же КГБ? Если вы найдете ответ на этот вопрос, то знайте, что вы сделали первый шаг на пути познания механизма власти советского общества.

Его сослуживцы, занимавшиеся проблемами внутренними, называли его Западником. Сам он этой кличкой гордился, воображая себя проводником некоей «западной» ориентации в советском руководстве. При этом, однако, он имел в виду не столько способствование влиянию Запада на советское общество, сколько, наоборот, подчинение Запада влиянию и интересам Советского Союза. Таким образом, он соединил в себе непримиримые в свое время (до революции) линии «западников» и «славянофилов»: он стремился к развитию самобытных российских форм жизни, но не в России, а на Западе. Впрочем, он не отвергал и влияние западной культуры на Россию. Его роскошная квартира в Москве и подмосковная дача были оборудованы и обставлены заграничными вещами. Его дети носили заграничную одежду, читали заграничные книги и журналы, ездили на заграничных машинах.

ЦК КГБ

На первых этапах своей карьеры он довольно часто появлялся в кругах московской интеллигенции, в особенности в тех, которые имели контакты с иностранцами. Ни для кого не было секретом, кем он был. Более того, его охотно принимали везде и даже хвастались своим знакомством с ним: одни — как с важным «аппаратчиком», другие — как с важным «каге-

бешником». Однажды его спросили, к какому все-таки ведомству его отнести — к аппарату ЦК КПСС или к КГБ. «К ЦК КГБ», — сказал он в шутку. Но в его шутке была большая доля правды.

Аппарат КГБ фактически есть орган ЦК КПСС и часть аппарата ЦК. Даже в сталинские времена Органы государственной безопасности были лишь исполнительным органом центральной партийной власти. Но КГБ есть не просто один из органов центрального аппарата власти. Это особый орган, порою сопоставимый по значимости со всем организмом власти, органом которого он является. Эта чрезвычайная роль КГБ в наше время обусловлена особенностями взаимоотношений Советского Союза с окружающим миром, со странами Запада в первую очередь, а также особенностями нашей эпохи — эпохи ожесточенной борьбы двух систем и подготовки к новой мировой войне, которая определит направление всей последующей эволюции человечества. КГБ оказался частью советской системы власти, лучше прочих информированной о положении в стране и в мире и объективнее прочих оценивающей это положение. Проникнув в сферы мировой политики и наладив беспрецедентную в истории сеть шпионажа и систему воровства всякого рода секретов (промышленных, технологических, научных, военных) на Западе, КГБ приобрел огромное влияние на ход событий в мире и огромное практическое значение для советской индустрии (особенно военной). Потому в самой центральной системе власти, т. е. в ЦК КПСС и в его аппарате, произошло смещение ориентации и методов работы в сторону КГБ, — произошло окагебечивание самого аппарата ЦК. Произошло сращивание аппарата КГБ и ЦК в той их части, в какой они оказались занятыми проблемами глобального и эпохального значения, причем с доминированием кагебевского аспекта.

Первое знакомство

Глубокая ночь. В одном из бесчисленных кабинетов центрального аппарата власти сидит человек. Это он, Западник. Он не спит. Он работает. Днем стало известно, что сотрудник одной западной фирмы, имеющей свою контору в Москве, попросил соседей по дому от-

нести его записку в посольство. Записка важная. Отнести ее нужно срочно. А сам он по каким-то причинам выйти из дома не может. В записке он ставил в известность посла о том, что в посольстве работает советский агент. Подробности он, автор записки, намерен сообщить соответствующим лицам в своей стране, для чего он должен немедленно покинуть Москву. Он просит обеспечить ему личную охрану, так как опасается за свою жизнь. Об этом инциденте немедленно доложили Западнику: он должен дать санкцию на действия, целесообразные с точки зрения интересов государства. И он эту санкцию дает: любой ценой помешать сотруднику иностранной фирмы, сунувшему нос не в свое дело, связаться с посольством и покинуть Москву. Любой ценой: советский агент в посольстве этой страны стоит того. В соответствующем отделе КГБ обсудили все возможные варианты. Остановились на таком. Знакомые автора записки отмечали, что он в последнее время был в угнетенном состоянии и часто говорил о слежке за ним. Знакомые шутили: и он заболел шпиоманией. Совершенно очевидно, что в таком депрессивном состоянии, мучимый манией преследования, человек способен покончить с собой. И вот теперь Западник сидит в своем рабочем кабинете и час за часом ждет рокового исхода. В четыре часа ночи в кабинете бесшумно возник помощник и доложил, что сотрудник такой-то фирмы господин такой-то в состоянии душевной депрессии выбросился из окна своей квартиры.

Западник молча кивнул. Отдыхать он поехал в специальное отделение Института сна: предстоял тяжелый и ответственный день, и он за пару часов должен быть приведен в «спортивную» форму. А пока он безмятежно спит по научно разработанным методам советской медицины, познакомимся кратко с конкретной исторической обстановкой в стране и в мире.

Смрад эпохи

Конкретно-историческая обстановка, о которой идет здесь речь, обладает свойствами всякой другой обстановки: улучшение, ухудшение, обострение, ослабление, подъем, спад, разрядка, напряженность... Лишь опре-

деленная комбинация этих общих свойств и их величины создают особый... нет, не аромат и не дух, это было бы слишком нежно сказано... создают особый смрад нашей эпохи.

Новым главой Партии (Генсеком) стал бывший председатель КГБ, Ю. В. Андропов, — случай в советской истории беспрецедентный. Запад, однако, не содрогнулся от ужаса и возмущения. Наоборот, Запад вздохнул с облегчением. Одни люди на Западе испытали сладострастное удовлетворение от того, что Советский Союз будет теперь насиловать Запад более настырно, более квалифицированно, более изощренно и целеустремленно. Другие решили, что теперь в стране начнется либерализация и подъем экономики, а в международных делах — разрядка, смягчение, ослабление и прочее. Новый Генсек в течение пятнадцати лет успешно громил оппозицию в стране и еще более успешно создавал мощнейшую в истории советскую агентуру на Западе. Так что он лучше, чем его предшественник, знает нужды людей и фактическое положение в стране и в мире. Он наверняка прикажет это положение улучшить. Только как и для кого?

Западные журналисты задали новому Генсеку несколько пустяковых вопросов. Серьезные вопросы они задать побоялись: Генсек все-таки бывший шеф КГБ, в случае чего «рука Москвы» достанет их в любой точке планеты. Слух был, будто Генсек ответил им несколько слов по-английски. Перед таким чудом Запад, привыкший к тому, что советские руководители и порусски-то еле-еле языком ворочают, затрепетал в изумлении. «Наконец-то во главе советского руководства встал интеллигентный человек! — завопили в западной прессе. — Теперь все пойдет по-другому!»... Как именно «по-другому», строили самые фантастические предположения. Одни утверждали, что новый Генсек разрешит всем советским диссидентам уехать на Запад, в том числе и сидящим в тюрьмах. Другие утверждали, что как раз наоборот, новый Генсек прикажет всех советских диссидентов, уехавших на Запад, вернуть обратно и засадить, разумеется, в тюрьмы. Один английский лорд согласился работать на советскую разведку, причем бесплатно, даже от себя согласился приплачивать. Его примеру последовали многие другие, но от их услуг пока отказались из-за переизбытка добро-

вольцев. Было принято решение принимать в советские шпионы западных граждан только с дворянскими титулами и высоким положением, короче, таких, которые приносят сведения исключительной важности, недоступные шпионам советского происхождения. Сумасбродная дочь западного мультимиллионера, бывшая уже раз замужем за советским шпионом, захотела выйти замуж за самого Генсека. Ей предложили прежнего мужа-шпиона, который снова женился на своей бывшей жене, с которой развелся в свое время по случаю женитьбы на наследнице миллионера.

Короче говоря, последствия от «английской» речи Генсека превзошли все последствия от речей Президента США, хотя тот тоже говорил по-английски, причем не хуже нашего Генсека. В переводе с блестящего английского на ломаный русский речь Генсека выглядела так: господа, не надейтесь и не рассчитывайте, а если что, то мы вам покажем!..

Французы все-таки выслали из страны около полусотни советских шпионов. Советское руководство указало французскому на неправильность его поведения и послало во Францию сотню новых шпионов. В очередях начал циркулировать слух, будто советские подводные лодки появились на улицах Стокгольма...

Если хочешь мира

Чтобы разъяснить трудящимся сложность обстановки, полчища пропагандистов устремились на предприятия и в учреждения страны. Все они читали одну и ту же лекцию. Последняя называлась «Если хочешь мира». Она была сочинена и утверждена в ЦК и «спущена» оттуда в нижестоящие партийные органы. Пропагандистам на местах было предписано читать ее «с учетом местных условий и особенностей аудитории». Поскольку местные условия везде были одинаковы, а аудитории никаких особенностей не имели, пропагандисты просто зачитывали спущенную сверху лекцию монотонно-бодрыми голосами, слушатели мрачнели и расходились, будучи уверены в том, что скоро начнется «закручивание гаек». Они не верили ни единому слову в лекции, не верили в то, что война будет продолжаться «считанные минуты». Они были убеждены

в том, что война будет бесконечно долгой, и это действовало особенно удручающе. Если бы «считанные минуты», то это было бы не так уж плохо. Минуты мы перенесли бы стойко. Минуты не страшны: раз-два, и тебя нету. И никаких хлопот. Никаких очередей. Никаких «дификультов». Конечно, «ай эм соррички», что и кабаки исчезнут. Зато похмеляться не надо. На работу ходить не надо. А если эти «считанные минуты» на десять лет растянутся? Избави Боже! Лучше об этом не думать. Мы одну «блицкриг» уже пережили, знаем, что это такое.

Лекция начиналась с латинского изречения «Если хочешь мира, будь готов к войне». Западные журналисты раздобыли копии новой «сверхсекретной установки советского руководства» (так они оценили очередную пропагандистскую болтовню). Компетентные лица на Западе истолковали сам факт употребления в партийном документе латинского изречения как поворотный пункт в советской внутренней политике в сторону дальнейшей «либерализации», а во внешней политике — «к дальнейшей разрядке напряженности». Вторую часть латинского изречения («будь готов к войне»), а также само содержание «документа» они полностью игнорировали. А между тем в «документе» черным по белому было написано, что мы должны усилить обороноспособность страны, создать стратегические запасы продовольствия, по крайней мере, на двадцать лет и безопасные бомбоубежища для всего населения страны. Создание стратегических запасов продовольствия оправдывало дефицит последнего, а строительство бомбоубежищ — дефицит жилья. «Скорее бы начиналась война, — говорили мудрые старики и домашние хозяйки, — будем жить в комфортабельных бомбоубежищах и в изобилии снабжаться продуктами питания из стратегических запасов».

Рутинa

Рабочий день Западника начинается с просмотра прессы, подготовленной и обработанной для него бесчисленными подчиненными. Десятки статей из газет и журналов. Десятки книг. Наиболее важные страницы переведены. Наиболее важные строки подчеркнуты.

ты. О каждом авторе — краткая справка. К каждой статье и книге — краткое изложение содержания. Плюс — обзоры газет и журналов за более или менее продолжительный срок. Плюс — обзоры по темам. Плюс — обзоры по отдельным личностям. Таким образом, он за несколько часов ознакомился с содержанием сотен статей и книг, уже прошедших через интеллект сотен и даже тысяч специалистов, с поведением десятков политических деятелей, с положением в политических партиях и в правительствах... Наиболее интересные и важные с его точки зрения материалы он отбирал для дальнейшей их обработки и продвижения вверх.

Потом он выслушивает сообщения помощников об особо важных событиях, непосредственно касающихся его отдела. На сей раз помощник сообщил ему, что дипломат П. отказался вернуться в Москву и попросил политическое убежище на Западе. Он кивнул, обозначив, что не пропустил сообщение мимо ушей, и дав понять помощнику, что больше не будет никакой иной реакции на это событие, наверняка вызвавшее сенсацию в западной прессе. Этот П. не агент КГБ, но отнюдь не безразличная для КГБ фигура. Его слабости были замечены еще когда он учился в ИМО. Его давно начали готовить на роль перебежчика, поощряли его слабости (тщеславие, корыстолюбие), умело начинали его определенными «секретными» сведениями. Наконец его послали на Запад на ответственный пост, дали возможность развить его амбиции и заинтересовать собою западные разведслужбы. Наконец, его спровоцировали на побег — создали у него такое ощущение, будто его отзывают в Москву с целью арестовать или, по крайней мере, уволить со службы и сослать. Так что П. должен выполнить важную миссию Москвы на Западе, даже не подозревая об этом. Он искренне расскажет секретным службам все, что ему известно. Именно искренне, чтобы не быть разоблаченным в качестве агента. Он будет давать советы западным политикам и руководителям секретных служб как человек, знающий советскую машину игры с Западом, но знающий ее в таком дозволенном ему и показанном ему виде, что упомянутые лица на Западе будут иметь ложное, нелепое, хаотичное представление о ней в силу своей собственной способнос-

ти видеть и понимать окружающее. Чтобы ввести врага в нужное тебе заблуждение (а не вообще в какое-то заблуждение), необязательно надо обманывать его путем дезинформации. Порою это достигается гораздо успешнее благодаря правдивой информации, но подготовленной определенным образом и преподнесенной в определенной форме. Враг должен поступить так, как тебе хочется, но чтобы был убежден в том, что поступил по своей воле и вопреки твоим интересам. «Если бы предать гласности все то, что нами сделано в этом духе,— думал Западник,— многих на Западе хватил бы удар от изумления. Впрочем, они так в это не поверили бы. Да и мы сами уже теряем грань между тем, что есть результат нашей работы и что есть дар судьбы. И ко всему прочему, объективная диалектика действует не только у нас, но и на Западе, не только за нас, но и против нас. Наши успехи на Западе оборачиваются поражениями. Где тут мера?»

Потом помощник доложил о том, что получены сведения о подготовке покушения на видного политического деятеля на Западе. Западные разведывательные службы постараются изобразить покушение так, будто оно — наших рук дело, думает он. Пусть изображают! Мы им даже поможем сами кое в чем, чтобы у них соблазн на нас свалить был сильнее и чтобы уверенность появилась. Но мы сделаем так, что все «доказательства» нашего участия окажутся несостоятельными. Люди на Западе все равно будут думать, что покушение устроили мы. Пусть думают! При воздействии на сознание массы людей на Западе важна не реальная наша мощь, а воображаемая. А сейчас наше психологическое давление на Запад важнее всего.

Но опять-таки, как тут соблюсти меру? Когда даже реальная мощь начинает восприниматься как воображаемая? Когда именно ослабление давления на Запад начинает давить на него сильнее, чем реальное давление?

Смрад эпохи

Иностранный пассажирский самолет уклонился от положенного маршрута и залетел в воздушное пространство Советского Союза над секретным районом, где начались работы по сооружению новых ракетных

установок. Об этом чрезвычайном происшествии немедленно сообщили в Москву. Уже через десять минут все высшие лица страны знали о нем, а Генсек, являющийся Председателем Совета обороны, т. е. высшей военной властью в стране, в первую очередь. Началась напряженная работа системы власти, результатом которой должно было явиться принятие решения. В сложившихся условиях случай с самолетом-нарушителем грозил стать одним из важнейших международных событий за последние двадцать лет.

Западник тоже был извлечен из постели и доставлен среди ночи в свой рабочий кабинет. Бог мой, что теперь творится во всей нашей эпохальной конторе.— думал он в полудремотном состоянии.— Теперь уже никто и никогда не узнает, почему самолет сбился с маршрута и каковы были намерения тех, кто совершил эту акцию, если она была преднамеренной. Но это несущественно. Самым интересным в происшествии является то, как работает сейчас наша система принятия решения в условиях, когда решение огромной важности должно было быть принято незамедлительно. Можно точно установить, как работает сеть коммуникаций, какие лица вовлечены в обсуждение проблемы, какие слова говорят, какие приказы отдаются. И все равно эта система останется тайной за семью печатями. Причем не только для западных разведывательных служб, но и для наших ответственных лиц. Нужна точная наука, чтобы понять суть дела. Наука более точная, чем теоретическая физика. Со своими формулами, со своими методами измерения и расчета. Такая наука уже создана. Но в нее никто не поверил. А человек, создавший ее, изгнан из страны за антисоветскую деятельность, поскольку постулаты созданной им теории противоречили «научному коммунизму».

Социолог

Западник сам высказался в свое время за изгнание этого человека.

— Что для нас важнее,— говорил он на совместном совещании ответственных лиц аппарата ЦК и КГБ,

причастных к борьбе с «внутренней эмиграцией» в стране,— физическая изоляция и уничтожение этого человека или дискредитация его идей? Если мы арестуем и осудим его здесь, то интерес к его идеям на Западе сразу повысится. Если же мы его выбросим на Запад, то он начнет вызывать раздражение в кругах всякого рода «специалистов» по советскому обществу. Эти «специалисты» сами приложат усилия к тому, чтобы дискредитировать идеи этого человека и его самого. А скорее всего, они его просто будут замалчивать. Успех идей на Западе зависит не от того, насколько они умны, а от того, насколько они годятся для газетных сенсаций и насколько они соответствуют широко распространенным заблуждениям эпохи.

К мнению Западника прислушались, и его бывший университетский друг был выброшен на Запад. В различных второстепенных газетах и журналах на Западе стали появляться статьи, подписанные Социолог. Не представляло труда установить, кто скрывался под этим псевдонимом. Статьи не производили сенсации, но все же раздражали Москву, особенно секретаря ЦК по идеологии, которого Западник по долгу службы информировал обо всем, что на Западе как-то касалось идеологии. Секретарь упрекнул Западника в недооценке идеологической борьбы и потребовал принять решительные меры в отношении «этого мерзавца» (т. е. Социолога). Хотя сам Западник считал деятельность Социолога не заслуживающей серьезного внимания, портить отношения с секретарем ЦК он не хотел. И он дал указание усилить работу по изоляции и дискредитации Социолога. Операция получила кодовое название «Социолог».

Теория принятия решения

Они вместе учились в Университете и даже дружили одно время.

— В этом мире все процессы,— говорил когда-то ему Социолог,— имеют свою предельную скорость. Имеют свои пределы скорости и процессы, происходящие в социальных системах. В том числе — в нашей системе принятия решения. Знаешь, в чем будет главная причина нашего поражения в будущей войне? Слиш-

ком низкая скорость принятия решения в особо важных случаях (вроде реальной угрозы войны). По моим расчетам, нужно минимум два часа, чтобы в нашей системе было принято решение «нажать кнопку».

— Посмотрим,— подумал Западник,— насколько ты прав.

Ровно через два часа помощник вошел в кабинет и доложил: самолет-нарушитель сбит. Итак, потребовалось два с половиной часа, чтобы решение было принято.

— Выходит, он прав,— подумал он о том человеке,— чудовищно прав. Мы свалили дурака, выгнав его на Запад. Мы должны были бы его изолировать здесь. А что произошло бы, если бы решение в отношении самолета-нарушителя не было принято за эти два с половиной часа? Очевидно, самолет покинул бы пределы Советского Союза вместе со шпионской информацией о передвижении наших войск в том районе страны. Выходит, если бы самолету предстояло лететь над нашей территорией на час дольше, то и решение было бы принято на час позже?

— Похоже, что так,— как бы услышал он голос Соцнолога.

— Так, значит...

— Это ничего не значит. Как часто бывают случаи, когда заранее ясно, сколько времени отпущено на принятие решения? Обычно это время заранее не определено. Если время задано заранее, наша система принятия решения работает так, чтобы оттянуть решение на самый критический срок.

— Но ведь возможны случаи, когда решение может быть принято молниеносно?

— Такие случаи суть редкое исключение. К тому же на исполнение молниеносно принятого решения тоже нужно время. Иногда это время больше того, какое нужно на принятие решения. И вообще, есть строгая зависимость между способностью принимать решение и способностью общества исполнить его.

— У тебя есть для этого формулы?

— Есть.

— Ты опасный человек.

— Кому опасный?

— Всем. И потому ты обречен на бесследное исчезновение.

- Но, по крайней мере, в одном месте я не исчезну.
- В каком?
- В твоём сознании.

Смрад эпохи

После инцидента с самолетом Запад немедленно распрощался с иллюзиями насчет нового советского руководства. Антисоветская кампания на Западе и антиамериканская в Советском Союзе достигла невиданной за последние двадцать лет остроты. Западные эксперты оценили сам тот факт, что советские истребители сбили самолет в очень трудных с точки зрения условий стрельбы ракетами, как показатель силы Советской Армии: советские летчики все-таки попали в самолет. Сами же советские руководители и генералы усмотрели в инциденте, однако, недостатки: летчики сбили самолет-нарушитель слишком поздно, надо было сбить сразу же, как он вторгся в наше воздушное пространство. Некоторые смелые мыслители шли дальше: надо было сбить до того, как самолет вторгся на нашу территорию, ибо его намерения были очевидны заранее.

Советское население в массе отнеслось к инциденту со сбитым самолетом так, как он того заслуживал: так этим америкашкам (а в том, что это дело рук «америкашек», сомнений не было) и надо, пусть не суются. А что касается угрозы войны, то это для слабонервных. Из-за такого пустяка война не начнется. В качестве повода к войне этот инцидент бессмыслен, так как будущая война начнется безо всякого повода. Лишь отдельные нездоровые элементы нашего общества подпали под тлетворное влияние Запада. В отношении их приняли суровые меры.

Если хочешь мира

«В ответ на стремление американских империалистов разжечь холодную войну путем создания обстановки, в которой советские истребители были вынуждены сбить иностранный самолет, вторгшийся в воздушное пространство Советского Союза с целью шпионажа

и провокации,— писали советские газеты,— советский народ еще усиленное усилил мирные усилия, направленные на сохранение мира во всем мире».

И газеты, надо признать, как всегда, не вдали. В Москве разгромили пацифистскую группу из трех с половиной человек, которые решили бороться за мир отдельно от всего народа и без разрешения начальства. Они выдвинули лозунг взаимного доверия между США и СССР. Государственный обвинитель заявил на суде, что Сталин и Гитлер в свое время тоже стремились к взаимопониманию. А что из этого получилось?! Пацифисты широко разинули рты от такого оборота мыслей. Так их с разинутыми ртами и отправили в лагерь строгого режима для особо опасных преступников.

Затем в Москве устроили пацифистскую демонстрацию, которая, как шутили интеллектуалы, прошла под лозунгом: «Никакого доверия временному американскому правительству!» В демонстрации приняло участие около миллиона трудящихся. Можно было бы и побольше собрать. Но для того, чтобы припугнуть распоясавшийся Запад, было достаточно и этого. Жалкие западные антисоветские демонстрашки из нескольких десятков тысяч бездельников сразу же превратились в антиамериканские демонстрашки «людей доброй воли» с числом участников за сотню тысяч.

Будь готов к войне

Борьба за мир достигла апогея, когда в городе Энске состоялся суд над восьмидесятичетырехлетней старушкой-поджигательницей войны. Старушка пережила русско-японскую войну, первую русскую революцию, первую мировую войну, революцию семнадцатого года, гражданскую войну, коллективизацию и индустриализацию, войну с Германией. Старушка пережила все стадии социализма — юношеского сталинского, переломного хрущевского, развитого брежневского. Она уверенно вступила в новую фазу социализма — зрелого андроповского. И само собой разумеется, она извлекла из всего пережитого положительные уроки. На случай новой мировой войны, в наступлении которой она ничуть не сомневалась, она накопила (сосредо-

точила, как выразился прокурор) мыла, соли и спичек с запасом на сто лет. Случись война, думала она, я на кусок мыла целую неделю проживу. «А спички зачем? — поинтересовался студент, снимавший у нее койку и спавший на матраце, набитом упомянутыми предметами ширпотреба — Если атомная бомба взорвется, допустим, во дворе, то спички вспыхнут, пожар будет, и все запасы пропадут». Услышав это, старушка встревожилась. На следующей неделе она перебазировала запасы спичек к снохе: пусть уж лучше сноха сгорит, как она того и заслуживает! Сноха действительно чуть не сгорела вместе с детишками, которые спички, разумеется, нашли и решили поиграть в атомную бомбу. Старушку осудили на десять лет лагерей строгого режима для особо опасных преступников. Прокурор, настаивая на столь суровом приговоре, исходил из двух принципиальных предпосылок. Первая: старушка не маленькая. Вторая: чтобы другим старушкам неповадно было. Когда прокурор вскрыл глубокую связь между преступными действиями старушки и не менее преступными усилиями Президента США «разжечь новую мировую бойню» (слова прокурора), в зале суда наступила зловещая тишина. Ну, теперь начнется зажим по всем линиям, подумал про себя каждый присутствующий, включая прокурора, судью и народных заседателей. И где эта старая стерва ухитрилась раздобыть столько мыла?! Осудили старушку условно. что свидетельствует о высокому гуманизме нашего правосудия. Это «условно» означает следующее: если старушка переживет третью мировую войну и начнет аналогичным образом готовиться к четвертой, то ее на самом деле посадят в лагерь строгого режима.

Придя домой из зала суда и вспомнив о конфискованных ценностях, старушка утерла слезу и молвила: «Знала бы, что отберут антихристы, сама все заранее съела бы!» (И съела бы: наши старухи и не на такое способны!) «Ну, погодите,— сказала старушка со сталью в голосе,— я вам еще покажу!» И погрозила кому-то скрюченным морщинистым пальцем.

Продемонстрировав свое миролюбие, советские трудящиеся и люди доброй воли на Западе разошлись по домам и по рабочим (или по безработным) местам, дабы продолжить свою будничную подготовку к войне.

Рутина

Не успела забыться история с представителем западной фирмы, выбросившимся из окна первого (что было опущено в газетах) этажа высотного (что было подчеркнуто в газетах) дома в припадке душевной репрессии (газетная опечатка), как на Западника свалилась новая забота: дирижер К., бывший с оркестром на гастролях на Западе, «избрал свободу», т. е. решил не возвращаться домой. В интервью он заявил, что в Советском Союзе некомпетентные в музыке партийные бюрократы не давали ему размахивать дирижерской палочкой в полную силу.

Этому надо положить конец, думает Западник. Мы должны расширять наши культурные связи с Западом, а тут... Этого К. надо наказать, чтобы другим неповадно было. Следовало бы отложить все намеченные поездки на Запад и отозвать всех, находящихся сейчас на Западе. Но Политбюро вряд ли пойдет на это. Обстановка, думают там, неподходящая. Как раз наоборот. Обстановка как раз очень даже подходящая для крутых мер. А без крутых мер не обойдешься. Либерализм исчерпал себя. Пора с ним закругляться.

— Подготовьте все материалы, касающиеся невозвращенца, — сказал он помощнику. — Подготовьте также список всех лиц, находящихся сейчас на Западе, и лиц, поездки которых запланированы на ближайшее время. Завтра утром — экстренное совещание.

Начало пути

Детство и юность он прожил в Энске. После окончания школы поступил в сельскохозяйственный институт. На третьем курсе связался с группой студентов, сочинивших листовку о кошмарном положении в области. На суде, однако, он фигурировал в качестве свидетеля обвинения и не был осужден. Друзья осужденных погрозились отомстить ему за предательство. Во избежание излишних неприятностей ему помогли перевестись в Московский Университет. О его роли в Энске стало известно много позднее, да и то в форме слухов и сплетен. Учился он средне. Зато проявил се-

бя как комсомольский активист, что ничуть не мешало ему пьянствовать и совращать девиц. Впрочем, о совращении тут можно говорить весьма условно. На последнем курсе стал членом партии. После окончания Университета был взят на работу в КГБ.

Свою карьеру в КГБ он начал с самой низшей ступени — с участия в комплектовании научных делегаций на Запад. Его, собственно говоря, и взяли на работу в КГБ с этой целью: стремительно расширялись контакты с Западом, и научные делегации стали играть в этом значительную роль. Он быстро постиг принципы отбора людей в научные делегации на Запад.

В делегацию включаются академики и директора институтов. Они считаются учеными, поскольку имеют ученые титулы и публикации. На самом деле они суть партийные и государственные чиновники, сделавшие карьеру в сфере науки. В делегацию включаются сотрудники КГБ. Они тоже «ученые». Они имеют порой больше оснований считаться учеными, чем упомянутые академики. Иногда их цель — разведка в области науки и техники, и тогда они должны иметь хорошее образование. В делегацию включаются и настоящие ученые, чтобы придать ей видимость чистой науки. Включаются и самые младшие научные сотрудники, которые пишут академикам доклады и служат переводчиками. По возвращении домой все члены делегации пишут отчеты, которые, в конечном счете, идут в КГБ. Отчеты обо всем, вплоть до семейного положения, политических воззрений и вкусов отдельных западных граждан. Выдающиеся ученые тоже пишут отчеты, часто наиболее ценные. В частных разговорах с западными людьми некоторые члены делегации могут выражать критическое отношение к советской системе. Некоторым из них это разрешается делать, а кое-кому вменяется в обязанность. Зачем? Создать видимость свободомыслия в советской науке, вызвать на откровенность, пустить в оборот какие-то представления о советском обществе... Конечно, кое-что делается произвольно и неподконтрольно. Но потом за это члены делегации так или иначе наказываются.

Рутина

Он перелистывает бумаги — самую свежую, самую полную и самую объективную информацию о самых важных событиях в мире. Рядом стоит помощник. Помощник угадывает его безмолвные вопросы и дает пояснения. Уже далеко за полночь. Но он любит иногда работать по ночам. Сталин тоже так поступал. И он, Западник, понимает почему: ночью в голову приходят самые безумные и бредовые идеи, которые потом оказываются самыми здравыми и практичными. В этом мире всеобщего безумия, всеобщей бездарности, пошлости и лжи лишь такие ночные личности, как он, на сто процентов отвечают своему назначению.

— Наши подводные лодки снова обнаружены в районе военных баз Швеции и Норвегии. Шведы грозятся бомбить.

— Шведы не такие уж храбрые, чтобы привести угрозу в исполнение. Бомбить они будут, но после того, как лодки уйдут из территориальных вод Швеции. Дайте указание выразить в какой-нибудь западной газете сомнение насчет государственной принадлежности лодок.

— Немцы отвергают американские требования прекратить поставки нам оборудования для газопровода.

— Немцам надо отдать должное: пережив одно поражение, они начинают готовиться к новому. Их надо поддержать. Есть смысл организовать антиамериканскую демонстрацию. Неплохо бы подкрепить нападение на американскую военную базу. Покушение на американского дипломата или генерала тоже было бы своевременно. Если там готовится нечто подобное, мешать пока не надо.

Этапы пути

Став сотрудником КГБ, он сразу же почувствовал все преимущества положения человека, приобщенного к системе власти. Хотя он был ничтожество во всех отношениях, перед ним стали заискивать академики, профессора, директора институтов и лабораторий: от

него зависела возможность поездок за границу. В течение года он получил квартиру, какую не имели заслуженные ученые, десятками лет добивавшиеся улучшения жилищных условий. Он получил доступ к закрытому распределителю продуктов. Пока еще на низшем уровне. Но все же и на этом уровне он мог приобретать дефицитные продукты, недоступные обычным гражданам, причем по сниженным ценам. Короче говоря, он самым фактом вступления в аппарат реальной власти приобрел жизненных благ больше, чем смог бы приобрести за десять или даже двадцать лет научной карьеры, и сразу же ощутил все соблазны власти. И он прочно вцепился в предоставившуюся ему удачу.

Он оборвал близкие отношения с университетскими друзьями, и в первую очередь с Социологом. У того плохо было с жильем, с работой, с публикацией статей. Друзья Социолога не раз просили Западника помочь ему, но он не шевельнул для этого пальцем. Университетских знакомых он использовал лишь как средство сбора информации о лицах, интересующих КГБ, в особенности — об иностранцах, с которыми им приходилось сталкиваться. Он попробовал было приспособить для этой цели и Социолога, — к последнему уже стали проявлять интерес на Западе. Но Социолог категорически отверг его поползновения. И они стали непримиримыми врагами.

Будь готов к войне

Советские люди, как и все прочие, боятся войны. Но они, в отличие от всех прочих, еще больше боятся своего страха, и потому относятся к угрозе войны с юмором. Еще во времена Хрущева приобрела популярность такая шутка. «Что делать в случае начала атомной войны?» — спрашивает один рядовой гражданин своих сослуживцев. «Завернуться в чистую простыню и молча ползти на отведенное тебе по чину кладбище», — отвечает он же. Услышав это, все присутствующие начинают безудержно хохотать. Что тут смешного? — спросите вы. Во-первых, жаль на такое дело простыню портить. Да еще чистую. Да и где на

всех простыней наберешься? Во-вторых, доползти до кладбища теперь труднее, чем предотвратить войну.

В связи с ростом числа граждан, нуждающихся в захоронении, сообщили газеты, нам пришлось развернуть кладбищенское строительство в двухстах километрах от Москвы. Упомянутое строительство было объявлено великой стройкой коммунизма,— яркое свидетельство тому, что наше руководство заботится не только об этой, но и о загробной жизни трудящихся. Шефство над стройкой взял Ленинский комсомол. Над ней взвился лозунг: «Коммунизм строить молодым!» Десятки тысяч юношей и девушек изъявили желание поехать на стройку. Они вырыли в два раза больше «углублений в почве для граждан, нуждающихся в захоронении» (выражение из статьи в молодежной газете), чем было предусмотрено по плану, и на два года раньше срока. Пенсионеры Москвы выступили с призывом к неработающим трудящимся поддержать начин комсомольцев и заполнить упомянутые «углубления в почве» досрочно и также с перевыполнением плана. Трудящиеся единодушно откликнулись на призыв москвичей, за исключением той злобной старухи-поджигательницы войны. Старуха заявила, что скорее советская власть сдохнет, чем она. Она отметила восемьдесят пятый день рождения, досыта накормив гостей мылом и солью.

Но кладбище так и не довели «до логического конца», как потом писали в той же молодежной газете в критическом фельетоне. Фельетонист свалил вину на бесхозяйственность местного руководства и пьянство среди «тружеников загробного мира». На самом же деле энтузиазм молодежи потребовался на другой «мирной» стройке, а именно — в том самом секретном районе, неподалеку от Америки, над которым был сбит злополучный самолет. Это недвусмысленный намек на то, что и американцам пора развернуть во всю мощь своей технологии кладбищенское строительство. «Американцы даже гробы делают с компьютерами,— вздыхали комсомольцы, отбиваясь от надоедливой мошкары на Сахалине.— Вот это техника! Ничего,— подбадривали себя те же комсомольцы.— Мы по ним прямой наводкой вдарим!»

Рутинa

Один из его подчиненных, занятых координацией работы различных отделов аппарата власти, так или иначе имеющих дело с Западом, сообщил ему о разговоре начальника другого отдела с заместителем шефа КГБ по странам Западной Европы. Этот человек во всем завидует Западнику. Он тоже претендует на роль теоретика КГБ. Так что Западник ничего хорошего от этого разговора не ожидал. Так оно и оказалось. Речь шла о непомерном влиянии, которое Западник якобы приобрел на Генсека, и о том, что «этому претенденту на роль нового Поскребышева пора когти обломать».

Ну что же, мерзавцы, подумал Западник, я вам покажу свои когти. Для начала вы не получите новую мебель и оборудование для ванн и бассейнов из ФРГ. Затем кое-кому из ваших людей придется отменить поездки на Запад. А если не прикусите язычки, то придется и к более суровым мерам прибегнуть. Так-то, голубчики!

Этот его подчиненный относится к числу так называемых внутренних осведомителей. Официально такой должности нет. И никто не дает им поручения информировать одних ответственных лиц аппарата КГБ и ЦК о том, что о них говорят другие ответственные лица того же аппарата. Тут все образуется как бы само собой, путем едва заметных проб и намеков. Западник знает, что полностью положиться на этого своего внутреннего осведомителя он не может,— тот наверняка «стучит» на Западника другим его сослуживцам. Это тоже в порядке вещей: один из таких осведомителей Западника работает в конкурирующем отделе. Важно тут лишь то, что информация, сообщаемая такими осведомителями, достоверна. Иными путями ее не добудешь. А без нее долго в аппарате не удержишься.

Этапы пути

Через два года его самого включили в научную делегацию на Запад. Общеизвестно, какую огромную роль играет в жизни советских людей поездка на Запад.

А для работников КГБ разрешение на такую поездку и тем более поручение выехать на Запад есть переломный пункт во всей их жизненной судьбе. Если такой работник будет вести себя в такой поездке так, как положено, и успешно выполнит поручение, он может быть уверен в том, что жизнь удалась. И от него теперь зависит лишь то, чтобы крепко держать в руках удачу. Моему Западнику поручили не наблюдение за членами своей делегации, не фотографирование военных объектов и вербовку западных политиков, профессоров и бизнесменов в советские агенты, а другое дело: «оторваться» от прочих членов делегации, зайти в такой-то ресторан, сесть за такой-то стол, заказать то-то и то-то, расплатиться и, покидая ресторан, «забыть» на столе вот этот журнал. И все.

Ему было забавно наблюдать членов делегации. Некоторых из них он встречал во время его посещений институтов Академии наук. Он хорошо знал, что это за «ученые». Его тоже узнали. Но виду не подали. Им не впервой видеть среди «ученых» фигуры такого рода, как он. Да и не он один тут такой. Вот этот парень, например, из военной разведки. Эти двое — «надсмотрщики». Их задача — следить за членами делегации. Им предоставлены неограниченные полномочия вплоть до вынесения самого страшного приговора и приведения его в исполнение. Как все-таки ухитряются иногда ускользнуть от их опеки? Когда как. Иногда это нужно для дела. Иногда побег организуют западные секретные службы. И нескольким сотрудникам КГБ воевать на чужой земле с десятками специалистов противника не так-то легко. Иногда — случай. Но в общем и целом (если учесть число людей, за которыми приходится следить) ребята справляются со своей задачей хорошо. Процент «бегунов» сравнительно невелик. Теоретически предсказывали гораздо более высокий.

Рутин

Он просматривает материалы, связанные с Дирижером, и никак не может понять, почему тот решил остаться на Западе. Чего этому человеку не хватало? В очень молодом возрасте сделал блестящую карьеру.

Прекрасная квартира. Дача. Успех. Семья. Дети. Курорты. Один из ведущих дирижеров в стране. Заграничные поездки. Почет. Член партии. Депутат Верховного Совета Республики. Что еще нужно? Свобода творчества? Чепуха! На Западе свободы тоже ограничены и относительно. И там он будет исполнять не то, чего душа пожелает, а то, что его вынудят исполнять. Более высокий материальный уровень? Ну, год другой будет испытывать удовлетворение. А потом? Потом вступит в силу сравнение с другими, которые там живут лучше, а сравнение с теми, кто остался в России, отпадет совсем или ослабнет, станет несущественным. Почет, слава? Все равно ведущих западных дирижеров он не переплюнет, а западная слава окажется совсем иной природы, чем здесь, дома. Наступит разочарование. И тоска по Родине. Нет, жажда свободы тут ни при чем. Это распушенность, потеря чувства ответственности перед своим народом. И слишком много было позволено здесь, — вот в чем дело! Дело не в недостатке свобод здесь, у нас, а в их избытке! Зажрались! Распустились! Пора их к порядку призвать. А этого мерзавца К. надо поручить Немцу. Нужно сделать так, чтобы комар носа не подточил, но чтобы всем было ясно, что это — наших рук дело. А Немец мастер таких дел.

Будь готов к войне

Одни понимают готовность к войне как готовность защититься от нападения, другие — как готовность нанести поражение противнику, третьи — как готовность убивать, четвертые — как готовность умирать. Последних большинство. И в последнем смысле человечество всегда готово к войне. Это — единственный аспект подготовки к войне, который не требует никакой подготовки.

Есть еще один вид готовности к войне, самый высший. Его достаиваются лишь избранные судьбы. Это готовность спрятаться от ужасов войны, обеспечив себя всем необходимым на длительный срок, и уцелеть. Эти люди готовятся к войне вовсе не потому, что хотят мира. Скорее, наоборот: чем лучше они готовы к войне (т. е. чем в большей безопасности себя чувству-

ют), тем меньше они хотят мира. Психологически это понятно: зачем же тогда готовиться к войне, если это не дает тебе никаких преимуществ перед теми, кто не готовится? Да и похвастаться хочется: вот, мол, вы не подготовились, и потому от вас ничего не осталось, а я жив! И здоровехонек! И еды достаточно! Короче, если человек готов к войне, то пусть будет война, ибо это единственное, что оправдывает готовность к войне. Если ковчег построен, то потоп необходим. Вспомните, с каким нетерпением Ной поглядывал на небо после того, как последняя пара тварей взошла на его ковчег!

Формы готовности к войне разнообразны. Они разделяются прежде всего на капиталистические и социалистические. Капиталисты, например, переводят свои капиталы на секретные счета в швейцарские банки. Чудаки, они рассчитывают на то, что мы Швейцарию оставим в покое. За что? За какие заслуги? За то, что давала приют Ленину? Так потом она давала приют и многим другим, чего мы простить не можем ни в коем случае. Но не будем отвлекаться в сторону. Капиталисты прячут свои капиталы в швейцарских банках, а наши соотечественники — в чулках. Капиталисты скупают за миллионы долларов картины старых художников, а наши соотечественники — мыло и соль за копейки покупают, как та старушка, о которой говорилось выше. Чуете разницу двух систем? Им, капиталистам, в голову не приходит та очевидная истина, что от швейцарских банков останется один пшик, а чулок откопашешь из земли целеньким; что картинами старых мастеров голод не утолишь, а мыло и соль будут предметами первой необходимости, — смыть копыт после атомного взрыва и огурцы солить.

Но капиталисты не останавливаются на этом. Один богатый немец купил самолет, погрузил в него все свое богатство, семью, родственников и секретаршу, собрался улететь на Филиппины, подальше от возможной арены военных действий предстоящей войны, главным образом — подальше от Советской Армии, которая, по его убеждению, скоро оккупирует всю Германию. Так его самолет со всем содержимым рухнул в океан. И никаких следов не осталось. Этот немец явно политически отсталый человек. Советская Армия ничего не оккупирует. Она протягивает руку братской

помощи, если об этом попросит законное правительство той страны, которой мы решили протянуть руку братской помощи. Ну, а если мы руку протянем, так от нас и на Филиппинах не укроешься,— найдем, достанем, призовем к ответу, поможем.

А другой богач (на сей раз — нефтяной магнат в Техасе) построил бомбоубежище с запасом всего необходимого для жизни на пятьсот лет. И даже со своим собственным подземным банком. Что-то случилось в системе снабжения воздухом, и вся его семья задохлась в комфортабельном убежище во время тренировочной отсидки. Этот американец тоже политически безграмотен. Техас мы пока бомбить не будем: у нас свой Баку есть. Впрочем, пусть себе строят бомбоубежища. Придет время — мы им прикажем забраться в них, а потом лишь выключим ток и перекроем снабжение воздухом. Это даже очень удобно.

В советском, зрелом социалистическом обществе улететь на Филиппины не позволят. Да и не на чем. Да советских людей туда и не примут — у них валюты нет. А что касается бункеров, то они играют принципиально иную роль: они служат интересам мира, а не войны, и обслуживают трудящихся, а не капиталистов. И задохнуться в советских бункерах нельзя — дыры мешают. Радикулит схватить из-за сквозняка можно, это факт.

Этапы пути

Запад его поразили видимым изобилием предметов потребления и развлечения. Теоретически это было не ново для него. Но одно дело — услышать от других, и другое — увидеть самому.

После войны отец, побывавший с армией в Германии, Чехословакии и Австрии, часто и много говорил о жизни в «Европе»,— Россию он Европой не считал.

— Живут они там, сволочи, хорошо,— говорил он, вздыхая.— Мы никогда так жить не будем. И условия у нас не те. И история не та. И мы сами не те. И очень плохо то, что мы узнали об этом. Раньше не знали, и потому были счастливы. А теперь?! Чтобы жить спокойно, надо Европу разгромить! Вы думаете, что лучше занять Европу и взять все богатства себе? Ничего

не выйдет. Занять для себя мы ее все равно не сможем. Мы все равно будем жить по-свински. Все их богатства с собой не унесешь. А они через десять лет еще лучше жить будут. Надо их разгромить! Вот это мы можем.

Сын с насмешкой и недоверием слушал такие речи малообразованного отца. Но вот он сам в «Европе». И хотя он окончил университет, Запад породил в нем те же мысли и чувства. Пройдут годы, в течение которых он станет знатоком этой «Европы». И он возвысит чисто эмоциональное отношение отца к ней на уровень холодной и расчетливой теории.

Рутинa

Генсек отдыхает на юге. Делает вид, что никакого участия в принятии решения относительно самолета-нарушителя не принимал. Западные эксперты утверждают, что решение было принято местным военным командованием самостоятельно, независимо от политического руководства. Советское «политическое руководство» поддерживает этот миф, поскольку он несколько обеляет его в глазах общественного мнения Запада. Возник слух, будто многие старшие офицеры, участвовавшие в принятии решения сбить самолет, наказаны. Слух просочился в круги западных журналистов из личного аппарата Генсека. Его вроде бы пустил один из помощников Генсека преднамеренно. Если это действительно так, подумал Западник, то изречение одного шутника, уволенного из аппарата именно за это изречение, что «не человек портит место, а место человека», получает новое подтверждение. В сложившейся обстановке надо стремиться не к обелению, а к очернению. Если уж ты стал злодеем в глазах Запада, так будь сверхзлодеем,— будут больше бояться и больше уважать.

Тот самый помощник Генсека, распустивший слух о непричастности Генсека к истории с самолетом, пригласил Западника в гости. В ходе обычного пьянства и обжорства помощник дал понять гостю, что Генсек хочет дать разъяснение о намерениях нового руководства. Разъяснение такое, чтобы младенцам было понятно. В основном, конечно, для Запада. Выступление

внеочередное, так что нужен подходящий повод. И чтобы «эти морды» (он имел в виду некоторых членов Политбюро) не помешали.

Слово «младенцы», брошенное помощником, подало Западнику идею: а почему бы это в самом деле не организовать с участием младенцев? Прекрасная идея! Можно говорить пропагандистские банальности на уровне демагогии сталинских времен, оправдываясь тем, что разъяснение делается для детей. На Западе любят такие спектакли.

Через несколько дней советские, а вслед за ними и западные газеты опубликовали письмо маленькой девочки из западной страны Генсеку. Девочка просила дедушку Генсека предотвратить войну, сохранить мир и позаботиться о советских людях. На другой же день газеты опубликовали ответ Генсека «Советский народ и советское правительство не хотят войны, так как они хотят мира,—говорилось в письме.—Американские империалисты во главе с бякой-президентом не хотят мира, а потому они разжигают войну».

Служебные неприятности

Письмо советского младенца Президенту США с требованием (не просьбой же!) прекратить гонку вооружений написали и послали уже без помощи Западника. Но Президент на письмо не ответил — это обстоятельство высшие лица отнесли за счет недочетов в работе ведомства Западника: он обязан был обеспечить ответ Президента! «Иначе,—сказали высшие лица,—зачем же мы держим столько дармоедов-агентов в Америке?!» Эти наши «дармоеды-агенты», думал Западник, совсем по дешевке купили чертежи нового военного американского самолета, который сами американцы еще не успели пустить в серийное производство. При этом мы одним выстрелом убили двух зайцев. Первый «заяц» — упомянутые чертежи. Второй «заяц» гораздо серьезнее. Дело в том, что чертежи самолета мы добыли через польского шпиона. Шпиона американцы разоблачили, нанеся тем самым моральный ущерб всему «польскому делу». И сам тот факт, что американцы пошли на публичное разоблачение «польского» шпиона в такой сложной ситуации в Польше, говорит

о многом... Вслух же Западник сказал, что его отдел учтет все ценные критические замечания в его адрес и повысит эффективность работы.

Будь готов к войне

На самом высоком уровне подготовился к войне первый секретарь Энского областного комитета КПСС. Он на территории своей дачи построил многоквартирный бункер, загрузив его всякой всячиной с расчетом на двести (а не на сто, как упомянутая старушка) лет. И чего только ни завезли ему туда! Даже красную и черную икру. Даже соленые и маринованные грибочки и огурчики — лучшей закуски для водки не существует. И пианино, хотя в его семье никто музыкальными способностями не обладал и никто не играл хотя бы на балалайке.

В послерабочее время секретарь спускается в бункер и мечтает о том будущем прекрасном времени, когда на Земле все подохнет от радиации и от бактерий, а он будет продолжать наслаждаться всеми благами жизни и восстанавливать потерянные человеческие ресурсы. Вот будет интересно, если он уцелеет один со своей супругой и... с некоторыми прочими. Ведь тогда весь род человеческий произойдет от него, как от Адама, согласно Библии. А может быть, Библия не такая уж чепуха? Может быть, такое уже было однажды? Ведь развитие, согласно Ленину, идет по спирали, как их учили в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Новый шаг в развитии есть повторение прошлого на более высоком уровне. Интересно, как будут потомки изображать его и его супругу — с фиговыми листочками или без? Скорее всего — без. Все-таки прогресс. Сравните теперь бункер партийного секретаря с бункером американского миллионера. Чувствуете разницу? Секретарь никогда в своем бункере не задохнется. Он скорее вас всех передушит, чем себя позволит задуть. Кроме того, ради спасения человечества Секретарь готов принести в жертву это самое человечество. Американскому же миллионеру это не позволят сделать другие миллионеры, прогрессивные силы и налогоплательщики. И налогов Секретарь за бункер не пла-

тит, поскольку тот расположен в земле, принадлежащей всему трудовому народу.

Потом Секретарь возмечтал на территории своей дачи разместить свою личную межконтинентальную ракету со своей личной кнопкой. В случае чего (если в Москве не успеют нажать) он сам выполнит историческую миссию. А то и инициативу проявить может...

Рутинa

Рутинa — это не обязательно что-то мелкое, незначительное, скучное, привычное. Рутинa есть повседневная работа и жизнь со всеми их атрибутами. Особенность рутины Западника состоит в том, что она состоит в основном из событий, которые являются из ряда вон выходящими для простых смертных. Например, для простого смертного быть завербованным в советскую агентуру есть одно из важнейших событий в жизни, а для Западника, манипулирующего тысячами актуальных и потенциальных агентов, это есть мизерный кусочек его рутинной деятельности. Для агента, раздобывшего какой-то важнейший секрет на Западе, это событие равносильно выигранному сражению великого полководца, а для Западника — одно из многих тысяч обычных дел. Для человека, в отношении которого принято решение завершить операцию с каким-то кодовым названием, т. е. отправить его на тот свет современными агентурными методами, это событие есть, можно сказать, яркий праздник. А для Западника это — серые будни.

Время, проводимое на работе, является для Западника лучшей частью его жизни. Не работа ради другого, а все остальное ради работы. На работе он ощущает себя вовлеченным в мировую жизнь и в мировую историю. А во внерабочее время... Вот это действительно есть рутинa в негативном смысле слова. К счастью, и эта часть жизни постепенно становится продолжением работы. Внеслужебные встречи так или иначе ограничиваются кругом сослуживцев. Внеслужебные беседы так или иначе сбиваются на профессиональные или общеполитические темы. А когда он остается в одиночестве, им завладевают все те же профессиональные мысли.

Рабочий день учреждения Западника протекает так же, как протекает рабочий день всякого учреждения, только, может быть, более деловито, четко, комфортабельно. Учреждение, занятое делами мирового значения, работает как хорошо налаженная канцелярия или контора. Когда миру стала известна гитлеровская машина уничтожения миллионов людей, самое сильное потрясение произвели не масштабы убийств, а то, что машина убийств работала с бесчувственным педантизмом заурядной канцелярии. Нечто аналогичное имеет место и в отношении ведомства Западника. Народы и страны живут обычной жизнью, не подозревая о том, что где-то в Москве сравнительно небольшая группа серых, невзрачных, поразительно похожих друг на друга, ко всему привыкших человекообразных существ планирует какие-то аспекты их жизни и приводит свои планы в исполнение. Час за часом, день за днем, год за годом, десятилетие за десятилетием... Именно эта рутинобразная работа, не прекращающаяся ни на минуту, а не выдающиеся спорадические действия выдающихся личностей дает эффект, время от времени поражающий человечество грандиозностью делаемого дела.

— Немец сообщает, — доложил помощник, — что есть реальная возможность завербовать сотрудника контрразведки ФРГ.

— Прикажите Немцу прекратить наблюдение, — сказал Западник. — Операцию передайте в ведение разведки ГДР.

— Американец требует сто тысяч долларов.

— Многовато. Хватит и двадцати пяти. Дайте ему понять, что у нас есть другие источники информации.

— Социолог заметно активизировался. Похоже на то, что к нему начинают серьезнее относиться.

— Обо всем, что касается Социолога, немедленно сообщать мне.

Будь готов к войне

Идея бункера, представляющего полный коммунизм в миниатюре, овладела душами миллионов граждан. Заведующий ювелирным магазином «Мал золотник...»,

например, оборудовал под свое личное противоатомное убежище естественную пещеру в двухстах километрах от города. Оборудовал так, что в пещере практически вечно могли бы безвылазно прожить со всеми удобствами, по крайней мере, сто человек. В пещере был неиссякаемый источник воды. Сын заведующего, ковыряясь в камешках, открыл в пещере нефть, которой хватило бы на среднее европейское государство. Заведующий мог разбогатеть, как шейх из Саудовской Аравии. Но нашлись завистники из числа тех, кто был в списке кандидатов в спасаемые. Они донесли в КГБ. Заведующего расстреляли. Но его опыт не пропал даром. Тысячи трудящихся в выходные дни устремились в окрестности городов на поиски природных пещер. Один сибирский охотник открыл необъятные природные пещеры в районе Верхоянска. Согласно его письму, в них можно спрятать все население не только Советского Союза, но и Китая, США, Индии и Израиля. О снабжении людей продовольствием при этом заботиться не надо: средняя годовая температура в пещерах минус семьдесят градусов по Цельсию. Трудно сказать, к чему привела бы эта эпидемия, если бы одна группа пещероискателей не напоролась на подземный склад немецких авиационных бомб, уцелевший со времени войны. Взрыв был такой силы, что на Западе его расценили как подземное испытание сверхмощной водородной бомбы.

Рутинa

Когда начинают говорить, что пора что-то начать или кончать делать, то это означает, что не только в этом назрела потребность, но что созрели условия ее удовлетворения. Так было и на этот раз. Когда участники совещания по поводу дирижера-невозвращенца единодушно заявили, что с такого рода безобразиями пора покончить, они уже знали, что с ними теперь действительно можно покончить. И случай с дирижером очень удобен с этой точки зрения. На Западе никакой сенсации по поводу К. не было. Такие истории там уже надоели всем. Западные деятели культуры не хотят делиться благами своего положения с жадными до славы и денег беглецами из Советского Союза. Они будут

рады, если приток конкурентов с Востока вообще прекратится.

Совещание приняло следующую резолюцию. Западные секретные службы систематически стимулировали и провоцировали стремление советских деятелей культуры к тому, чтобы оставаться на Западе, имея целью ослабление и деморализацию советской культуры, а также усиление антисоветской пропаганды. Раньше они имели большие возможности подкупать перебежчиков, удовлетворять их тщеславие и корыстолюбие. Теперь эти возможности сократились. Пропагандистский эффект от таких перебежчиков снизился. Так что более суровые меры по пресечению и профилактике случаев такого рода не вызовут заметной реакции на Западе и будут способствовать оздоровлению нашей интеллигенции, усилению чувства долга и ответственности по отношению к Родине. Следует также более тщательно отбирать кандидатов для поездок на Запад и усилить контроль за их поведением. Поездки разрешать только при условии, если есть достаточно серьезные гарантии, исключающие случаи невозвращения. Не оставлять без наказания ни один случай невозвращения. Следует пересмотреть все случаи невозвращения, имевшие место в прошлом, и принять суровые меры в отношении невозвращенцев, а также лиц, допустивших халатность в случаях такого рода. Следует восстановить на практике оценку таких случаев, как предательство Родины. Случай с дирижером К. должен послужить примером этому. Провести разъяснительную работу в этом духе во всех учреждениях страны, имеющих отношение к культурным контактам с Западом.

Этапы пути

Его первым учителем в агентурной работе был старый чекист, чудом уцелевший в сталинские годы.

— Наши реальные агенты и наша реальная агентурная работа на Западе, — говорил он, — не имеют ничего общего с тем, как их описывают в шпионских романах и изображают в кино на Западе.

— Им там не известна реальность?

— Отчасти известна, отчасти нет. Но дело не в этом. Дело в том, что реальность не интересна с точки зре-

ния литературы и кино. Вспомни, кто у нас играл в кино роль Александра Невского? Самый высокий артист, верно. А знаешь, какого роста был реальный Александр Невский? Меньше чем полтора метра. И ты уверен в том, что он был такой умный, как показывают в кино?

— Сомневаюсь. Но ответственные лица на Западе должны знать реальное положение вещей!

— Должны. Но они не хотят этого.

— Как так?!

— А зачем им? Они думают лично о себе, а не об интересах страны. Вспомни, что говорил Ленин по этому поводу. А он понимал Запад хорошо.

Учитель еще нес в себе искру революционной романтики. Учитель уже не надеялся на более успешную карьеру. Он был доволен уж тем, что уцелел, слетев с высокой ступени своего ведомства на сравнительно низкую. Он искренне стремился передать весь свой опыт Западнику, в котором видел своего ученика и последователя.

— Агентурная работа,— говорил учитель,— имеет свои правила. Она подобна шахматной игре, только во много раз сложнее. И не всегда тут имеют место удачи. Бывают и неудачи. Бывают и серьезные поражения. Вот тебе классический пример на этот счет. Многие западные дипломаты и наши разведчики предупреждали сталинское руководство о том, что Германия начнет войну против нас 22 июня 1941 года. Сталин не поверил. До сих пор многие удивляются этому и возмущаются: почему Сталин не поверил?! Никому в голову не приходит мысль, что в этом случае немецкая агентура просто переиграла нашу. В нашем деле бывает так, что ничто не выглядит так сомнительно, как чистая правда. Труднее всего поверить именно в правду. Мы тогда не поверили в донесения наших разведчиков по той простой причине, что их было слишком много, и все они были одинаковы. Они выглядели как дезинформация. Немцы в качестве средства дезинформации использовали правду! В нашей работе это обычное дело. Дело не в том, что есть правда и что есть ложь, а в том, во что верят как в правду и что отвергают как ложь. В жизни вообще правда есть лишь замаскированная ложь, а ложь — слегка подправленная правда. Агентурная сеть — не научно-исследователь-

ский институт Академии Наук, агентурная работа — не поиски истины. Мы имеем дело с умонастроениями и поведением конкретных людей а не с абстрактными истинами.

— Что было бы, если бы Сталин поверил в сообщения агентов и мы упредили бы немцев?

— Мы проиграли бы войну.

— Как же так?! Ведь в результате ошибки Сталина мы понесли такие потери!!

— Потери были неизбежны в любом случае, так как мы не успели подготовиться к войне. В будущей войне это не должно повториться.

Учитель был стар, но крепок здоровьем. А у ученика созрело желание занять его пост. Вскоре представился удобный случай: надо было найти козла отпущения за серию провалов в работе агентуры. Западник сумел убедить комиссию, расследовавшую причины провалов, в том, что виноват был его начальник.

Кремленология и кремлевские «голуби»

Утром помощник положил ему на стол в его рабочем кабинете перевод новой статьи Соцнолога. Статья называлась «Кремленология и кремлевские «голуби». «Вы, конечно, знаете, что на Западе существует наука кремленология, изучающая самые интимные тайны жизни советских руководителей,— писал Социолог.— Согласно этой науке, ход мировой истории зависит не от объективных социальных законов (такие законы суть выдумка советской пропаганды), а от возраста, характера и внутренних органов советских руководителей. Сталин, например, был рябой, сухорукий, властолюбивый и коварный, в результате чего шестьдесят миллионов человек было безвинно уничтожено в ГУЛАГе. Хрущев был толст и склонен к шутовству, благодаря чему произошла десталинизация советского общества. Брежнев страдал манией величия и с трудом шевелил языком, вследствие чего было подавлено чешское «восстание» и произошла советская интервенция в Афганистан.

«Потерпите немного,— предсказывает кремленология,— станут советские руководители помоложе и по-

здоровее в отношении внутренних органов, и Советский Союз повернется в сторону западной демократии».

Так что вы теперь понимаете, говорилось далее в статье Социолога, почему почки кремлевского «голубя» Юрия Андропова оказались в центре внимания мировой прессы. Если упомянутые почки подведут, власть в «Кремле» захватят «ястребы», и колесо истории повернется не в ту сторону. А Запад убежден в том, что только Андропов способен повернуть колесо истории в нужную сторону. Ведь он столько лет блестяще руководил КГБ (с точки зрения Запада — самой либеральной и самой продуктивной организацией в Советском Союзе). Он лучше других знает положение в мире! Он лучше других понимает нужды западных капиталистов!..

Но пусть кремленологи подглядывают через замочную скважину в закулисную жизнь Кремля. Не будем гадать о том, удастся ли бывшему выдающемуся главе КГБ превратиться в заурядного Генерального Секретаря ЦК КПСС (без чего он долго не продержится на своем посту). Не будем также гадать о том, хватит ли у него времени на то, чтобы стать вопиющим ничтожеством наподобие Брежнева (без чего он не сможет довести страну до еще более жалкого состояния) и войти в историю в качестве выдающегося государственного деятеля. Обратимся хотя бы на несколько минут к объективным условиям жизни коммунистического общества. Возьмем такое «новаторство» андроповского руководства, как борьба против коррупции, против нарушений трудовой дисциплины, за повышение производительности труда и эффективности предприятий. Какое советское руководство и в какой период советской истории не делало этого? Эта борьба началась с первого дня существования советского общества и будет продолжаться до тех пор, пока будет существовать это общество. Трезвый и объективный взгляд на коммунистическое общество обнаруживает, что на осуществление даже мизерных реформ, повышающих уровень его социальной организации и сохраняющих этот уровень на долгое время, требуется не один десяток бездарнейших генеральных секретарей партии и десятки лет ожесточеннейшей борьбы руководства страной против своего собственного народа.

Любой серьезный социальный эксперимент требует огромных усилий, терпения и времени. Заранее можно предсказать, во что выродится в ближайшие годы любое начинание, не считающееся с объективными законами общества. И заранее можно предсказать то, что любому ходу дела можно дать такую интерпретацию, согласно которой провал эксперимента будет выглядеть как выдающийся успех.

В газетах сообщают, говорилось в статье далее, что в Советском Союзе больше двадцати процентов руководящих партийных работников заменены новыми, и усматривают в этом «новый курс» нового Генсека. Любому советскому человеку известно, что это есть рутинное, нормальное и обычное явление переизборов членов партийных бюро и комитетов, что это лишь отчасти связано с заменой лиц в руководстве, неизбежной и тоже нормальной в случаях смены самого высшего руководства. Если бы я был Богом, то назначил бы на все руководящие посты бескорыстных гениев, а на место Генсека — сверхгения, с которым абсолютно единодушны все прочие гении руководства. Сделал бы это для того, чтобы доказать, что и это сверхгениальное и неподкупное руководство стало бы поступать точно так же, как самое бездарное и коррупционное. Если в самой стране накопились достаточно серьезные предпосылки для преобразований и если объективные законы общества не препятствуют этим преобразованиям, то их может осуществить даже руководство, состоящее из одних болванов и жуликов. А если таких предпосылок нет и если желания реформаторов выходят за рамки объективных закономерностей социальной системы, то никакие серьезные и стабильные преобразования не получатся.

Не буду больше утомлять читателей скучными социологическими рассуждениями. Хочу лишь в заключение спросить: известно ли западным специалистам по советским делам то, что советские руководители думают не почками и печенкой, а мозгами? Что они служат интересам Советского Союза, а не Запада? Что в Советском Союзе существует мощный, профессионально работающий аппарат руководства? Что кремлевские «голуби» отличаются от кремлевских «ястребов» лишь тем, что стремятся делать то же самое дело, что и «ястребы», но гораздо лучше «ястребов»?»

Он и Социолог

Хотя Социолог и был для него враг, но это был враг полезный. Из статей Социолога он узнавал о Западе больше, чем из донесений бесчисленных агентов. Донесения агентов были, как правило, переполнены не существенными пустяками, домыслами и априорными суждениями: агенты стремились сочинять свои отчеты так, чтобы они понравились в Москве. Они были совершенно не способны анализировать ситуацию в стране и делать обобщения. Статьи же Социолога были беспощадно правдивы и всегда касались самого существа дела. Поэтому Западник не спешил с завершением операции «Социолог»: ему хотелось сохранить этот источник мыслей для своего личного пользования. В своих отчетах начальству и в рекомендациях руководителям различных отделов ЦК КПСС Западник часто просто переписывал куски из статей и выступлений Социолога. Ничего из ряда вон выходящего в этом не было. Социолог был не первый и не последний враг, которого использовали в интересах КГБ и ЦК. Но кто-то донес секретарю ЦК по идеологии и шефу КГБ об этом источнике мудрости Западника, благодаря которому он прослыл мыслителем. Это могло повредить Западнику. Тем более он и сам способен решать теоретические проблемы большого масштаба без какого-то жалкого эмигранта. Надо операцию «Социолог» постепенно вести к завершению. Лучше всего поручить это Немцу. Конечно, тем самым мы можем демаскировать самого Немца. Жаль, отличный агент. Но что поделаешь, на войне как на войне. Тем более в его последних донесениях чувствуются нездоровые настроения и усталость. Постарел. Сколько ему сейчас?

Рутин

Чтобы «убрать» советского человека, находящегося за границей, нужна санкция, по крайней мере, трех лиц из числа высших руководителей страны, в том числе того, кто курирует всю заграничную сферу советской секретной деятельности. Высшие лица были заняты другими, более важными делами. Их помощники просто не пропускали «наверх» такое ничтожное дело, ка-

ким им казалось дело дирижера К. Время шло. Западник был вне себя от возмущения, хотя он давно привык к такой бюрократической волоките. Надо было давать разрешение на поездки другим лицам и группам, а гарантий, что они не последуют примеру дирижера, не было. Западник всячески откладывал эти поездки. Многие из них пришлось вовсе отменить. На Западе это заметили. В прессе заговорили об «ожесточении советского режима», о «тенденции к сталинизму».

А беглец почувствовал себя в безопасности и опубликовал резкую антисоветскую статью. Лишь после этого дело дирижера стало предметом внимания на высшем уровне. На особом заседании Политбюро Западник был подвергнут резкой критике за «медлительность» и «бюрократическую волокиту». Критика была явно нацелена в самого Генсека. Но Западнику от этого было не легче. Возник слух, будто ему «на Политбюро шею намылили». Политбюро одобрило резолюцию совещания, имевшего место по поводу дирижера, отметив, что это надо было сделать раньше. Одному из членов Политбюро поручили создать особую комиссию с целью изучить положение в сфере наших культурных контактов с Западом, навести должный порядок и принять меры, предупреждающие и исключаящие...

После заседания Политбюро Западник в мрачном расположении духа уехал сразу домой, заперся в кабинете и обратился к единственному лекарству от всех советских болезней — к водке.

В нашей системе никакое серьезное дело не сделаешь толком, так как это требуется интересами самого дела. Либо делай так, чтобы Они не знали, и тогда на тебя обязательно донесут, и все твои усилия пойдут насмарку. Либо добивайся их одобрения, и тогда Они сами испортят все своим одобрением. Где выход? Выход очень простой: еще одна бутылка водки.

Будь готов к войне

На совещании градостроителей вспыхнула острая дискуссия по вопросу, на какой срок рассчитывать новые дома. Одни настаивали на том, что дома надо строить с расчетом на сто лет. Другие же считали, что в буду-

щей войне все дома будут разрушены, и потому рассчитывать на сто лет бессмысленно, достаточно и тридцати лет. Дома, рассчитанные на тридцать лет, возражали «столетники», начнут разрушаться уже через год, их придется постоянно ремонтировать, что обойдется дороже домов, рассчитанных на сто лет. Победила, как всегда, генеральная линия Партии: строить дома с расчетом на пятьдесят лет. Такие дома тоже начнут быстро разрушаться. Но в них можно будет до новой войны дожить без капитального ремонта. И совсем не жалко будет, если эти развалины превратятся в пыль во время войны (а еще лучше — до войны).

Он и Генсек

Его отношения с Генсеком никогда не были отношениями равных и взаимно независимых партнеров, как это необходимо для дружбы. Он был всего лишь андроповским холуем, как о нем говорили в КГБ и в аппарате ЦК. Благодаря этому ему позволили подняться на вершину канцелярской иерархии власти. Но в этом был свой минус: его положение оказалось полностью зависимым от положения его покровителя. Брежневский холуй Черненко благодаря холуйству выбрался в члены Политбюро. Ему же, Западнику, вряд ли удастся такое: Андропов не имеет впереди столько лет власти, как Брежнев. В их отношениях один мог позволить себе выдвигать идеи, другой же вынужден был находить для них подходящее оформление. Вот, например, их обычный разговор «за чашкой чая» (Генсек не пьет водку из-за болезни) Генсек говорит о том, что народ распустился, а в верхах моральное разложение достигло критических размеров. Надо полностью реорганизовать всю систему управления. Надо произвести омоложение руководства на всех уровнях. Надо укрепить трудовую дисциплину, объявить решительную войну пьянству и коррупции. Надо наводить суровый порядок в стране. Сознательность и энтузиазм народа хороши, когда они подкрепляются разумными мерами принуждения. Брежневский стиль руководства себя изжил. Нельзя с псрога отвергать сталинский стиль руководства. В нем были и свои достоинства. Западник соглашается, но вносит один «маленький

корректив»: надо ставить вопрос не о сталинском, а об андроповском стиле. Именно благодаря андроповскому стилю руководства КГБ стал самой эффективной и прогрессивной (!) организацией в стране. Генсеку такой поворот мыслей нравится, но он призывает к скромности: и в работе КГБ были недостатки. Западник говорит, что недостатков не имеет лишь тот, кто не имеет достоинств, что если бы все учреждения страны удалось заставить работать так, как работает КГБ, то можно было бы спокойно спать.

— Именно заставить,— соглашается Генсек.— Наш народ добровольно не будет делать ничего, что идет ему на пользу. Сталин был прав, когда говорил, что «наша историческая задача — заставить советский народ быть счастливым». Именно заставить!

Легко сказать — заставить, думает Западник. Теперь другие времена. Наш народ уже отравлен ложными представлениями о райской жизни на Западе. И Запад следит за всем, что творится у нас, не упуская даже малейшего повода для антисоветской пропаганды, разъедающей наше общество. Пора с этим покончить. Чтобы заставить людей быть счастливыми, им надо запретить быть несчастными. А для этого надо нейтрализовать тлетворное влияние Запада. Наш идеологический аппарат с этой задачей справляется плохо.

Этапы пути

После нескольких крупных провалов советских шпионов на Западе вопрос о деятельности советской агентуры на Западе стал предметом внимания Политбюро. Некоторые члены Политбюро, чувствовавшие непомерное усиление влияния КГБ и его главы, стали поговаривать о необходимости «реорганизации» и об «укреплении руководства» КГБ. Это был самый критический момент в карьере нынешнего Генсека. Ему уже был высказан упрек за «излишнюю мягкость» в подавлении диссидентского движения внутри страны. Большинство членов Политбюро не могло понять, почему борьба против «ничтожной горстки отщепенцев», которых можно было ликвидировать в течение нескольких дней и даже часов, растянулась на много лет. Стоило большого труда убедить их в том, что в сло-

жившейся обстановке со всех точек зрения было выгоднее растянуть расправу. Главная проблема заключалась не в том, чтобы уничтожить эту «горстку отщепенцев», а в том, чтобы нанести удар по социальной среде, порождавшей этих отщепенцев и поддерживавшей их. А для этого нужны были годы. «И мы блестяще справились с этой задачей,— резюмировал тогда свой доклад глава КГБ.— Теперь мы можем быть спокойны: мы не только разгромили диссидентство, мы уничтожили почву, на которой могло бы произрасти новое явление такого рода. Это особенно важно в случае войны: мы ликвидировали потенциальных предателей».

Тогда попытка «сковырнуть» одного из опаснейших претендентов на «престол» не увенчалась успехом, и он отделался устным упреком в «излишней мягкости». Теперь положение сложилось более серьезное. И тут в памяти председателя КГБ всплыл образ Западника, когда-то написавшего иезуитски хитрое заключение о политической агентуре на Западе.

В послевоенные годы, писал Западник (и говорил шеф КГБ), мы совершили историческую революцию в агентурном деле за рубежом. Мы создали агентурную сеть, которая не имеет себе равных как по масштабам, так и по разнообразию выполняемых функций. Теперь нельзя назвать точку на планете, где бы так или иначе не присутствовала наша агентура. Во всех странах мира, во всех сферах общественной жизни есть наши агенты. Причем задача нашей агентуры выходит далеко за рамки традиционных задач разведывательных служб. Более того, в настоящее время доминирующим является активное вмешательство в жизнь зарубежных стран. Можно смело утверждать, что победа социалистического строя во многих странах мира была результатом деятельности нашей агентуры.

Далее шеф КГБ охарактеризовал планы на ближайшее будущее, от которых у членов Политбюро захватило дух. Особенно сильное впечатление на них произвели перспективы в Центральной и Южной Америке. Глобальная изоляция главного врага — США — выглядела вполне реальной.

В заключение шеф КГБ сказал, что в работе такого масштаба неизбежны и промахи вроде тех, которые имели место в последнее время. Но в сравнении с тем

положительным, что достигнуто, это ничтожно малая величина. «Между прочим,— позволил он себе пошутить,— наша агентурная сеть с точки зрения научно-технических открытий во много превосходит нашу Академию Наук».

Так Западник стал полезным самому могущественному человеку в стране. И тот не остался в долгу.

Рутинa

Помощник сообщил, что дипломат П. опубликовал на Западе книгу, которая стала там сенсацией.

Ну что же, думал Западник, мы это ожидали. Особого вреда книга нам не причинит. Наоборот, она придаст больше веса нашим дипломатам и политическим руководителям. А главное — она отбросит на задворки настоящих критиков советского общества, поскольку она больше соответствует менталитету западных людей. В книге много забавных анекдотов, слухов, сплетен, интриг... Читается как приключенческий роман. А книги серьезных критиков советского общества (вроде Социолога) вызывают скуку у массового читателя. Все идет как запланировано. Единственная сфера советского общества, в которой планы строго выполняются, это агентурная работа.

Этапы пути

Западник был одним из тех, кто выработал долговременную программу дезорганизации общественного сознания в странах Запада. Это ему принадлежала честь изобретения термина «внутренняя эмиграция», для обозначения всех тех, кто по тем или иным причинам вступал в конфликт с советским общественным строем, с его идеологией и с его системой власти. Он был одним из тех, кто горячо поддержал идею Юрия Андропова, что целесообразнее «внутренних эмигрантов» превращать в настоящих (во «внешних»). Таким путем не только легче будет уничтожить всякую оппозицию в стране, но даже будет возможно использовать ее для замутнения сознания западных людей в той его части, которая касается взаимоотношений с Совет-

ским Союзом. Западник и в это дело внес свою лепту. Он разработал детальнейший проект на этот счет. Проект привел в восторг обычно сдержанного Андропова. После этого Западник вошел в число его (Андропова) ближайших друзей.

Проект был утвержден. Если бы о нем узнали на Западе, подумал довольный Западник, то сочли бы его кагебевской провокацией. Смешно получается: план практической работы КГБ воспринялся бы всеми как провокация КГБ! Расчет был верный. План был выработан с расчетом на состояние умов на Западе и на условия западной демократии. В самом деле, кто на Западе поверит, что книга некоего А., ставшая сенсацией на Западе как разоблачение «секретов Кремля», была написана с ведома КГБ и на материалах КГБ с целью заглушить влияние других, действительно опасных для советского «режима», разоблачительных книг?! Кто на Западе поверит в то, что КГБ приложило немало усилий, чтобы раздуть одного ничтожного «борца против режима» К. до масштабов выдающейся личности, чтобы оттеснить на задний план или совсем заглушить С., личность действительно значительную?! Кто на Западе поверит в то, что те, кто искренне пытается раскрыть глаза западным людям на фактическое положение вещей, не являются агентами КГБ?!

Запад есть наш верный союзник в укреплении нашего общества, думал Западник, в сотый раз получая подтверждение правильности андроповского (т. е. фактически его, Западника) плана. История достойна смеха: Запад помогает нам бороться против Запада! Западная демократия есть наше надежное оружие в разрушении Запада!

Будь готов к войне

Подписали с американцами пятилетний план (и тут пятилетки!) поставок американского хлеба в Советский Союз. Население вздохнуло с облегчением: «американшки» не дадут нам умереть с голоду! В сети политпросвещения усилили антиамериканскую пропаганду. Поставки хлеба в Советский Союз со стороны американцев при этом рассматривали как коварное стремление разжечь пожар мировой войны, а покупку хлеба

в США со стороны Советского Союза — как искреннее стремление предотвратить мировую войну. В газетах напечатали письмо хлеборобов. «Над нами на Западе смеются, что мы свое сельское хозяйство из состояния упадка никак вывести не можем,— писали хлеборобы.— А мы могли, но мы предпочитаем пока использовать Запад. Это дешевле. И время не требуется. А если завтра война? Что лучше — погибнуть с улучшенным сельским хозяйством или победить с готовым американским хлебом? Но мы скоро огорошим Запад новым неожиданным маневром. Они привыкли к тому, что мы закупаем у них продовольствие. И на будущее рассчитывают так же. А мы вдруг скажем: хватит! Жрите, господа капиталисты, свой хлеб сами! Мы им уже по горло сыты! Что они тогда запоют?»

Некролог

Скончался бывший крупный работник КГБ. Когда-то он был начальником Западника. Лет пятнадцать спустя, когда Западник стал обходить своего бывшего начальника, тот попытался подставить ему ножку, но потерпел поражение и был уволен на пенсию. С тех пор о нем никто не вспоминал в аппарате. А он, оказывается, все эти годы жил, одинокий, заброшенный даже собственными детьми. И вот — некролог в центральных газетах, подписанный Генсеком и всеми членами Политбюро. Значит, жил человек не зря. Все правильно. Правильно, что жизнь таких людей отмечается такими некрологами. Это внушает спокойствие и уверенность в будущем. Когда знаешь, что, несмотря ни на что, твои заслуги будут оценены по достоинству, работаешь с большей отдачей сил. И он, Западник, когда-нибудь умрет. И на него в центральных газетах будет напечатан некролог первой категории с ретушированной фотографией. И его некролог подпишут высшие лица страны, и он это знает. Конечно, на Кремлевскую стену он не рассчитывает, но почетное место на Новодевичьем кладбище ему гарантировано. И от сознания этого приходит спокойствие и уверенность.

Этапы пути

Шли годы. Постепенно Западник стал одним из ближайших помощников Юрия Андропова в деле создания советской агентурной армии на Западе и в деле разработки стратегии и тактики ведения агентурной войны. Здесь уместны именно выражения «агентурная армия» и «агентурная война» вместо выражений «шпионская сеть» и «шпионская деятельность», поскольку слово «шпионская» ориентирует на раздобывание секретов, а слова «сеть» и «деятельность» занижают масштабы этого феномена. Тут речь идет именно об армии и о войне, в которой шпионская сеть и шпионская деятельность играют роль второстепенную.

Не думайте, что нужны какие-то выдающиеся способности, образование, ум и специальные многолетние исследования, чтобы добиться выдающихся успехов в этом деле. Принципы организации агентурной армии и ведения агентурной войны банальны и очевидны. От людей тут требуется лишь одно: признать их серьезными и педантично воплощать в жизнь из года в год, из десятилетия в десятилетие. Рутинная, терпение, наглость и бесстыдство,— и желаемый результат непременно будет. Вот некоторые идеи на этот счет, которые пришли бы в голову каждому, кому пришлось бы заниматься этим делом профессионально (как Западнику).

Агентурная война

Агентурная война не есть изобретение одного только Востока. Она есть совместное изобретение Востока и Запада. Только роль партнеров в этой войне различна: один партнер насилует другого, а другой легко поддается насилию, порою испытывая мазохистское наслаждение. Восток оказался способным создать свою агентурную армию на Западе и вести успешную агентурную войну. Запад оказался исключительно благоприятным полем деятельности для агентурной армии Востока. Не будучи в состоянии конкурировать с Западом в области экономики и технологии, Восток использует в борьбе с Западом те средства, которые больше соответствуют его социальной природе и его

реальным возможностям. Удивительным тут являются не масштабы агентурной армии Востока, действующей на Западе, а то, что Восток пока еще лишь в ничтожной мере использует свои реальные возможности на этот счет.

Размах агентурной войны Востока на территории Запада характеризует не столько то, что из себя представляет Восток, сколько то, что из себя представляет современный Запад. Это явление не столько в «восточном» обществе, сколько в «западном». Это плата за западную «демократию». По условиям этой «демократии» восточные агенты оказались лучше защищенными на Западе, чем те, кто по идее должен был бы вести борьбу против них. Даже при чрезвычайно слабой контрразведке на Западе степень разоблачаемости агентов Востока оказалась зависимой не от технической способности контрразведки их разоблачать, а совсем от иных обстоятельств, в том числе от политических соображений, общественного мнения, прессы и т. д.

Агентурная война ведется силами массы агентов, а не одиночками. Тут важно не качество агентов, а их количество, организация и распределение. При этом от агентов не требуется длительная профессиональная подготовка. Им не надо учиться стрелять, не надо овладевать приемами каратэ, не надо иметь выдающиеся сексуальные способности. Они могут быть самыми заурядными индивидами. Они живут в стране, как правило, за счет этой страны. Интерпретация их деятельности как несовместимой с их формальным статусом касается лишь незначительной их части и в исключительных случаях.

Представление об агентурной операции как о чем-то таком, что задумано, подготовлено и осуществлено силами агентов, давно устарело. К числу агентурных операций относится все то, что деморализует, дезорганизует и ослабляет данную страну, нарушает общественный порядок, вызывает беспокойство, сеет неуверенность, хаос и панику в массе населения. Наводнение. Снегопад, нарушающий нормальную работу транспорта. Эпидемия. Похищения бизнесменов. Покушения на политических деятелей. Угон самолетов. Взрывы. Катастрофы. Характер агентурных операций всему этому придает отношение ко всему этому агенту-

ры Востока и ее присутствие в этом. Когда на Западе начнут усматривать руку Москвы в лондонских туманах и в сексуальной распушенности молодежи, КГБ сможет констатировать, что оно хорошо поработало над психологическим и идеологическим состоянием Запада. Для любой агентурной операции, которую хотела бы совершить агентура Востока, на Западе найдутся люди, которые хотят или захотят сделать то же самое, способны сделать это или готовы оказать поддержку тем, кто способен сделать это. Задача агентуры Востока — знать таких людей, посеять в их мозги нужную идею или поддержать ее, если она уже есть, стимулировать их активность.

Массовая агентура одной страны, действующая на территории других стран, явление в истории совсем не новое. Вспомните, каких масштабов достигла агентура гитлеровской Германии в странах Европы перед второй мировой войной. Советская агентура в Европе мало ей уступала, а в некоторых отношениях превосходила. Но лишь в послевоенные годы произошел качественный скачок в этом направлении: массовая агентура Востока на Западе превратилась в агентурную армию, а ее деятельность — в агентурную войну. Завершился этот скачок в семидесятые годы. Он связан с именем генералиссимуса агентурной войны Юрия Андропова. Имена маршалов и генералов этой войны навеки останутся неизвестными человечеству.

Главное в агентурной войне не раскрытие неких секретов, а физическое присутствие в теле противника, способность поддерживать агентурную армию из года в год и восстанавливать ее в случае потерь.

Агентурная война имеет то достоинство, что ведется на территории чужой страны и ведется силами, почти полностью существующими за счет этой страны. Это война целиком и полностью паразитарная. Главная ее задача — разрушение внутренних самозащитных механизмов данной страны, ее деморализация и дезорганизация, принуждение ее к такому поведению, какое требуется для страны, обладающей этой агентурной армией. Агентурная война является фактически беспроигрышной для страны, ведущей ее. Неразоблаченный агент наносит ущерб стране, в которой он действует, своей тайной деятельностью. А если агент разоблачается, то сам факт его разоблачения приносит этой

стране ущерб удесятиренный. Если при этом агент проник на достаточно высокий уровень социальной иерархии, факт его разоблачения порождает глубокий политический, идеологический, психологический и моральный кризис в стране. Последствия такого кризиса ощущаются многие годы и фактически не изглаживаются никогда. Они становятся фактом истории этой страны навечно.

На Западе раздувают случаи перехода восточных агентов и дипломатов (как будто есть восточные дипломаты, не являющиеся агентами!) на сторону Запада. В агентурной войне и на этот счет есть свои законы. Если восточному агенту или дипломату (т. е. тоже агенту) разрешено выехать на Запад, то это само по себе предполагает, что он не способен даже при желании сообщить слишком много о своей агентуре и нанести ей непоправимый ущерб. Если даже сам министр иностранных дел Советского Союза останется на Западе, это не будет катастрофой для советской агентурной армии, ибо он не знает и сотой доли того, что знает рядовой работник аппарата КГБ, которому поэтому не разрешается выезжать на Запад.

Набор агентов в агентурную армию зависит не от воли и желания кандидатов в агенты, а от воли и желания тех, кто осуществляет набор. Каждый может быть использован как потенциальный или актуальный агент. Все сто процентов советских граждан, выезжающих на Запад, должны рассматриваться как агентура КГБ. Это есть элементарная служебная формальность, играющая для советских людей такую же роль, какую в свое время играло крещение младенцев в христианских странах.

Нужно приучить всех людей к мысли: если ты не агент КГБ, то это означает вовсе не то, что ты мужествен и непоколебим, а то, что ты не попал в поле действия агентуры и что не принято решение использовать тебя в интересах агентуры.

Сын

Шеф КГБ... Кстати, почему это западное словечко «шеф» как-то незаметно вошло в употребление?! Председатель КГБ, которого сотрудники за глаза называли

Шефом, как бы между прочим поинтересовался здоровьем Западника, его домашними делами, успехами детей.

— Трудно теперь с детьми, — вздохнул Шеф. — Не ценят тех благ, какие мы потом и кровью зарабатывали. Не понимают, в каком обществе мы живем. На Запад смотрят. Пора нам за наших детей всерьез взяться... Дети — наше будущее. Судьба завоеваний революции зависит от наших детей.

Шеф говорил эти пропагандистские банальности неспроста. Западник чувствовал, что тут есть какая-то подоплека.

Надо с сыном поговорить, подумал он. А то закрутился с делами, совсем семью забросил...

Сын от беседы уклонялся под разными предложениями. Отец был взбешен и предъявил ультиматум: либо в такое-то время сын явится для разговора, либо пусть пеняет на себя. Разговор походил на разговоры Западника с сослуживцами и начальством. Сын юлил, пытаясь выяснить, что отцу известно о нем. Отец юлил, пытаясь заставить сына проговориться и сказать что-то о его интимной жизни. Отец попробовал было говорить в том же стиле, как говорил шеф КГБ. Сын сказал, что он «этими пропагандистскими помоями сыт по горло». Отец назвал сына прохвостом. Сын не моргнув глазом сказал, что «яблочко от яблони недалеко падает».

Сын ушел, не дослушав нотацию отца. В машине его ждали друзья — две накрашенные девочки, дочери народного артиста и академика, и сын маршала...

Дочь

Вечером его навестила дочь. Попросила «нажать» на отдел науки ЦК, чтобы тот «нажал» на Президиум Академии Наук, чтобы тот «нажал» на «болванов» из института ее супруга, чтобы те наконец-то избрали ее супруга в члены-корреспонденты Академии Наук. В конце концов пора, он написал уже десяток статей и брошюру в издательстве «Московский рабочий». Другие академики и того не имеют.

Дочь очень рано вышла замуж за входившего тогда в моду артиста. Артист первым делом потребовал от мо-

лодой жены, чтобы ее «высокопоставленный папочка» устроил им квартиру, по крайней мере, из четырех комнат. «Высокопоставленный папочка» устроил им квартиру всего из трех комнат, причем не в том районе, где хотел зять, «высокоодаренный творческий работник». Затем зять захотел стать заслуженным артистом республики. Пришлось ждать два года, и зять был этим чрезвычайно рассержен. Наконец зять предъявил ультиматум: либо «высокопоставленный папочка» устраивает ему главную роль в каком-то фильме (все равно в каком), либо развод. «Папочка» предпочел развод. Причем «высокоодаренный творческий работник» не получил ни квартиры, ни дачи, ни автомашины. И в фильмах его перестали снимать. И предупредили: если он не перестанет «рыпаться», ему придется играть совсем иные роли где-нибудь на Чукотке. И бывший зять исчез из жизни моего Западника. Дочь сменила несколько кандидатов в мужья. Она могла бы выйти замуж за молодого и преуспевающего дипломата. Но ей как дочери моего Западника было запрещено выезжать за границу. И от дипломатической карьеры ей пришлось отказаться. Поскольку в это время в среде чиновников входило в моду быть учеными, она вышла замуж за новоиспеченного доктора наук, числившегося в Академии Наук, но работающего на КГБ.

С дочерью все в порядке, думал Западник. У нее трезвая голова. Она своего не упустит и с пути не сойдет. Правда, она совсем чужая. Но это уж ее дело. Но вот сын... Проглядел я сына. А ведь способный парень. В школе ему сулили будущее большого ученого. Надо принять решительные меры. Какие? Отправить в Новосибирск? Или лучше в секретный научный центр, занимающийся космическими полетами? Или в армию?

Додумать мысль не удалось: позвонили от Генсека, попросили зайти на «чашку чая».

Рутинa

Во всех газетах на Западе сообщили, что один видный политик собирается в Москву. Зачем? Кто его знает. Может быть, пошатнувшийся авторитет укрепить. Мо-

жет быть, за прошедший период отчитаться. Может быть, из личной симпатии к старому или новому советскому руководству. Может быть, посмотреть легендарный Кремль, откуда все инструкции мировой политике исходят. В Царь-пушку заглянуть, яблочный огрызок в дуло бросить. Изумиться: сколько столетий эти таинственные русские огрызки и бутылки в эту пушку суют, а наполнить не могут! Вот это пушка! Так какое же оружие должно быть у этих русских в Сибири припрятано?! В Царь-колокол слазить. И опять изумиться: какой же шум с такими колоколами эти русские на весь мир поднять могут! Ему, западному политику, невдомек, что Царь-пушка никогда не стреляла, а Царь-колокол никогда не звонил, что придуманы они были для устрашения врага. И хорошо, что они не стреляли и не звонили,— так оно страшнее было. Итак, собирается западный политик в Москву. С Самим беседовать. Честь-то какая — с Самим! Весь мир целую неделю только этим и будет занят. Все газеты, журналы, радио и телевизионные программы. «Слышали,— будут говорить все западные граждане,— этот... как его?.. не помню, как звать... ну, политик... глупый такой... Откуда? Из какой страны? Из какой партии?.. А кто его знает... Да это и неважно... В общем, в Москву летит! В Кремль! С Самим беседовать будет! Да, да, с Самим!..»

Побаивается политик, конечно. А вдруг на Лубянку попросят?! На всякий случай признает, что в коммунизме есть кое-что положительное... В общем, нельзя отвергать с порога. Советское руководство не хочет войны, и это главное! Надо садиться за стол переговоров! Он, политик, совсем позабыл, что из-за стола переговоров все враждующие и дружественные стороны не вылезают уже сорок лет. Если и вылезают, то чтобы сменить протертые за этими переговорами штаны...

На страницы печати никогда не попадет лишь одно обстоятельство, связанное с намеченным визитом западного политика в Москву: то, что его кандидатура была намечена и обдумана в отделе моего Западника. За той самой чашкой чая, из-за которой Западник прервал ход своих мыслей. Генсек сказал ему между прочим, что неплохо было бы сейчас визит какой-нибудь устроить. Зачем? А просто так. Тут сам факт визита важен. Пусть приедет. Мавзолей посетит. Венок у Мо-

гилы Известного Солдата возложит. С ним, с Генсеком, побеседует. О чем? Да ни о чем. О пустяках каких-нибудь. Тут не это важно, а весь антураж вокруг визита. Важно на виду быть. Показать, что «помирить нам рановато». Одним словом, обдумай подходящую кандидатуру там, на Западе.

В отделе

Каждую неделю в отделе просматривают западные шпионские фильмы. Сотрудники отдела относятся к ним так, как они того и заслуживают: с презрением и насмешкой. Но смотрят фильмы с удовольствием. Западные разведывательные службы работают смехотворно плохо, зато фильмы о шпионах делают хорошо. Западник тоже иногда посещает эти просмотры. В таких случаях после фильмов происходят неофициальные обсуждения проблем агентурной работы. Многие ценные идеи родились именно в таких разговорах, порою в форме шуток и анекдотов.

Составом сотрудников отдела и их взаимоотношениями Западник доволен. Он сам отбирал сотрудников годами, принимая во внимание не только деловые, но и личные качества, важные с точки зрения единства коллектива. Дружная, деловая и даже веселая обстановка в отделе Западника служила предметом зависти для сотрудников других отделов. Западника не раз упрекали в том, что он создал в отделе обстановку семейственности. Но придаться конкретно было не к чему. Западник отделивался шутками, обещая организовать в секторе склоку, дабы отдел выглядел как прочие.

Сотрудники других отделов прилагали немало усилий к тому, чтобы разрушить «семейную» обстановку в отделе Западника и посеять в нем настоящую склоку, которая является обычным явлением во всяком советском учреждении. И надо признать, не безуспешно. В последнее время Западник стал замечать некоторое недовольство и раздражение в поведении своего заместителя. На совещаниях иногда стала вспыхивать излишне резкая перепалка.

Этапы пути

Еще до прихода Юрия Андропова к власти Западник проделал огромную работу (через свою агентуру, конечно) по подготовке общественного мнения Запада к тому, что преемником умирающего Брежнева будет бывший глава КГБ, создавший беспрецедентную советскую агентурную сеть на Западе и решивший проблеме разгрома внутренней оппозиции в стране. Люди Западника позаботились о том, чтобы в западной прессе с уверенностью заговорили о бывшем шефе КГБ как о будущем Генсеке.

Главное возражение со стороны противников и конкурентов Генсека в Политбюро состояло в том, что бывшему шефу КГБ нельзя будет ездить на Запад (там будут массовые демонстрации протеста), что на Западе поднимется антисоветская шумиха, закричат о возврате к сталинизму. Западник подготовил для Политбюро справку на этот счет. «На Западе,— говорилось в ней,— по данным нашей разведки, относятся положительно к тому, что новым руководителем страны будет именно бывший глава КГБ, поскольку, думают там, он хорошо осведомлен о фактическом положении как в стране, так и за рубежом. Никаких демонстраций протеста в этой связи на Западе не ожидается. Во всяком случае, мы приложим усилия к тому, чтобы их не было. Точнее говоря, мы их не допустим». И большинство членов Политбюро поддержало кандидатуру бывшего шефа КГБ, аргументируя это тем, что новому Генсеку надо будет сосредоточиться на преодолении внутренних трудностей и не надо будет ездить на Запад. Сталин ведь тоже не ездил на Запад. Пусть западные политики сами приезжают в Москву.

Интересно, что много лет назад тот же Западник принимал участие в дискредитации другого бывшего шефа КГБ — Шелепина, тоже претендовавшего на роль Генсека. Но обстановка в стране и в мире с тех пор настолько изменилась, что работа в КГБ стала ставиться в заслугу претендентам на роль Генсека. В аппарате все большим уважением стала пользоваться идея, что будущие генсеки должны какое-то время работать в КГБ,— во главе общества, в котором почти все граждане так или иначе являются сотрудниками

или помощниками КГБ, должен по праву стоять главный кагебешник.

Не следует, конечно, преувеличивать роль Западника в выдвижении бывшего главы КГБ на роль Генсека. В этом принимали участие сотни и даже тысячи сотрудников системы власти, среди которых были лица и повлиятельнее Западника. Но и он приложил к этому руку, причем таким образом, что его реальная роль стала заметной и была сильно преувеличена в сознании других. В результате среди противников Генсека в отношении к Западнику усилилась ненависть, а среди сторонников — зависть. Он предвидел это заранее. Но он не мог избежать той роли, какую ему навязывали обстоятельства. Его поведение, как и поведение прочих лиц в системе власти, не было делом доброй воли и свободного выбора.

Рутина

Помощник доложил, что западногерманское телевидение хочет снять фильм о советском колхозе. Западник приказал «выделить» немцам для съемок образцово-показательный колхоз в Белоруссии, причем поближе к границе, чтобы немцы не увидели настоящих советских деревень. Хотя немцы сами не стремятся к правдивому показу советской деревни, меры предосторожности были все же не лишними: а вдруг в группе немцев будет американский шпион, который снимет незаметно кое-что такое, что иностранцам показывать не следует, и устроит потом с этими материалами антисоветскую фальшивку?! Западник настолько привык всякую правду о советской жизни считать клеветой на советский общественный строй, что саму возможность обнаружения кусочка правды о советской жизни называл антисоветской фальшивкой, употребляя это слово без кавычек.

Колхоз, выбранный для показа по западногерманскому телевидению, был образцово-показательный, т. е. специально предназначенный для показа иностранцам. Но и несмотря на это, прежде чем туда пустить немцев из Западной Германии, нужно было еще послать в колхоз под видом трактористов, комбайнеров и прочих представителей «деревенских профессий» специ-

ально отобранных людей с приличными лицами и здоровыми зубами, одеть их в новые и чистые комбинезоны, платья и костюмы, не уступающие современным западноевропейским, устроить такой обед в поле, какой не увидишь даже в среднем западноевропейском ресторане, короче говоря — изобразить такое процветание советской деревни, «чтобы немцам самим захотелось там жить» (это слова Западника).

Западник вспомнил анекдот, который рассказала ему дочь, когда еще была школьницей. Воспитательница детского сада рассказывала детям о жизни в Советском Союзе. По ее рассказу получалось, что жизнь в СССР — настоящий земной рай. Вдруг одна девочка заплакала. «В чем дело?» — спросила воспитательница. «Хочу в Советский Союз!» — ответила девочка. Аппаратчик на сей раз даже не усмехнулся, вспомнив анекдот, над которым когда-то вся семья хохотала целую неделю. Вспомнил он также о фронтовом товарище отца, который всю войну делал из фанеры фальшивые танки, пушки, самолеты. Делал с целью отвлечь противника на ложные цели или создать ложное впечатление о мощи Советской Армии.

Помощник робко заикнулся о том, что немцы могут заподозрить «липу». На этот раз Западник не выдержал и громко рассмеялся. Заподозрят! Да они заранее на все сто процентов уверены в том, что им покажут типичную пропагандистскую «липу». Но дело в том, что они именно «липу» и хотят показать! Мы им ничего не навязываем, мы лишь помогаем им устраивать у себя дома свои собственные «липы».

Свежая идея

В беседе за упомянутой выше чашкой чая Генсек высказал «свежую» идею: предложить руководителям ведущих стран мира сесть за стол переговоров и обсудить с полной откровенностью все основные проблемы современности. Западник кивал головой в знак согласия, а про себя думал иное. Странно, думал он, стоит умному человеку (а ведь Генсек действительно умен!) дать высшую власть, как он превращается в самого заурядного болтуна. Ничего себе «свежая» идея! А чем мы занимаемся все годы после войны?!

Сидим за столом переговоров и делаем свое дело, ничего общего не имеющее с тем, что мы говорим при этих переговорах. Да и кто за столом переговоров говорит с полной откровенностью?! Генсеку, когда он был главой КГБ, лучше чем кому-либо было известно, что всякие разговоры об ограничении гонки вооружений и о разоружении нужны лишь для того, чтобы выиграть время для перевооружения. А теперь он бредит идеей разоружения. Неужели и он превращается в нечто брежневообразное?! Генсеку же Западник сказал, что бросит все силы агентуры на обработку общественного мнения Запада в духе этой «свежей» идеи Генсека.

Расставшись с Генсеком, он пил нечто более существенное, чем чай. Ночью ему приснился гигантский стол переговоров, растянувшийся от Вашингтона до Москвы. За ним сидели миллионы руководителей с длинными языками и с широко разинутыми ртами. Они болтали языками и размахивали руками. А за спиной у них скапливались полчища танков, пушек, ракет, самолетов, кораблей, солдат. Эти полчища заполонили оба полушария планеты. Наконец переговаривающиеся руководители ведущих стран мира склонились над столом с намерением подписать соглашения о всеобщем разоружении и о вечном мире. Это послужило сигналом их армиям начать военные действия. Стол переговоров исчез. Переговаривающиеся миротворцы превратились в генералов. Началась Великая Война.

Рутинa

Помощник положил перед ним список выпускников школ и студентов, в большинстве — детей из привилегированных слоев, отобранных для учебы в западных университетах. Нужна его подпись. Он внимательно просматривает список. Это сын генерала, который будет начальником нового центра по подготовке специалистов по комплексным проблемам мировой войны. Отпадает: будет непременно объектом внимания западных разведок. Это сын заведующего крупнейшим в стране магазином. Парень — типичный балбес и прожигатель жизни. Но отец — полезный человек. Пусть

едет. Хороший агент из него не выйдет. Но как приманка сойдет. Этот и этот — толковые ребята, настоящие комсомольцы, из них выйдут отличные разведчики. Эта — дочь знаменитого артиста. Красотка, ничего не скажешь. Выйдет замуж за полезного нам человека. Пусть едет. Этот... Западник с удовольствием отправил бы и своих чад куда-нибудь на Запад. Они рвутся туда, но их не выпускают. Они негодуют на отца, думают, что это он запрещает. Но это не так. Просто он занят таким делом, что не могут его родственники выехать даже в страны советского блока.

Затем помощник положил перед ним список лиц, которым дано разрешение на эмиграцию. Список этот составлялся и утверждался в другом отделе. Западник имел право включать в него в принципе любое число своих агентов. Но он знал меру. Слишком большое число агентов КГБ в числе эмигрантов могло вызвать раздражение секретных служб на Западе. Не подозрение (то, что КГБ включает своих агентов в число эмигрантов, было общеизвестно), а именно раздражение.

Наконец помощник положил перед ним список деятелей культуры, которых целесообразно послать в страны Запада. Эти деятели культуры были отобраны из числа тех, которые на Западе считаются критически настроенными по отношению к «режиму». В их задачу вменяется изображать новое советское руководство как начало новой эры в эволюции советского общества «в направлении дальнейшей демократизации». Для большего эффекта отобранным представителям советской культуры разрешили высказывать критические замечания о своей стране. Инструктировавшие их сотрудники аппарата ЦК и КГБ внушили им, что они направляются на Запад как «посланцы Советского Союза», что их историческая миссия — «прояснить сознание западных людей в отношении сущности советского общества и намерений нового руководства». Большинство из тех, кто был в списке, уже не раз бывали на Западе, успешно выполняя задания не только ЦК, но и КГБ. Все эти люди были хорошо известны Западнику. Лично сам он относился к ним с презрением, зная им реальную цену. Но на Западе этих людей воспринимают всерьез, — они в духе вкусов и желаний средств массовой информации Запада и миллионов

простаков и снобов. Их вклад в обработку общественного мнения Запада ощутим. Бегло проглядев список, он подписал его.

Сны и реальность

Иногда он засыпает, сидя в кресле. Спит минут десять. В этом он похож на Наполеона. Но в отличие от Наполеона, он видит сны. Сны ему снятся ведомственные. Вот сегодня ему приснилось, что западноевропейские страны в угоду Советскому Союзу признали советские деньги за конвертируемую валюту, причем по официальному советскому курсу: 100 рублей равны 90 долларам. В Советском Союзе начали срочно строить фабрику по печатанию денег, по мощности вдвое превосходящую все существующие. Генсек сказал, что по выпуску денег как по абсолютной величине, так и на душу населения мы в следующей пятилетке превзойдем США вдвое. Все его сослуживцы уехали на Запад покупать джинсы, дубленки, приемники, автомашины и продукты питания. Его помощник привез целый мешок картошки. «Надолго хватит!» — сказал он, хихикая.

В тот момент, когда Западнику приснилось светлое видение — помощник с мешком западной картошки, раздался звонок и вернул его к мрачной реальности.

— Дирижер, — доложил помощник, — покончил с собой.

— Позаботьтесь, — сказал Западник, — чтобы инцидент получил огласку в западной прессе. Можно с намеками на «руку Москвы». Но не перебарщивайте. Одновременно организуйте статьи с намеками на «руку Вашингтона».

Потом он отправился на очередное свидание с Великой Картой.

Великая Карта

«Рука Москвы» — это не есть лишь метафорическое выражение. Это объективная реальность, которая ощущается во всех точках планеты. На Западе чувствуют «руку Москвы», но стараются видеть ее не там, где она есть, и не в такой форме, в какой она на самом деле ощупывает все части тела западного общества и по-

степенно тянется к его горлу. И Запад имеет свои серьезные причины именно так реагировать на «руку Москвы»: Запад не есть нечто единое, подобно Советскому Союзу; корыстные интересы отдельных людей и отдельных социальных объединений тут гораздо сильнее, чем интересы Запада в целом в его противостоянии коммунизму как вне, так и внутри его.

Такое ложное представление Запада касается не только одной «руки Москвы» на Западе, но и всей Москвы, т. е. всего советского общества. Советское общество отражается в общественном сознании Запада через мощнейшие средства массовой информации и массового искусства, которые создают либо карикатурно-смешной и унижительный, либо карикатурно-устрашающий и тоже унижительный образ его. Десятки тысяч людей всякого рода, занятых советской темой и живущих за ее счет, пресекают в зародыше всякого рода попытки создать объективную картину советского общества, ибо эти попытки они воспринимают как угрозу их престижу и благополучию. Потому, несмотря на обилие конкретных фактов и на наличие людей, способных дать им объективно правильное истолкование, стена ложных представлений, разделяющих Восток и Запад, все растет и крепнет.

Чтобы получить хотя бы самое первоначальное представление о том, что из себя представляет «рука Москвы» на Западе, достаточно взглянуть вот на эту карту агентурной советской сети в Западной Европе. Десятки тысяч разноцветных электрических лампочек разместились на этой гигантской карте так, что на самом деле четко вырисовывается мощная рука. Большой палец ее лег на Скандинавские страны, указательный лег на Англию, Бельгию и Голландию, средний вытянулся через Францию в Испанию, безымянный протянулся в Италию через Германию, Австрию и Швейцарию, мизинец проник через Югославию и Румынию в Грецию. Ладонь руки плотно прикрывает Западную Германию и Францию. Страны советского блока рука покрывает лишь постольку, поскольку она не может протянуться в ненашу Европу, минуя нашу ее часть. Действительно рука, в прямом, а не метафорическом смысле. Только взглянуть на эту руку не так-то просто: она является одним из величайших секретов государства. Доступ к ней имеет всего несколько чело-

век. Даже из членов Политбюро о существовании ее знает лишь один человек — председатель КГБ. Среди тех немногих, кто посвящен в ее секрет, находится в первую очередь он, Западник,— инициатор и вдохновитель создания этого чуда современной науки и техники.

Карта является его гордостью. Он ею гордится даже больше, чем реальной агентурной сетью, созданной под его руководством в Европе. Средств на эту карту потрачено не меньше, чем на реальную агентурную сеть. А может быть, и больше. Подавляющее большинство агентов живет и действует за счет средств, зарабатываемых на других должностях или вообще на Западе. Можно смело утверждать, что Запад фактически сам кормит советскую агентуру. И неплохо кормит. Из советских агентов пока еще никто не жаловался на плохое содержание и не изъявил желания вернуться обратно домой. Не говоря уж о том, что значительный процент советских агентов суть граждане западных стран, рожденные и прожившие всю жизнь на Западе. Многие из них богаты и знатны. Многие занимают важные посты в правительствах и фирмах. Каков именно процент и как они распределены? Очень просто узнать. Нажмите вот эту кнопочку на карте... Видите?... Вы потрясены? А вот на этом табло вы можете увидеть точную цифру. Вас интересует возрастной состав? Пожалуйста! Профессиональный? Пожалуйста!.. Нажимаете вот эту кнопку «Военные». Видите, сколько западных генералов и офицеров состоят вольно или невольно на нашей службе?! С помощью же этой кнопки вы можете узнать, в какой мере советская агентура контролирует правительства стран Запада. Содержание и эксплуатация карты обходится тоже в копейчку, не меньше, чем содержание целого министерства. Но затраты эти вполне окупаются. Европа стоит и большего.

Стоит ли говорить о том, какой научно-технический гений вложен в эту карту. Трудно сформулировать проблему, касающуюся советской агентуры в Европе, на которую нельзя было бы немедленно получить четкий и лаконичный, а главное — абсолютно надежный ответ. Вас, например, интересует все, что касается агента такого-то. Вот через это устройство даете приказ соответствующим операторам. Теперь глядите на Кар-

ту,— на лампочки и на табло. Ага! Что это? Вспыхивают оранжевые лампочки вокруг лампочки, символизирующей нашего агента. Тревога! Это означает слежку. «Немедленно дайте указание такому-то,— приказываете вы,— выйти из-под наблюдения!»

Карта — его любимое детище. Он относится к ней как к живому существу. Он знает, что Карта — единственное существо, которому можно полностью доверять. Она не переметнется на сторону врагов, не распустит клеветнический слух, не сочинит предательский донос. Каждый день он проводит около нес, по крайней мере, один час. Карта есть явление эпохальное. Она со-масштабна величайшим продуктам величайшей революции. Она грандиознее всех семи чудес света, вместе взятых. Она есть божество. А божество не просто любят, ему поклоняются.

Он смотрит на Великую Карту, и ему в голову приходит шаловливая мысль. Устроить бы сейчас международный конгресс советских агентов на Западе. Допустим, в Париже. В самом большом зале, чтобы тысяч десять вместились. Это была бы сенсация! Съехались бы со всего мира видные политики, дипломаты, священнослужители, генералы, ученые, артисты, спортсмены, художники, писатели, гангстеры... Мир содрогнулся бы от ужаса. А что, если в самом деле устроить такой съезд под каким-либо предлогом? Жаль, высшее руководство не позволит. Мол, ценную агентуру потеряет. А какая она «ценная», он-то знает хорошо. Два-три агента среди них действительно чего-то стоят. Остальных всех легко заменить новыми в два-три года. А на случай войны надо все равно готовить агентурно-диверсионные войска на своей территории и потом забрасывать в страны Европы. Нынешнюю агентурную сеть можно увеличить хоть в сто раз, а ее эффективность от этого не увеличится. Хоть всю Европу завербуй, все равно положение не изменится. Мы достигли потолка эффективности — вот проблема!

Среди агентов есть, конечно, исключения. Они редки, как во всяком деле, в котором заняты тысячи людей. Любая массовая деятельность по самой своей природе требует тысячи заурядных людей и единицы выдающихся, ибо таковы сами исполняемые в ней функции. Из тысячи наполеонов лишь один может стать императором Франции, остальные обречены на роль зау-

рядных офицеров или в лучшем случае более или менее удачливых генералов. У него есть такие исключительные агенты. Они суть его личные представители на Западе. Их задача — жить в предназначенной им стране, наблюдать, анализировать, обобщать, выдвигать идеи. Они должны знать и понимать страну так, как на то не способны никакие специальные службы и научные учреждения. Они суть Его органы чувств и мысли, вынесенные из Москвы далеко на Запад. Они суть щупальцы спрута, мозг которого лежит в Москве. Они должны выполнять иногда особые задания. Но это нечасто. В общем и целом они суть «свободные охотники». Завидное положение! Живут в роскоши и комфорте. Свободны, как птицы. Сколько угодно женщин. Рестораны. Прекрасные города. Отели. Южные курорты. А он обречен тут терять жизнь за письменным столом. Но что поделаешь, долг перед историей обязывает...

— Дайте мне все о Немце,— приказал он дежурному офицеру.

II. РУКА МОСКВЫ

Немец

Если человек занимается грязным делом, из этого еще не следует, что он счастлив и что ему живется хорошо. Хотя его называли Немец, он был по рождению и в основе своей русский. А раз ты был когда-то таким, ты до смерти таким и останешься. Ты можешь потерять все русское. Ты можешь жениться на сумасбродной, взбесившейся от миллионов наследнице западного миллионера, ты можешь стать уважаемым офицером в штабе армии западной страны, ты можешь стать доверенным лицом западного видного политика или близким другом какой-нибудь королевы, но ты никогда не потеряешь основного: судьбу русского человека...

В тот момент, когда на Великой Карте в Москве зажглась лампочка с его личным номером и металлический холодный голос диктора начал сообщать Западнику данные о Немце, он мчался по немецкому автобану на немецкой машине из одного чистенького, похожего на «кухен» немецкого городка, славящегося средневековыми зданиями, в другой чистенький, похожий на «ку-

хен» немецкий городок, славящийся средневековыми зданиями. Хотя он знает эти городки назубок, хотя он бывал в них десятки раз, все они слились в его представлении в один, до тошноты чистенький и похожий на тошнотворно-сладкий «кухен» городок с той же самой ратушей такого-то века, собором такого-то века, рыночной площадью такого-то века, конной или пешей статуей такого-то великого человека (здесь, в отличие от русских, все — великие)... И конечно же с шикарными ресторанами, отелями, витринами магазинов. Здесь в каждом маленьком городке есть все, что есть в большом. Может быть, за исключением картинных галерей и опер, в которые он никогда не заглядывал, и сексуальных учреждений, в которые он заглядывал регулярно. Он употребил выражение «учреждение» в отношении к сексу. Это — не из чувства юмора и не с целью сатиры. На Западе секс давно утратил статус тайны и интимности. Все табу тут давно отброшены. Осталась чисто физиологическая техника (тут употребляют термин «инженерия»). Когда-то он, мечтая о Западе, думал прежде всего о женщинах. Баб там, думал он, сколько угодно. Любого вида. Любого возраста. Любого темперамента. Это впечатление у него сложилось на основе наблюдений, какие у него были в первые месяцы после войны в Германии. Он тогда не понимал, что это было счастливое время: война сосредоточила в этом месте большое число женщин всякого рода со всей Европы и сбросила их всех без разбора на самый низкий уровень бытия. Физический, духовный, моральный, культурный и прочий голод делал их легкодоступными, душевно отзывчивыми, близкими. Оказавшись теперь в сытой и богатой Западной Германии, он увидел, что тут нет абсолютно ничего такого, что отвечало бы его юношеской розовой иллюзии. Здесь все, связанное с женщинами, стоило денег, усилий, потерь. Истинность тезиса марксизма о «власти капитала» он ощутил прежде всего в своих общениях с женщинами, т. е. в самых фундаментальных человеческих отношениях.

И тоска по русским женщинам, отдающимся без всякого расчета и отдающим безвозмездно все свои душевные силы, прочно поселилась в его душе. Ему немного потребовалось времени, чтобы поставить крест на том, что раньше называли чистым и прекрасным

словом «любовь». Он выбросил это слово из своего лексикона, потому что здесь это слово приобрело значение известного нецензурного русского слова. Русский анекдот, в котором женщина спрашивает мужчину, любит ли он ее, а мужчина отвечает вопросом «А что я сейчас делаю?», здесь не кажется смешным.

За словом «любовь» последовало слово «дружба». Пришло ощущение одиночества. Пришло и уже не отпускало его ни на минуту. Он впал в панику, и попросился обратно в Россию. Ему сказали: «Нет!» Ему сказали: «Ты знал, на что шел. Так что изволь исполнять свой долг». Ему сказали: «Такие, как ты, никогда обратно не возвращаются. Выкинь эту надежду из головы раз и навсегда».

Возможно, Германия есть исключение на Западе. После разгрома в войне тут рухнули все сдерживающие начала. Состояние безнравственности и безответственности оказалось удобным для немцев. Они к нему привыкли и извлекают из него всяческую выгоду. Но по его наблюдению, и другие страны Запада движутся в том же направлении. А на горизонте — война.

Если уж речь зашла о таких серьезных вещах, то он имеет на этот счет определенное мнение, которое он вынашивал годами: Западная Германия есть ключ к решению всех основных проблем мировой политики как с той, так и с другой стороны. Борьба за Западную Германию скоро станет борьбой за лучшие исходные позиции в будущей мировой войне. И для него, для Немца, это хорошо: его еще долго не спишут в расход, он еще долго будет нужен Москве.

Мыслитель

В своих бесконечных разъездах по стране он привык размышлять. Однажды он шутки ради послал в Москву свои общие рассуждения о состоянии Западной Германии и ее возможной роли в будущем. Из Москвы немедленно пришло распоряжение продолжать размышлять в том же духе. И он стал мыслителем. Агент-мыслитель! Было ли нечто подобное в прошлой истории?

Он не воспринял приказ Москвы всерьез и ошарашил ее подробнейшим «теоретическим» отчетом об амери-

канской армии в Германии и о бундесвере. В Москве поднялась паника: его данные не совпадали с теми, какие военная разведка собрала за последние десять лет. Его заподозрили в том, что он продался американцам и прислал дезинформацию с их ведома.

К счастью, его не успели убрать. Его информация стала подтверждаться новыми сообщениями военной разведки. Москва приказала ему прекратить «самодеятельность» и «не соваться не в свое дело». После этого он, проносясь на машине мимо объектов военного значения, лишь прищуривал глаза и презрительно усмехался. Ему предназначалась более грязная работа, требующая, однако, более высокого интеллекта, чем военная разведка. Как понять этот парадокс?

Свобода

Он мчался на максимальной скорости, на какую была способна машина. Мчаться вот так, стремительно обгоняя другие машины и виртуозно лавируя между ними в миллиметре от смертельного риска, было единственным, что еще волновало его. Он мог бы стать выдающимся гонщиком, как в свое время мог стать летчиком-испытателем, но Москва запретила. Он с горя запил. Его навестили «друзья» и предложили: либо кончай валять дурака, либо... Он выбрал первое. Свобода! Хороша свобода, если каждый твой шаг рассчитан в Москве и контролируется Москвою.

В Москве не имеют понятия о том, что такое свобода в западном смысле. За западную свободу приходится платить потерей той свободы, которую мы не ценим и даже не замечаем у себя дома. У нас люди свободны от тех внутренних забот, которые превращают нашу жизнь здесь, на Западе, в состояние непреходящего ужаса.

Думай что хочешь. Делай что хочешь. Говори что хочешь. Езжай куда хочешь. Выбирай что хочешь. Это все тут, конечно, есть. Но тут есть еще кое-что другое. То, что ты захочешь выбрать или совершить, т. е. само твоё желание определено и предопределено другими людьми и от тебя не зависящими обстоятельствами. Чтобы наслаждаться свободой, нужны деньги. Их надо зарабатывать. А для этого из мира кричащих реклам,

вопящих экранов и зовущих страниц журналов спуститься в преисподнюю общества. Он бы посылал советских проагандистов на стажировку на Запад, причем без денег и без протекции. Пусть сами ищут работу и добывают средства существования. Впрочем, у них остается надежда вернуться домой с чемоданами дешевых здесь, но безумно дорогих в России тряпок. Чтобы ощутить западную свободу сполна, надо потерять всякую надежду потерять эту свободу. Западная свобода для русского человека есть прежде всего одиночество.

Рутин

Он только что выполнил задание Москвы, ничего общего не имеющее с его ролью «мыслителя». Оно касалось советского дирижера, решившего остаться на Западе во имя свободы творчества. Он должен был обнаружить местонахождение дирижера и устроить ему «неофициальную встречу с представителями советского посольства на нейтральной почве». Местонахождение дирижера он обнаружил легко. У него возникло подозрение, что местные власти умышленно не очень тщательно скрывали его. Никакой охраны не было, если не считать служащих отеля. Он представился журналистом, и словоохотливый администратор рассказал ему больше того, что ему требовалось. Он связался с «представителями посольства» и сообщил им, что они могут нанести визит дирижеру без всяких формальностей и препятствий. И без предупреждения, конечно. На другой день он прочитал сообщение в газетах о том, что советский дирижер, решивший остаться на Западе, повесился на своем брючном ремне в номере такой-то гостиницы. Повесился от тоски по Родине и страха одиночества. Вполне разумное объяснение, подумал он. Но чтобы повеситься на брючном ремне, надо основательно повозиться. Впрочем, полиция вряд ли посмеет проделать следственный эксперимент.

Германия

Он ненавидел эту страну. Здесь он попусту растратил свою жизнь. Ни семьи. Ни детей. Ни друзей. Ни про-

фессии. Ни любимого дела. Дороги. Города. Отели. Рестораны. Аэродромы. Короткие знакомства. И бесконечные газеты, журналы, книги, разговоры с незнакомыми людьми... Сначала это нравилось. Потом это было терпимо. Но вот на горизонте показалась старость, и на него повеяло ужасом одиночества. Иногда на него нападало нестерпимое желание вернуться в Москву. Но пока он сочинял письмо на эту тему, желание пропадало. А что в Москве? Там тоже ничего и никого. Жениться, обзаводиться детьми и друзьями уже поздно. Здесь, по крайней мере, уровень быта выше, чем в Москве. И он уже не сможет нормально жить в советских условиях. Он привык к свободе и комфорту. Так что надо в этой проклятой стране тянуть до последнего...

У него были знакомые из самых различных слоев населения и самых различных возрастов и характеров, с которыми он иногда встречался в течение десятков лет. С некоторыми — довольно часто. И абсолютно никакой близости. Тут все рассчитано. Все экономится. Все за деньги. И в том числе — дружеские чувства и духовная близость. Чем больше даешь человеку, тем ближе он тебе становится духовно. Однажды он вроде бы влюбился. И она его полюбила тоже — она сама первая призналась ему в любви. Они несколько месяцев жили вместе. Но они не могли прийти к соглашению по поводу каких-то мелких пустяков в брачном контракте, и брак не состоялся. И хорошо, что не состоялся, — так он решил, расставшись со своей любовью навечно и без всякого сожаления. Какой ужас, если бы у него появилась тут семья! Немецкая семья!.. Ну нет, лучше подохнуть в одиночку в доме для престарелых, чем в обществе практичных немецких членов семьи, которые наверняка сэкономят на его похоронах.

Мыслитель... Какой он мыслитель?! Одинокий человек, обреченный думать, чтобы хоть как-то заглушить тоску. Сегодня он решил не брать в машину очередную, свободную от предрассудков женщину, желающую передвигаться, жрать и спать даром. Выспаться решил. Смешно сказать: выспаться. Будет долгая бессонная ночь. И думы, думы, думы. Тяжелые. Серые. И все одни и те же. Как же ему надоел этот Запад с его ложными и никчемными проблемами! Как ему на-

доело думать... Не думать! Не думать! Не думать!.. Скорее бы советские войска пришли сюда. Здесь их давно ждут. С ужасом, но с облегчением. Хотя бы на несколько дней будет развлечение. Хотя бы раз он как следует напьется со своими ребятами. Вот тогда немецкие женщины отдадутся нашим солдатам с удовольствием, бескорыстно и с чувством ответственности за судьбы цивилизации.

Рутинa

Одно время он читал романы и документальные книги о шпионаже. Его удивляло почти полное несовпадение его реальной жизни как шпиона с этими описаниями. И он ни разу не сталкивался с реальным случаем, который был бы похож на литературные описания. Дело в том, что литература собирает воедино то, что разбросано по крупичкам по многим лицам и событиям, а также сжимает во времени то, что в реальности растягивается на многие годы. Современная агентурная деятельность осуществляется множеством людей, на долю каждого на которых приходится что-либо само по себе незначительное, недостойное внимания литературы. Вот, например, целая группа осуществляет операцию «Социолог». Цель операции — не просто нейтрализовать бывшего советского ученого, высланного на Запад, но дискредитировать его и деморализовать так, чтобы был нанесен удар по всему тому, что тот говорил и писал. Собственно говоря, никакой операции в строгом смысле слова нет. Есть общая и весьма неопределенная установка. Тянется время. Происходят какие-то события, И при случае те или иные люди совершают вроде бы незначительные действия, которые вместе и в результате дают желанный эффект.

Самое гнусное в этой операции то, что обрабатываемый объект присужден Москвою к сверхвысшей мере наказания — к полному, пронзительному, ледяному и испепеляющему одиночеству. Человек, передавший ему приказание Москвы насчет Социолога, так и сказал прямо: «Твоя задача — довести этого человека до такого состояния, чтобы он на четвереньках пополз к границе Советского Союза с обещанием выполнить все, что ему скажут, лишь бы ему разрешили умереть в

России. Изолировать его для этого мало: это состояние пассивное. К нему можно привыкнуть. Нужно с него шкуру содрать, образно говоря, так, чтобы любое прикосновение причиняло невыносимую боль и чтобы никто... подчеркиваю, никто!.. ему не посочувствовал и не протянул руку помощи. Нужно это делать открыто, но чтобы никто не замечал или не обращал внимания. Чтобы он вопил о помощи, но чтобы никто этого не слышал или чтобы слышащие затыкали уши. Понятно? Ну, да ты стреляный воробей. Ты — ас в этом деле. Не мне тебя учить».

Или вот другая операция. Здесь все чисто, никакой гнусности. И задание вполне определенное: вынудить такую-то фирму к сотрудничеству с Советским Союзом. Два года слежки за владельцем фирмы. Тоже не специально, а между делом и от случая к случаю. Сотни фотографий. Наконец — улов: несколько фотографий — владелец фирмы в банке в Швейцарии. Этого было достаточно для шантажа: Фирмач имел тайный счет в этом банке, а значит, укрывал от налогов какие-то суммы.

В последние годы его группе довелось принимать участие в операциях, масштабы которых в целом были известны лишь немногим лицам в Москве, — в расшатывании и деморализации руководящих политических, деловых и военных кругов Германии. Но и тут — скучная, мелочная и довольно грязная рутина: сбор компрометирующих сведений об интимной жизни отдельных важных персон, провоцирование их на неблагоприятные поступки, распространение слухов и фальшивок. Конечно, если бы вся работа, проделанная советской агентурой в этом направлении, была предана гласности, это была бы сенсация. Но сенсация чисто газетная. Серьезное объективное исследование эффективности этой деятельности не произвело бы никакого впечатления. В него бы не поверили. На Западе верят лишь в то, во что хотят верить, в то, что соответствует их навыкам и традициям верования. Вот если, например, какая-то важная личность подозревается в гомосексуализме, это вполне понятно. Тут есть о чем поговорить. Тут есть на чем показать силу западной демократии. А вот если вы документально точно опишете, как из тончайших и малюсеньких агентурных паутинок плетется всеобъемлющая, густая и прочная сеть

для целой страны с населением в шестьдесят миллионов человек, в это не поверит никто. Это, скажут, типично советская болезнь. Правда, сама Германия когда-то шла тем же путем. Но то была Германия! Высшая раса! А тут какие-то русские, у которых даже туалетной бумаги, жевательной резинки и джинсов нет!

Тревоги

С каждым годом события в России его интересовали все меньше и меньше. Он стал реагировать лишь на то, что так или иначе касалось его лично. Сообщение о том, что бывший глава КГБ стал Генсеком, изумило его. Чтобы человек из КГБ пришел к власти, это было не в советских традициях наследования власти. Две прошлые попытки (Берия и Шелепин) провалились. Но еще более его изумила реакция Запада на это: впечатление создавалось такое, будто Запад испытывал величайшее удовлетворение и облегчение. Мол, наконец-то во главе Советского Союза стал достойный уважения, хорошо информированный, трезвый и деловой человек! Поразмыслив несколько над этой, казалось бы, странной реакцией Запада, он пришел к выводу, что как раз такая реакция является наиболее естественной. В мире многое изменилось. КГБ на Западе теперь уважают больше, чем свои секретные службы и правительства, и боятся еще больше, чем атомной бомбы. Кто знает, может быть теперь станет традицией для кандидатов в генсеки проходить тренировку в КГБ... Что же, от этого они глупее не станут. А нам, подумал он с усмешкой, агентам, здесь, на Западе, будет предоставлен дипломатический... нет, это слабо... лучше — агентурный — иммунитет. Тебя ловят на месте преступления, а ты им в морду суешь красную книжечку с золотыми буквами «КГБ». Они, конечно, извиняются за беспокойство. И в порядке компенсации за моральный ущерб сообщают тебе дополнительные секреты. Красота. Эти мысли мелькнули в его сознании, уступив место личной тревоге. А что если в Москве начнут «повышать уровень» не только трудовой дисциплины и эффективности экономики, но и агентурной работы на Западе? Тогда и в этой области у нас будет положение, как в

сельском хозяйстве. Тогда не только хлеб и тонкую технологию придется добывать в Америке, но и шпионов. И его, Немца, тогда спишут в расход.

Будущее России

Хотя он в Москве считался «свободным охотником», круг его обязанностей был определен настолько жестко, что он с трудом выкраивал пару недель в году, чтобы отдохнуть. А на этот раз даже отдохнуть не удалось: Москва приказала присутствовать на международной конференции о будущем социальном строе в Советском Союзе после крушения там коммунистического «режима». Собрались две тысячи советологов и критиков советского «режима» со всего мира. Все ораторы единодушно утверждали, что советский «режим» вот-вот рухнет и что советский народ выберет вне всякого сомнения западную демократию. Такого идиотизма и в таком количестве ему еще не приходилось слышать никогда. Он написал в Москву отчет о конференции с перечислением ее участников и подробными справками о них (вплоть до описания внешности, если не удалось сделать фотографию). Его сначала удивило то, что Социолог не был приглашен на эту конференцию. Но послушав нескольких ораторов, он решил, что Социолог тут выглядел бы белой вороной.

Через несколько дней он прочитал интервью Социолога в одной незначительной газетенке по поводу этой конференции. «Социальный строй не выбирают,— говорилось в интервью.— Выбирают президентов, сенаторов, депутатов... Выборы Президента США или канцлера ФРГ ни в какой мере не являются выборами социального строя этих стран. Как вы себе представляете выбор социального строя? Что вы думаете, человеку при рождении показывают западную демократию и советский «режим» и предлагают выбирать? Чтобы человек был способен выбирать, он должен вырасти, получить образование, приобрести жизненный опыт. А достигнув такого состояния, он уже приучается жить в той социальной среде, которая ему навязана, которую он был не в силах выбирать. Если человек протестует против этой среды и борется против нее, он борется против недостатков этой среды, а не за достоин-

ства другой, о которой он не имеет реальных представлений. Я уж не говорю о том, что советские люди, как и люди в любом другом обществе, не однородны. Протестующих единицы. Подавляющее большинство советских людей будет сражаться за свой плохой «режим» с неменьшим ожесточением, чем западные люди — за свой хороший».

Странно, подумал Немец, что Москву так раздражает этот человек. Вот, например, за такое интервью в Москве должны были бы благодарность ему выразить. А там по этому поводу будут от злобы зубами скрипеть. Зато явно антисоветские высказывания других будут игнорировать. Почему? Москве не страшна никакая ложь о советском обществе, никакая клевета, никакая злобная критика. Страшна спокойная, бесстрастная правда, правда как таковая, правда в любой форме. Потому для Москвы неприемлема даже правдивая апологетика советского общества. Правдивая апологетика вообще теряет качество апологетики и переходит в свою противоположность. Любая клевета на общество ближе апологетике, чем правда.

Он спросил себя, какой «режим» предпочел бы он сам, старый человек, имеющий в избытке жизненный опыт? И он не смог ответить на этот вопрос. Оказывается, когда приходит жизненный опыт, проблема выбора отпадает. Тем более что никакого выбора вообще нет.

В дороге

Он включил радио и отыскал советскую радиостанцию. Известный советский журналист-международник (какое нелепое слово — «международник»!) из кожи лез, стремясь доказать, что жизненный уровень на Западе на самом деле не такой уж высокий, как думают на Западе.

Болван, подумал Немец, выключив радио, надо признать, что жизненный уровень тут очень высокий, но пояснить, что это значит в реальности. Высокий уровень жизни сам по себе еще не есть благо. Он на деле может быть хуже для людей, чем низкий. А главное — он не есть дело добровольного выбора. Он вынужден обстоятельствами. Если бы люди захотели жить на более низком уровне, у них ничего не вышло бы. Когда

есть деньги в достаточном количестве, жизнь тут прекрасна. А если их нет?! Деньги еще заработать надо. Квартира, машина, всякие страховки, больничная касса, отдых — здесь все это стоит дорого. Для массы людей это превращается в кошмар, преследующий их всю жизнь. Одурачивающая немецкая бережливость (и только ли немецкая?!) есть тоже вынужденное условие высокого уровня жизни. А как люди живут у себя дома между периодами короткого отдыха? А дети?.. Короче говоря, высокий уровень жизни на Западе содержит в себе не меньше зла, чем низкий уровень в России.

Инструктаж

Когда он входил в кафе, где должна была состояться его встреча с человеком из Москвы, в проходе столпилась группа турок-гастарбайтеров.

— Свины,— тихо сказала пожилая женщина своему мужу.— Гнать их надо отсюда.

— Они работают на нас,— ответил муж.

— Сегодня они работают на нас, а через два поколения мы будем работать на них.

— Ну, мы до этого не допустим.

А вас и спрашивать не будут, подумал Немец. Вас уже не будет, а ваши внуки и правнуки будут иного мнения. Вот где лежит главная опасность для Запада! Не советские ракеты и танки, а ваши собственные дети суть главная угроза западному обществу...

На этот раз его инструктировал совсем еще молодой человек. Он отметил, что Инструктор блестяще говорил по-немецки, без малейшего акцента. И все-таки он чувствовал, что Инструктор не немец из Восточной («нашей») Германии, а настоящий «Иван». В облике, в одежде и в манере держать себя в Инструкторе не было ничего такого, что выдавало бы русского. «Хорошо стали учить,— отметил он про себя,— не то что в наше время».

— Вам теперь надо сосредоточиться на пацифистском движении,— говорил Инструктор.— Надо это движение изучить всесторонне. И конкретно: я имею в виду людей. Демонстрации — дело важное. Но не следует преувеличивать их значение. Видите, на площади группа людей с плакатами? Они молчат за мир! Ну и пусть

молчат. Для нас важнее умонастроения людей, лишь облачаемые в форму пацифизма. Существенное место в них занимает антиамериканизм. Вот в эту точку и надо бить. Надо сорвать размещение новых американских ядерных установок здесь. Пусть пацифисты требуют одностороннего (со стороны Запада) разоружения. В случае войны они будут требовать одностороннего прекращения военных действий. Конечно, практически они этого не добьются. Но свою долю в дезорганизацию Запада они внесут.

Верно, думал он. Но я бы действовал иначе. Пусть американцы размещают свои ракеты здесь. Пусть трагедия случится. И настроения антиамериканские тут усилятся. Это важнее. Ракеты скоро устареют, а настроения — нет. Надо здесь накапливать антиамериканские настроения. Спокойно, постепенно. Так, чтобы взрыв их произошел не сейчас, а перед самой войной.

— Я привез деньги, — наконец перешел к сути дела Инструктор. — Я даю вам сорок тысяч, вы даете расписку на пятьдесят.

Ого, подумал он, у них не только уровень подготовки выше, но и аппетиты тоже. Его предшественник урвал для себя всего пять тысяч.

— Зато вам налоги с этой суммы платить не надо, — сказал Инструктор, как бы прочитав мысли Немца. — В Москве говорят, будто тут даже когда грабители грабят человека, последний просит квитанцию, чтобы отнятые деньги сбросить с налогов.

— Совершенно верно, — холодно ответил Немец. — Так что будьте добры, напишите мне расписку в получении этих десяти тысяч.

Инструктор струхнул. Но деньги не вернул. И расписку не дал.

— Кстати, — сказал Инструктор, уже попрощавшись с ним, — с Социологом приказано закругляться.

Проза жизни

Деньги из Москвы он получал нерегулярно и самый минимум. В Москве же рассчитывали по московским критериям и думали, что он живет как миллионер. Тысяча марок, например, по официальному советскому (а не западному) курсу означает более трехсот руб-

лей. В Москве это огромная зарплата, а здесь за такие деньги не станет работать даже безграмотная уборщица. А так как на черном рынке тысяча марок превращается в три тысячи рублей, то в Москве думали, что он живет как мультимиллионер. Если бы он мог реализовать эту тысячу марок в Москве на черном рынке и жить по советским нормам там, в Москве, летая на ковре-самолете на работу в Германию, его положению можно было бы позавидовать. А тут — ночь в гостинице, и минимум сто тридцать марок долой. Обед — двадцать или тридцать марок. Заправил бензобак — снова полсотни плати. Высокий уровень жизни на Западе означает прежде всего необходимость добывать много денег, а вовсе не легкость их добывания. Конечно, можно прожить и на то, что он зарабатывает сам. Но в таком случае его ценность как агента упадет до уровня дилетантов, каких тут тысячи.

Хорошо тем сотрудникам КГБ, которые работают тут под видом дипломатов, журналистов, всякого рода представителей, а также туристов, членов делегаций, деятелей культуры. Они обеспечены средствами существования по другим, официальным каналам. Для них агентурная работа — развлечение и приработок.

Приближается старость. А у него ни денег, ни пенсии, ни постоянного угла, ни близких. Он все ночи напролет думает о деньгах. Будь деньги — не было бы никаких тревог. За деньги тут можно все купить — и дружбу, и любовь, и заботу. Без денег здесь не имеешь ничего подобного, каким бы личным обаянием ты ни обладал. А какое может быть обаяние у старого человека, да еще шпиона?! Стремление разбогатеть здесь вовсе не есть какое-то прирожденное корыстолюбие. Условия жизни вынуждают людей, от природы некорыстолюбивых, стремиться к богатству, подобно тому, как в Советском Союзе многие люди, не являющиеся карьеристичными от природы, вынуждаются делать карьеру.

И мечты

Он теперь чуть ли не каждый день «прокручивает» в сознании один и тот же сюжет. Вот он встречается пожилую миллионершу... Пусть старую!.. Чем старше, тем лучше, — скорее умрет. Он женится на ней. Она

передает ему свои миллионы. Но эти мечты беспочвенны. Он встречал много миллионерш. Богатые старухи тучами шляются по миру. Но из них не выжмешь даже чашку кофе без сливок. Если бы он был юным прекрасным плейбоем, то, может быть, на него и клюнула бы семидесятилетняя гримза. И за десяток лет непорочной службы она бы отвалила ему пару сотен тысяч, не более. Но он не юн и не прекрасен. В молодости он был летчиком — прекрасным принцем для русских девчонок в нищих, разоренных из-за войны или войной деревушек. Но для западных богатых старух летчик все равно что мусорщик. Многие из этих старух сами летают на своих собственных самолетах... Что же остается? Продаться западным секретным службам? Но таких, как он, тут не покупают. Был у него один агент из невозвращенцев послевоенного времени. Сначала работал добросовестно. Но потом почему-то продался какой-то западной контрразведке. Его выманили в Москву как туриста и там расстреляли якобы за старые грехи. Но всем, причастным к секретным службам, было ясно, за что именно. И правильно сделали, — урок. Кроме того, в Москве немедленно перекупили чуть ли не всех агентов той страны, которым было разрешено до сих пор считаться неразоблаченными. Тоже урок. После этого он не знает ни одного случая, чтобы агентов такого рода перекупали на Западе. Желающих продаться, надо думать, полно. Но желающих покупать уже нету. Бояться!

Передышка

Обычно он останавливается в самых дешевых отелях. Получив деньги из Москвы, он решил «шикануть» — снял номер в дорогом отеле. Надо несколько дней пожить на уровне благополучных людей. Посидеть в хороших барах и в ресторанах. Побродить по городу. В музеи заглянуть. Отдохнуть, короче говоря. Хороший ресторан, однако, оказался дорогим, но не таким уж хорошим в смысле еды. В музее ему стало скучно. В кино шли фильмы, от которых его давно мутило. Он вернулся в отель. Ему показалось, что в его вещах кто-то рылся, пока он гулял. Но среди его вещей не было ничего такого, что следовало бы скрывать. Он

включил телевизор. Шла передача о состоянии сельского хозяйства в США и в СССР. Положение в США преподносилось как катастрофа для фермеров, а в СССР — как рай для крестьян.

Не может быть, подумал он, чтобы немцы, делавшие передачу, не знали о том, что фильм о советском колхозе есть пропагандистская «липа» явно в просоветском духе. И все-таки фильм сделали и показали! И миллионы немцев примут эту «липу» за чистую монету! При этом мало кто вспомнит о том, что Советский Союз из года в год закупает зерно в США, а в США оно производится в изобилии. Почему Советский Союз с его необъятной территорией и с такими процветающими колхозами не может прокормить сам себя?

Быть русским

Судьба Социолога была не безразлична ему как судьба русского человека. Он уже давно заметил, что русскому деятелю культуры труднее войти в мировую культуру, чем любому другому. На Западе русских пускают в число выдающихся деятелей мировой культуры в исключительно редких случаях, да и то при этом стремятся занижить их фактические масштабы. А в Советском Союзе стремятся не выпускать выдающихся русских деятелей культуры в мировую культуру, навязывая неприемлемые для Запада заурядные фигуры. В деле уничтожения и занижения русских гениев Запад и Советский Союз едины.

Он, Немец, тоже гений в своем роде. Если бы собрать все его донесения, написанные в Москву за годы его агентурной работы, и издать в нескольких томах, то это могла бы быть мировая сенсация. Трудно назвать какую-то сторону жизни Западной Германии, которую он не подвергал бы тщательному и беспощадному анализу. Жаль, он не оставлял для себя копии своих донесений.

Сбежали бы они куда-нибудь с Социологом, обработали бы эти бесценные материалы и... Впрочем, на этом «и» и пришлось бы остановиться. Никто на Западе не решился бы напечатать их труд. На Западе так же не любят правду о себе, как и в Советском Союзе. На другой день он покинул город раньше того срока,

до которого собирался отдохнуть здесь. Когда он выходил из отеля, на какое-то мгновение ему показалось, что за ним следят. Внимательно осмотревшись, он, однако, не заметил ничего подозрительного.

Выбор пути

У одних выбор жизненного пути обусловлен серьезными причинами, мотивами и обстоятельствами. У него же вся жизнь была делом случая. Случайно попал в авиационную школу и стал летчиком. Неплохо воевал. Мог сделать военную карьеру. Но опять случай резко изменил ход жизни: в пьяном виде подрался с командиром эскадрильи, и его уволили из армии. После увольнения из армии он устроился в детский театр, минуя театральное училище, и быстро добился успеха. Ему доверили роль Серого Волка в пьесе «Красная Шапочка». Это возбудило зависть коллег. Они боялись, что его после этого возьмут в Художественный театр, где он будет играть роль Гамлета или даже Ленина. И они подстроили ему пакость, из-за которой его выгнали из комсомола и из театра. К этому времени он уже оказался на учете в разведке: ценный кадр — знает немецкий язык и обладает артистическими способностями! Когда вербовавший его офицер сказал ему, что для разведчика очень важна способность перевоплощаться, он хохотал так, как не смеялся ни разу до этого. Так, смеясь, он и подписал свое согласие поступить в шпионскую школу. После этого он уже ни разу в жизни не смеялся. Лишь усмехался иногда, причем криво.

В шпионской школе он стал первым во всех дисциплинах, и ему стали прочить роль сотрудника посольства, — самую соблазнительную роль в разведке, имеющую все достоинства работы разведчика, но не имеющую ее недостатков. И опять вмешался нелепый случай, отбросивший его на самую низшую ступень шпионской иерархии: на экзамене он перенес столицу ФРГ в Западный Берлин. В эту «столицу» его и направили под видом перебежчика-немца.

Кличку Немец ему дали еще в полку: он был белобрыс и хорошо говорил по-немецки. Эту кличку сохранили за ним и в КГБ.

Разочарование

Работа в качестве агента не принесла ему удовлетворения. Он мог бы стать гением в подрывной и разведывательной работе на Западе, а его заставили заниматься мелкими и грязными делишками. Он даже стал подумывать о том, чтобы перейти на сторону Запада по той причине, что советская система не дает ему возможности развернуть свои способности по причинению зла Западу. Но вспомнил, что у него уже был предшественник: Пеньковский. Тот стал английским шпионом в знак протеста против того, что не мог реализовать свои шпионские таланты в качестве советского шпиона на Западе. Тогда это была сенсация на Западе. Но Пеньковский был шпионом Запада в Москве. А зачем Западу свои западные шпионы у себя на Западе, да еще талантливые?!

К тому же Запад оставался для него лишь полем деятельности, а не объединением близких ему человеческих существ. Он ощущал себя тут одиноким охотником во враждебных джунглях, охотящимся не на грозных и прекрасных зверей, а на жалких и омерзительных червяков. Непосредственно обслуживающих его агентов он воспринимал лишь как аксессуар охотничьего снаряжения. С этими людьми у него тем более близости не могло быть. Они вызывали в нем антипатию, переходящую в отвращение.

Он забросил все дела и запил. Из Москвы прислали человека привести его в норму. Московский «врач» предложил поехать в теплые края — позагорать, с девочками побаловаться, отведать вин... — Тебе плохо, — сказал московский «врач». — Но не ты первый, не ты последний. И ты ведь русский Иван, а не кто-нибудь! Ты же боевой офицер! Сколько раз смерти в лицо смотрел? А тут раскисать от какой-то ностальгии!.. Мы можем тебя отозвать. Но ты думаешь, что в Союзе тебе лучше будет? Месяц-другой будет немного легче. А потом? Ты же потом от тоски по этому проклятому Западу повесишься. Проверено. Не ты первый, не ты последний.

Когда они разговаривали в таком высоком стиле о проблемах жизни и смерти, появилась группа подвыпивших советских моряков. Они окружили клетку с попугаями и битый час учили их говорить слово «ду-

рак». Но безуспешно. Попугаи бормотали что-то свое.

— Видишь,— сказал он своему московскому утешителю,— чему мы учим Запад, и к тому же безуспешно. Сколько тысячелетий потребовалось человечеству, чтобы вскарабкаться на вершины современной цивилизации. А что мы несем в мир? Подлости, моральную деградацию, страх, халтуру, чувство ненадежности и неустойчивости.

— Не будь таким наивным,— говорил московский «врач». — Если бы мы имели в запасе столетия, то и мы тоже начали бы карабкаться вверх. И уверяю тебя, мы за сто лет вскарабкались бы выше Запада. Но у нас этого столетия нет. Есть, может быть, десять или от силы двадцать лет. А нам нужно победить во что бы то ни стало. Разгромим Запад, тогда у нас в запасе будет вечность. Тогда мы восстановим все ценности западной цивилизации, разовьем новые и вознесем человечество на такие высоты, какие тут и не снились.

Он не стал тогда спорить. Кто знает, может быть тот «врач» был прав. Но оправдывает ли потенциальное благородство далекого будущего актуальную подлость нашего времени? Этот вопрос, который мог стать поводом терзаний для героев Достоевского, оставил его равнодушным.

Когда они уходили, один из попугаев вдруг отчетливо произнес русское слово «дурак».

— Видишь,— сказал московский «врач»,— наши усилия не пропадают даром!

Они рассмеялись. А попугаи хором долго еще кричали им вслед «Дурак!», «Дурак!», «Дурак!»...

Мысли в дороге

Его жизнь — движение. Его дом — дорога. В дороге он думает. Думает хаотично, не различая серьезного и пустяков, анекдотичного и драматичного, личного и чужого. Устав думать, он включает радио. Вот выступает известный политик. Говорит о том, что если на Советский Союз надавить сильнее, то он будет вынужден «либерализоваться».

Какая чепуха, думает он. Но наше руководство тоже не блещет интеллектом и выдержкой. Во всем какая-то незавершенность, недоделанность, половинчатость. Во всем неспособность идти до конца. Наши высшие руководители делают грубую ошибку, заботясь о своей репутации на Западе. На Западе это истолковывают как слабость. Лучше плохая репутация сильного и независимого, чем хорошая слабого и послушного. Чем хуже о нас пишут и говорят на Западе, тем лучше для нас. Вообще было бы полезно довести плохое мнение о нас на Западе до уровня абсурда. Тогда его можно было бы очень быстро изменить на противоположное.

Рутинa и творчество

Он перестал ощущать себя рядовым советской незримой армии, атакующей Запад. Он отвык от высокопарных выражений насчет советской агентуры и привык рассматривать свою работу как серую рутину, вытягивающую из него все человеческое. Он стал относиться к себе как к машине, выполняющей чужую волю. И заботился лишь только о том, чтобы машина работала исправно. Его русский язык стал бедным и невыразительным. Он думал по-немецки. И сны видел по-немецки. Это внесло немецкую педантичность и формалистику во всю его работу, но убило в нем живое русское творческое начало. Он стал замечать, что чем лучше и безупречнее он лично и его группа работает, тем мизернее становились результаты работы по существу. Из работы исчезло то, что можно было бы назвать элементом открытия, изобретения. Немецко-западные критерии оценки происходящего и самой деятельности его организации оттеснили критерии русские — халтурные, неопределенные, но, в конечном счете, гораздо более здравые и жизненные.

Надо бы всю эту нашу лавочку прикрыть, думал он не раз, и начать снова. Начать с нуля, на пустом месте, но творчески. Но именно это-то и исключено. Почему? Вот над чем стоит задуматься. Если уж в нашем шпионском деле мы оказались врагами творчества, так что же говорить о науке, технике, культуре, управлении!.. А что, если наша историческая роль на самом деле состоит именно в убийстве всего творческого в

человечестве?! Возможно, что история породила нас только для того, чтобы сказать человечеству: «Стоп!» И возможно, что это «Стоп!» есть проявление инстинкта самосохранения человечества. Гипертрофия творчества уже стала смертельно опасной для человечества.

Мозговые вопросы

Такого рода вопросы захватывали лишь его мозг, оставляя его равнодушным как к самому процессу думания, так и к его результатам. Он их называл «мозговыми вопросами». Его устраивал любой ответ на них. И никакой ответ на них не удовлетворял его. Любой ответ других людей на них раздражал его и вызывал возражения.

Наша эпоха, думал он, вообще есть эпоха «мозговых вопросов». Холодная, бездушная, расчетливая и продажная эпоха. Эпоха недоверия ко всему и ко всем. Эпоха безразличия ко всему и ко всем. Даже когда организуются какие-то действия, связанные с эмоциями, все они рассчитаны заранее. В наше время даже голодают под надзором врачей или в расчете на насильственное питание. И непременно в расчете на сенсацию в прессе.

Голодающие ушли на обед

Несколько советских эмигрантов и западных интеллектуалов, вовлеченных в советские проблемы, устроили голодовку в Гамбурге в знак протеста против каких-то действий советских властей.

Ему приказали дать подробную информацию об участниках голодовки и о ходе ее. Зачем? В газетах и без того информация на этот счет имеется в избытке. Но приказы не обсуждают. Он поехал в Гамбург, хотя были более важные дела в другом месте. Голодающих, однако, в том месте, где они, согласно газетам, должны были жертвовать своим здоровьем во имя справедливости, демократии и еще чего-то, он не нашел. Кто-то сказал ему, что они ушли обедать в ресторан вместе с журналистами и врачами, следившими за их здоровьем.

Ждать у него не было времени. И он послал в Москву самое короткое за всю его работу на Западе, но самое емкое сообщение: «Голодающие ушли на обед». Реакция Москвы осталась ему неизвестной.

Просматривая газеты

На первой странице газеты — фотография австралийского премьер-министра в обществе красивых женщин на берегу океана. Премьер-министр бесследно исчез двадцать лет назад. Считалось, что его съели акулы. Но вот некий дотошный журналист установил, что премьер-министр был китайским шпионом и сбежал в Китай на подводной лодке. «Величайший шпион в истории человечества!» — вопят жирные черные буквы с газетной страницы.

Что этот премьер-министр был китайским шпионом, в этом нет ничего особенного, думает он. Но есть неписаное правило шпионской этики: если шпион начал делать большую карьеру, его уже не используют как шпиона. Ему не мешают добровольно работать в пользу страны, шпионом которой он является. И какой он величайший шпион?! Премьер-министр не может быть даже заурядным шпионом. Все, что он может сообщить, гораздо лучше известно и без него. Да и влияние его на ход истории практически равно нулю.

Опять фотография. На сей раз советского шпиона в Англии. Шпион — офицер военно-морского флота. Передавал секретную информацию в советское посольство в течение двадцати лет. Ему угрожает тюремное заключение на шесть месяцев или штраф пятьсот фунтов.

«Из компетентных источников стало известно, — сообщает газета, — что Советский Союз намерен обменять этого шпиона на английского шпиона в СССР, тоже бывшего морского офицера, пытавшегося передать секретную информацию в английское посольство и осужденного за это на пятнадцать лет лагерей строгого режима».

Прекрасно, думает он. В результате этого взаимовыгодного обмена мы будем иметь нового шпиона в Англии и эксперта по английским военно-морским силам

в Советском Союзе. На Западе никак не хотят признать, что мы их в чем-то можем превзойти. Тут довольно часто поднимают шум по поводу советского шпионажа на Западе. Но никогда не допускают даже малейшего намека на признание того факта, что советский шпионаж на Западе качественно превосходит разведывательные службы Запада. Устроили бы международный конгресс шпионов. Какой жалкий вид имели бы западные шпионы в сравнении с нашими! Впрочем, мы не смогли бы использовать свои преимущества. Как всегда, западные ничтожества были бы раздуты до масштаба гениев, а наши гении были бы низведены до уровня ничтожеств.

Суэта

И все-таки работаем мы плохо, из рук вон плохо, думает он. Мы не используем свои возможности и на один процент.

Полгода назад ему представилась возможность купить чиновника, имеющего доступ к важным государственным секретам. Он послал в Москву сообщение об этом с просьбой разрешить ему, Немцу, провести операцию на свой страх и риск, гарантируя успех. Хотя проблема была экстренной важности, хотя решение по ней следовало принять в течение нескольких дней, он так и не получил ответа. По некоторым признакам он догадался, что вербовку поручили офицеру КГБ, занимающему официальный пост в посольстве, и операция провалилась. Чиновник потерял свой пост, а советский «дипломат» срочно покинул Германию.

Когда началась массовая эмиграция из Советского Союза, казалось, что настали райские дни для советской агентуры на Западе. Но советские эмигранты за редким исключением оказались никудышными агентами. Они халтурят, врут, предают и продают налево и направо. Единственным положительным эффектом от нее на Западе оказалась шпиономания и преувеличение мощи КГБ.

От скуки он начал вычислять коэффициент полезного действия агентуры. И обнаружил, что это бессмысленно. Агент исключительно редко совершает действия, непосредственно являющиеся агентурными. Но вся

жизнь его в стране с многими тысячами действий, казалось бы не имеющих отношения к агентурной работе, есть агентурная операция. Агент очень редко приносит пользу своей стране. Чаще он должен причинять ей вред, чтобы быть в состоянии иногда принести пользу. Один из его подчиненных больше десяти лет занимается антисоветской деятельностью. Пользы от него, как говорится, кот наплакал. Иногда дает кое-какие сведения для фельетонов в советской прессе. А в Москве его считают ценным агентом.

На его глазах происходило стремительное размножение советской агентуры в Западной Европе и одновременно с этим измельчение ее операций. Его исключительное положение «свободного охотника» потеряло всякий смысл. Почти все поручения Москвы, выполненные им в последние годы, не требовали никакой особой квалификации. Их могли выполнить начинающие агенты, не имеющие профессиональной подготовки. Виртуоз агентурной работы был ни к чему. Он напоминал себе виртуоза-скрипача, вынужденного играть на балалайке в колхозной самодеятельности.

Он перестал быть советским человеком, но не стал западным. Он утратил многие недостатки советского человека, но не приобрел вместо них достоинств человека западного. Он оказался в положении инопланетянина, которому все в этом мире было чуждо, с точки зрения которого все было достойно лишь насмешки и презрения. Даже тогда, когда он видел очевидные преимущества советской агентуры в сравнении с западной, он в этих преимуществах видел недостатки. Но в слабостях Запада он не находил достоинств.

Ему приходилось разговаривать со многими людьми различных национальностей и различных категорий. Но у него не было ни одного случая полного взаимопонимания. Он сразу обнаруживал ограниченность собеседников. И ему становилось скучно.

Социолог

За операцию «Дирижер» его наградили орденом, что его не обрадовало. За медлительность в осуществлении операции «Социолог» ему сделали выговор, что его не опечалило. С Социологом он медлил умышленно, по-

тому что был согласен с его идеями, которые он вычитал в одной из статей Социолога. Социолог прав в главном. Чтобы иметь глубокий и устойчивый успех Советскому Союзу на Западе, надо иметь сначала успехи у себя дома, и прежде всего — в культуре. Надо сначала в сфере духа обогнать Запад. А для этого надо таких, как Социолог, у себя дома беречь, а не выбрасывать сюда. Даже жестокая критика советского общества советскими людьми есть элемент советской культуры. Мы были новаторами в построении нового общества. Мы должны стать новаторами и в его понимании, а значит — и в его беспощадной критике. Не самовосхваление, а критика самих себя есть основа нашего утверждения в мировой истории. Вот пятимарковая монета. На ней — Маркс. Юбилейная монета с изображением основателя учения, под знаменем которого разрушают капиталистическое общество! Почему тут выпустили эту монету? Да потому, что марксизм есть существенный элемент немецкой истории и культуры. Немцы бережливы. А мы расточительны.

Приказ Москвы завершить операцию «Социолог» его насторожил. Что-то в этом приказе было отклонением от нормы. Ему показалось, что в Москве тем самым хотят одним выстрелом убить двух зайцев: убрать Социолога и подвести под удар его, Немца. Но он отбросил это подозрение. Приказы не обсуждают, а выполняют. У него в жизни еще не было случая, чтобы он приказ не выполнил.

Просматривая газеты

В газетах краткое сообщение о том, что в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС по вопросам идеологии. Немец представляет, какое это было грандиозное мероприятие. Сотни партийных руководителей и профессиональных идеологов съехались в Москву со всех концов страны. Иностранные представители. Друзья. Враги. Наблюдатели. Журналисты. Тысячи аппаратчиков на всех уровнях власти и во всех районах страны были вовлечены в подготовку и проведение Пленума. Западные люди просто не в состоянии вообразить, сколько советских граждан было затем занято изуче-

нием и пропагандой материалов Пленума, какие титанические усилия страна приложила к этому. А на Западе на это эпохальное событие не обратили почти никакого внимания. Зато все средства массовой информации переполнены материалами по поводу ассистентки зубного врача, которая плюнула в рот склочного пациента. Фотографии в газетах. Телевизионные передачи. Были забыты все знаменитейшие женщины века, включая Индиру Ганди, мать Терезию, леди Дайяну, «Железную Леди» и погибшую в автомобильной катастрофе монахскую принцессу, которую тут хотят зачислить «в клику святых» (так истолковали советские газеты выражение «причислить к лику святых»).

Между прочим, на упомянутом идеологическом Пленуме ЦК КПСС сотни и тысячи советских руководителей и аппаратчиков **наплевали в душу Западу**. Ну и что? Ровным счетом ничего.

Как в кино

Теперь он мчится в Бонн, где намечена грандиозная пацифистская демонстрация. Километрах в ста от Бонна его остановил полицейский патруль. Полицейский унес его документ и вернул лишь через десять минут. Возможно, это обычная проверка. Сейчас в Бонн со всей Европы стекаются всякого рода темные личности. И террористы, конечно. Но береженого Бог бережет. В таких случаях он привык принимать свои меры предосторожности. Неподалеку отсюда у него есть «точка», где он может изменить номер машины и внешность. «Точка» — советская женщина, вышедшая замуж за немца. Инцидент с проверкой документов встревожил его. В последнее время он стал интуитивно ощущать, что в окружающем его мире происходит что-то, порождающее в нем состояние тревоги. Прежде чем ехать к «точке», он позвонил ей по телефону, — предупредить о своем приезде и узнать, все ли у нее в порядке. Потом внимательно осмотрел улицу, где находился дом «точки». Не заметив ничего подозрительного, въехал в открытый специально для него гараж и через внутреннюю дверь вошел в дом. Пока Немец сбирал усы и бороду и менял одежды,

муж «точки» сменил номер его машины. Выждав, когда стало смеркаться, Немец снова помчался по направлению к Бонну.

Бонн

Все гостиницы в Бонне были переполнены. Номер для него был зарезервирован на имя, от которого ему пришлось отказаться. Чтобы заполучить этот номер, ему пришлось дать взятку и ждать несколько часов, чтобы администратор убедился в том, что номер действительно свободен. Машину на всякий случай он оставил на стоянке довольно далеко от отеля. С собою в отель взял чемодан, который в случае чего будет не жалко оставить,— это был один из приемов, который уже не раз выручал его.

Из соседнего номера вышли два мужчины. Немец сразу догадался, что это «земляки». Когда они громко заговорили по-русски, немец невольно вздрогнул. Один из «земляков» был невысокий и толстый, говорил баском. Не басом, а именно баском. Другой был тощий и высокий, говорил тенорком. Не тенором, а именно тенорком.

— Готов пари держать,— сказал Басок, кивая на Немца,— что этот тип наверняка из ЦРУ. Его специально рядом с нами поселили, чтобы за нами следить. Так что будь начеку!

— Самой собой разумеется,— поддакнул Тенорок.— Не в первый раз.

Массы

До намеченной демонстрации еще оставалось два дня, а город и его окрестности уже были битком набиты будущими демонстрантами, полицией, агентами секретных служб, журналистами, дипломатами, жуликами и скучающими праздными зеваками. В том отеле, где он остановился, поселилась целая группа американских старух. Они прилетели сюда специально посмотреть на демонстрацию. Они тоже не хотят войны, но не хотят участвовать и в демонстрации. Достаточно того, что они здесь и что они сочувствуют демонстрантам. За эти дни они достаточно нагляделись на буду-

щих демонстрантов. И их сочувствие к ним, кажется, начало резко падать. Не исключено, что старухи покинут Европу, не дожидаясь дня демонстрации. Особенно старух шокируют антиамериканские лозунги и речи ораторов на импровизированных митингах. Возник слух, будто экстремистская часть демонстрантов призывает устроить «Варфоломеевскую ночь» американцам. Потому американские богатые старухи, борющиеся за мир, скрывают свою национальную принадлежность и стараются говорить по-французски. Но французов тут тоже не любят. Тут никого не любят, кроме себя.

Женщины

Большинство будущих демонстрантов — женщины, причем молодые. Факт примечательный. При организации всякого рода движений следует особое внимание обратить на вовлечение в них молодых женщин, лишенных моральных устоев. От этого зависит успех движения. В негативном отношении женщины теперь инициативнее мужчин. Многие террористические группы здесь вдохновляются женщинами.

Англичане

За завтраком сидел за одним столом с англичанами. Англичане обсуждали «русские дела». Не свои, а именно русские. Впрочем, это у них вежливая форма говорить о себе. Один из собеседников сказал, что опасность Западу несет не Россия, а коммунизм. Другой сказал, что опасность несет именно Россия, а не коммунизм. Третий англичанин глубокомысленно рассуждал о сущности русской истории и разработал целую программу перевоспитания России.

Нам, русским, думал немец, Запад навязывает примитивное и ложное понимание нашей истории и нашего социального строя, высосанную из пальца программу на будущее, совершенно не отвечающую нашим условиям и нашим потребностям.

Он был в Англии во время Фолклендской войны: все силы советской агентуры в Европе были брошены туда. Реакция Англии на постыдную победу в этой унизи-

тельной для бывшей великой империи войне его поразила. В Англии так не ликовали даже после покорения Индии. Если страна с таким великим прошлым так переживает исторически ничтожную победу, подумал он, на ней можно ставить крест.

Мы — европейцы

На улице около отеля молодые люди раздавали листовки. Дали и ему. Листовку выпустила группа «Объединенная Европа». Он прочитал следующее:

Какие-то народы уцелеют и, может быть, даже выгадают от войны. Но что выгадаем мы, европейцы, от того, что уцелеют китайцы, чукчи, эскимосы, папуасы?! Мы, европейцы, допустили огромную и непоправимую ошибку, пробудив и подняв другие народы к исторической жизни и позволив им вторгнуться в наше общество. Если еще не поздно, надо остановить этот самоубийственный процесс. Европейцы во всем мире должны объединиться против всех остальных.

Неевропейцев надо пускать в Европу лишь на подсобные работы, причем содержать их в особых резервациях. Надо во всех частях света создать неприступные крепости европейцев. И всеми силами препятствовать неевропейцам развиваться до уровня европейцев. Если это не будет сделано, европейское население будет просто поглощено неевропейским и постепенно вымрет, как таковое.

Эта опасность страшнее любой войны. Европейское население не просто исчезнет. Исчезнет память о нем. Все созданное им станет достоянием неевропейцев. Вся история человечества будет пересмотрена и переписана заново. Имена Аристотеля, Наполеона, Шекспира, Ленина, Рафаэля, Данте, Бетховена, Пикассо и других великих представителей европейской цивилизации навеки исчезнут из человеческой памяти.

История не может быть одинаково благосклонна ко всем. У истории есть свои избранные. Нам надо позаботиться о спасении самих себя. Расовые конфликты и конфликты культуры разрешимы только путем установления отношения господства и подчинения или уничтожения одной из враждующих сторон.

Наши идеологические конфликты суть конфликты внутри нашей, европейской культуры. Даже советский марксизм-ленинизм есть явление в европейской культуре, а не вне ее. Разница между советским и китайским марксизмом неизмеримо сильнее, чем между советским марксизмом и католицизмом.

Главное — сохранить европейскую культуру и ее творца и носителя, сохранить европейский человеческий материал.

«Что это такое? — подумал он. — Новый вариант расизма, расширенный до масштабов европеизма, или ничего не значащее мальчишество? Надо выяснить, что это за группа. Кто знает, может быть, она со временем сработает в нашу пользу...»

Соотечественник

Вслед за ним из отеля вышли соотечественники. Парень с листовками сунулся было к ним. Но Басок жестом дал ему понять, что они не нуждаются в его сочинении. Немец невольно прислушался к их разговору, пока они шли рядом.

— Хочется все-таки поглядеть ихний пресловутый стриптиз, — хихикнул Тенорок.

— Хочется, да колетса, — проворчал Басок. — Знаешь, сколько это стоит? Тут, брат, тебе за это удовольствие самому стриптиз по-советски устроят

— А как это?

— Развернут догола и выбросят в шею в чем мать родила.

— Да, Запад есть Запад.

Соотечественники направились в центр города, а Немец — к предназначенному для него пункту наблюдения, рядом с отелем. Здесь колонна демонстрантов будет вливаться в город.

Память

Ровно пятьдесят лет назад его родители приняли решение отправить его в Москву продолжать учебу. Соседи предрекали ему великое будущее.

— Столяром будешь,— говорили они с завистью: их сыновья были обречены «копаться в навозе» в маленькой деревушке.

— Бери выше,— говорили другие,— сапожником будет, а то и портным!

Но столяром, сапожником или портным, увы, ему стать не довелось.

Он стал агентом.

Реальность

И вот стоит он около уютного отеля в комфортабельном западноевропейском городе. На улицах необычное для раннего утра оживление. Тротуары заполнены главным образом пожилыми людьми и собаками. Куда ни глянешь — переполняющие рты белоснежные искусственные зубы. Он никогда раньше не думал, что красивые зубы делают старые лица еще безобразнее. Теоретики предсказывают, что через пятьдесят лет всем европейцам (если, конечно, они уцелеют) будут вставлять искусственные вечные зубы уже при рождении. Многовековой кошмар кариеса перестанет терзать человечество. Потребление «кухенов» в одной только Германии возрастет до десяти миллионов тонн в год. Ожирения, однако, опасаться не следует. К тому времени будет открыт такой эффективный способ сбрасывания лишнего веса, что за один год население Западной Европы будет терять в весе ровно столько, сколько население Китая будет прибавлять за десятилетие.

Вид на мостовую ему закрыла молодая двухметровая женщина. Во рту у нее сорок восемь зубов. Одета она вызывающе безвкусно. Впечатление такое, что это манекен из роскошного магазина дамской одежды, решивший тоже бороться за мир. В Москве такую особу приняли бы за клоуна из цирка. Здесь на нее никто не обращает внимания. Те же теоретики-футурологи предсказывают, что через пятьдесят лет такие огородные чучела станут идеалом женской красоты. Бедные потомки! Впрочем, о вкусах не спорят. Пятнистый слюнявый дог, например, отчаянно кокетничает со старой облезлой собачонкой, сидящей в сумочке у Венеры двадцать первого века. А он бы на месте дога предпочел бы вон ту молодую боксершу... Но он — всего лишь

шпион из страны, которая отстала от Запада в отношении дамских мод и искусственных зубов на целых пятьдесят лет. Неужели Москва все-таки догонит Запад, и там будет то же самое, что сейчас здесь? непонятно, зачем кого-то догонять, если можно просто уйти в сторону, т. е. вперед?

Люди стоят неподвижно и безмолвно. Даже собаки замерли с сознанием важности момента. Поразительный контраст с русской толпой. В России в таких случаях толпа кипит движениями и звуками, а собаки носятся как ошалелые, радуясь людскому сборищу как светлому празднику. Тут ни одного пьяного. А в России трезвый мужчина в таких случаях исключение... Так кто же от кого отстал?! Теоретики предсказывают, что через пятьдесят лет человеческие сборища вообще исчезнут во избежание распространения инфекционных заболеваний и во имя защиты свободы личности от посторонних прикосновений. И даже пацифисты будут ходить на демонстрации лишь с помощью телевидения.

Пацифисты

Пацифисты съехались сюда со всех концов страны, многие — на своих машинах. Говорят, что через пятьдесят лет на каждого европейца будет в среднем приходиться три автомашины. Интересно, считают ли эти предсказатели русских европейцами? И как наш брат Иван будет передвигаться на тройке из автомобилей по нашим непроходимым дорогам, да к тому же еще в доску пьяный?

Ходят слухи, будто демонстрацию спровоцировали советские агенты. Зачем советским агентам провоцировать то, что и без их усилий может случиться? Им достаточно лишь не мешать западным миролюбивым и свободолюбивым людям делать то, что они сами хотят, и писать в Москву отчеты о том, что все происходящее на Западе полезное для Москвы события суть результат их активности, — надо же как-то оправдать свое приятное времяпрепровождение на Западе. И слухи распускать в том же духе. Легковерным западным людям можно даже неожиданный для этого времени года снегопад представить как «руку Москвы». Это по-

лезно как Москве, так и Западу. Москва раздувает свою воображаемую мощь, а Запад — свою воображаемую немощь. Западу это выгодно как самооправдание своей потенциальной капитуляции перед не очень-то сильным противником, а Москве — как маскировка своей актуальной неспособности принять эту капитуляцию.

Запад

По обе стороны улицы выстроились полицейские. Рослые, сытые, хорошо одетые молодые ребята. Хотя они до зубов вооружены, выглядят они гораздо миролюбивее борцов за мир, которые вот-вот вольются в эту улицу. Он уже видел их в прошлые дни. Они съезжались сюда целую неделю, заполонив весь город и его окрестности. Настроены они довольно агрессивно. А на лицах полицейских написана неуверенность и растерянность. Их оружие выглядит скорее как средство самозащиты, а не нападения. И вообще создается такое впечатление, что аппарат государственной власти на Западе уже был бы не способен защитить существующий социальный строй, если бы нашелся достаточно сильный враг этого строя, всерьез захотевший его разрушить. Вот проблема для размышлений футурологам! Он убежден в том, что в ближайшие десятилетия все созданные до сих пор социологические и политологические теории современного исторического процесса будут выброшены на помойку. Вспомнил польские события недавнего времени. В тот момент, когда Папа приезжал в Польшу, казалось, что достаточно было одного его слова, чтобы в корне изменить ход истории в этом кусочке планеты и в этот отрезок времени. Но слово не было сказано, ибо никто не хотел, чтобы оно было сказано. Ибо все боялись, что слово будет сказано, но ничего существенного не случится. А будет ли сказано это решающее слово здесь в будущем?

Раздался вой сирен. Промчались полицейские на мотоциклах, за ними — полицейские на бронированных машинах. Показалась голова колонны демонстрантов. Впереди — старые и выходящие из моды деятели культуры, молодые и входящие в моду руководители «левых» политических группировок, защитники животных и растений, профессиональные борцы за мир. Они не-

сут лозунг «Война — нет, мир — да». Смешно, война еще не началась, а они уже требуют мира. Впрочем, когда война начнется, тогда будет не до демонстраций. А начнется ли она? Никто не хочет войны. Те люди, которые не участвуют в этой демонстрации, тоже не хотят войны. Но войны не начинают, они сами начинаются. Люди затем лишь оформляют неподвластный им исторический процесс в честолюбивую форму воли и интеллекта. Люди до такой степени не хотят войны и боятся ее, что прилагают титанические усилия как можно лучше подготовиться к ней.

Пацифисты

— Но оставим эти мрачные мысли,— говорит он себе.— Погляди, сколько тут людей доброй воли, которые хотят предотвратить новую войну! Откуда их столько набралось? Кто эти люди? Чего они хотят на самом деле? Мира? Так они его и имеют! Но он все-таки их не удовлетворяет. А что бы они делали, если бы не было угрозы войны, вернее — если бы страх войны не превратился в идеологическое средство манипулирования людьми и не завладел бы душами миллионов? Демонстрировали бы по какому-то другому поводу. Раз есть свобода демонстраций, так почему бы ею не воспользоваться? Заставить бы их работать в колхозах или на «великих стройках коммунизма», как в Советском Союзе! Тогда бы... Но они не против работы. Правда, они хотят работать совсем не так, как у нас: не в колхозах и не в Сибири. А сколько здесь иностранных рабочих? Ладно, это их дело, а не твое. Они добиваются того, чего хотят они сами, а не того, что кажется целесообразным постороннему наблюдателю. А ты тут посторонний.

Направление истории

Допустим, однако, что войну предотвратят. Ну, хотя бы еще на несколько десятилетий. Что будет тогда? А ничего особенного. Будет все то же самое, только чуть побольше или поменьше, помягче или поострее. Все значительные социальные перемены в мире уже

произошли. И мы переживаем и будем переживать их неотвратимые последствия. Мир катится и будет катиться в направлении, predetermined этими переменами. И никакая война и никакой мир не способны остановить это движение или изменить его направление. Есть историческое направление эволюции человечества и историческая инерция эволюции. Все будет то же самое, хотя и будет казаться, что все будет иное, — ничтожные изменения в субъективных критериях оценки происходящего часто воспринимаются людьми как великие исторические переломы, а реальные переломы проходят незамеченными. Социальные отношения между людьми и принципы поведения их в больших человеческих коллективах не зависят от моды на одежду и от акселерации. Двухметровый и бородатый начальник с социальной точки зрения мало чем отличается от маленького и безволосого.

Будущее

А что в самом деле произойдет в случае, если не будет войны в ближайшие десятилетия? Средний возраст советских руководителей увеличится до ста лет. Советские подводные лодки появятся на улицах Парижа. Франция вышлет из страны тысячу советских шпионов и... впустит десять тысяч новых. Впрочем, социализм во Франции достигнет такого высокого уровня, что никакие секреты там вообще производиться не будут, и французам самим придется воровать секреты, допустим, в Монголии... Мясо, во всяком случае, им придется ввозить из Советского Союза, который будет получать его из... Франции. Советские шпионы в Англии станут такой же доброй традицией, как и королева. И управлять Англией будут только женщины, говоря по-русски — бабы. А мужчины превратятся в баб (опять-таки говоря по-русски). Германия проложит хлебопровод из США в Советский Союз. Шведы вымрут от скуки, социализма и страха перед советскими подводными лодками. Все наследницы западных миллионеров выйдут замуж за советских шпионов. Впервые в истории Римским Папой будет избрана женщина — будет Римская Мама (МАМСТ). Говорят, такой случай уже был. Но он был нелегальный. А тут будет

официально признано. Католическая церковь будет настолько демократизирована, что равноправие женщин будет признано даже в назначении на церковные должности. И первой Римской Мамой будет, разумеется, советская женщина. По всей вероятности, она будет членом ЦК КПСС. И тогда особым Постановлением ЦК КПСС все жители планеты будут обращены в католичество. За исключением поляков, конечно, которые все станут протестантами в знак протеста против поголовного окатоличивания (а до тех пор это была их привилегия). Люди через 50 лет вообще перестанут читать и печатать книги. И потомки так и не узнают о наших предсказаниях. Замена органов человеческого тела достигнет такого совершенства, что будут заменять даже мозг и половые органы. Вот это будет мир! Миллиарды стариков с могучими половыми органами и вечными зубами! А все политики — с великолепными искусственными мозгами. В России будет восстановлена монархия и пышным цветом расцветет православие. Правда, это произойдет в сумасшедшем доме и в воображении четвертой эмиграции. Но это тоже событие. Будет открыт такой способ замораживания покойников, что их можно будет хранить сколь угодно долго, разморозить через много лет и оживить. Зачем? Ради прогресса и гуманизма конечно. Через пятьдесят лет вся планета будет заставлена гробами с замороженными миллионерами, кинозвездами, спортсменами, певцами, политиками... Представляете, что будет твориться в мире, если их на самом деле разморозят! Но будем надеяться, что потомки наши будут уж не такими наивными, чтобы пойти на это. А что, если борцов за мир тоже начнут замораживать? Тогда начнется не холодная, а ледяная война. Б-р-р-р!!!...

Короче говоря, проблема не в том, что будет через пятьдесят лет, а в том, что будут думать о нас уцелевшие потомки через пятьдесят лет. А думать они о нас будут плохо и с полным презрением к нам, а не с сочувствием. В этом можно быть уверенным на все сто процентов. Потомки вообще плохо думают о реальных предках. Они думают хорошо только о таких предках, каких они сами выдумывают по образу своему и подобию. Предки вообще есть лишь карикатура на современников, а потомки — карикатура на предков.

Пацифисты

Двигаются ветераны той войны с лозунгом «Не допустим повторения!». Зачем ломиться в открытую дверь? Та война, увы, в принципе неповторима. Она была последняя бесчеловечная, но соразмерная человеку война. Будущая война будет, может быть, человечнее прошлой. Но она будет несоразмерной человеку и всему человечеству. По масштабам она будет войной богов, но вести ее будут ничтожества, причем ради ничтожных целей. И уцелеют ничтожества. И социальные сдвиги в мире будут ничтожны. А прошлая война была все-таки значительна по целям, участникам и результатам.

Память

Была... В памяти всплывают иные картины. Память. она порою мучает так же, как и страх будущего. Ужас в прошлом и ужас впереди,— что за жизнь?! В начале той войны он сочинил стихотворение, из которого вспоминаются такие строки: счастливы мертвые, им жизнь не угрожает, им не придется больше ничего терять. Тогда они не теряли ничего, кроме жизни, а это не так уж страшно. Теперь людям страшно потому, что есть что терять. Им было страшно думать о жизни, ибо им в жизни не светило ничего. Они тогда в беспорядке отступали в глубь страны, не успевая зарыть погибших товарищей. Отступали без сна и отдыха, грязные и голодные. Они утратили чувство страха смерти и покорно ждали своей очереди быть убитыми и оставленными непогребенными. Однажды им выпала удача: они натолкнулись на котел с кашей, брошенной какой-то воинской частью. Видать, плохо пришлось ребятам, если они оставили такое бесценное сокровище. Каша была еще теплая. От нее исходил такой упоительный аромат, что они решили наконец-то выполнить приказ Верховного Главнокомандующего «Ни шагу назад!». Они побросали оружие и, отталкивая друг друга, стали грязными руками набивать кашей ссохшиеся от голода животы. Они игнорировали слезливые призывы политрука поскорее удирать от приближающихся немцев. Они нажрались

так, что на самом деле не могли сделать ни шагу назад, разлеглись вокруг опустошенного котла и размечтались о будущем. И не о каком-то паршивом завтрашнем дне, а о великом отдаленном будущем, о том, каким будет мир лет через тридцать или даже через пятьдесят.

«Еды будет вдоволь»,— сказал один пророк. «Обувь будет без дыр»,— поддержал его другой. «Под душем будут мыться каждую неделю»,— добавил третий...

Высказывая такие фантастические гипотезы, они хохотали до колик в животе.

На рассвете все пророки были убиты. Уцелевшие перешагнули через их тела и побрели дальше назад — в будущее, предсказанное убитыми. Промчались годы. Все те предсказания сбылись. А для кого? И что от того погибшим пророкам?! Им же, уцелевшим, это не принесло особой радости. Сбывшиеся мечты оказались ничего не значащими пустяками. Их заслонили другие, чуждые им заботы живых. И им не осталось ничего другого, как утешать себя банальными житейскими истинами. Не мы — первые, не мы — последние. Предсказания сбываются, но не для тех, кто их делает. И совсем не так, как это нужно потомкам. Потомкам предсказанное предшественниками оказывается безразличным, чуждым или ненавистным. У них появляются свои желания и свои предсказания. Они перешагивают через трупы предсказаний своих предшественников и уходят в такое же чужое им будущее.

Так пусть и на их пути тоже встретится свой котел с кашей!..

Пацифисты

А колонна движется и движется. Час. Другой... Вот несут плакат — черный силуэт атомной бомбы, подчеркнутый красным крестом. Но будущая война вряд ли будет атомной. К тому же есть оружие страшнее атомной бомбы: это — страх перед атомной бомбой. И это оружие уже действует в мире, бьет в сердца и головы людей, причем без промаха. Кто посчитает число жертв этой еще не начавшейся войны? Кто залечит нанесенные ею раны?

Никакого из ряда вон выходящего страха атомной войны в реальности нет. Это вымысел прессы и само-

обман. Страх вообще есть естественное состояние людей. И всегда есть что-то такое, что обобщает страх более или менее широких групп людей. Психиатры и социологи, например, отмечают страх атомной войны у детей. Если бы они теми же методами исследовали детей в России до революции, то они бы столь же «безошибочно» установили бы страх перед сказочной Бабой-Ягой или перед Кашеем Бессмертным.

Память

Советские люди по многим признакам отличаются от западных по отношению к войне, и среди них — чувство юмора. Они со смехом смотрят на мрачное будущее, и это помогает им легче переживать еще более мрачное настоящее.

Это было в самом начале войны. Был в их дивизии один очень маленький, но очень толстый полковник. Он был очень похож на Наполеона. Похож не только внешне, но и по внутренним амбициям. Уступая превосходящим силам противника, они отошли на заранее подготовленные позиции и зарылись в окопы. Они ждали атаки противника. Но у противника был выходной день. Судя по звукам из его окопов, там пьянствовали и орали песни. Тут-то полковник-Наполеон и решил проявить свой полководческий дар. Он вылез на бруствер, широко расставил ноги для устойчивости и поднял ладонь ко лбу, дабы лучше разглядеть расположение противника. Проделал он этот величественный жест наподобие русского богатыря Ильи Муромца на картине Васнецова «Три богатыря». Но в этот момент просвистел немецкий снаряд, и несостоявшегося Наполеону оторвало голову. Обезглавленное тело его, однако, продолжало устойчиво стоять на бруствере с поднятой рукой. Зрелище было такое жуткое, что все — от рядовых солдат до командиров полков, политработников и начальников особых отделов — разразились гомерическим хохотом. Хохот был такой силы, что заглушил стрекотание пулеметов и автоматов и даже гул отдаленной артиллерийской канонады. Немцы были озадачены и, сжигаемые любопытством, безоружные, повывлазили из окопов. Не сговариваясь и не прекращая хохота, русские бросились в атаку и

отбили обратно оставленные ранее позиции. Позиции оказались им совсем ни к чему, и им было приказано оставить их снова. На этот раз они стройными рядами проходили мимо обезглавленного полковника, повернув в его сторону (как на параде) хохочущие физиономии. Им было так весело, что они без боя оставили противнику и те заранее заготовленные позиции, на которых им было приказано держаться до последнего. Уходя, они превратили наши окопы в нужники. И опять-таки они при этом надрывались от хохота, представляя выражение морд у немцев, когда те будут занимать эти не нужные никому позиции.

Этот образ обезглавленного карлика-полководца, мечтавшего стать Наполеоном и прочно стоявшего на бруствере окопов, превращенных в нужник, преследует его всю жизнь как образ будущей войны. А что, если мир станет очень смешным, но смеяться будет уже некому?!

Соотечественники

Вдруг неподалеку послышалась русская речь. Говорят громко, будучи уверены в том, что их не понимают окружающие. Их действительно не понимали. Хотя Советский Союз играет теперь первостепенную, может быть даже решающую роль в истории, на Западе русский язык учат мало: пусть, мол, советские люди сами учат западные языки. И те учат. Правда, тоже пока еще мало, но все же больше, чем на Западе учат русский.

— Немчуру мы добьем,— слышится знакомый басок.— Америкашкам мы тоже морду набьем, и Западная Европа нам в этом поможет. Но вот как нам быть с китайцами?

— Китайцев мы разгромим совместно с америкашками,— хихикает угодливый тенорок.

— Верно,— мурлычет басок.— А потом мы вместе с китайцами добьем америкашек.

Запад

Большинство зевак на тротуарах — старухи. О чем это говорит? О том, что мужчины умирают чаще, чем жен-

щины. И дело тут не в войнах, а в механизме самосохранения: женщины (особенно старые) для продолжения рода важнее, чем мужчины. Не исключено, что через 50 лет надобность в мужчинах вообще отпадет. Через 50 лет в мире будет два или три миллиарда прожорливых старух с практически вечными зубами. На десять старух будет один молодой человек. На десять молодых пар будет один младенец, причем китаец или, на худой конец, турок. Родители могут быть немцами, французами, англичанами и даже шведами, а дети все равно будут китайцами или турками. Так что забота моих соотечественников о будущем Китая вполне понятна.

Память

Венере двадцать первого века стало скучно смотреть на движущееся пестрое стадо человеческих существ — она и не такое видала. Уходя, она скользнула по нему равнодушным взглядом: для нее он был чем-то вроде человекоподобного насекомого. Они принадлежали к разным несовместимым мирам. Но лицо ее на сей раз ему показалось приятным. Оно напомнило ему другое, бесконечно родное и милое лицо...

Тогда, в 1941 году, у них лишь один парень во взводе имел фотографию девушки, которую (девушку) он выдавал за свою невесту. Они ему не верили. Кто-то из ребят видел, как он подобрал фотографию в брошенном доме. Но какое это имело значение? На фотографии можно было увидеть чудесное молодое русское лицо, и этого для них было достаточно, чтобы ощутить тоску еще непережитой любви. Они по очереди просили у владельца фотографию — поносить ее. Но однажды фотография пропала вместе с тем парнем, который выпросил ее поносить тогда. Владелец сильно сокрушался, но не по убитому товарищу, а по фотографии...

Третье тысячелетие

В стоявшей рядом с ним группе заговорили о третьем тысячелетии. Немец вспомнил статью Социолога на эту тему. Он эту статью в свое время выучил наизусть.

Третье тысячелетие можно понимать просто как временный период, который начнется через пятнадцать лет. Но его можно понимать и как новую эпоху в истории человечества, которая может начаться на рубеже второго и третьего тысячелетий, немного раньше или немного позже двухтысячного года. Ведь и Христос, как известно, родился на несколько лет раньше Рождества Христова.

Бессмысленно заниматься предсказаниями конкретных событий, которые произойдут в третьем тысячелетии. Но совсем не бессмысленно подумать о том, что ждет человечество в третьем тысячелетии на основе тех предпосылок, которые сложились к концу второго и которые нам всем хорошо известны. Ведь человечество так или иначе будет вынуждено в третьем тысячелетии решать те проблемы, которые назрели, но остались нерешенными во втором. Человечество в третьем тысячелетии будет вынуждено пожинаать плоды деяний, совершенных во втором. Так что если мы хотим серьезно подумать о третьем тысячелетии, мы должны первым делом подвести итоги второго. Мы должны в состоянии человечества конца второго тысячелетия увидеть основные черты его состояния в будущем, третьем. В эволюции человечества будущее не есть нечто абсолютно новое. Будущее есть лишь основная часть настоящего, освобожденная от оков прошлого.

Как я себе представляю третье тысячелетие, понимая его как историческую эпоху? Должен признаться, что я не вижу особых оснований для оптимизма. Будет новая мировая война или нет (а она скорее всего будет), человечество все равно уже обнаружило полную неспособность найти разумные средства борьбы с разрушительными тенденциями нашего тысячелетия, с такими, например, как катастрофальный рост населения, обострение расовой вражды, истощение природных ресурсов, разрушение природной среды, разрушение основ нравственности, рост паразитизма, перепроизводство жизненно ненужных вещей (включая вооружение) и т. д., и т. п.

Независимо от того, будет война или нет, независимо от того, кто победит в войне, человечество просто в силу объективных законов организации больших человеческих масс не может решить проблемы такого рода,

о которых и упомянул, и остановить самоубийственные тенденции своей эволюции, не пойдя на огромные жертвы. Жертвы неизбежны при всех обстоятельствах. Жертвы как в отношении человеческого материала, так и в отношении достижений культуры. Нельзя остановить действие отрицательных тенденций, не остановив действие положительных,— они неразрывно связаны. Катастрофальные тенденции эволюции человечества суть неизбежные спутники безудержного прогресса нашей эпохи.

Третье тысячелетие будет неотвратимой и исторически справедливой расплатой за все достижения второго. Человечество в третьем тысячелетии дорого заплатит за то, что оно в нашем тысячелетии разрушило все ограничения на все проявления общественной жизни. На смену всесторонней распущенности нашей эпохи идет новое «средневековье», которое может растянуться на много столетий. И имя ему — коммунизм. Это будет такой коммунизм, по сравнению с которым советский коммунизм покажется неслыханной демократией.

Возможно, я сильно сгущаю краски. Возможно, я недооцениваю способности социального строя стран Запада, именуемого «западной демократией», сопротивляться разрушительным тенденциям истории. Но ведь факт остается фактом, что коммунизм завоевывает мир, опираясь на разрушительные тенденции на Западе, а не у себя дома.

Да, я сгущаю краски и делаю это намеренно, чтобы хотя бы немного способствовать росту чувства ответственности у моих современников за ход истории. Судьба человечества в будущем тысячелетии во многом зависит от того, насколько высоко развито чувство ответственности за эту судьбу в нас, людях конца второго тысячелетия.

А стоявшие рядом с Немцем люди говорили о том, что единственный путь уцелеть и войти в третье тысячелетие — это сдать на милость Советов. Сопротивление все равно бессмысленно. Если встать на путь сопротивления, то Западная Европа будет полностью уничтожена. А в случае капитуляции потери будут небольшими. А Запад все равно навяжет Советам свой образ жизни и свою культуру. В истории уже были

прецеденты такого рода. Вспомните: побежденная Римом Греция победила победителя. Во второй мировой войне нас разгромили, а мы сейчас живем лучше всех в Европе!

Немцу стало не по себе от этого бредового разговора, и он перешел на другое место. Глас Социолога, подумал он, остался гласом вопиющего в пустыне.

Пацифисты

Идут солдаты. Они требуют разоружения. Такого в истории человечества еще не было: солдаты должны требовать оружие! Но их требование, увы, неосуществимо. Если оружие есть, его уничтожают только в том случае, если есть возможность заменить его более совершенным оружием. Разоружение есть всегда перевооружение. Или капитуляция.

Никто не стремится к войне, это аксиома. Но почему такое множество людей из всех сил стремится доказать недоказуемое, т. е. аксиому, очевидную без всяких доказательств? Потому что люди устали от затянувшегося мира! Люди устают не только от войн, но и от мирных лет, если они чрезмерно долги. Нынешний пацифизм есть лишь извращенная форма тоски по войне. Взгляните на примеры, когда вроде бы из-за ничего разрушаются благополучные и счастливые семьи, вроде бы из-за ничего начинаются бунты в сытых и благоустроенных странах! Почему? От усталости, благополучия и счастья, от сытости и благоустроенности.

И ожидание войны, конечно, делает свое коварное дело. Страх и ожидание войны достигли такой силы в душах многих людей, что может наступить эпидемия сумасшествия от ожидания, если война не начнется.

Молодежь

Идет молодежь. Юные демонстранты одеты подчеркнуто неряшливо, парни — с бородами и длинными, слипшимися в пряди волосами, девушки — с нелепыми мальчишескими прическами или с растрепанными косами (по-русски говоря). Но лица сытые, здоровые,

бесмятежные или вызывающе агрессивные. Они несут плакат со словами «Мы хотим жить!». Они живут. Ничто пока не угрожает от жизни. А ими уже владеет страх смерти. Хотеть жить — признак старости. А они уже хотят жить. Тот, кем завладело желание жить, уже мертв наполовину. Кто уродует жизнь этим цветущим юношам и девушкам, внушая им желание жить, т. е. страх смерти?! А они, его поколение, боялись они смерти? Они не могли себе позволить такую роскошь. Они говорили друг другу, что не боятся смерти. Они делали вид, что не боятся. И потому не боялись. Хотя они были голодны, плохо одеты, не имели зубных щеток и еще не познали женщин, они уже были мужчины. Мужчина должен смело смотреть смерти в лицо, считали они.

Память

Время имеет одно измерение, но два направления: в будущее и прошлое. Думая о будущем, он уносится в прошлое. Если хочешь познать будущее, загляни хотя бы на минуту в прошлое. Вот они — русские солдаты — уже в Польше. Его штурмовому авиационному полку предстоит первый боевой вылет на территорию Германии. Они должны штурмовать аэродром противника. Аэродром имеет мощную противовоздушную защиту: шесть зенитных батарей и шестьдесят истребителей. Его эскадрилья должна принять на себя первый удар этой огневой мощи. Командир полка так и сформулировал задачу: отвлечь на себя все огневые средства противника и обеспечить другим эскадрильям возможность вывести из строя летное поле, взорвать склады с авиабомбами и уничтожить самолеты, сосредоточенные в лесу вокруг аэродрома.

Отвлечь на себя огонь противника... Знаешь ли ты, юноша восьмидесятых годов, рожденный в условиях мира, но с пеленок боящийся войны, что это значит — отвлечь на себя огонь противника? Это значит, что из двенадцати самолетов эскадрильи восемь взорвутся в воздухе, и от их экипажей не останется даже капли живого тела. А остальные четыре, чудом уцелевшие, изрешеченные пулями и осколками снарядов, упадут на изрытую бомбами землю. И оставшимся в живых

мальчишкам станет стыдно от того, что они уцелели... Но это будет потом, через час... А пока живые еще мальчишки слушают речь политрука. «Товарищи! — кричит старый (он им казался старым) комиссар. — Мы ведем великую битву за будущее всего человечества! Многие из нас сегодня погибнут в этом бою. Но благодаря нашей гибели люди в будущем будут жить счастливо! Так покажем же, на что способны мы, русские солдаты!» Атомная война... Страшно!.. А они уже пережили нечто подобное. Они могут поделиться опытом. Вот их ведущий переводит свой штурмовик в пикирование. И они «ныряют» за ним. Жмут на кнопки бомбосбрасывателей и на гашетки пушек и пулеметов. И вот... Вспыхивает машина ведущего. Миг, и ее уже нет. Очередь следующего за ним. Миг, и его тоже нет... И никаких хлопот с похоронами. Жаль, поминки не справишь и не напьешься с живыми до бесчувствия.

Наилучшее решение

Размышляя о войне, он вдруг нашел гениальное решение мучительной проблемы. Зачем противникам обстреливать друг друга ракетами с атомными бомбами, если можно просто взорвать эти бомбы у себя дома. Собрать военную конференцию и договориться о том, кто, где и сколько бомб взрывает у себя дома. Так точнее будут «попадания». И дешевле, ракеты не потребуются. И Советский Союз без компьютеров может обойтись. И отсталые страны могут на равных правах с великими державами участвовать у себя в войне. Они могут даже для престижа больше вреда себе причинить, чем причинили бы внешние враги!

Отличная идея! Но при этом нужен контроль, чтобы противники не надули друг друга, — чтобы не взорвали бомб больше, чем положено по договору. Вот тогда переговоры о сокращении вооружений и о разоружении приобретут практический смысл.

Пацифисты

Боритесь, люди, за мир! Непременно боритесь! Но при этом знайте: чем мощнее движение за мир, тем силь-

нее страх людей перед войной. А когда люди очень сильно боятся какой-то опасности, они невольно лезут в нее, как кролики — в пасть удавов.

— Надо отсюда уехать куда-нибудь подальше,— шепчет озабоченно старушка рядом с ним.

— А куда от них денешься? — шепчет ее дряхлый спутник. — Они теперь везде.

— Надо на другую планету улететь,— вздыхает старушка.

Чудаки, думает Немец. Бежать некуда и бессмысленно. Убегая, мы уносим ужас перед историей в самих себе. Более того, мы уносим в себе само угрожающее нам будущее. Будущее — это мы сами. Можно улететь на другую планету, но нельзя улететь от самих себя. Улетев на другую планету, мы принесем туда и свои проблемы, причем в еще более страшных формах, чем на родной Земле. Да и есть ли эти другие планеты? Теоретически — да. А практически? Путь до них долог. Эти трясущиеся старички и их трясущаяся собачонка вряд ли долетят до райской планеты, где нет ни агрессоров, ни борцов за мир, ни террористов, ни красных, ни зеленых, короче — где ничего и никого нет. Впрочем, мы все рано или поздно такую «планету» получим и без космических кораблей. Надо, господа, внимательнее читать, что на эту тему пишут такие люди, как Социолог.

Сказка о будущем

Когда жизнь на Земле оказалась под угрозой гибели, люди решили построить гигантский космический корабль, на котором избранные должны были улететь на ближайшую пригодную для жилья планету. Тогда уже было известно, что лететь на такую планету нужно много десятков и даже сотен тысяч лет. Значит, люди в космическом корабле должны жить из поколения в поколение как в некоей естественной, единственно возможной для них среде существования. Космический корабль построили так, чтобы люди внутри его не могли вмешиваться в его механизм. Все было рассчитано заранее, все было автоматизировано. Людям создали только все необходимые условия для воспроизводства их жизни практически в неограниченном

числе поколений. Корабль был огромен — сфера жизни людей была размером со среднее европейское государство, достаточно богатая средствами существования и разнообразная. Разумеется, организована жизнь была на уровне самых высочайших достижений науки и техники. Были отобраны здоровые во всех отношениях счастливы. Все они получили самое первоклассное образование. Само собой разумеется, они были знакомы с идеологией, разработанной на основе самых высших достижений культуры сверхгениями. Всех обитателей корабля обучили наилучшим нормам поведения в коллективе. Им дали наилучшую, самую разумную и справедливую социальную организацию, систему самоуправления, самую совершенную систему воспитания и образования.

Короче говоря, много сотен лет все человечество было занято только созданием этого корабля и разработкой идеальной системы жизни его будущих обитателей. Затем в течение ряда поколений производился отбор и выведение наилучших из возможных индивидов для выполнения величайшей в истории мироздания миссии — для спасения и продолжения рожденной на Земле цивилизации.

И вот новый корабль стартовал. Чтобы это произошло, планета должна была быть полностью разрушена. И она разрушилась. И уцелевшая в корабле избранная часть человечества (т. е. высший продукт развития человечества в течение многих миллиардов лет) понеслась в Космос в направлении к единственной пригодной для жилья планете, обнаруженной людьми в течение многих тысячелетий научных исследований Космоса.

Первые столетия обитатели Корабля наслаждались благополучием и гармонией человеческих отношений. Общество жило и воспроизводилось с безупречной точностью часового механизма. Конечно, возникали попытки внести в жизнь недовольство и дисгармонию. Появлялись новаторы, стремившиеся внести улучшения в жизнь общества. Но память о прошлом еще была сильна. Коллектив еще обладал достаточной силой убеждения. Улучшения были невозможны, ибо общественная жизнь была организована самым наилучшим образом. Это понимали почти все. Идеология с рождения прививала людям сознание, что они живут в

самом идеальном из мыслимых обществ, а еще точнее — в единственно возможном из обществ.

Уже через несколько поколений люди перестали воспринимать себя землянами, покинувшими планету в поисках нового места обитания человечества. Стали рассматривать историю своего происхождения как легенду, причем ненаучную. Люди обследовали занимаемое ими пространство. И на основе наблюдения неопровержимых фактов отдельные смельчаки построили новые гипотезы о строении Вселенной, о человечестве, населяющем ее, о человеке. Они воспринимали условия своего существования как нечто, естественным образом данное от природы. В частности, возникла идея конечности и замкнутости пространства. Такие идеи стали распространяться среди людей, особенно среди молодежи. Идеология яростно подавляла все попытки такого рода. Но осуществить полный контроль за сознанием людей она уже не могла. Миллионы фактов, наблюдаемых из поколения в поколение, с необходимостью рождали мировоззрение, вступающее в конфликт с идеологией, вывезенной с Земли. Нелепые представления людей о мире, об обществе и о себе постепенно завоевывали души людей и ослабляли влияние истинной и мудрой идеологии землян.

Шли столетия. Тысячелетия. Стали давать знать о себе обстоятельства, которые не смогли предвидеть земные гении и которые оказалась не в силах контролировать всемогущая идеология. Наряду с идейным разбродом начались неполадки и в организации хозяйства, быта и культуры. Как я уже говорил, Корабль был построен так, что люди практически неограниченное время могли иметь в изобилии энергию и все, что необходимо для существования. Вся их «производственная» деятельность была сведена лишь к тому, чтобы эти средства существования брать и распределять. Брать и распределять, разумеется, самым разумным образом. Разумно должна была регулироваться и численность населения, его возрастной состав, соотношение полов и прочее. Расчет был на то, что Корабль населялся существами в высшей степени разумными. Предполагалось, что уровень разумности будет сохраняться: все, что могло его нарушить, было исключено заранее. Казалось, что было исключено. Земные гении не учли одного обстоятельства: все разумное разумно

лишь постольку, поскольку есть неразумное, а исключение элемента неразумности имеет неизбежным следствием превращение разумности в свою противоположность. Рафинированные диалектики, они не сумели подойти диалектически к самой диалектике — идеология сыграла с ними злую шутку. Забвение и игнорирование истины «И в поте лица будешь добывать хлеб насущный свой» жестоко отплатило за себя. Именно легкость достижения жизненных благ и полная гармония социальных отношений оказались главными и неодолимыми трудностями в эволюции человечества, заключенного в Корабле.

Прошло еще несколько тысячелетий, и случилось в конце концов то, что земные гении считали абсолютно невозможным: изменилась ориентация сознания людей, и все земные средства контроля за поведением людей, изобретенные для той, для земной ориентации, утратили силу. Люди стали утрачивать навыки и работоспособность даже в использовании того, что само текло к ним неограниченным потоком. И они сами невольно ограничили этот поток так, что при изобилии всего возник дефицит всего. И как следствие сложилось социальное неравенство в распределении, возникла иерархия доступных благ. Началась жестокая борьба за более высокий уровень в иерархии. Развилась система преступлений, а значит — и физических наказаний за них. Люди изобрели оружие для истребления своих собратьев. Открыли все человеческие пороки, отбросили все моральные ограничения и идеологические нормы поведения. Началось падение культуры, хозяйство пришло в упадок. Возникли бесчисленные болезни. Стали рождаться уродливые дети. Наметилось физическое вырождение. Общество распалось на множество враждующих объединений.

Следующие два явления обратной эволюции, характерные для антиэволюции вообще. Первое — взаимное истребление людей. Дело в том, что с крушением ограничений и запретов, привнесенных цивилизацией, стали действовать социо-биологические законы, в том числе — закон соотношения пространства, занимаемого людьми, и числа людей в этом пространстве. Обнаружилось, что в пространстве Корабля число людей во много раз превысило социо-биологическую норму. И взаимное истребление было формой восстановления

этой нормы. Сначала одни группы людей нападали на другие и убивали их. Потом людей стали мучить, прежде чем убить. Потом возникло ритуальное людоедство, которое превратилось во всеобщее символическое людоедство — наиболее сильное выражение отношения к врагу как к побежденному врагу.

Второе явление — эволюция неравенства. Неравенство людей не есть просто фактическое положение. Оно есть социальное отношение между людьми. Через несколько столетий на Корабле сложилось имущественное неравенство, затем — отношение господства и подчинения внутри групп людей. Развилось порабощение одних людей другими. Стало обычным делом убийство подчиненных, а затем — их съедение как наиболее сильное выражение чувства превосходства над своими братьями...

Короче говоря, обратная эволюция низвела людей с высот цивилизации к самым истокам человеческой предыстории.

...Когда Корабль наконец-то долетел до нужной планеты, и открылись выходы из него, наружу выползли немногочисленные человекоподобные твари и разбежались в разные стороны...

Соотечественники

Ушли старички, мечтающие о другой планете. Зато вернулись его соотечественники. Они уходили похмеляться, — вчера вечером они основательно «перебрали» на каком-то официальном приеме. Здесь, на Западе, считается признаком хорошего тона поить советских представителей водкой. И те стараются поддерживать мировую репутацию Советского Союза как величайшей пьянствующей державы. Разговор бывших соотечественников принял более светское направление.

— Бабы здесь барахло, — сказал Басок, бесцеремонно разглядывая проходящих мимо женщин.

— Собаки не лучше, — поддакнул Тенорок, показав язык малюсенькой собачке.

— Собак не трожь! — строго сказал Басок. — Тут закон горой стоит за собак.

— Недавно тут на одного принца собака залаяла, — хихикает Тенорок. — Принц испугался. Стал трястись.

Хозяину пришлось миллион уплатить, поскольку собака причинила принцу профессиональную травму: с того от тряски стала сваливаться корона.

— Вот эта тварь сейчас тебя тяпнет за язык, тогда и ты получишь профессиональную травму! — хохочет Басок.

Он слушает и не знает, смеяться ему или плакать. В самом деле, что будет, если немецкая собачонка укусит советского агента за язык? Страшно подуматы! Вот тогда-то Советский Союз и оккупирует Западную Европу: повод будет подходящий.

— А бардак здесь, надо признать, из ряда вон выходящий, — хихикает Тенорок.

— Это хорошо, — рокошет Басок. — Если тут будет порядок, нам работать над немцами будет труднее.

А эти ребятки не такие уж и дураки, думает Немец. И ему вдруг мучительно захотелось, чтобы тут прекратился «бардак» и наступил «порядок». Зачем? А просто так, назло этим самоуверенным соотечественникам. А в самом деле, что нужно для того, чтобы в Западной Германии навести «порядок»? Покончить с чувством вины за прошлое, создать свою мощную армию и восстановить подлинную демократию, т. е. дать возможность большинству отстаивать свои интересы и защищаться от претензий меньшинства. Иначе говоря, немцам нужна чистая совесть, независимость и здоровье.

Память

Они летели над степью, растянувшейся на десятки километров. Ведущий, командир эскадрильи, пел «За вечный мир, в последний бой летит стальная эскадрилья». Они, ведомые, подпевали каждый для себя. Для некоторых экипажей этот бой действительно был последним, в том числе для самого командира эскадрильи. Перед тем как дать команду «По машинам!», командир, двадцатитрехлетний веселый парень, уже ставший майором и Героем Советского Союза, сказал, сверкнув ослепительно белыми зубами: «Украсим Родину трупами врагов!». И он был сбит первым. Но он не украсил Родину даже своим собственным трупом: его машина взорвалась в воздухе, и он испарился. Приближалась весна. Начал таять снег. На полях об-

нажились трупы солдат, убитых во время зимнего наступления и занесенных снегом. Трупы так и оставили под снегом до весны. И вот они обнажились. Точки на снегу такого страшного цвета, для которого в живописи нет названия. Тысячи и тысячи точек. Километр за километром. Эскадрилья снизилась до бреющего полета: посмотреть, свои это или враги. Но различить своих и врагов не удалось: трупы всегда нейтральны.

Как будет выглядеть поле битвы в будущей войне, подумал он. И будут ли вообще трупы? Труп человека есть продолжение его существования. Могила человека есть часть его жизни, есть ее продолжение. Общество без трупов и могил — ужаснее ничего не придумаешь.

В тот полет ему вдруг стало страшно. Но не оттого, что его могли сбить. А оттого, что он вместе с самолетом взорвется в воздухе, как их командир, или от удара о землю, как его ведомый, и от него ничего не останется. Буквально ничего. Все куда-то испарится. Новые сапоги и новый широкий офицерский ремень, которым он очень дорожил. Ордена. И фотография девочки, в которую он был влюблен в школе. Не останется абсолютно ничего. Как будто его не было совсем.

Страшна не смерть сама по себе, думал он, а сознание того, что будет так, как будто тебя совсем не было. Человек биологически и исторически сформировался так, что могилы предков стали частью его жизни. То, что людей убивают и будут убивать, это нормально. Ненормально то, что не остается могил предков. Каких только лозунгов тут нет! И ни одного — о праве человека на могилу.

Они

Мысли его снова переключаются на демонстрацию. Западный массовый человек, думает он, глядя на пешую толпу демонстрантов, похожую скорее на карнавал, чем на политическую демонстрацию, есть существо очень странное. Он изобретает великолепные электрические бритвы и после этого начинает отращивать бороду. Изобретает замечательные одежды, а облачается в бесформенные балахоны или обнажается совсем. Изобретает умопомрачительные кушанья и на-

чинает голодать во имя здоровья. Развивает технику мгновенного уничтожения миллионов людей и начинает ожесточенную борьбу за ее запрещение.

Вот группа молодых людей несет лозунг «Мы предпочитаем сдаться русским без сопротивления, чем исчезнуть от взрыва русской атомной бомбы».

Вы предпочитаете, думает он. А подумали ли вы о том, что предпочитают сами «русские»?

Предпочтение

Во время войны с Германией им в качестве военных трофеев попадались немецкие пистолеты. Ах, какие это были замечательные пистолеты! Стрелять из них было большим удовольствием. Правда, стрелять в тире. И ухаживать за ними надо было очень тщательно, чтобы они не «отказали». Из своих же, отечественных пистолетов стрелять было не очень-то приятно. Как бабахнет, так того гляди руку из плеча вырвет или сам из руки выскочит. И попасть из него, допустим, в кошку или собаку с пяти шагов было невысказано. И даже в человека из двух выстрелов один промажешь, а другим вместо головы, в которую метишь, попадешь в часть тела, прямо ей противоположную. Зато за отечественными пистолетами можно было совсем не ухаживать. Плюхнешься с ним в грязь, он все равно не «откажет» в случае надобности. Им гвозди можно было заколачивать, а он все равно работал. Плохо работал, но все-таки работал. И они, идя на свидания с девчонками, украшали себя изящными немецкими «вальтерами», а идя в бой, брали с собою грубые, но безотказные советские «ТТ». Им тогда было невдомек, что тем самым они были участниками столкновения двух социальных систем, двух тенденций исторического развития. Им тогда было невдомек, что когда дело касалось жизни и смерти, они предпочитали грубую надежность своей системы.

У русских, думает он, есть свои принципы предпочтения. И в будущей войне русские вряд ли будут способны брать в плен. В особенности без сопротивления.

Мы

— Если начнется война,— говорит Басок, скользя взглядом по роскошным витринам магазинов,— тут будет где порезвиться.

— Да,— соглашается Тенорок.— Ювелирные магазины и банки можно будет голыми руками и безнаказанно очистить.

А Немец вспомнил случай из первых дней войны, когда к ним в часть заехали два грузовика, нагруженные мешками с деньгами, сбросили мешки и помчались дальше. Они равнодушно перешагнули через эти мешки с миллионами ненужных (как тогда казалось) денег и побрели вслед за умчавшимися машинами.

Праздные разговоры, ребята, думает он. Если начнется война и вы будете топтать по бриллиантам, вы даже не наклонитесь их поднять хотя бы из любопытства.

— Недавно,— хихикает Тенорок,— в Москве загорелся поезд метро. Началась паника. Но нашлись мужественные люди, которые начали грабить впавших в панику пассажиров. О чем это говорит? А о том, что человечество не погибнет в будущей войне. Найдутся предприимчивые смельчаки, которые в считанные минуты разворуют все богатства. Это и послужит потом основой для восстановления разрушенной войной экономики.

— Обрати внимание,— говорит Басок, насмеявшись досыта,— среди демонстрантов ни одного иностранного рабочего. А ведь их тут больше четырех миллионов! Почему бы это?

— А очень просто,— говорит Тенорок.— Им работать надо. Им некогда заниматься такой ерундой. Да и ни к чему. Они тут на положении рабов. А рабам не до политики. Политика тут есть дело плебеев.

Немцу надоело слушать болтовню обнаглевших «землячков». Переходя в другое место, он на мгновение почувствовал на себе чужой внимательный взгляд. Лишь на ничтожную долю секунды. Но этой доли секунды было достаточно, чтобы решить: следят! Он пошел в отель, купил в баре сигареты и вернулся на прежнее место. Ничего подозрительного заметить не удалось. Значит, показалось? Вряд ли. Здешняя контрразведка имеет свои недостатки. Но если уж она решила тебя «проявить», она это делает хорошо. И от нее тогда не

так-то просто отделаться. Если даже показалось, все равно надо бежать отсюда. Бежать от своей тревоги хотя бы.

Бежать, подумал он. А что это тебе даст? Сможешь ты жить иначе? Нет, друг, не сможешь. Эта бессмысленная работа стала смыслом твоей жизни. Ни на что другое ты уже не способен. Ты сможешь расстаться с такой жизнью, только расставшись с жизнью.

Кнопка

Группа демонстрантов несет плакат, на котором изображена кнопка,— скрюченный палец поджигателя войны, пытающийся нажать кнопку, и меч борца за мир, отсекающий палец. При виде этого плаката Немец вспомнил о кнопке пожарной тревоги в отеле. Рядом с кнопкой, на блестящей металлической цепочке прикреплен молоточек из нержавеющей стали — стекло разбить, если нужно нажать кнопку. Недавно в каком-то городе дотла сгорел отель со всеми обитателями. Сохранились лишь такие молоточки и кнопки пожарной тревоги. Причем никто не догадался воспользоваться этими молоточками и нажать кнопки. По всей вероятности, так будет и в случае новой мировой войны. Все будет уничтожено. Сохранится лишь автоматическая система управления средствами обороны и нападения. Нажать роковую кнопку просто позабудут. Или не решатся.

Если

Хвост колонны пацифистов скрылся из виду. А что, если в самом деле войну сумеют предотвратить? Что тогда будет? Вот тогда-то она и начнется. Именно тогда, когда люди решат, что они предотвратили войну, она и начнется. Решите этот парадокс, и вы поймете, что прав был сын царя и царь Экклезиаст: все есть суета, суета сует, всяческая суета и томление духа. Эх, если бы он был сейчас в России, то напился бы с тоски и ради оптимизма. А тут, на Западе, даже напиться не хочется. Да тут и не с кем напиваться. Тут берегут здоровье. И деньги, конечно. Русскому чело-

веку есть с кем воевать на Западе, но не с кем выпивать,— вот самая надежная гарантия того, что Советский Союз не завоеует мировое господство. Если даже русские и покорят Западную Европу, они все равно оставят ее — она не годится для русского пьянства. Ах, почему не сбылось предсказание его земляков, и он не стал ни столяром, ни сапожником, ни портным?!

Тревога

Вернувшись в отель, тут же начал писать отчет для Москвы. Писал стремительно, хотелось поскорее отделаться от этого пустякового для него задания и исчезнуть отсюда.

«Пацифистское движение на Западе,— писал он,— является разношерстным по социальному составу и по целям его участников, и было бы грубейшей ошибкой рассматривать его как некую новую форму классовой борьбы».

— Несмотря на то что пацифистское движение на Западе является разношерстным по социальному составу и целям его участников,— скажет потом Главный Идеолог на Пленуме ЦК КПСС в своем докладе «О классовой борьбе в современных условиях в странах капитала»,— оно есть новая форма классовой борьбы на Западе.

«Нам сейчас важно не увеличение числа людей, исповедывающих марксизм,— пишет Немец,— а усиление любых явлений в западном обществе, разъедающих его изнутри. Людей, считающих себя марксистами, в мире больше чем достаточно. Но признание марксизма само по себе еще не делает этих людей нашими союзниками. Среди марксистов на Западе наших врагов не меньше, чем среди антимарксистов».

— Число людей, принимающих марксизм-ленинизм на Западе, неуклонно растет,— скажет потом Главный Идеолог.— Это свидетельствует о том, что...

«Ни в коем случае не следует придавать пацифистскому движению и другим массовым движениям такого рода марксистский и просоветский характер,— пишет Немец.— Надо использовать их, не обнаруживая открыто нашей заинтересованности в них и не навязывая им наших лозунгов».

— В широких народных массах Запада,— скажет Главный Идеолог,— растет и крепнет солидарность с Советским Союзом...

«В настоящее время на Западе все большее влияние приобретают идеи, далекие от коммунизма и даже враждебные ему,— пишет Немец.— Нашей главной опорой на Западе теперь должны становиться массы людей без определенной классовой принадлежности».

— Нашей главной опорой на Западе по-прежнему остаются рабочий класс и трудовое крестьянство,— скажет Главный Идеолог...

Вот в таком духе в Москве «перерабатывают» все мысли агента. Тот доклад, который сделает Главный Идеолог, могли бы сочинить начинающие студенты марксизма-ленинизма, не имеющие ни малейшего представления о реальной сегодняшней ситуации на Западе.

Закончив писать отчет, он позвонил по телефону, где его звонка ждал связной, назвал условленное имя, услышал в ответ условленное «Вы ошиблись номером» и затем пошел в условленное место около университета. По дороге ему опять показалось, что за ним следят. Сделал несколько проверочных маневров, но слежки не обнаружил. Тревога, однако, не исчезла. Зачем ему, асу шпионажа, поручили это примитивное и совершенно бессмысленное задание? Неужели только из-за того, что какому-то высокопоставленному болвану в Москве захотелось сделать вклад в марксистскую теорию, надо было ценнейшего агента подвести под угрозу разоблачения?! А впрочем, так ли уж ты ценен как шпион?

Около университета затерялся в толпе молодежи и передал связному приготовленный пакет. Через десять минут пакет будет в посольстве, а через полчаса его содержание станет известным в Москве. К чему такая спешка? Тут официальных советских журналистов было больше десятка. Зачем еще потребовалось мнение тайного агента?

Одиночество

Соотечественники вернулись в отель поздно ночью. По шуму в соседнем номере можно догадаться, что они продолжают пить. Захотелось присоединиться к

ним. Сказать, кто он. Упитья до слез дружбы, поцелуев и взаимных оскорблений. Но соотечественники вряд ли примут его в свою компанию. Они решат, что это — провокация. Да и о чем ему говорить с этими людьми, с которыми его роднит теперь лишь только русский язык?

Не спится. Столько лет прошло, а до сих пор не может поверить в реальность того, что это он и что он в чужой и нелюбимой стране. На него накатилося ощущение одиночества. Чтобы понять, что такое одиночество, надо прожить целую жизнь, причем не на необитаемом острове и не в камере одиночного заключения, а на свободе и среди людей. Одинокие люди внешне ничем не отличаются от прочих. Как правило, они тянут жизнь до естественного конца и погибают не от одиночества, а от других общечеловеческих болезней. Состояние одиночества есть результат не внешних обстоятельств, а внутренней эволюции человека в течение многих лет. Одиночество неизлечимо. Одинокие люди обречены. Они не могут объединиться и преодолеть некий барьер, обрекающий их на одиночество. Множество одиноких людей может жить рядом, иметь сходную судьбу и участвовать в одном общем деле, оставаясь одинокими. Одиночество есть болезнь сытых. Это болезнь будущего. Будущее представлено сегодня прежде всего одиночеством. Одиноким человек — человек будущего.

Человеческая жизнь интересна не столько рациональным расчетом, сколько иррациональными страстями. Оказавшись на Западе, он вынужден был отсечь второе.

Человеческая жизнь интересна не столько умом и правильностью, сколько глупостью и ошибками. Оказавшись на Западе, он вынужден был отсечь второе.

Человеческая жизнь интересна не столько самовидением, самооценкой, самоанализом и самосознанием, сколько отражением ее в окружающих, т. е. тем, как тебя видят окружающие, что они думают о тебе, как оценивают твоё поведение. Оказавшись на Западе, он отсек второе.

Человеческая жизнь интересна не столько личными переживаниями, сколько сопереживаниями друзей и врагов. Оказавшись на Западе, он отсек второе.

Человек не может сколько угодно оставаться челове-

ком в таком состоянии. Он продержался дольше, чем кто бы то ни было другой. Он установил мировой рекорд. Это вполне в духе советской мании рекордсменства. Жаль, нигде и никто не скажет об этом рекорде. Он невольно ставил эксперимент на одиночество — насколько человек силен против него. Эксперимент показал, что человек способен вынести многое, способен вынести одиночное заключение или жизнь на необитаемом острове, но не способен вынести одиночество, будучи здоровым и оставаясь в человеческом обществе.

Он почувствовал озноб. Надо бы обратиться к врачу. Но он не имеет на это права. Он не должен болеть. Болезнь не входит в его профессию.

Любопытно, подумал он, вот я сегодня умру. Кто меня похоронит, как и где?

Нет, об этом не следует думать. Смерть тоже не входит в его профессию. Мысли перескочили на далекую, забытую и уже недоступную Россию. Страшная вещь — тоска по покинутой Родине. Но еще страшнее тоска по Родине, которой для него уже нет и никогда уже больше не будет.

Сумма жизни

Сумма жизни измеряется не итогом — итог жизни всегда равен нулю. Он исчезнет, не оставив после себя никаких следов пребывания в этом мире. Не будет даже никакого некролога. Его настоящее имя навечно исчезнет в архивах КГБ. Его именем не назовут не то что город или улицу, но даже туалет в шпионской школе.

Сумма жизни равна множеству нереализовавшихся возможностей и одной реализовавшейся нелепости.

Как сложилась бы его жизнь, если бы осуществились какие-то из упущенных возможностей? Вот было бы интересно, если бы каждый раз, когда перед ним открывались какие-то возможности, появлялись бы его точные дублеры, которые продолжали бы жизнь в направлении этих возможностей. И собрать бы сейчас всех этих дублеров его «я» вместе!

Ему представился большой зал, который постепенно заполнялся его потенциальными «я». Вот вошел стри-

женный наголо солдат. Он был убит в начале войны, когда вызвался добровольцем прикрыть отступление остатков разгромленного полка. А это что за существо? Неужели этот старик с распухшей фиолетовой мордой тоже он?! Да, это он, бывший неудавшийся актер, а ныне — вахтер в каком-то магазине. Этот толстый, лысый и самоуверенный тип тоже он — доцент в каком-то провинциальном городишке. И этот отставной полковник — тоже он. Он пришел сюда прямо из своего огорода на окраине сибирского городка, где он возится с утра до ночи с картошкой, помидорами, луком и прочими дефицитными теперь продуктами питания. Жена и дочь продают их на городском рынке. Хорошие деньги приносит огородик, побольше, чем его полковничья пенсия.

А люди идут и идут. Молодые и старые, трезвые и пьяные, больные и здоровые, лысые и волосатые, толстые и тощие, опустившиеся и сохранившие форму, удачливые и неудачники, живые и мертвые. Преобладают старые, обрюзгшие, обросшие, грязные, пьяные, больные. Будто это — собрание пропойц, околачивающихся в московских забегаловках и около винно-водочных магазинов. Ничего себе возможности, открытые для русского Ивана!..

— Товарищи! — торжественно прозвучал в зале голос.— Первый в истории человечества съезд всех потенциальных «я» одной и той же реальной личности объявляется открытым! Слово для отчетного доклада представляется единственному реализовавшемуся из всех потенциальных «я» — советскому разведчику в Западной Германии по кличке Немец.

Он направился к трибуне. Но трибуна исчезла. Исчезли все собравшиеся. Остался лишь маленький номер в третьеразрядном отеле в чужом немецком городе. И он, старый человек, растерявший все свои потенциальные «я» на пути к этой реальной нелепости.

Ощущение опасности

Вернулось ощущение опасности. Это не страх, а нечто иное. Это ощущение того, что теперь ты стал для других объектом той самой деятельности, какую занимался сам до сих пор.

Есть агенты, о которых контрразведка знает с самого начала. Их «разоблачают» по мере надобности или в силу необходимости. «Разоблачение» грозит им высылкой из страны или, в худшем случае, кратковременным тюремным заключением, которое они, как правило, не отбывают долго — их обменивают на своих агентов, осужденных в соответствующей стране, или отпускают в обмен на какую-либо услугу или уступку. Но есть агенты, о существовании которых контрразведки не знают и разоблачение которых означает немедленное уничтожение. Эти агенты суть смертники. Он принадлежит к их числу. Он знал это с самого начала. Время от времени для него возникала тревожная ситуация, и он научился ускользать от нее. Но в последнее время ощущение большой опасности, возникнув, уже не покидало его, достигая порою состояния интуитивной паники. И тогда он метался по стране, меняя документы, машины, внешность. И все же он чувствовал, что опасность неотступно следует за ним. Незримая, неуловимая, но осязаемая каждой клеточкой тела. Вот и сейчас он чувствует, что его обложили со всех сторон, но не видит тех, кто это сделал. Нужно немедленно покинуть этот город. За каким чертом ему приказали прибыть сюда?! Ничего нового он здесь не узнал, кроме этой мизерной группки «Объединенная Европа». Москва считает, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. Но ведь тому, что он видел, в Москве все равно не поверят.

Уничтожение Социолога было грубой ошибкой. Оно было организовано так, что все внимание контрразведки было направлено на него, на Немца. Зачем это было сделано? Умышленно? Неужели в Москве решили пожертвовать им ради каких-то «высших» целей? Впрочем, в агентурной работе это обычное дело. Он сам не раз принимал участие в таких операциях. Выходит, теперь его черед? Но это же несправедливо. А почему это несправедливо? Разве было несправедливо во время войны оставлять на верную смерть одних, чтобы прикрыть отступление других?! Но такие рассуждения хороши лишь тогда, когда они касаются других, а не тебя лично. Он, немец, не трус. Он готов умереть, если жертва жизни оправдана. А в данном случае он не видит никакого разумного оправдания. Надо хотя бы на время покинуть эту страну. А куда?

Может быть, в Южную или Центральную Америку? Сражаться за какой-нибудь режим. Все равно за какой. Или против какого-нибудь режима. Все равно против какого. Так или иначе убьют. А «за» или «против», для истории не играет никакой роли. А может быть, лучше в Африку податься? В какое-нибудь дикое племя? Поселиться в хижине с негритянкой... А где ты теперь найдешь в Африке дикое племя? А хижину? И негритянки теперь цену себе осознали. И нашего брата Ивана там не меньше, чем здесь.

Германия

Еще до рассвета русский человек по кличке Немец покинул Бонн. Выехав из города и не видя преследования, он вздохнул с облегчением. Он мчался по прекрасному немецкому автобану на прекрасной немецкой машине мимо богатых и сытых немецких городов, городков и деревень, которые русский человек никак не способен признать деревнями. Чувство опасности постепенно ослабевало в нем. Вот оно исчезло совсем. На душе стало легко и радостно. Вот промелькнула раздавленная кем-то птица, не успевшая взлететь с автобана. Была и нет. Как будто ее и не было совсем. Появляются и исчезают галактики, а не то что отдельные птицы. Даже галактики галактик исчезают. Где-то возникали и исчезали грандиозные цивилизации. Возникали и исчезали живые существа, которые в сравнении с нами были как боги. И где они? Исчезали без следа. Так стоит ли думать о жизни такого ничтожного червяка, как советский агент?!

Вдруг он почувствовал, что машина потеряла управление.

...Он не успел понять, что случилось...

Москва

На Великой Карте в Москве потухла одна лампочка. Ее тут же заменили две новые.

III. ВЕЛИКАЯ КНОПКА

Загадка

Но все-таки почему незначительная газетенка и безликая «Группа товарищей»? Ведь за этим должна быть большая жизненная драма. Конечно, большинство людей исчезает в Ничто вообще без некролога. А тут все же некролог, и не в заводской или стенной газете жилищно-эксплуатационной конторы, а в городской газете. И все же это не объяснение и тем более не оправдание. Должны быть веские причины, чтобы вычеркнуть его из жизни с некрологом низкой категории. В советской истории имели место многочисленные случаи, когда руководители высшего уровня теряли свои посты, но все же удаивались некрологов высшей категории. В чем провинился наш герой, чтобы быть так жестоко наказанным?

На вершине карьеры

Западник достиг вершины в избранном им канале карьеры. И что бы он теперь ни делал, он уже не мог подняться выше: некуда. Чтобы подняться выше, надо переходить в аппарат ЦК. Но это связано с риском. И время на это нужно. А годы Западника уже не те. Кроме того, ситуация в системе власти должна быть стабильной хотя бы в течение пяти лет. А рассчитывать сейчас на это ни в коем случае нельзя. Положение нового Генсека не такое уж прочное. Борьба группировок за власть обостряется. Генсек стар и болен. В любую минуту может произойти событие, которое безжалостно переломает все расчеты и планы. Так что менять канал карьеры было бы безумием. А на вершине его канала карьеры вступает в силу так называемый потолковый эффект: чем успешнее будет его деятельность, тем больше шансов будет на то, что он покатится вниз. Забравшись на вершину карьеры, он должен вцепиться в нее когтями и зубами и замереть, не делая никаких неосторожных движений.

Одно из правил поведения на вершине карьеры гласит: проявляй инициативу и иди на риск только тогда,

когда для инициативы не нужно проявлять никакую инициативу, а риск не связан ни с каким риском. Но именно на вершине карьеры соблазн инициативы достигает апогея, а любой риск представляется оправданным и ненаказуемым. Именно в таком положении и оказался Западник.

Рутинa и дыхание истории

Все великое в истории начинается тихо и незаметно. Когда великое осознается как великое, начало его исчезает без всяких следов в прошлом. Когда оно начинается, никто еще не знает, что началось нечто великое. На лбу новорожденного младенца не бывает написано, что родившийся есть Наполеон. Так случилось и с Западником.

Однажды после очередного доклада шефу КГБ Западник вернулся в свой кабинет, попробовал заснуть на несколько минут (по-наполеоновски), но впервые в жизни это у него не получилось. Он задумался над тем, на что он потратил свою неповторимую жизнь. Его мозг вдруг осветила мысль, что он был рожден для дел сталинского масштаба, а вынужден гробить свой гений (он так и подумал: гений) на всякую канцелярщину. Где проходит его жизнь в основном? За письменным столом. И еще было бы полбеды, если бы он эпохальными и планетарными идеями занимался. Ничего подобного! Мелочи, мелочи и мелочи. Из них, конечно, и складываются дела эпохального и планетарного значения. Но попробуй, ощути это!

По дороге домой он думал все о том же. Какой-то мыслитель сказал, что в последнее столетие вообще вся история есть продукт деятельности канцеляристов, и что это справедливо, потому что канцеляристы и есть мозг общества. Это, конечно, верно. Но в это надо внести наш, советский корректив. Надо в канцелярщину внести элемент творчества! Надо канцелярскую скуку поднять на уровень шекспировской или даже греческой трагедии! Надо канцелярские «мелочи» возвысить до уровня Великой Истории! Пора в конце концов и ему, Западнику, показать свою способность мыслить эпохальными масштабами.

Хорошо, что Социолога уже нет. Социолог стал бы по-

мехой. Тот уже начал было публиковать серию статей о маниакальных претензиях нового советского руководства. Хорошо, что Немец пресек эту антисоветскую вылазку. Жаль, конечно, с другой стороны, что пришлось из-за этого пожертвовать опытным агентом. Но что поделаешь! Война есть война.

Им вдруг овладело благородное чувство ответственности за будущее страны. Будущее, что это такое? Послезавтра? Чепуха! Будущее не есть чисто физическое явление. Будущее существует прежде всего в нас самих как надежды, как ожидание и как намерение. Будущее как физическое явление уже существует в настоящем, оно лишь есть реализация потенциалов настоящего. Будущее не столько предсказывают, сколько делают, причем таким, каким хотят его иметь. Когда будущее приходит, оно приносит с собой нечто такое, чего мы не хотели и что мы не ожидали от него (потому что не хотели). Будущее похоже на наших детей. В нем всегда случается нечто такое, что при самом педантично точном исполнении наших намерений и желаний делает его непохожим на наш идеал.

Будущее человечества, думал он, уже родилось: это — коммунизм. Запад тоже неуклонно движется к коммунизму. Идеи коммунизма были изобретены на Западе, а не в России. И они там не были высосаны из пальца. Не спасет Запад от коммунизма и война. Войны не меняют направление эволюции. Они лишь замедляют или ускоряют эволюцию в уже избранном направлении. Главная проблема для нас — не судьбы коммунизма, а как уцелеть в качестве данного человеческого материала. И уцелеть так, чтобы плодами выживания воспользовались мы сами, наши дети, внуки, правнуки. Если для этого надо пожертвовать самим коммунизмом, мы им жертвуем. Лишь бы выжить. Если мы выживем такой ценой, мы потом построим тот же самый коммунизм, причем не хуже нынешнего.

Дома

Приехав домой, Западник принял ванну, выпил графин водки, плотно закусил, похвалил жену за хорошую еду, спросил что-то о сыне и дочери и приготовился смотреть по телевидению интервью Генсека со-

труднику западногерманского журнала «Шпигель». Шутливый разговор с шефом КГБ не выходил из головы. Кто знает, может быть, он, Западник, действительно был рожден для дел эпохального масштаба? Но вот началась передача интервью Генсека. Совершенно пустое, серое, обычное интервью, которое мог дать любой советский руководитель.

Все в мире ожидали, думал зевающий от скуки Западник, что новый Генсек скажет или сделает что-нибудь «остренькое», чем можно было бы заполнить все газеты и журналы, привести в возбуждение тысячи политиков и десятки тысяч журналистов, короче говоря, оживить мировую атмосферу. Не оздоровить — это дело безнадежное. К тому же для мировой атмосферы оздоровление противопоказано: оно рождает скуку. Именно оживить. Ах, как это было бы приятно для мировой атмосферы, если бы новый Генсек приказал отозвать из Афганистана роту солдат, отслуживших свой срок! Сколько слов было бы сказано о победе сил свободы и демократии над советским империализмом, о стремлении советского руководства к разрядке! Сколько забытых и полузабытых, имен, некогда гремевших на мировой арене, снова вылезло бы погремать на упомянутой арене!.. Или прикажи новый Генсек пару устаревших танков пустить на переплавку! А еще лучше — наоборот, стукнул бы новый Генсек кулаком по кремлевскому столу и рявкнул бы на весь мир: «Я вам покажу кузькину мать, я вам покажу, где раки зимуют, мать вашу так и разэдак!!!» Какая это была бы радость мировому общественному мнению и всем прочим силам на мировой арене. «Вот это человечище! — вздохнул бы с облегчением мир. — Вот это железная рука! Этот, пожалуй, будет тираном похлеще Сталина! Этот любой пожар зажжет! Этот миллиард людей прикончит, не побоится! Не зря же он пятнадцать лет в КГБ заворачивал! А КГБ — не шутка! КГБ — сила!..» Но, увы, ничего подобного не произошло. Новый Генсек мямлил обычные банальности, как и старый. И западным журналистам приходится из кожи лезть, чтобы выкопать в его серых речах хотя бы какую-нибудь капельку железности, грозности, сатанинства.

Он выключил телевизор, не дождавшись конца интервью. Мысль о том, что он был рожден для чего-то

более значительного, чем «канцелярская» рутина, вновь возникла в захмелевшем мозгу. Он ушел в кабинет, удобно устроился в любимом кресле и размечтался. Сначала он мечтал о предстоящем присвоении очередных воинских званий работникам аппарата. Он, Западник, уверен, что Генсек велит присвоить ему сразу звание генерал-полковника. Для него, не служившего в армии ни одного дня, это неплохо. И давно пора ему присвоить звание Героя Социалистического Труда. Было бы, конечно, лучше получить звезду Героя Советского Союза. Это справедливо было бы: он уже командует победоносной советской незримой армией, атакующей Запад.

Война и власть

Война ему лично не страшна. Он входит в число важнейших лиц страны, которые уцелеют в любой войне. Его квартира и дача расположены в районах квартир и дач самых высших лиц (дача рядом с дачей самого Генсека), так что в случае войны ему и его родственникам гарантирована комфортабельная квартира со всеми «стратегическими» запасами в полной безопасности. Сначала под землей прямо в том же районе, затем в природных пещерах на Урале. Он беспокоился не о себе лично и не о своих близких, а о судьбе страны. И это было искреннее беспокойство: власть теряет все свое обаяние без того народа, над которым она есть власть. Робинзоны не бывают королями, президентами, канцлерами, маршалами, министрами и... аппаратчиками. Разве что в сумасшедшем доме. Уцелевшее руководство без массы руководимых в течение нескольких недель превратится в сумасшедший дом в буквальном, медицинском смысле слова. Двор свергнутого короля или императора мог выглядеть нормальным человеческим объединением лишь постольку, поскольку оставалась масса людей, которые сохраняли историческую память, приверженность и сочувствие. Но и тут была лишь игра полоумных. Любой психиатр мог бы констатировать тут уклонение от норм человеческой жизни. Так что уж говорить о сравнительно небольшой группе людей, довольно примитивных интеллектуально, с бедной культурой, привыкших

властвовать, привыкших к почестям и комфорту, довольно старых, которые вдруг оказались без всего того, что породило их! Если даже допустить, что на Земле сохранится значительная часть населения, но какое-то время будет опасно жить на поверхности, все равно сознание изолированности сделает свое коварное дело. Массовое умопомешательство в спасенной руководящей группе, какой бы большой она ни была, будет неизбежным следствием изоляции.

Если что-то способно удержать людей от новой мировой войны, так это страх сильных мира сего оказаться после войны на положении сумасшедших в подземных или отдаленных от бывших центров культуры изоляторах. И еще неизвестно, как поступит уцелевшее на Земле население с ними. Скорее всего оно расправится с ними как с виновниками трагедии.

Трезвый подход

Он выпил еще бутылку водки, и мысли его стали трезвыми.

Война неизбежна, подумал он. И мы это понимаем. Мы готовимся к ней. А как? По бумагам — превосходно. А на деле? На деле, как и во всем, сплошная халтура.

Недавно он возглавлял особую комиссию, инспектировавшую состояние межконтинентального оружия, по идее готового в любой момент начать действовать. Стоит кнопку нажать, и... И либо ничего не получится, либо получится не то. Судить мерзавцев надо!

Размышляя таким образом, мой государственный муж уснул в кресле.

Сон

Ему приснилось, будто советская разведка сообщила: США начнут атомную войну против Советского Союза в такое-то время такого-то числа. Сообщил самый ценный советский шпион, который был внедрен в Пентагон еще до образования США, и потому он не вызывал никаких подозрений у ЦРУ и ФБР. Западник, получив такое сообщение, бросился искать Генсека: надо опередить американцев! Но Генсек уехал на юг

в санаторий и просил не беспокоить целый месяц из-за всяких пустяков. Тогда он решил разыскать членов Политбюро. Но те разъехались по дачам и не захотели принимать его без ведома Генсека: еще подумает, что заговор устраивают, с Генсеком такую же шутку сыграть хотят, как в свое время с Хрущевым. Что делать? Тогда он решил сам взять на себя великую историческую ответственность и нажать Советскую Кнопку раньше, чем это сделает американский аппаратчик. Он бросился искать Кнопку, но никак не может ее найти.

Он спрашивает одних прохожих: где, мол, Кнопка? Ему показывают налево. Бежит налево — нет Кнопки. Другие прохожие говорят, что Кнопка — направо. Бежит направо — там тоже никакой Кнопки. А время идет. Американский кагебешник (называемый там Восточником) уже шагает по длинному коридору Пентагона к своей Кнопке. И указательный палец держит наготове, негодяй. Что делать? Как быть?! Заплакал мой патриот Западник горячими слезами. Решил обратиться прямо к трудовому народу, как в свое время товарищ Сталин. Мол, старики и дети, мужчины и женщины, калеки и здоровые, братья и сестры, дорогие друзья мои! Так, мол, и так, укажите, где Кнопка зарыта? Так и сделал. Указали ему трудящиеся на Кнопку: вот, мол, она, прямо у тебя под носом! Обрадовался Западник, как кот на мышь, бросился на Кнопку. Всеми десятью пальцами нажал на нее. А Кнопка не работает!.. Не работает, и все тут. Сломали Кнопку трудящиеся массы! И оборудование все растащили и пропили. Дорогое оборудование, американское! Наши шпионы десять лет охотились за этим оборудованием. Сколько сил потратили! Сколько политиков и бизнесменов подкупили! Сколько прогрессивных сил совратили! А тут — за паршивую поллитру водки сперли и продали. И водка-то не первый сорт, не «Московская особая», не «Столичная», а самый дешевый «сучок»! У нас всегда так: чуть зазеваешься, разворуют или сломают. И ракеты новейшие мигом на самогонные аппараты переоборудуют, титановые оболочки на крыши для сараев и погребов пустят.

Что же все-таки делать? Надо страну привести в состояние боевой готовности и начать войну без Кнопки.

Сказано — сделано. Отдал он все необходимые распоряжения. Кинулись все граждане исполнять свой долг согласно инструкциям, планам, предписаниям и высшим эпохальным, стратегическим и тактическим концепциям. Все делают как положено. Даже лучше. Но ничего путного у них не получается. По отдельности все верно, а в целом — ошибка выходит. Ракеты не летят или летят не так как положено. Бомбы взрываются как-то боком и вверх ногами. Чего-то во всем этом не хватает. Чего? Чего?!!

Великий проект

Нам не хватает ядра, которое придало бы нашей подготовке к войне более целесообразный и эффективный характер, думал он по дороге на работу. Нужен комплексный проект будущей войны. Великий Проект Будущего. Надо принять этот Великий Проект Будущего как абсолютный государственный закон. Надо построить всю жизнь страны так, чтобы нельзя было этот Закон нарушить никому, чтобы нельзя было его отменить и вернуться вспять. Жизнь по этому Закону должна пойти так, чтобы никто и ничего не смог бы разворовать, сломать, разбазарить, пропить. Чтобы нельзя было халтурить и обманывать.

Одним словом, этот Великий Проект должен обладать божественной мудростью, ясностью, предопределенностью. И он, Западник, отныне посвящает свою жизнь этому Великому Делу Жизни.

Закончив эту мысль, мой Западник даже прослезился от радостного возбуждения. Он почувствовал, что наконец-то приобщается к Великой Истории, которая ему по плечу, которая адекватна его личным масштабам. Последующие две недели Западник работал более вяло, чем обычно. Помощник решил, что он нездоров, и посоветовал ему отдохнуть в санатории. Сейчас особо важных дел нет, одна «текучка», можно и без него обойтись. В случае чего помощник свяжется по прямому проводу или прибудет лично. Но Западник не был болен. Наоборот, он был здоровее обычного. Он обдумывал важнейшую проблему: как назвать свой Великий Проект Будущего? Наконец его осенило: он назовет его «Великая Кнопка». Не «Волга», не «Во-

сток», не «Союз», а именно «Великая Кнопка»! Его Великий Проект и будет той кнопкой, нажав которую, мы завоюем всю последующую историю.

Отцы и дети

Личная жизнь ответственных лиц страны и членов их семей скрыта от общественного мнения, которое в стране вообще отсутствует, т. е. не передается гласности и тщательно скрывается. По идее такие лица и их домочадцы должны быть образцом нравственности. И уж во всяком случае они должны чтить уголовный кодекс. Каков на самом деле уровень нравственности этой среды, установить практически невозможно, — запрещено. Лишь по отдельным, из ряда вон выходящим фактам, которые становятся всеобщим достоянием через специфически советскую систему распространения информации — через систему слухов, простые граждане догадываются, что «там» далеко не все в порядке. Они удивляются, конечно, тому, что и «там» полно жуликов, бандитов, мошенников, подлецов и мерзавцев. «Чего им там еще нужно?! — недоумевают простые червяки человеческого муравейника. — Ведь все имеют по потребности, как при полном коммунизме: еды вдоволь, питья вдоволь, жилья вдоволь, развлечений вдоволь. Что еще нужно?!» Наивные червяки человеческого муравейника забывают при этом доморощенную житейскую мудрость «Аппетит приходит во время еды» и высокую научную истину «Удовлетворенная потребность рождает новую».

Шеф КГБ попросил Западника зайти к нему в кабинет и положил перед ним объемистое досье на его любимого сына. Западник побледнел, сильно кольнуло сердце. Но он виду не подал. Молча перелистал содержимое папки. Моральное разложение — это пустяки. Это поправимо. Сейчас многие проходят через это. Это вроде того, как русские дворяне в молодости в гусарах служили. Но вот кое-что похуже. Валютные махинации. Наркотики. Контакты с западными секретными службами.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал шеф КГБ, подчеркнуто обращаясь к Западнику на «вы», — что важно принять меры, чтобы никакая информация не стала

достоянием прессы на Западе. Кроме того, вот этих лиц надо срочно отозвать с Запада, установив за ними строжайший контроль. Вот этих лиц желательно нейтрализовать...

«Мы даем нашим детям самое правильное воспитание,— думал он, вернувшись домой и уединившись в кабинете.— Почему же получаются такие досадные срывы?»

Он так и подумал: «досадные срывы». Сам собой напрашивался вывод: тлетворное влияние Запада. Он вспомнил коллекцию порнографических романов в библиотеке дочери, по ее словам — самую богатую в Москве. Он не придавал этому значения: книги были на непонятных ему языках, и потому они казались ему не понятными никому и безобидными. Он вспомнил коллекцию детективных и криминальных романов у сына. Пластинки и кассеты современной западной музыки. Фильмы. Иногда сын запирался с друзьями в своих комнатах — смотрели эротические фильмы, привезенные с Запада. Смотрели вместе с девочками. Теперь он догадывается, что они не только смотрели, но применяли виденное на практике. А в другой раз он краем уха слышал рассуждения «детей» о наркотиках. Они говорили, что надо все самим попробовать, что нельзя все принимать на веру. Кто знает, может быть, истина не только в вине и женщинах?!

Этому надо положить конец, думал он. Надо опустить новый «Железный занавес». Только более умный, чем раньше. Нам надо брать на Западе лишь то, что не несет с собою моральное разложение нашего общества.

Ему в голову приходили и другие красивые и торжественные мысли. Ему не приходили в голову лишь самые простые житейские истины, имеющие силу для всех времен и народов. На людей самое сильное впечатление производят не привычные явления, а из ряда вон выходящие. При воспитании людей решающую роль играют не повседневные добродетели, а исключительные пороки. Мой Западник не помнил, например, об одном вроде бы ничтожном событии в их жизни. Они ждали в гости одного человека, от которого зависел следующий шаг в карьере Западника. Они говорили об ожидаемом госте с презрением. Дети слышали разговор и догадывались о его сути. И как изме-

нилось поведение родителей, когда гость прибыл! И дети это тоже отметили в глубинах своих душ. А сколько было случаев такого рода в их семье! Сколько они потом видели случаев, разрушающих официальную мораль, в школах, институтах, в других семьях! А лицемерие и ложь пропаганды!.. Короче говоря, Западник забыл про ту житейскую грязь, через которую прошел он сам. Он выкарабкался и обзавелся добродетелями. А дети его уже не нуждались в том, чтобы выкарабкиваться. Для них проблема жизни заключалась лишь в том, чтобы сохранить доставшиеся им по рождению блага, но не обзаводиться при этом никакими ограничивающими их добродетелями.

Он не думал обо всем этом потому, что это была норма его жизни, а не ее нарушение. Влияние же Запада было уклонением от нормы. Пройдя через свою отечественную житейскую грязь (через «школу жизни»), дети наберутся мудрости («перебесятся») и пойдут по стопам отцов. Так было. Так есть. И так будет. А вот влияние Запада!.. Не будь этого проклятого Запада, его сын стал бы обычным советским человеком — прохвостом в третьем поколении, как сказал бы дед.

Ненависть к Западу охватила все существо моего Западника. Запад — не просто враг его страны. Запад есть его личный враг, угроза всему тому, что входит в его ощущение и понимание жизни.

Станным во всей этой ситуации было то, что Западник не усомнился в достоверности тех материалов на сына, которые предъявил ему председатель КГБ. А между тем лишь часть этих материалов соответствовала истине. Но если бы даже он усомнился, как он мог проверить их?

Расплата

Ночь он не спал. Когда он на другой день приехал в свое учреждение, он был совершенно седой. Сослуживцы знали о причине, но не подали виду. Дома они учили своих детей уму-разуму, но так, что дети делали свои отнюдь не нравоучительные выводы.

Он позвал заместителя. Час беседовал с ним. Заместитель вышел из его кабинета с таким видом, как будто получил приказание нажать роковую Кнопку.

Прошло несколько дней. В одной бульварной газетенке на Западе мелькнул смутный намек на то, что сын некоей важной персоны в центральном советском аппарате власти погиб в весьма странной автомобильной катастрофе. Но на другой же день газетенка сама опровергла слух.

А Западник слег в больницу с инфарктом. Положили его, естественно, в Кремлевскую больницу (в Кремлевку).

Инфаркт был первый и не очень серьезный. Через неделю он уже принимал посетителей. Навестили его и дочь с зятем, которого наконец-то выдвинули в члены-корреспонденты Академии Наук. Правда, не выбрали. Но и тот факт, что выдвинули, был сам по себе важен. Зять теперь назначат заведовать отделом в институте, а на следующих выборах все-таки выберут и в членкоры. На радости зять рассказал новые анекдоты, которыми сейчас потешалась вся Москва. Дочь и зять смеялись, а ему было не до смеха: анекдоты касались ситуации в высшем руководстве, а значит — и его лично. Рассказав шутку насчет того, что «Генеральный Секретарь ЦК КПСС после тяжелой, продолжительной болезни, не приходя в сознание, приступил к исполнению служебных обязанностей», дочь и зять ушли.

Потом приехала жена. Она сообщила приятную новость: прах сына разрешили поместить в колумбарии Донского монастыря. Это, конечно, не Новодевичье кладбище, но все же и не Новодачное.

Как она постарела, думал он, глядя на сидевшую перед ним бесформенную седую женщину, к которой никогда не испытывал глубоких чувств (а к кому он их испытывал?!). И когда она успела так постареть?

Он не подумал о том, что его сын был и ее сыном. Он снова погрузился в думы эпохального значения, и ему было не до этой «глупой старухи».

Будущая война

В соседней палате лежал очень важный генерал. Он лежал уже со вторым инфарктом и был на пути к выздоровлению, — на пути к третьему, т. е. последнему инфаркту. Иногда он гулял с Западником, которого

знал много лет, и обменивался с ним мыслями о будущей войне.

— Нам друг другу врать ни к чему,— говорил генерал.— Мы с тобой фактическое положение знаем. Выдержим мы конкуренцию с американцами, если пойдем их путем? Нет, ни при каких обстоятельствах. Какой вывод? Нам надо делать то, что не зависит от этой конкуренции. Нам своим путем идти надо. Каким? Прежде всего — атомное оружие. Мы уже сейчас умеем делать бомбы посильнее американских. А скоро мы такие «штучки» будем делать, какие американцам пока не снятся. Одной бомбочкой можно будет Нью-Йорк с лица Земли снести. Согласен, американцы будут развивать средства защиты от наших бомб. Но что бы они ни выдумали, по крайней мере, одна наша ракета из ста с такой «бомбочкой» прорвется к цели. И этого нам достаточно. Пойми, наше главное оружие на много лет — наша способность нанести огромный ущерб противнику именно с помощью атомного оружия. Нас боятся, так как знают, что мы на это способны во всех смыслах. А все остальное — пустые фантазии. Нам надо быть реалистами. Во-первых, мощное атомное оружие как средство защиты от возможного нападения. Во-вторых, развитие других форм вооружения, какие нам под силу и какие будут еще более опасными для Запада. Запад должен осознать, что мы никогда и ни при каких обстоятельствах не капитулируем, что мы будем воевать любой ценой и до последнего, что мы способны нанести непоправимые потери Западу, несмотря на превосходство Запада во всех отношениях.

В другой раз генерал рассказал Западнику еще об одной перспективе использования атомного оружия. Рассказал «по секрету». Это рассмешило Западника: говорить по секрету ему, который живет в этих секретах и набит ими от пяток до лысины! Но то, что сказал ему генерал, его изумило. Он думал, что это относится к области научной фантастики. Оказывается, это становится реальностью. С помощью водородных бомб, как утверждал генерал, можно изменить климат на Земле так, что в США и Западной Европе наступит полярный холод. Снежные ураганы парализуют там всю жизнь. И «они к нам приползут на четвереньках с просьбой принять безоговорочную капитуляцию».

Главное — рассчитать точно, сколько «бомбочек», каких и где взорвать подо льдом Ледовитого океана и в Восточной Сибири.

И все же мой Западник в эту «сказку» не поверил. Он был склонен к концепции более высокого (как он думал) интеллектуального уровня. Про себя он считал генерала тупицей, хотя этот «тупица» с отличием окончил две военные академии, а он, Западник, всего лишь самый ничтожный факультет университета, и с посредственным дипломом. Этот генерал не одинок в своем заблуждении, думал Западник. Сейчас многие возлагают надежды на некое всепокрушающее оружие, которое позволит решить все проблемы войны в считанные дни и даже минуты. Таким пока считается атомное оружие. Не исключено, что оно будет как-то использовано. Но не в нем суть дела. Не одно оно решит исход войны. А скорее всего — вообще не оно. Мы должны исходить как из аксиомы из предположения, что война будет глобальной и затяжной. В ход пойдут абсолютно все средства уничтожения людей без всяких ограничений. И подготовка к реальной войне не должна сводиться лишь к изобретению и усовершенствованию сверхоружия.

Сложился предрассудок, будто любой пустяк может послужить поводом к мировой войне, будто война начнется внезапно (нажмут кнопку, и все), будто воюющие державы в считанные минуты разрушат друг друга. Это мнение удобно как средство воздействия на массы. Но для себя мы знаем, что это есть чепуха. Мировая война по самой своей природе не может начаться внезапно. Ее не так-то просто развязать. Чтобы великая война началась, нужна определенная предвоенная ситуация во всем мире. Нужно, чтобы появились лица, способные принимать роковые решения, и чтобы они приобрели авторитет в массе населения и пришли к власти. Война должна носиться в воздухе. Массы населения должны привыкнуть к мысли о ее неизбежности и ждать ее с нетерпением. Война должна стать желанной в том смысле, в какой приговоренный к расстрелу порой с вожделением ждет команду «Пли!».

В войну будут втягиваться постепенно и неохотно. Даже серьезные поводы будут оставаться без последствий. И великие державы не будут разрушены в мину-

ты. У них мощные средства защиты, они долго будут сопротивляться силе противника. Чтобы начать войну, нужен инициатор и молчаливое согласие противников на это. Без нашего согласия война не начнется. А мы еще не готовы к победоносной войне. Чтобы быть готовым, нужно сделать нечто подобное тому, что мы сделали в свое время с космической программой, но в гораздо больших масштабах и с расчетом на целую эпоху, а не на несколько лет.

Смерть генерала

Ночью генерал внезапно скончался. Скончался из-за какой-то пустяковой медицинской ошибки. На другой день все газеты напечатали некролог, подписанный самим Генсеком, всеми членами Политбюро и всеми высшими военными чинами.

Смерть генерала напугала его: а вдруг и он, Западник, так же внезапно умрет, не завершив свой Великий Проект?! Но страх заглушила мысль о том, что после его смерти будет напечатан такой же некролог, как на генерала. Правда, у него, Западника, наград не так много, как у покойного генерала. И в войне с Германией он не принимал участия. Зато он вел и ведет непрерывную агентурную войну с Западом. А через несколько лет и у него наград будет достаточно. И Золотая Звезда будет. И чин генерала армии будет. А если его Великий Проект будет одобрен, то и побольше кое-что будет. Конечно, неприятная история с сыном ему несколько повредила. Но он вел себя в этот трудный момент правильно, как подобает настоящему коммунисту. Сам шеф КГБ признал это. Так что это может даже сыграть положительную роль. Нет худа без добра.

Не-е-т, Западник не из того материала сделан, чтобы умереть внезапно, не доведя до реализации свой Великий Проект. А некролог у него будет даже лучше, чем у генерала.

Некрология

Некрология есть наука о советском человеке как о существе, подлежащем умиранию. Возникла она на основе практики социалистических похорон, из неуклонно растущей потребности трудящихся в составлении некрологов, венчающих их жизненный путь. Согласно этой науке, советские люди разделяются на тех, кто после смерти удостоивается некролога, и тех, кто не удостоивается. Первые называются некрологизируемыми. Некрологи разделяются по рангам в зависимости от социальных рангов некрологизируемых. На самом низшем уровне находится некролог в десять строчек в стенной газете учреждения, где работал или состоял на партийном учете после выхода на пенсию некрологизируемый. Такой некролог подписывает безымянная «Группа товарищей». На самом высшем уровне находится некролог, помещаемый на первой странице центральных газет и подписываемый высшими лицами страны.

Некрологизируемые граждане, в свою очередь, разделяются на две категории,— на таких, на которых некрологи сочиняются после смерти некрологизируемых, и на таких, на которых некрологи сочиняются еще до смерти некрологизируемых, зачастую — когда те находятся еще в расцвете всяческих сил и в самом начале успешно делаемой карьеры. В первом случае некрологи сочиняют парторги или профорги, а то и вообще рядовые члены партийного или профсоюзного бюро. Сочиняют на каком-нибудь клочке бумаги, уже использованной на одной стороне. Сочиняют за каких-нибудь пару минут. Мол, скоропостижно... после продолжительной болезни... преждевременно... внезапно... тяжелая утрата... невосполнимая потеря... Но никогда не пишут, что некрологизируемый скончался своевременно или с большим опозданием, что смерть его все ожидали с нетерпением, что смерть его является благом для учреждения, сослуживцев и родственников. Во втором случае некрологи сочиняют ответственные лица высоких партийных инстанций с участием представителей общественности тех учреждений, в которых некрологизируемый числился в живых в данный момент. Такие некрологи утверждаются соответствующими органами власти. При этом также устанавливается, где

будет опубликован некролог и кем он будет подписан. В связи с изменением положения некрологизируемых и общих партийных установок некрологи корректируются и заменяются новыми.

Некролог в советском обществе

Некролог играет огромную роль в жизни советских людей. Он входит в норму потребления граждан подобно продуктам питания, жилью и прочим жизненным благам. Он есть законная награда, венчающая жизненный путь строителя коммунистического общества. Миллионы людей живут в предвкушении того сладостного момента, когда их сослуживцы увидят их подретушированный портрет тридцатилетней давности в траурной рамке и прочтут сообщение о их преждевременной кончине. Из этого сообщения все живые узнают, какого замечательного гражданина они потеряли в лице покойного. В нашем учреждении работал один склочник и клеветник. Он неоднократно повторял нам: погодите, негодяи, вот подохну скоро, и тогда вы все воочию убедитесь в том, что я был кристально честным, самоотверженным, добросовестным и талантливым тружеником вашего сволочного коллектива. Так оно и случилось. Его приукрашенная фотография периода гражданской войны, снабженная приведенными выше высокими эпитетами, долго взирала на нас со стенной газеты и напоминала нам о бренности всего живого и о вечности всего мертвого.

Один важный чиновник, потерявший высокий пост во время смены руководства, сумел снять копии со всех своих некрологов, которые составлялись на него по мере того, как он поднимался по служебной лестнице. Он очень ими гордился и собирался повесить их в позолоченных рамках на стену, рядом с Почетными грамотами. Он догадывался о том, каким будет его последний некролог, и очень страдал из-за этого. Он считал несправедливым не столько то, что его выбросили из системы власти, сколько этот последний унижительный некролог. Он вскоре умер от тоски по достойному его прошлого некрологу, хотя по состоянию здоровья еще лет двадцать мог бы оставаться «на боевом посту».

А вот другой случай, с противоположным исходом. Крупный партийный работник, впавший в опалу, умер. Его навестил сам Генеральный Секретарь ЦК КПСС и пообещал подписать его некролог. Генсек был уверен, что его обещание есть всего лишь предсмертное утешение. Но умиравший воспрянул духом и через пару дней выздоровел. После этого его имя еще десять лет фигурировало в списках лиц, подписывавших некрологи высших категорий.

В обществе к некрологам относятся в высшей степени серьезно, не менее серьезно, чем к партийным документам и пятилетним планам. Я думаю, что при полном коммунизме все сто процентов граждан будут охвачены некрологами, а в Конституции будет особая статья о священном праве каждого новорожденного члена общества на некролог. И тогда мы окончательно и бесповоротно утрем нос Западу и в отношении прирожденных прав человека. О серьезности отношения к некрологам вы можете судить по такому примеру. Одного многообещающего прохвоста взяли на работу в ответственное учреждение. Когда сослуживцы отмечали это переломное в его жизни событие, он сказал, что на него теперь первым делом заготовят некролог на всякий случай. Начались послабления, и счастливый начинающий карьерист решил позволить себе шутку на этот счет. Он сам сочинил на себя шуточный некролог в таком духе: сослуживцы, родственники и друзья с великой радостью сообщают, что после сильного перепоя сдох отъявленный карьерист такой-то. На другой же день его уволили из этого учреждения и навеки вычеркнули из списка некрологизируемых. Он с горя ударился в запой и вскоре и в самом деле умер от алкогольного отравления. Умер совсем без некролога. А это хуже, чем для правоверного христианина умереть без отпевания.

Некрологи состояются из общих, шаблонных фраз. Каждая из этих фраз по отдельности приложима к любому некрологизируемому гражданину и не характеризует его индивидуально. Но их сочетание по правилам некрологии всегда оказывается таким, что, если в день Страшного Суда все некрологизируемые восстанут из праха, каждый из них безошибочно отыщет свой личный некролог в океане одинаковых, штампованных некрологов, подобно тому, как самка тюленя

по крику находит своего тюлененка среди непрерывного рева тысяч ему подобных тюленят.

Самая затаенная мечта сотрудников системы власти — завершить свою жизнь некрологом в центральных газетах, подписанным высшими лицами страны. Западник не был на этот счет исключением. Страсти, бурлившие в нем по поводу некролога, были посильнее страстей шекспировских героев. Для него потеря возможности получить некролог высшей категории была бы гораздо более страшной бедой, чем потеря короны для короля. Ведь корона — явление временное, а некролог — это навечно.

С чего начинать

В больнице он много думал о назревших в стране реформах. Генсек начал свою реформаторскую деятельность с бесперспективной борьбы против пьянства. А с чего начал бы он, Западник, если бы его вдруг выбрали Генсеком? Он перебрал в сознании все возможные варианты и не нашел среди них ни одного, достойного масштабам замыслов. Все варианты отпали. Остался один: борьба с пьянством, с халтурой, с коррупцией и прочими привычными явлениями жизни. Сама система обрекает ее реформаторов на мелочность и низводит эпохальные намерения до уровня, достойного насмешки.

Абстрактно рассуждая, можно было бы начать сразу с грандиозных перемен. С каких? Например, с резкого сокращения нашей международной активности, с сокращения трат на Кубу, на африканские и азиатские страны. В общем и целом эти траты непроизводительны. Все средства страны бросить на улучшение материального положения нашего населения, на развитие новых форм оружия, на внутреннюю консолидацию всех сил страны для будущего рывка вперед. Абстрактно рассуждая, мы могли бы совершить чудо и в области экономики, аналогичное немецкому и японскому. Но это — лишь абстрактно рассуждая. А конкретно тут приходится иметь дело с миллиардами мелких дел, за которыми в принципе невозможно уследить. Как направить эту огромную и косную массу в нужном направлении? С чего все-таки начинать?..

Призрак сталинизма

Западник задремал. Ему привиделся Сталин.

— Проблема примитивна,— сказал Сталин.— Начинать надо с репрессий. Надо арестовывать, отправлять в лагеря и расстреливать. Но надо это делать в больших масштабах и регулярно. Арестуйте для начала миллионов десять, и любые преобразования пройдут как по маслу. А там войдете во вкус, арестуете еще миллионов двадцать. И никакой Запад вам страшен не будет. И вообще запомни, дорогой: главный враг всякого великого реформатора — его собственный народ! И его соратники, само собой разумеется.

— Согласен,— прошептал Западник.— Но кого арестовывать? Диссиденты почти все вывелись...

— Сажать надо сначала своих. Потом — всех остальных.

— Кого сажать, мы, допустим, найдем. Но вот тех, кто готов сажать других, у нас не так уж много.

— В таком случае дела ваши безнадежны.

— Андропов думает иначе.

— Твой Андропов долго не проживет,— сказал Сталин,— и не успеет доказать всему миру, что он — такое же ничтожество, как и Брежнев.

— Но ведь он пятнадцать лет успешно руководил КГБ!

— КГБ есть лишь орган власти, а не вся власть. И тем более не вся страна. Мой Берия как глава Органов государственной безопасности был не хуже твоего Андропова. Но он был ничто как государственный руководитель. Если бы он пришел к власти, он угробил бы страну. Никакого особого андроповского стиля руководства нет и быть не может. Есть только один стиль руководства: сталинский. Все прочее — отсутствие всякого стиля, эклектизм, растерянность, мелочность. Любой Генсек теперь может иметь успех лишь при одном условии: если честно и открыто объявит себя последователем Сталина.

— На это вряд ли пойдет кто-нибудь.

— Тогда любой реформаторский порыв уйдет в бесперспективную борьбу против пьяниц. Бороться против пьянства вообще грубая ошибка.

— А что же делать?

— Вместе с пьяницами начать борьбу против трезвых.

Надо прежде всего снизить цену на водку. А потом можно будет делать что угодно. Что именно? Повторяю, сажать! Надо посадить всех, и тогда все проблемы будут решены сами собой. Между прочим, принято решение снизить уровень твоего некролога на один ранг...

— Не может быть! — закричал Западник в ужасе. — Ты лжешь!!

Но Сталин исчез. Западник очнулся. Неужели Они в самом деле решили занизить уровень его некролога?! Не может этого быть! Генсек не допустит этого. Надо принять меры! Надо непременно встретиться с Генсеком и поговорить на эту тему.

Притча о штуковине

Раньше, когда Генсек был главой КГБ, они встречались чаще. И разговоры были откровеннее и острее. Во время одной из таких встреч Западник рассказал будущему Генсеку такую притчу, которую он сам вычитал из статьи Социолога.

Спроектировали в Советском Союзе танк. И какой танк! Чудо-танк. По последнему слову науки и техники. Западной науки и техники, конечно, не нашей же. Зачем же нашей, если западная есть?! Скорость танка — триста километров в час. Правда, не для наших дорог. Но ведь его и придумали не для наших, а для западных дорог. Представляете себе картину: по западным автобанам в четыре ряда мчатся наши чудо-танки со скоростью триста километров в час! А в них — наши простые советские парни, освобождающие передовое и свободолюбивое человечество от ига капитала, колониализма и империализма! Вооружение танка — ультрасовременное, убивающее и разрушающее все в считанные секунды. Причем все автоматизировано. На особом циферблате — деления, соответствующие типу, силе и назначению оружия. Поставишь стрелочку на нужное деление (например — «разгон демонстрации» или «государство размером с Францию»), нажмешь кнопочку, и все. А дальше умные компьютеры и автоматические устройства делают все сами — устанавливают дозировку бактерий, газов или микро-

частиц, скорость действия и прочее. Ты сидишь себе спокойно в мчащемся по автобану танке и ждешь дальнейших распоряжений. И все! И прицелы автоматические. Нажимаешь кнопку, и карта нужного района мира перед тобой. Коснешься особым острием нужной точки района, нажмешь кнопочку рассчитанного автоматического оружия, и опять-таки ждешь.

Посмотрели ответственные лица на проект чудо-танка и дали свое «добро». Поручили трудящимся выпустить в текущем году текущей пятилетки десять тысяч таких танков. «Есть,— сказали трудящиеся,— будет сделано досрочно и с перевыполнением!»

Только был во всем этом один маленький недостаток. Когда построили танк, выяснилось, что он не работает. Не хватало одной маленькой штучки в механизме, без которой танк не мог двигаться даже со скоростью старого ревматика и стрелять с силой рогатки. И изготовить эту штучку силами своей индустриальной мощи, науки и техники никак не могли. Послали тогда десять разведчиков на Запад узнать, как там дело обстоит с такими штучками. Уехали разведчики. Прошел год, а от них никаких известий. Послали тогда еще сто разведчиков. Уехали эти, и опять ни слуху ни духу. Послали еще тысячу разведчиков, и опять те как в воду канули... Вот каким твердым орешком оказалась эта малюсенькая штуковина! Наконец высшие руководители категорически потребовали бросить все силы разведки на решение этой проблемы. Послали на Запад десять тысяч шпионов. Те выяснили, куда делись их предшественники. Последние устроились в правительствах западных стран, в военных штабах и фирмах, выпускавших военное оборудование. Но никаких следов штуковины не обнаружили. Они даже были рады этому, поскольку привыкли сытно и с комфортом жить на Западе. Их примеру последовали и новые десять тысяч разведчиков. И они тоже радовались тому, что никакой такой штуковины в западной военной технике нет.

Советские руководители уж решили было приказать построить новый танк без такой штуковины, как вдруг она нашлась: пятилетний сын советского посла нашел ее в детской игрушке. Ах, какое было ликование в стране по поводу открытия этой штуковины! Все разведчики, бывшие на Западе, а также все, не бывшие там,

были награждены орденами и повышены в чине. Было решено наладить отечественное серийное производство таких шуковин. И наладили бы — нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики!.. Но тут обнаружилось, что в этой шуковине есть еще более маленькая шуковина, которую никак невозможно изготовить собственными силами...

— Но ведь нам без этих «шуковин» все равно не обойтись,— сказал будущий Генсек, выслушав притчу и посмеявшись ей.— А делать эти «шуковины» своими силами у нас на это нет средств и времени. Знаешь, сколько таких «шуковин» нам требуется, чтобы тянуться за Западом?!

— А зачем нам вообще соревноваться с Западом? — ответил Западник.— Нам надо идти своей дорогой. Нам надо развивать то, что нам по силам.

— Соревноваться с Западом бессмысленно, согласен. Но ведь Запад наш враг в будущей войне, от этого никуда не денешься. И нам надо победить, иначе нас просто сотрут с лица Земли. Запад либерален и гуманен лишь постольку, поскольку мы способны дать сдачи. Но ведь еще лет десять, и Запад разовьет военный потенциал, значительно превосходящий наш.

— Не преувеличивай возможности Запада. У них есть свои слабости. В будущей войне победит тот, кто разовьет способность оригинально и творчески мыслить. Вот любопытный пример. Писарро высадился в Америке с тремястами воинов. Его окружила огромная армия индейцев, которой было достаточно просто идти, и она без всякого оружия втоптала бы испанцев в землю босыми ногами. Писарро предпринимает действие, совершенно не укладывающееся в рамки сознания индейцев: он бросается на их вождя, которого они считают Богом, и захватывает его. Индейцы поражены этим до такой степени, что капитулируют без сопротивления. Нечто подобное, совершенно неожиданное для западного способа мышления, должны придумать и мы.

— С группой диверсантов захватить Президента США,— пошутил будущий Генсек.

— Если бы Президент для американцев был Богом, в этом был бы смысл,— ответил шуткой же Западник.

— Но надо ведь трезво смотреть на вещи. В конечном счете, решающим является соотношение сил.

— Согласен. Только вот в чем вопрос: кто и как измеряет это соотношение сил? Перед нападением на нас в 1941 году немцы тоже основывали свою уверенность на соотношении сил, которое было, как они думали, в их пользу. Они ошиблись. Наш расчет, который западным экспертам казался пропагандистской болтовней, оказался точнее немецкого, т. е. западного. Запад и мы измеряем одно и то же явление — соотношение сил. Но мы пользуемся разными критериями измерения. Западные критерии имеют смысл, если социальные системы однотипны. А если они разнотипны? Одна акула и миллион селедок — кто сильнее? Один тигр и тысяча шакалов — кто сильнее? Есть принцип спрута с тысячью щупалец, проникающих во все уголки планеты. И есть принцип акулы, свободно бороздящей океан и поведение которой непредсказуемо. Какой лучше?

— У тебя есть какие-то конкретные соображения на этот счет?

— Общие соображения очевидны. Раз страна в целом не может конкурировать с Западом, значит, надо выделить в ней часть, для которой можно создать условия, сопоставимые с западными. Эти условия можно создать только за счет другой части. Лишь такое частичное государство в государстве, или государство второго уровня, способно конкурировать с Западом. Наше общество способно решать задачи грандиозного масштаба. Но одну-две в данное время, а не много сразу. Оно решает эти задачи за счет концентрации всех сил страны на них. Если задач много, силы разбрасываются, и ни одна задача не решается толком. Сейчас наша главная задача — подготовка к победоносной войне. Именно для этого надо создать частичное военное государство в нашем мирном в общем и целом государстве. Как это сделать — для этого надо сначала разработать детальнейший план вроде наших пятилеток.

— Да мы давно пошли фактически по этому пути, выдвигая на первый план укрепление обороноспособности страны. Но, конечно, мы еще далеки от того, чтобы превратить все, что касается обороны, в особое государство в государстве. Тут надо думать и думать. А на

все это нужно время и терпение. И конечно, вся полнота власти. Нужна власть не видимая, а реальная, вроде сталинской, а то и покрепче. И кроме того, в стране уже есть бесчисленные организации и чиновники, которые имеют реальную власть изобразить свою деятельность как воплощение в жизнь самых наилучших планов подготовки страны к войне. Сталину было легче: тогда все создавалось впервые. Нам надо переделывать уже созданное, создавать новое в борьбе с созданным, ломать созданное, чтобы расчистить путь для нового. Эта задача много сложнее.

Великий Проект

Его Великий Проект и должен стать планом построения особого военного государства внутри общего мирного советского государства. Но одно дело — идеи. И другое дело — обработка необъятного конкретного материала в духе этих идей. Если ты скажешь, например, что нет необходимости в больших масштабах строить современные подземные сооружения для жизни людей в течение многих лет, так как страна уже располагает огромными историческими данными и природными возможностями на этот счет, то ты этим вряд ли кого убедишь. Нужен целый научно-исследовательский институт для того, чтобы рассчитать, во что может обойтись строительство защитных подземных сооружений, и доказать, что выгоднее и надежнее ничего не строить. А чтобы обосновать, что все население страны можно спрятать в природные пещеры, нужно разработать план переброски населения к ним. Любой военачальник, знающий, что такое передвижение одной лишь армии, скептически усмехнется, если не представишь ему с военной четкостью и точностью разработанный план передвижения больших масс населения. Любые идеи, пусть даже сверхгениальные, суть ничто без людей, претворяющих их в жизнь. Надо готовить кадры. И первым делом надо создать особое учебное заведение по подготовке специалистов высшего класса по комплексным проблемам войны. Нужно отбирать туда самых способных молодых людей. Нужно создать для них высочайший уровень жизни, лучше, чем у космонавтов. Нужно дать им образование много лучше

университетского. Из выпускников этого заведения надо создать исследовательский центр по проблемам будущей войны. Нужно открыть им самые сокровенные секреты нашей страны. Надо, наконец, реорганизовать жизнь страны в соответствии с результатами их исследований.

После выхода из больницы он решил раскрыть свои тайные мысли Генсеку. Без поддержки последнего о реализации Великого Проекта и думать нечего. Великий Проект должен стать проектом самого Генсека и всего Политбюро, чтобы стать практически действующей генеральной линией Партии. Впервые за все годы их совместной работы и дружбы Генсек не сразу согласился на встречу с Западником.

Он и Генсек

Его отношения с Андроповым в те годы, когда тот был еще главой КГБ и просто членом Политбюро, могли быть образцом взаимоотношений партийного руководителя и обслуживающего его аппаратчика. В те годы Андропов выработал при участии Западника свои великие идеи, которые собирался осуществить, став Генсеком. Но неумолимая реальность вынудила нового Генсека на мизерные действия, ничего общего не имеющие с прежними эпохальными замыслами. Гармония аппаратчика и руководителя была нарушена самим фактом изменения статуса руководителя. Западник перестал соответствовать новому положению своего прежнего руководителя. Руководитель оказался сам во власти новых обязанностей и другого подразделения аппарата власти, соответствующего этим новым обязанностям. Западник даже стал мешать своему бывшему руководителю и бывшему другу в его новом положении как предмет раздражения соперников, как свидетель измелчения великих идей, как неподходящий советник в осуществлении мелких преобразований.

Наконец, Генсек выкроил часок для своего старого друга и советника. Западник изложил ему основные идеи Великого Проекта. Разумеется, не как своего проекта, а как резюме тех идей, какие в свое время выдвигал Генсек.

— Я хорошо помню наши беседы,— сказал Генсек, выслушав Западника.— Ты правильно сделал, что отнесся к нашим идеям серьезно и, судя по всему, поработал над ними основательно. Надо подготовить материалы для Политбюро. Одному тебе это не по силам. Я вот думаю, кого дать тебе в помощники?

И Генсек выбрал в помощники Западнику его давнего врага и соперника.

Борьба за власть

Западнику с его Великим Проектом не повезло и в том отношении, что момент был неподходящим. В руководстве в это время шла ожесточенная борьба за власть. Борьба за власть в советском руководстве не есть кратковременная операция нескольких людей. Это образ жизни большого числа людей, играющих в системе власти наиболее существенную и активную роль. Она идет постоянно, не прерываясь ни на мгновение. Но временами она достигает особой остроты, а именно — когда под угрозой оказываются личные интересы влиятельных лиц. Как правило, это бывает в периоды смены высшего руководства.

Придя к власти, новый Генсек первым делом должен создать аппарат личной власти, поставив своих людей на многочисленные важные посты. А на это нужно время. Обычно на это уходило четыре-пять лет. Новый Генсек стар и слаб здоровьем. Он должен спешить. Весьма возможно, что он сократит срок укрепления у власти. В этом будет огромный плюс для страны, так как период формирования новой, относительно монолитной правящей группы болезненно сказывается на ситуации во всей стране. Но как бы то ни было, этот период не может быть сведен к нескольким неделям и даже месяцам, поскольку требуется формальное (закондательное) закрепление перемен в системе власти (различного рода собрания, конференции, съезды).

Борьба нового Генсека за укрепление у власти есть сложная игра с уступками, обманными движениями, подвохами. Искусство руководителя и состоит прежде всего в том, чтобы удержаться у власти, и уж во вторую очередь в том, чтобы вести страну наилучшим для нее курсом. Положение руководителя в данном случае

подобно положению капитана корабля, который всеми силами отбивается от взбесившейся команды и стремится удержаться на мостике, в то время как корабль носится по воле волн в бушующем океане.

В тот период, когда Западник начал работу над Великим Проектом, новый Генсек был в самом начале периода своего укрепления у власти. Поскольку Западник по инерции считался ближайшим другом Генсека, в нем сразу же почувствовали угрозу «нового Поскребышева». Исключительное положение его отдела и его самого стало предметом пока еще негласной атаки со стороны «оппозиции» новому Генсеку. Масла в огонь подлила западная пресса, заговорив об угрозе реставрации сталинизма. И хотя все это было абсурдно, Генсек не мог с этим не считаться. И он использовал первый же предлог, чтобы дать понять «своим» и «чужим», что никакого «личного кабинета» и никакого «нового Поскребышева» не будет. Предлог этот — присвоение очередных воинских званий работникам аппарата. Генсек сам лично вычеркнул Западника из списка.

Удар был неожиданным. Удар ниже пояса. Удар в спину. Удар из-за угла. Западник впервые растерялся. В течение нескольких дней он был в состоянии полного оупения и окаменения. Но до инфаркта на этот раз не дошло, так как он еще не успел как следует оправиться от первого инфаркта. Тут есть какая-то странная закономерность, еще не открытая медициной. Подобно тому, как советский аппарат власти отмирает путем укрепления, работники этого аппарата тяжело заболевают и умирают путем выздоровления от прежних болезней и укрепления здоровья.

Все эти дни его преследовало видение Социолога.

«Болван,— звучал в его мозгу голос Социолога,— теперь ты на своей шкуре ощутишь действие Великого Закона Истории: чем разумнее задуманная реформа, тем ожесточеннее и глупее общество сопротивляется ее осуществлению».

Великая Кнопка

Кнопка снилась ему теперь каждую ночь, причем по нескольку раз. То в образе домработницы-осведомительницы КГБ. То в образе Соперника. А на этот раз

она приснилась ему в собственном величии. Огромная, высотой повыше колокольни Ивана Великого. И очень похожая на нее. Это прекрасно. После войны Кнопка будет установлена в Кремле рядом с Царь-пушкой и Царь-колоколом. Это будет Царь-Кнопка. И все иностранцы будут поражаться этой самой Великой Кнопке в истории. И никто, конечно, не вспомнит о том, что эта Кнопка ни разу не была нажата, но что именно в этом и была ее устрашающая сила.

От Кнопки тянулись толстые провода во все высшие учреждения страны, из последних — в учреждения пониже. И так вплоть до рядовых граждан. И было очевидно, что стоит Кнопку нажать, как весь механизм страны ошетинится ракетами и штыками. Только вот как такую Великую Кнопку нажать? Надо же вверх забраться. А лестницы нет. И какой палец для этого нужен?!

— Нужно соединить в один Великий Палец все пальцы всех членов ЦК и КГБ, чтобы такую махину нажать до конца, — услышал он голос Соперника. — А ты, червяк, один вознамерился! Да мы тебя за такие поползновения к ногтю! К ногтю! К ногтю-ю-ю-ю!! И некролог на тебя будет второй... нет, третьей категории! А не то — совсем без некролога подохнешь! Без некролога! Без некролога!!

Глас народа

Идея Великой Кнопки уже носилась в воздухе вместе с прочими великими идеями. В половине писем трудящихся, приходящих в ЦК, КГБ и прочие учреждения власти, говорилось о Кнопке. И все трудящиеся единодушно настаивают на том, что такая Кнопка нужна в каждом советском учреждении, чтобы советский народ смог опередить американцев и нажать Кнопку раньше этих агрессоров и поджигателей новой мировой войны. Некоторые трудящиеся предложили установить Кнопки в каждой квартире наподобие центрального отопления, газовых плит и холодильников. Трудящиеся Энской области выступили с почином догнать и перегнать США по числу кнопок на душу населения. Зачем, спрашивается, несколько кнопок на одну душу населения? Очень просто: одну кнопку нажимать по рабочим

дням, другую — по праздничным. У американцев будет по два автомобиля на человека, а у нас — по две кнопки. Нажмем одну кнопку — бах! — и нет у американца одного автомобиля. Нажмем другую — бабах! — и другого автомобиля у американца нету. Нажмем третью — бах! — и самого американца нету. Вот смеху-то будет! Животики от смеха надорвешь.

Рутин

Агент, сменивший Немца, работал плохо. Пришлось дать ему помощника. После этого дела пошли еще хуже. Положение с агентурой в Западной Германии вообще в последнее время стало вызывать тревогу у Западника. Недобросовестность, жульничество, корыстолюбие и аналогичные качества массового советского человека стали разъедать и непрофессиональную агентурную сеть. Чтобы бороться с этим, надо создавать еще одну агентуру, контролирующую первую. А где гарантии, что они совместно не будут делать то же самое с удвоенной силой? Очевидно, надо в корне менять сами организационные принципы агентурной работы. Но это легко сказать, да не так-то просто сделать. До тех пор, пока не начнутся крупные провалы, о реорганизации агентуры и думать нечего. А когда до этого дойдет, вину за все свалят на него, на Западника. Так что лучше помалкивать. Лучше самому стать таким же халтурщиком и жуликом, как и все. Надо представить в отчетах начальству работу своего ведомства в наилучшем свете и найти словесное оправдание «отдельным недостаткам». Не он первый, не он последний. Если Генсек выживет, то и он будет маскировать провалы в своей реформаторской деятельности хорошо составленными отчетами. А когда кризисная ситуация в руководстве минет, вот тогда...

А что тогда? Сколько эта ситуация протянется? Что принципиально изменится? Допустим, Генсек скоро умрет. Кто придет на его место? Горбачев? Романов? Ни тот, ни другой. Они-то, аппаратчики, хорошо знают ситуацию в руководстве. Романов хочет не столько сам стать Генсеком, сколько помешать Горбачеву. Потому он подставит Горбачеву ножку, и на место Андропова придет старый маразматик Черненко. Он долго не про-

тянет. Но все-таки протянет не меньше года. И этого года достаточно, чтобы напакостить ему, Западнику. Черненко ненавидит его. Горбачев тоже не очень-то любит, но все-таки у него есть какое-то чувство ответственности. Он... Хотя, не стоит строить иллюзии. Если уж самый близкий друг Андропов готов пожертвовать им, Западником, то совсем чужой ему Горбачев может это сделать тем более. Короче говоря, надо рассчитывать на себя и только на себя.

Но нет худа без добра. В этой аморальной ситуации с агентурой есть свой плюс. Кое-кто из руководства и аппарата проворачивает через агентуру темные махинации. У него, у Западника, есть данные, что и Соперник имеет к этому касательство. Это хорошо! Не надо только торопиться с этим. Надо дать ему как следует завязнуть, собрать материалы и одним ударом затем убрать его с дороги. Что поделаешь, такова жизнь. Не он первый, не он последний.

Рукописи Социолога

Наконец-то ему доставили из Германии рукописи Социолога. Вид рукописей разочаровал его. Он ожидал целый контейнер бумаг, а получил небольшую пачку. Агенты сообщили, что операция по похищению рукописей была трудной и стоила больших денег. На самом же деле они заполучили рукописи без всякого труда и даром. Хозяин квартиры, которую снимал Социолог, выбросил их в мусорный контейнер вместе с прочим жалким скарбом Социолога после того, как выяснилось, что никаких наследников у того не оказалось. Агент, наблюдавший за домом, на всякий случай прихватил небольшую часть выброшенных бумаг. Потом преемник Немца просто забыл о них. Лишь после многократных напоминаний он переслал их прямо в советское посольство в Бонн. Непростительная халатность! Никаких следов теоретических работ, на которые рассчитывал Западник, в рукописях Социолога не оказалось. Не исключено, что западные секретные службы отнеслись к мыслям Социолога более серьезно, чем в Москве.

Предостережение из будущего

В районе города Энска произошла катастрофа на секретном атомном предприятии,— читал Западник в рукописях Социолога.— О ней узнали, вернее, догадались, лишь после того, как район катастрофы был окружен специальными воинскими частями и полностью изолирован от внешнего мира. Солдаты прибыли на странных машинах и в странных комбинезонах, каких раньше никто не видел. Всякие разговоры о районе катастрофы были категорически запрещены. Распространители слухов жестоко наказывались. Все делали вид, будто ничего особенного не случилось. Ни один человек из зоны катастрофы не появлялся за ее пределами. И туда никого не пропускали. Всех лиц, пытавшихся проникнуть в зону катастрофы, родственников лиц, живших там, и уроженцев района в других местах, сохранивших связи с районом, под тем или иным предлогом изымали из общества и куда-то направляли. В результате никакая информация о катастрофе не просочилась на Запад. Американские искусственные спутники констатировали сильную радиацию в районе катастрофы, но западные специалисты исполковали это как новый подземный взрыв сверхмощной водородной бомбы. Поскольку это было не в первый раз, информация о «взрыве» прошла без сенсаций. А между тем Энская катастрофа означала поворотный пункт в истории человечества, который обнаружился лишь много лет спустя, когда было уже поздно принимать в отношении него какие-либо меры.

Катастрофа была настолько значительной, что потребовались срочные меры, к которым страна была не готова. Не хватало защитных средств для людей, которые должны были заниматься ликвидацией последствий катастрофы, да и сами наличные защитные средства оказались недостаточно надежными. На чрезвычайном заседании высших лиц страны было принято решение использовать в районе катастрофы заключенных, осужденных на большие сроки или приговоренных к смертной казни.

Всего было сосредоточено там более ста тысяч человек. Причем было принято решение: никого из тех, кто побывал в зоне катастрофы, из этого района вообще не

выпускать во избежание огласки. И конечно, из гуманных соображений: лучше пусть все пострадавшие погибнут вместе, не видя здоровой жизни здоровых людей.

Некоторое время людей, изолированных в зоне катастрофы, поддерживали, сбрасывая им со специальных вертолетов продукты питания, медикаменты, одежду и даже книги. Потом такие траты сочли бессмысленными. Район на многие годы отгородили от окружающего мира и «забыли» о его существовании.

Прошли годы. За это время более высокого уровня достигла техника безопасности. В зараженный район, в котором, по предположению, должны были бы исчезнуть все живые существа, послали специальную экспедицию. Экспедиция сделала ошеломляющее открытие: в районе уцелела некоторая часть людей, которые жили там как ни в чем не бывало, и даже размножались. Причем потомство их было совершенно здоровым и пригодным жить в условиях повышенной радиации. Период беременности продолжался всего одну неделю. Но самое поразительное было то, что люди почти не нуждались в продуктах питания: они все необходимое получали из окружающей атмосферы совершенно неприступным для членов экспедиции способом. Кроме того, дети росли поразительно быстро, в течение пяти лет превращаясь во взрослых людей (по рассказам родителей).

Об этом ошеломляющем открытии сообщили в Москву, где немедленно сделали из этого факта практические выводы и приняли надлежащие меры. «Такого рода люди,— решили в Москве,— будут незаменимыми солдатами в будущей атомной войне и ценными рабочими во всем, что связано с атомной энергией. Этих людей надо сохранить и размножить по возможности быстро, изолировав их от общества, давая им особое воспитание, образование и практическую подготовку». Так и поступили. И уже через двадцать лет страна имела в своем распоряжении более двухсот тысяч существ, способных жить в условиях высочайшей радиации, не испытывая никакой потребности в продуктах питания. Причем эти существа уже не могли жить в обычных условиях, потому для них приходилось создавать специальные пространства с повышенной радиацией.

Условия жизни, воспитание, образование и профес-

сиональную подготовку нового типа людей организовали так, чтобы они были послушными орудиями в выполнении задач, какие им ставят обычные люди. Их использовали на всех работах, где была повышенная радиация, а также готовили из них солдат для операций в местах, в которых произойдут взрывы атомных бомб. Вскоре обнаружилась еще одна особенность мутантов (так их стали называть): необычайное развитие головного мозга, благодаря чему они быстро научались производить сложнейшие математические операции, делая излишними компьютеры. В течение полугода молодые мутанты усваивали все то, что обычные люди изучали более пятнадцати лет. Правда, продолжительность их жизни достигала лишь двадцати лет. Впрочем, по расчетам нормальных ученых это было даже выгоднее со многих точек зрения.

Содержали мутантов в особых резервациях, позволяя им объединяться в группы лишь на время проведения тренировочных операций или работ, где требовались усилия нескольких человек. Остальное время их распределяли по изолированным ячейкам. На работу в учреждения, имеющие дело с атомной энергией, их привозили в особых контейнерах и с усиленной охраной. Сотрудникам учреждений говорили, что это преступники, осужденные на смерть, но согласившиеся выполнять опасную для жизни работу, чтобы пожить еще год-два.

Жизнь мутантов с рождения организовали так, чтобы они были не способны жить самостоятельно и образовывать автономные, самоуправляющиеся объединения. Но все же лишить их полностью способности к объединению и социальному структурированию не удалось, так как это требовалось для выполнения сложных операций в условиях будущей войны. И не было никакой возможности проконтролировать, что происходит в головах мутантов и в их общении. Лишь случайно обнаружили, что у них развились телепатические способности. Но помешать их телепатическому общению люди были не в состоянии. Впрочем, людей это мало беспокоило, так как они в любое время могли изолировать мутантов и уничтожить в случае надобности. Их буквально стали содержать как заключенных, рассчитывая предоставить им свободу действий лишь в случае военных операций в будущей войне.

Так продолжалось вплоть до новой мировой войны. Существование мутантов, число которых было доведено до миллиона, удалось сохранить в секрете от западных разведок. Потому, когда началась война, заранее намеченное число специально отобранных людей было спрятано в бомбоубежища, и все военные операции проводились силами мутантов. Командование находилось в руках обычных людей, хорошо защищенных от атомных бомб и радиации. Остальное население было принесено в жертву.

Победу одержала, разумеется, страна, обладавшая армией мутантов. Но затем произошло то, что не могли предвидеть и предотвратить обычные люди: мутанты решили сами воспользоваться плодами победы. Они уничтожили все бомбоубежища, в которых прятались люди, вместе с их обитателями, и захватили в свои руки всю планету. Поскольку все их основные жизненные потребности удовлетворялись сами собой, они в интересах самосохранения быстро построили полный коммунизм, о котором мечтали классики марксизма, передовые мыслители и все прогрессивное человечество, исчезнувшее с лица Земли вместе со своими сочинениями, монументами и портретами.

Предостережение из настоящего

Западник помнит ту катастрофу в районе Энска. Катастрофа была лишь отчасти связана с атомными экспериментами. Главными там были эксперименты с новыми видами оружия, не известными на Западе. Эксперименты были, по всей вероятности, неудачными. Потом все это засекретили так, что даже самые доверенные лица в аппарате не получили никакой информации. Значит, есть еще какие-то отделы в системе власти, которые являются еще более секретными, чем его отдел. Мы во всем не знаем меры, подумал он, даже в отношении секретности. Кто знает, может быть, у нас уже изобрели оружие страшнее атомного, и это может вскружить голову кое-кому, от кого зависит «нажатие Кнопки». Вот это было бы полной катастрофой. Нажать Кнопку — нехитрое дело. А вот обратить в свою пользу последствия ее нажатия — тут надо головой думать...

Атомное предприятие в районе Энска строилось, согласно советской прессе, как первое в мире атомное предприятие исключительно для мирных целей. Весь район, где было расположено это предприятие (в народе его называли просто «Атом») стал закрытым не только для иностранцев, но и для своих. О жизни в районе «Атома» поползли самые невероятные и противоречивые слухи. По одним слухам там рай земной, полный коммунизм, все есть и все почти бесплатно. По другим слухам, там поселили заключенных, осужденных на смертную казнь, которую им заменили работой на «Атоме». Слухи о катастрофе возникли после того, как вдруг однажды связь населения с «Атомом» и вообще со всем районом, где он расположен, была прервана. Колхозники из этого района перестали появляться с продуктами на городских базарах. Военские части полностью блокировали район. С населением области срочно провели беседы, смысл которых сводился к одному: молчок! На это время несколько улучшили продовольственное снабжение области, и жители с удовольствием сделали вид, будто ничего не случилось.

Ответственным лицам области прочитали секретный доклад на эту тему. С одними намеками, конечно. Но кое-что понять было можно. То, что случилось,— не беда, говорилось в докладе. У нас земли достаточно, государство от этого не пострадает. Не то, что на Западе. Этот случай многому научил нас. Проведена огромная работа по сохранению секретности происшествия. На основе ее составлены четкие инструкции на случай подобных происшествий в других местах. Сейчас наши специальные воинские части проходят тренировку на поведение в зараженном районе,— отличная школа для будущей атомной войны. Ни одна армия в мире не имеет и не будет иметь такой подготовки. Мы, далее, приобрели огромной важности опыт, как силами государства бороться с последствиями атомного взрыва, особенно — как локализовать распространение заражения, как поступать с населением. Теперь нам очевидно, что наше государство способно справляться с задачами такого масштаба. И ко всему прочему, катастрофа произошла в мирных целях. Основной урок «события» состоял в том, что советский народ готов безропотно проглотить любую гадость. На

Западе события во сто крат менее значительные, чем это, вызывают бурные реакции населения, прессы, политиков. Тут же — мертвая тишина. Исчез целый район со всем населением, и стало так, как будто его вообще не было. Если бы в Москве стало известно, что вся Сибирь провалилась под землю, особо сильных эмоций у населения это не вызвало бы. При этом люди мыслят не по принципу «Лишь бы нам самым уцелеть», а по принципу «Лишь бы не уцелели другие».

Будь готов к войне

Поразительно, как много граждан озабочено судьбами страны и всего человечества!

Тысячи писем и рукописей ежедневно поступают в соответствующие учреждения, профессионально занятые этими самыми судьбами страны и всего человечества. И какие только идеи и проекты ни выдвигают эти добровольные мыслители и радители рода человеческого! Вот этот, например, рекомендует послать на Запад на гастроли все наши ансамбли песни и пляски. Пока потрясенный Запад будет сидеть в театрах и у телевизоров, глядя на наш лихой перепляс и слушая наши задорные частушки, мы бесшумно вводим войска на Запад, захватываем почту и телеграф, разводим мосты и.. Вы, конечно, догадались, что это предложение внес ушедший на заслуженный отдых бывший преподаватель истории КПСС.

Другой мыслитель предложил послать на Запад десять миллионов отборных русских баб (он, правда, вместо слова «баба» употребил другое слово на букву «б»). Перед нашими бабами на Западе никто устоять не сможет. Ведущие политики и бизнесмены женятся на них, бросив своих старых, страшных и бесчувственных жен. После этого наши патриоты-бабы уговорят западных руководителей присоединить Запад к Советскому Союзу в качестве семнадцатой республики (шестнадцатой будет, конечно, Финляндия). Весь Запад целиком будет одной единой Западной Советской Социалистической Республикой — ЗаССР. В учреждении, которое изучало и анализировало это предложение, сотрудники полгода иронизировали по поводу

этого сокращения. Сама же идея такой республики смешною им не показалась...

Конечно, большинство предложений такого рода юношески наивны и романтичны, хотя авторы их, как правило, суть выжившие из ума старые пенсионеры. Но важен факт сам по себе. Важно, что под облезлыми черепами, как черви в помойке, шевелятся мозговые извилины, а изрытые морщинками склеротические лица излучают напряженную мысль. К тому же среди шизофренического бреда и старческого слабоумия порою попадаются здравые, молодые, энергичные мысли. Так, один журналист, проведший в Западной Европе более двадцати лет, пришел к выводу, что ключ ко всем проблемам современной мировой истории лежит в Западной Германии. Надо помочь немцам освободиться от сознания вины за прошлое, чтобы затем на них можно было бы свалить вину за будущее.

Специалист по тушению лесных пожаров на основе многолетнего опыта по тушению оных путем создания искусственных пожаров прислал объемистый проект тушения пожара новой мировой войны путем встречной войны. Пожарник («боец противопожарной обороны») погиб, организовав большой искусственный встречный пожар с целью потушить маленький, естественный. Но его идеи не погибли.

Великий Проект

Западник пошел дальше сумасшедшего бойца противопожарной обороны: он преобразовал его идею «встречной войны» в идею «предупредительной войны».

Искусственный пожар эффективен лишь тогда, когда стихийный пожар уже начался и бушует вовсю, думал он. А если пожар мировой войны уже начался, то как организовать искусственную войну, чтобы его потушить? Нет, тут нужно другое. Тут нужен маленький контролируемый пожар, чтобы не начался большой, неконтролируемый. Нужна предупредительная война. Она, конечно, не предотвратит мировую войну навечно. Но она даст нам преимущества, которые мы используем для лучшей подготовки к большой войне. Такая предупредительная война должна быть проведена в Западной Европе, что очевидно. Мы должны стреми-

тельно, буквально в течение нескольких дней захватить всю Европу. Захватывая Европу, мы одним ударом решаем множество проблем. Мы лишаем США союзника, без которого они не рискнут начать против нас войну. К тому же, если мы к тому времени развяжем антиамериканскую войну во всей Латинской Америке, США завяжет там и не сможет воевать, по меньшей мере, на два фронта. Да и обстановка внутри США будет такая, что руководителям страны просто не позволят начать «большую войну». Мы, далее, используем ресурсы Европы для стремительного подъема нашей экономики, и в особенности — нашей военной индустрии. При этом мы не будем Европе сразу навязывать наш социальный строй. Мы ограничимся на первых порах военным, деловым, дипломатическим и культурным присутствием. За это на нас на Западе будут молиться как на спасителей. Мы ликвидируем там безработицу. Мы лишь склоним западные страны на более обширные связи с Советским Союзом. На первых порах это им будет выгодно. Мы породим иллюзию, будто это навечно и что мы скоро уйдем домой. Мол, наша миссия уже выполнена. Мы уничтожим террористов, лефтистов, пацифистов, зеленых, розовых и всех прочих, кто дезорганизует деловую жизнь. И нам за это ноги целовать будут. Мы прекратим разврат, порнографию, молодежную распущенность. Мы наведем идеологический порядок. Мы поможем церкви усилить ее позиции и влияние в обществе. Мы оградим Европу от наплыва иностранцев. Мы защитим коренное европейское население от уже непосильной для него биологической конкуренции с народами Юга и Востока. Мы горой встанем на защиту культурных ценностей Европы.

Европа послужит для нас своего рода заложником в предотвращении нападения на нас со стороны США всей мощью атомного оружия. Мы как бы сместимся в Европу, сделав бессмысленным нападение на нашу собственную территорию. Мы обеспечим безопасность нашей армии в Европе так, что весь атомный удар, если таковой будет, падет на голову европейского населения. А оно пойдет на все, чтобы только спасти свою жизнь.

Второй инфаркт

Западник вполне оправился от первого инфаркта и от потрясений послеинфарктного периода. Так что настало время для второго инфаркта.

Секретарь ЦК, курирующий работу всех учреждений ЦК и КГБ, занятых работой над Западом и на Западе, созвал совещание высших лиц этих учреждений. Говорили, естественно, и об отделе моего Западника. Было высказано много комплиментов. Но высказывались и критические замечания, как это и положено по форме в таких случаях. Выступил и Соперник. Его выступление было сюрпризом для всех (кроме самого Секретаря, разумеется). Он сказал, что объем работы отдела Западника за последние годы увеличился, по крайней мере, раз в пять в сравнении с тем, каким он был вначале. Конечно, отдел в общем и целом с работой справляется. Но это очень тяжело для сотрудников. Было бы целесообразно разделить отдел на два, увеличив, само собой разумеется, число сотрудников. Участники совещания поняли, куда клонит Соперник. И поняли также, чья это идея. И они единодушно одобрили ее. Совещание приняло решение поручить Сопернику и Западнику подготовить материалы на эту тему для Политбюро. Западник про себя подумал, что это решение есть глупость, граничащая с преступлением. Но вслух сказал, что необходимость такой меры назрела.

Если какое-то дело делается на хорошем уровне, думал он по дороге домой, то лучше начать другое дело, пусть аналогичное, но другое. А старое не трогать до тех пор, пока новое дело не сделает его излишним. Надо мой отдел сохранить в том виде, в каком он сложился. А новые отделы надо создавать независимо от него.

Но если бы он выступил с таким предложением, его бы истолковали превратно. Ему стало вдруг плохо, и он потерял сознание.

Очнулся он в Кремлевке со вторым инфарктом, окруженный заботой и вниманием светил советской медицины.

...Инфаркт — профессиональная болезнь ответственных работников аппарата власти. Есть два вида инфаркта: прогрессивный и регрессивный. Первый — здо-

ровый, зовущий вперед, стимулирующий. Бывает он в период движения вверх по служебной лестнице, обычно от горения на работе, от служебного рвения и от внутреннего ликования по поводу личных успехов. Обычно ответственные работники даже не знают о таких инфарктах. Они чувствуют легкое недомогание, которое преодолевают горячей ванной и бутылкой водки. Лишь потом доктора с изумлением обнаруживают, что их сердца бывают покрыты шрамами, рубцами, пятнами, буграми и вообще чем-то таким, чему нет названия. В Институте кардиологии вы можете увидеть одно такое выдающееся сердце, выдержавшее шестнадцать инфарктов. И умер его обладатель, как утверждает экскурсовод, не от инфаркта, а от чиха. Подхватил грипп в гостях, пришел домой, сильно чихнул и умер. Ничего не скажешь — красивая смерть! Смерть, достойная старого партийного работника.

Регрессивный инфаркт, наоборот, всегда опасен. В случае регрессивного инфаркта ответственные работники внезапно умирают даже со здоровым сердцем. Заместитель заведующего одним из отделов аппарата ЦК, преуспевающий карьерист, внезапно умер таким образом по ошибке. Друзья решили подшутить над ним: позвонили по телефону и сказали, что новым заведующим (старый умер, кстати, от регрессивного инфаркта) назначен его заклятый враг. Услышав это, преуспевающий карьерист схватился за сердце и умер. При вскрытии никаких следов инфаркта не нашли, хотя он умер явно от инфаркта. А отчего же еще? Он же даже чихнуть не успел.

Первый инфаркт у моего Западника был с признаками регрессивности, но еще в основном прогрессивный. Второй же был классически регрессивным. И потому врач, лечивший его, сказал, что с таким сердцем можно жить до ста лет. Но от чиханья посоветовал воздерживаться.

Кошмар победы

По пути из бессознательного состояния в сознательное ему привиделось, что он является Генсеком и Верховным Главнокомандующим. Он предъявил ультиматум странам Западной Европы — распустить все армии. Солдаты бросили оружие. Школьники разгромили аме-

риканские военные базы, а пацифисты — банки и магазины. В Европе все стали говорить по-русски. Везде стали показывать советские фильмы. Все стали пить водку без закуски. Ему присвоили чин генералиссимуса. Он полетел в Европу, чтобы стать во главе ее. Ведь это по его идее предупредительной войны Советский Союз завоевал Европу без единого выстрела. Но самолет приземлился на Лубянке.

— Ты арестован и разжалован! — страшно закричал на него Соперник. — Ты думаешь, что мы победили? Мы потерпели сокрушительное поражение! Что нам теперь делать со спасенными тобою ценностями и людьми? Чтобы эти ценности сохранить и использовать, нужны огромные траты. А люди! Их же надо кормить! Их же надо развлекать! Их же надо в порядке держать! Они свобод требуют! А где мы им возьмем свободы, если у нас этих свобод у самих нет?! Где мы им возьмем порядок, если мы его у себя дома никак навести не можем?! Видишь, что ты натворил со своей дурацкой идеей предупредительной войны! Лучше уж настоящая война, чем липовая!

— Это не моя идея, — взмолился Западник, — эту предупредительную войну выдумал сумасшедший боец противопожарной обороны! Это он виноват, а не я!

— Не сваливай с больной головы на здоровую! — кричал Соперник. — Мы тебя будем судить как антивоенного преступника! Ты хуже Сталина и Гитлера. Те хотя бы частично очистили мир от лишнего населения. А ты, уничтожил ли ты хотя бы одного бездельника?! Ни одного? Ах, негодяй! Ты даже коммунистов, лефтистов, пацифистов, зеленых, розовых, фиолетовых не тронул? Смерть тебе! Причем без некролога! Без некролога!!!

При слове «некролог» его охватил ужас, и он очнулся. Некролог! Было бы лучше, если бы он умер, когда был первый инфаркт. Тогда был бы некролог первой категории. А что будет теперь? А если Генсек не подпишет?! А если члены Политбюро не подпишут?! А если даже никто из членов ЦК не подпишет?! А если некролог поместят на последних страницах?! А если где-то в областной газетенке?! А если всего лишь «Группа товарищей»?!. Не-е-е-т, надо принимать меры, чтобы это не случилось!..

Слух

В аппарате ЦК и КГБ распространился слух, будто он заболел психически. Говорили даже, будто он не с инфарктом слег в больницу, а отправлен в психиатрическую больницу в Энск. В этот слух никто не верил, но никто его и не опровергал.

Но был ли он на самом деле сумасшедшим?! Ответить на этот вопрос трудно. Все зависит от интерпретации его идей. Тут есть аргументы «за», но есть аргументы и «против». Всякое безумие есть преувеличение некоторой реальности, а социальное безумие полностью базируется на реальности даже в тех случаях, когда оно не осуществляется. Вспомните хотя бы идеи и намерения Гитлера и его соратников! Какие, казалось бы, ничтожные препятствия предотвратили их осуществление! И много ли на Западе было таких людей, кто был уверен в принципиальной неосуществимости гитлеровского безумия?!

Существенным в данном случае является не то, были его идеи бредовыми или нет, а то, почему в аппарате власти возник слух о том, что он «свихнулся». В другое время и в другой обстановке никто не рискнул бы пустить такой слух и поддерживать его. Этот же слух проявил панический страх советской системы власти перед своей собственной устремленностью на подготовку к войне, которую в маниакально-гипертрофированной форме выразил Западник. Как бы хорошо советское общество ни подготовилось к войне, оно все равно будет испытывать этот страх.

Из сказанного не следует, что панический страх войны послужит сдерживающим фактором против войны. Страны, как и отдельные люди, способны совершать безумные поступки именно из страха по отношению к этим поступкам. Страх войны есть одно из проявлений тенденции к войне, не подвластной воле и желаниям отдельных людей, партий, правительств.

Новатор и общество

Пока он болел, его отдел разделили на два. За ним сохранили один из отделов. Так что формально особых оснований для беспокойства не должно было бы

быть. Но с первого же дня на работе он почувствовал, что вокруг него образовался вакуум. Генсек лежал в больнице, присоединенный к аппаратам, заменяющим неработающие почки. Сторонники Генсека в сложившейся ситуации не хотели связываться с инициативой Западника, чтобы не дать лишний козырь в руки еще очень сильной брежневской мафии. И среди них самих не было единства. Мой Западник, оставшись без высшего покровительства, был отдан во власть массы чиновников всех сортов и рангов. И тут он ощутил на своей собственной шкуре, что такое власть безликого общества над возмнившим о себе индивидом.

Человек, решивший сделать благо для своего общества, с необходимостью вступает в конфликт с обществом, которое он хочет облагодетельствовать. Такой конфликт неизбежен по той простой причине, что всякое улучшение общественной жизни в больших масштабах означает угрозу потери достигнутого благополучия многих людей, обладающих той или иной формой власти. Они стремятся этому изменению помешать. А если помешать невозможно, они стремятся потерять на этом как можно меньше или даже извлечь для себя выгоду.

Намерение влиятельных сил общества подставить ножку возмнившему о себе новатору заражает все социобиологическое пространство вокруг него. Даже мухи и комары начинают кусать новатора с удесятеренной яростью сравнительно с прочими гражданами. И укусы их при этом имеют гораздо более тяжкие последствия. Удесятерятся число анонимных доносов. Уборщицы буквально прилипают глазом к замочным скважинам дверей, за которыми предполагается присутствие новатора. Ни одно слово и ни один жест новатора не остается без внимания сослуживцев. Причем это все касается новаторов любого уровня, начиная от тех, кто стремится усовершенствовать форму канцелярской кнопки, и кончая теми, кто хочет направить все человечество по новому пути.

Западник был не первым и не последним в аппарате власти, кто предпринял попытку проявить инициативу большого масштаба. В памяти его сослуживцев еще был свеж пример аппаратчика, отдавшего сорок лет жизни делу укрепления советской идеологии. Тот всю жизнь вынашивал идею создания идеологических

центров наподобие церковных приходов, которым следовало подчинить абсолютно всю культурную и духовную жизнь граждан. В отличие от Западника, этот новатор в идеологии разработал свою идею вплоть до описания интерьера идеологического центра. Он даже сочинил идеологические молитвы на все случаи жизни. Когда он в конце концов решился представить свой проект Великой Идеологической Революции в ЦК, потребовалось два грузовика, чтобы привезти рукописи, схемы, графики, рисунки, фотографии и прочий хлам, накопившийся в городской квартире и на даче аппарата. Проект консервативные силы аппарата отвергли. Новатор оказался в Кремлевке сразу с двумя инфарктами — со вторым и третьим. Но умер он не от них, а от цирроза печени, пареза языка, болезни Паркинсона, уремии и рассеянного склероза. Некролог его напечатали в журнале «Работница».

Слухи о наполеоновских замыслах Западника заполнили не только коридоры и кабинеты, но и квартиры, кровати, туалеты и дачи власти. Стало накапливаться всеобщее возмущение, причем не столько из-за еретичности идей (такие еретические идеи высказывают тысячи пенсионеров, воинов и шизофреников в своих письмах в высшие органы власти), сколько из-за наглости и самомнения какого-то чиновника, имя которого известно лишь очень немногим лицам в системе власти.

Рутин

Все события, о которых здесь идет речь, происходили лишь как маленькая частичка потока жизни, состоящего из огромного числа рутинных действий огромного числа людей. Западник, если он не лежал в больнице, строго в определенное время являлся в свой рабочий кабинет, делал все то, о чем уже говорилось в начале повествования. Вот сейчас, например, он углубился в изучение материалов об оживлении террористической деятельности в Западной Европе. Через неделю он (т. е. его отдел) должен представить отчет шефу КГБ на эту тему и свои соображения по поводу возможности влияния на террористические группы в нужном направлении. В современной ситуации придание этим группам антиамериканской направленности

было бы весьма желательно — такова установка выше. Задача Западника — найти пути реализации этой установки и проследить за ее практическим исполнением.

Министерство культуры представило в ЦК перспективный план культурного обмена со странами Западной Европы. Отдел Западника должен согласовать этот план с общим планом агентурной работы и внести в него свои коррективы. Эта работа очень трудоемкая. В Министерстве культуры исходят из своих эгоистических интересов, которые редко отвечают интересам страны и агентурной войны на Западе. Вот, например, эти люди регулярно выезжают на Запад, привозя оттуда чемоданы, битком набитые дефицитными в Москве вещами, которые затем распределяются среди сотрудников министерства в виде подарков. Конечно, они выполняют и поручения КГБ. Но делают это плохо. На Западе они уже примелькались. Доверие и интерес к ним упали. Нужно изменить контингент посылаемых. Подобрать подходящих лиц и произвести их обработку — не проблема. Но на это нужно время. Повседневная рутинная работа отнимает больше всего времени и сил.

Возникла возможность внедрить агента в штаб НАТО. Согласно распределению функций этим должна заниматься военная разведка. Но обстановка сложилась такая, что передача агента в ведение ГРУ (Главного Разведывательного Управления) грозила провалом операции. Имело смысл передать операцию в ведение отдела Западника. Но в ГРУ уперлись. В результате возник конфликт, возможность была упущена, и теперь ГРУ сваливает вину на Западника. Нужно подготовить материалы для Политбюро, «чтобы доказать, что ты — не верблюд». А труднее всего доказать свою правоту тогда, когда ты действительно прав: в этом случае ты связан средствами доказательства, т. е. именно своей правотой.

Взаимный контроль

Характерным для советской системы власти является взаимный контроль различных учреждений и лиц друг за другом, пронизывающий общество во всех измере-

ниях. В этом есть свой плюс: тебе не позволят сделать грубую ошибку. Но в этом есть и свой минус: тебе не позволят сделать больших дел, требующих личной инициативы и риска. Когда в обществе возникло ощущение опасности вследствие инициативы Западника, оно поставило на его пути эту систему взаимного контроля, обойти которую был бы не в силах даже сам Генсек.

Разумеется, не все лица, окружающие данного индивида, решившего проявить опасную для них инициативу, набрасываются на него. Они выталкивают из своей среды отдельных врагов инициатора, которых наделяют властью палачей. Часто на эту роль выталкивают какого-нибудь интригана, склочника или просто паранойка. Почувствовав одобрение коллектива, такой паранойк вливается в новатора как клещ, отравляя его жизнь бесконечными придирками. Именно такой властью окружение Западника и наделило Соперника.

Мелкие придирки

Участились критические замечания в адрес Западника и его ведомства. Западник признавал их справедливость, обещал ликвидировать недостатки в работе отдела, но обращал внимание критикующих на то, что «без недостатков нет успехов», что «не ошибается лишь тот, кто ничего не делает». Особенно острой критике отдел Западника был подвергнут на совещании по методам разложения и дезорганизации Западной Европы. Соперник упрекал Западника в том, что тот недооценивает огромной разрушительной для Запада роли наркомании, порнографии, промискуитета, гангстеризма, терроризма и других язв, разъедающих западное общество изнутри.

— Настало время,— говорил Соперник,— внести во все это, как учил Ленин, «русский революционный размах и американскую деловитость». На Западе уже давно наметилась тенденция к концентрации этих явлений и к вторжению организованного криминального бизнеса в легальную жизнь общества. Надо им помочь в этом благородном деле.

Западник молчал, кивая в знак согласия головой, а про себя думал другое.

Идиот, думал он о Сопернике, и прохвост. Надо во всем мере соблюдать. Все эти средства разложения Запада хороши, когда они действуют в рамках определенной меры. Сейчас эти явления существуют как имманентные явления западного общества. И разрушают его они естественно, т. е. наилучшим образом. Если мы во все это внесем наш «революционный размах», мы нарушим меру и принудим Запад начать решительную борьбу против всего этого. Мы заставим Запад принять меры к оздоровлению. А «американской деловитости» у них своей в избытке. Ихние бизнесмены сами лучше нас сделают то, о чем ты тут поешь. Мы можем только испортить дело. И ко всему прочему не следует преувеличивать важность этого направления работы. Не следует клевать на удочку преувеличений западной прессы.

Все это он думал про себя. Вслух же он похвалил доклад Соперника и предложил создать особую группу под руководством Соперника, в задачу которой вменить более тщательное изучение этого аспекта нашей работы на Западе. Участники совещания понимающе переглянулись и усмехнулись. Руководивший совещанием член Политбюро, считавший Соперника своим человеком, предложил пока воздержаться от организационных выводов и закрыл совещание.

Крупные нападения

Его вызвал к себе шеф КГБ.

— Вот ознакомьтесь,— сказал он, положив перед ним объемистый «документ»,— и дайте подробное объяснение.

«Документ» был подготовлен особой комиссией. Задача комиссии заключалась в расследовании контактов нашей агентурной службы и секретных служб западноевропейских стран. Надо признать, комиссия поработала на славу. Факты были подобраны и истолкованы так, что неискушенные в делах разведки и контрразведки люди немедленно решили бы, что мой Западник является агентом всех западноевропейских стран. Для Западника этот «документ» был не первым и, надо думать, не последним. И дать объяснение по этому поводу — дело в принципе пустяковое. Но хлопот-

ное. На это уйдет много времени и сил. Много работников отдела будет оторвано от важных дел. А во всей системе власти нет человека, который мог бы приказывать выбросить этот «документ» в мусорную корзину или сдать в архив. В силу правил функционирования системы этот «документ» должен сыграть свою роль — отнять у людей определенное количество времени и сил, причинить определенную сумму зла, — прежде чем исчезнуть в архивах аппарата.

Объяснительную записку отдел готовил в течение целого месяца.

«Записка» получилась огромная — около пятисот машинописных страниц. Подробное объяснение пришлось давать по каждому факту, упомянутому в заключении комиссии. Но банальная суть дела, известная всем и каждому, сводилась к следующему. Наша агентурная сеть работает не в Москве, а во враждебных нам странах. Она с необходимостью должна вступать в разнообразные контакты с секретными службами этих стран. Значительное число наших агентов известно западным контрразведкам. С другой стороны, и мы должны знать западные секретные службы. Короче говоря, мы должны вступать в отношения с западными секретными службами, аналогичные отношениям между государствами, в том числе осуществлять обмен информацией на взаимовыгодных условиях, договариваться о числе действующих агентов, о сферах и масштабах их деятельности. Мы должны иногда позволять нашим партнерам добиваться успехов, оправдывающих их существование в глазах их правительств и перед общественным мнением. Многие «провалы» нашей разведки на Западе суть на самом деле наши уступки с целью предотвратить реальные и более значительные провалы.

Объяснительная записка была передана шефу КГБ и членам комиссии. Но ее никто не стал читать: все заранее знали, что именно будет в ней написано, и заранее знали, что все действия нашей агентурной сети были оправданы и целесообразны. Однако она сделала свое черное дело. Она послужила сигналом для сослуживцев Западника переходить к более решительным действиям,

Комиссия

Сообщили, что Генсек выздоровел. Но всем в аппарате было известно, что это за «выздоровление». Генсек появился на заседании ЦК и Президиума Верховного Совета, дал короткое интервью, принял западного дипломата и политического деятеля из какой-то страны «Третьего мира». И снова надолго исчез. Западника он лично принять не смог, но дал указание создать особую смешанную комиссию по поводу Великого Проекта. Этим самым Генсек давал понять, что он ничего общего не имеет с Проектом Западника. Но он сохранял за собой свободу действий в принципе и в будущем, если придется вновь вернуться к идее какого-то другого Великого Проекта.

В комиссию были включены представители от ЦК, от КГБ, от Министерства Обороны и Генерального штаба, от Совета Министров. Председателем комиссии назначили старого члена Политбюро, который не мог принимать участия в утомительных заседаниях комиссии. Потому заместителем его назначили нового Председателя КГБ. Но тот был слишком занят и потому помощником своим назначил того самого человека, Делом Жизни которого стало помешать осуществлению Дела Жизни Западника,—назначил Соперника. Первое заседание комиссии прошло на редкость вяло. Еще не ясно было, каковы окончательные намерения высших лиц в отношении Западника и его замысла. Члены комиссии еще «не притерлись» друг к другу, еще не знали, какую роль им взять на себя самим или им навяжут обстоятельства.

Проблемы

На второе заседание комиссии почему-то явились Главный Идеолог и шеф КГБ. Но лучше бы они не приходили. С их появлением дискуссия приняла поверхностный и пустяковый характер. Главным предметом дискуссии стал почему-то вопрос о центральном штабе войны.

По проекту Западника, центральный штаб войны будет спрятан под землей в полной безопасности с таким расчетом, чтобы не выходить на поверхность до

окончания войны и до обезвреживания среды существования. На поверхности же земли останется дублирующий его штаб. Обойтись без такого штаба нельзя, так как есть опасность, что население на поверхности земли выйдет из-под контроля подземного руководства. Дублирующий штаб будет посредником между высшим, подземным, руководством и руководимым надземным населением. Конечно, и дублирующий штаб будет защищен. Но не так надежно, как подземный. Для него останется некоторая доля риска. А главное — ему придется так или иначе получать информацию о реальном ходе войны и ее последствиях. Можно сказать, он будет на границе между надземным адом и подземным раем. Подземный рай!.. Очень интересное выражение. Коммунизм и тут все переворачивает с головы на ноги. Почему раньше рай помещали на небе, а ад под землей? Надо как раз наоборот!.. Но вернемся к основной идее.

Возникает целый ряд проблем. Первая проблема — как исключить опасность захвата власти дублирующим штабом? Главный Идеолог предложил положиться на высокую сознательность членов дублирующего штаба. Все-таки все они окончили наши учебные заведения, где на «отлично» сдали экзамены по марксизму-ленинизму. Многие окончили Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Шеф КГБ сказал, что дублирующий штаб должен постоянно находиться под наблюдением и охраной особых частей КГБ. Есть опасность, что эти особые части переметнутся на сторону дублирующего штаба: они же тоже будут «наземниками»! Чтобы предотвратить это, нужно использовать достижения современной науки. Надо всем членам дублирующего штаба и всем служащим особых частей КГБ вживить в тело специальные устройства, на которые можно воздействовать из-под земли. Если кто заартачится, можно будет нажать кнопку под землей — и человека нет.

А кто будет информировать подземное руководство о поведении дублирующего его наземного, думал Западник, приехав после заседания комиссии домой. Стукачи? Технические устройства? А кто будет обслуживать эти устройства?

Ломая голову над этими проблемами, Западник вздремнул. Ему тут же привиделся Генсек в пещере

глубоко под землей, наблюдающий через гигантский перископ (наподобие капитана подводной лодки) ход войны на поверхности. Вдруг к перископу подбежал американский аппаратчик и замазал стекло грязью. И стало темно. И Западник очнулся.

Да, проблемы, проблемы и проблемы! Тут надо шевелить мозгами. Ну, ладно, допустим, мы эти проблемы решили. А если штаб спрячется под землю, но война по каким-то причинам не начнется? Что тогда?

И он опять задремал. И увидел сон, соответствующий его Великому Проекту.

Великий сон

Когда всем стало ясно, что войны не избежать, приказало высшее руководство отобрать наиболее ценных граждан (включая самих высших руководителей с семьями) и спрятать их в самое надежное бомбоубежище, снабженное всеми жизненными благами по самым высшим нормам на сто лет. На земле оставили руководство, во всем дублирующее то, которое спряталось под землю, с той лишь разницей, что наземное руководство подчинялось подземному. Первое должно было сообщать второму информацию о ходе войны, получать распоряжения второго и претворять их в жизнь. Но война почему-то не началась. О подземном руководстве как бы позабыли — наземное руководство решило не выпускать подземное наверх. Но чтобы уцелеть, оно решило создать специальное учреждение, которое стало передавать под землю информацию о фиктивной войне. Разумеется, информацию приятную. Под землей руководители фиктивной войной во всю мощь произносили речи, издавали указы, присваивали чины, награждали орденами. Генсеку присвоили чин супергенералиссимуса и наградили десятью орденами «Победы». Торопили с окончанием войны, — очень уж подземным руководителям захотелось побывать на южных курортах и по покоренной загранице поездить. Наконец под землю сообщили: победа! Но вылезать наверх пока опасно — радиация, бактерии, газы, эпидемии. Надо подождать, по крайней мере, десять лет.

Прошли годы. Подземный штаб успешно руководил

фиктивными преодолениями последствий фиктивной войны. За эти годы ведущие страны мира настолько хорошо подготовились к настоящей войне, что избежать ее уже было невозможно.

Но подземный штаб не был готов к этому: он находился в состоянии дебильной эйфории. Надземный тоже: он понадеялся на подземный.

Комиссия

Комиссия собиралась нерегулярно. Заседания отменяли и откладывали по всякому поводу. А собравшись, большую часть времени говорили о чем угодно, только не о деле.

В газетах сообщили, что советские ученые оживили микроорганизм, который жил пятьдесят тысяч лет назад. Его нашли во льду Антарктики. В аппарате и в высших кругах сильное возбуждение по этому поводу: значит, в идее замораживания людей с целью быть оживленными через много лет, есть вполне здравый практический смысл. Высшие руководители настолько верят в свою исключительную важность для человечества, что в глубине души питают надежду быть воскрешенными... ну, не через пятьдесят тысяч лет, а через двести, триста, пятьсот. Вот будет радость для человечества, когда воскресят Брежнева, Хрущева, Черненко, Громыку! Скорее всего потомки остолбенеют от изумления. «Неужели,— скажут они,— эти монстры, которые пару слов связать не могут, правили миром?! Так что же это был за мир?! Развитой и зрелый социализм? Слава Богу, вся эта нечисть позади осталась!» Один член комиссии вполне серьезно сказал: «Жаль, из Владимира Ильича мозг и все внутренности выкинули! Если бы его оживили, все пошло бы иначе!» А другой член комиссии тоже не в шутку заметил: «Не беда, со временем смогут все внутренние органы новые вставить! Оживят и Ленина!» — «А от Маркса,— сказал третий,— ничего не осталось. Не оживишь!» — «Если хоть одна косточка осталась,— возразил четвертый,— то по ней наши ученые всего Маркса восстановят. Кювье по одной косточке мог восстановить животное, вымершее миллион лет назад. А тут остались сотни томов сочинений! По ним весь

Первый Интернационал оживить можно!» Поговорив таким образом, перенесли обсуждение очередного раздела Великого Проекта на следующий месяц.

Рутина

Всю совокупность поступков сослуживцев по отношению к Западнику, совершаемых с тех пор, как всем стало очевидно, что Генсек отдает его им на съедение, можно назвать одним словом: подлость. Но подлость эта особого рода: она совершалась с чистой совестью, с сознанием справедливости и целесообразности совершаемого (это есть обычное дело в человеческих отношениях). Человек вообще есть прирожденный подлец. Существенно тут то, что подлость имеет разумное оправдание и облекается в форму благородных дел. Именно справедливость, разумность, оправданность, благородность образуют тут сущность подлых поступков людей по отношению к ближним, сама же подлость как таковая есть лишь их внешняя форма. Устаревшая форма, так как поступки такого рода тут вообще не подлежат моральной оценке.

Западник употреблял слова «подлость», «подлецы», «мерзавцы» и другие, аналогичные им, когда думал о своих друзьях и соратниках. Но делал он это в силу чисто словесной привычки, не вкладывая в эти слова высокого морального смысла. Он сам совершал аналогичные поступки в отношении других, не оценивая их категорией «подлость».

За годы работы в КГБ он накопил на всех своих врагов (т. е. друзей) достаточно компрометирующих материалов. Теперь он пустит их в ход. Только не надо торопиться. Спокойно. В подходящей ситуации и в подходящий момент! Начать надо, разумеется, с Соперника. У него, у Западника, есть компрометирующие материалы на «этого мерзавца». Во-первых, морально-бытовое разложение (спит с домработницей, с нянькой, с секретаршей и с экспедиторшей). Во-вторых, валютные махинации. Последнее, пожалуй, главное. Надо продумать, как передать эти материалы лично Главному Идеологу и шефу КГБ, а самому остаться в стороне.

Комиссия

Комиссия раскололась на две группировки. И по каждому пустяку стали возникать бесперспективные дискуссии. Представитель одной группы, например, настаивает на режиме экономии, в соответствии с которым все операции военного времени надо планировать без расчета на спасение людей и техники, участвующих в той или иной операции. Например, самолеты не снабжать горючим на обратный полет. Представитель другой группы возражает, мотивируя свое возражение демагогией о человеколюбии. Представитель одной группы восторгается «психологической» бомбой, которая на один час парализует население в радиусе трехсот километров. Хорошая бомба, не правда ли? В другой группе находится кто-нибудь, кто обрушивается на эту бомбу с резкой критикой. «А как этот час использовать? — возражает он. — Нужна все равно специальная армия и техника. Как быть с людьми? Их же все равно уничтожать надо. Так какая разница, каким способом их уничтожать? С этой точки зрения «психологическая» бомба хуже. К ней нужны еще особые средства уничтожения людей. Вспомните трудности, с которыми столкнулись немцы...»

Что касается взаимоотношений Западника и Соперника, то тут положение стало абсолютно безнадежным. Если один предлагал некую страну делить на части вдоль, то другой настаивал на том, что ее надо делить поперек. Если один предлагал расширять нашу агентуру в такой-то стране, то другой настаивал на том, что ее надо углублять.

Великий сон

На него теперь все чаще и чаще накатывалось отчаяние и безразличие. Однажды у него мелькнула безумная мысль стать американским шпионом. Вот была бы сенсация! Американцы оценили бы его гений по достоинству. Обдумывая эту идею и от нечего делать, он как-то незаметно заснул. И ему приснился Великий сон...

...Ему приснилось, будто он пробрался в посольство США, сообщил, кто он, и заявил о своей готовности

предать гласности все то, что ему известно о подготовке Советского Союза к войне и о советской агентуре на Западе. Сенсация — ожидал он — получится небывалая. Из-за женитьбы английского принца не было такой мировой шумихи, какая будет из-за него. Американское правительство пришлет за ним специальный искусственный спутник Земли, а скорее всего — специальный космический корабль с самим Президентом. Космический корабль действительно прилетел. Он приземлился на территории американского посольства. Советское правительство привело в боевую готовность номер один все средства перехвата ракет противника. Западник уже было направился к кораблю, приготовившись пожать руку Президенту, но его остановил третий помощник четвертого заместителя атташе по вопросам культов и попросил его подождать, поскольку есть более важное дело: нужно вывезти с территории посольства религиозных сектантов, которые живут в подвале посольства уже тридцать лет и произвели на свет уже третье поколение сектантов. Еще несколько лет, и посольство придется надстраивать на два этажа, если не вывезти сектантов сейчас. А он, Западник, может пока пожить в подвале лет пять или десять. Спать может на тряпье, которое останется от сектантов. Религиозное возрождение в России сейчас важнее всего, так как из-за него советский строй рухнет наверняка. А из-за разоблачений Западника только хуже будет. Запад от страха в штаны заранее наложит, а советское руководство заменит всех агентов за две недели. И еще надо проверить, с какой целью Западник решил выдать секреты... Одним словом, сиди спокойно, кагебевская шкура! Когда нужно будет, тебя позовут.

Очень обиделся Западник. Сказал, что хочет домой, в свой родной КГБ. «Нет, голубчик, — ответили ему, — раз пришел, сиди. Да и в КГБ тебя уж не возьмут. Все места твои уже заняты твоим Соперником и Заместителем!» Заплакал Западник горячими словами: «Ах, я несчастный! Никто меня не любит! Никто не жалеет!» Но вдруг почувствовал, что кто-то тычет его локтем в бок.

Проснулся — шупает, а это домработница-осведомительница КГБ.

— Дай, — шепчет, — я тебя приласкаю и пожалею!

— Ладно,— говорит он,— приласкай и пожалей. Только ты бы что-нибудь остренькое выдумала, а то надоело по-дедовски-то!

— А я по-другому не умею,— отвечает она.

— И чему только вас в университетах учат! — сказал он

— А ты бы сам что-нибудь придумал,— говорит она.— Ты «Плейбой» с похабными картинками глядишь...

— Я по долгу службы,— отвечает он,— а не для разврату... Ну да ладно, давай по-дедовски...

И она приласкала его. И пожалела его. И он уснул, умиротворенный.

Рутина

Сломалась Великая Карта. С ней и раньше случались поломки. Западник прилагал титанические усилия к тому, чтобы содержать механизм и штат Карты в образцовом порядке. В нашей системе (это он знал лучше других) вообще нужно вложить душу в дело, чтобы что-то работало более или менее исправно. А надолго ли хватит энтузиазма и сил одного человека?! Стоило ему немного ослабить личный контроль за Картой, как участились поломки и ошибки, люди стали работать хуже, в коллективе возникли все явления обычного советского учреждения. Однажды в списке агентов, работающих в Париже, Карта назвала самого Президента Франции и бывшего императора Бокасса. История эта широко распространилась в аппарате, обросла шутками и анекдотами, что способствовало подрыву авторитета Западника. Главный Идеолог сказал в связи с этим по поводу отдела Западника, что «они там даром хлеб жрут». И это несмотря на то, что именно из этого отдела он получал самую обстоятельную и объективную информацию о состоянии идеологии на Западе. И вот теперь произошла серьезная поломка во всем комплексе компьютеров. На исправление нужно несколько месяцев. Нужно закупать новые компьютеры на Западе. А это — валюта, которой постоянно не хватает на более серьезные вещи: на мебель, санитарное и кухонное оборудование для работников аппарата, например. Его заместитель, фактически ставший руководителем отдела и оттеснивший Западника от главных дел под предлогом занятости последнего Проек-

том, предложил усовершенствовать Карту, заменив «устаревшие» американские компьютеры новейшими. Правда, тоже американскими, но все-таки новейшими. Западник знал, что «модернизация» Карты обойдется в копейчку и кончится провалом. Он один в аппарате знал об этом. Но он решил об этом умолчать. Он даже похвалил заместителя за прогрессивные идеи, за намерение утереть нос Западу.

Вот когда обнаружится провал этой затеи «модернизации», думал он, тогда худо придется и его заместителю и Сопернику. Он еще и не такую свинью подложит Им, погодите!

От таких мыслей настроение у него улучшилось. А когда стало известно, что Политбюро приняло решение освободить от должности первого заместителя Председателя КГБ и предать его суду за злоупотребление служебным положением, Западник возликовал: еще не все потеряно, он еще выкарабкается!

Главное — терпение и выдержка. Он — кристально честный человек и прекрасный работник, этого у него не отнимешь. Сейчас, когда в коррупции и в разврате погрязли даже отдельные видные работники аппарата ЦК и КГБ, такой человек, как он, должен служить образцом для прочих. Нет, вряд ли его скинут. Это смутное время скоро пройдет, и все станет на свои места. И тогда он Им покажет, на что он способен!

Но такое приподнятое настроение длилось недолго. Комиссия по Великому Проекту прекратила существование явочным порядком, а Политбюро санкционировало ее ликвидацию. Западник вновь впал в мрачное состояние. Его не обрадовало даже известие о том, что бывший первый заместитель шефа КГБ покончил с собой.

Помощник сообщил ему, что Соперник слег в Кремлевку со вторым инфарктом. Значит, материалы Западника сработали. Сопернику теперь будет трудно выкарабкаться. Но поможет ли это ему, Западнику? Не опоздал ли он с этой операцией? Не упустил ли он момент?

Тактическая ошибка

Шеф КГБ обратил внимание на то, что Западник плохо выглядит, и посоветовал ему отдохнуть недельки

две на юге. Он подумал, что Соперник не выберется из больницы за это время, и согласился пойти в отпуск. На другой же день он улетел на юг набираться сил для будущей контратаки на своих сослуживцев. Это была грубая тактическая ошибка. В его положении надо было бы дневать и ночевать в кабинете независимо от того, нужно было это для дела или нет. Его личное присутствие на занимаемом им посту было бы сдерживающей силой для его противников. Но он переоценил свой фактический вес в аппарате и недооценил силу врагов. Шеф КГБ специально спровоцировал его на эту отлучку из Москвы, чтобы произвести нужные ему перемены в своем аппарате.

В народе

Отдыхал Западник на этот раз в санатории, почетном для простых смертных, но унижительном для демиургов истории. Раньше он имел в своем распоряжении изолированный дом и участок пляжа протяженностью в километр, отделенный от прочего мира железным забором с колючей проволокой и с охраной, какой позавидовал бы и американский Президент. Теперь же он имел всего лишь отдельную палату из двух комнат в санатории для секретарей областных комитетов партии, академиков, министров, знаменитых писателей, прославленных Героев Труда. Для него это и был народ. Раз много, значит, народ.

«Откуда набралось столько монстров?» — думал он, разглядывая бесформенные туши и распухшие морды отдыхающих. То, что и он далеко не красавец, что и он от этих монстров отличается, может быть, лишь большей властью в чертах расплывшегося розового лица, роли не играет: он не народ, а власть, ему можно быть монстром по положению.

Отдыхающие вели себя так, что ему с непривычки стало не по себе. Они говорили пошлости, ругались матом, «ржали» над старыми анекдотами. И без умолку несли околесицу по всякому поводу.

— Насчет Запада все ясно, — говорил за обедом министр республиканского значения. — А вот Китай — это проблема. Миллиард человек — это не шутка. Для такой массы поглотить и растворить в себе народ в

двести миллионов человек — дело двух или трех поколений. Китай — наш смертельный враг. Если оставить его в покое, он воспользуется результатами мировой войны и отхватит нашу территорию до Урала. Как низвести Китай до такого состояния, чтобы он был нам не опасен? Тут без атомного оружия не обойтись.

— Можно обойтись, — сказал знаменитый академик. — Наша наука близка к открытию вещества, с помощью которого можно влиять на механизм воспроизводства потомства у животных. Вещество это очень эффективно. Достаточно ничтожного количества его в атмосфере, чтобы оно сработало. Причем оно неустойчиво. Уже через несколько часов оно бесследно исчезает. И эффект его действия сказывается лишь во втором поколении. Так что за пятьдесят лет население Китая можно сократить минимум вдвое.

— Китай от этого станет вдвое сильнее, — сказал министр. — К тому же этих пятидесяти лет у нас нет. А если война начнется через десять или пять лет? В Китае все равно останется около миллиарда человек. Нет, тут без атомных бомб не обойдешься. Надо с американцами договориться, вместе нанести удар по Китаю и поделить всю Азию. Совсем китайцев уничтожать не надо — негуманно. Миллионов сто можно оставить: рис все-таки нам нужен. И теплые штаны для женщин и полотенца махровые они хорошо делают.

— Скоро изобретут такие защитные средства против атомных бомб, — сказал партийный руководитель одной отдаленной области, — что атомная война уже не будет такой опасной, как кажется сейчас. Миллионов пятьсот человечество потеряет. Но это не будет катастрофой.

— Вот когда эти защитные средства изобретут, тогда война и начнется, — пошутил академик. — Кто начнет — это неважно. Скорее всего — оба противника сразу. Подпишут соглашение о запрете атомного оружия и тут же пустят его в ход. Не исключено, что упомянутое соглашение подписать не успеют. Представителей в Женеву или в Вену пошлют. И пока те чемоданчики упаковывают, руководители великих держав кнопки нажмут: мол, начнем, пожалуй! Пора! Ну, с Богом, голубчики! (Голубчики — это атомные, водородные, нейтронные и прочие бомбы.)

— Слишком либеральничает мы с этим Западом,— сказал партийный руководитель области.— Не мешало бы его слегка прикрыть для наших людей. А то распустились.

— Полностью согласен с тобой,— сказал министр.— На кой ляд он, Запад, нам сдался?!

— Не могу согласиться с вами,— возразил знаменитый писатель.— Запад нам нужен. Зачем? Я расскажу вам по сему поводу короткую, но поучительную историю.

Притча об Эйфелевой башне

Жил-был Иван. Он всю жизнь мечтал побывать в Париже и забраться на знаменитую Эйфелеву башню. Зачем? А зачем, чтобы плюнуть с ее высоты вниз, на Париж. Начался либеральный период. Десять лет Иван копил деньги на туристическую поездку во Францию. На работе вел себя как самый образцовый работник и коммунист. Он добровольно записался в осведомители КГБ и занял первое место в соревновании на лучшего доносчика района. Наконец, образцовым поведением он заслужил честь быть включенным в туристическую группу во Францию. Приехал Иван в Париж. Первым делом поднялся на Эйфелеву башню вместе со всеми прочими туристами. Сердце его преисполнилось ликованием от сознания исполненной мечты. Собрал он во рту слюну, накопленную для этой цели за всю долгую трудовую жизнь, и плюнул с высоты Эйфелевой башни вниз.

Когда он вернулся домой, все сослуживцы, знакомые и родственники расспрашивали его о Западе. И он всем с гордостью рассказывал о том, как влез на Эйфелеву башню и плюнул с нее вниз. И все завидовали ему. Вот, мол, счастливчик! На Западе был! С Эйфелевой башни плевался!..

Слушатели рассказу писателя посмеялись. Лишь он, Западник, не смеялся. Он хорошо понимал этого Ивана. В молодости он тоже бывал в Париже. И ему тоже нестерпимо хотелось плюнуть с Эйфелевой башни. Но ему это было запрещено. «На Запад плевать не надо,— говорил ему в тот раз его начальник перед поездкой.— Рано еще. Запад нам еще пригодится».

Во сне ему привиделась Великая Кнопка. Она стояла на самой макушке Эйфелевой башни и плевалась во все стороны. Ее плевки летели даже за океан, в Америку. И там они взрывались, как сверхатомные бомбы.

— Зачем ты это делаешь? — спросил ее Западник. — Ведь Запад нам еще нужен пока.

— Ты отстаешь от жизни, старик, — сказала Кнопка. — Запад нам больше не нужен. Есть новая установка нашего руководства заплевать Запад так, чтобы он за всю будущую историю не смог отмыться. К тому же это есть наше самое мощное оружие в борьбе с Западом, против которого у него защиты нет. Влезай сюда, вместе Запад заплевывать будем!

Простой народ

Западные мыслители разделяют советское население на народ, власть, военных политиков, хозяйственников, интеллигенцию и другие категории. Это деление напоминает то, как мясники разделяют тушу животного на филей, оковалок, кострец, огузок, лопатки, голяшки и прочие части. Хотя такое разделение не имеет научного смысла, это все же полезно с некоторой практической точки зрения. Используя этот кулинарный принцип западной социологической мысли, в советском населении можно выделить своего рода лопатки и голяшки, образующие так называемый простой народ. В эту категорию включаются рабочие, крестьяне, солдаты, милиционеры, продавцы, библиотекари, учителя, бухгалтеры и даже рядовые агенты КГБ — «топтуны». Возьмем какую-нибудь группу людей из «простого народа», допустим, вот эту, которая расположилась на «диком» пляже неподалеку от пляжа, принадлежащего санаторию Западника. Плотность тел на пляже для «дикарей» в сто раз превосходит плотность тел на пляже санатория Западника. А о прочих различиях говорить не стоит — они общеизвестны. Но по характеру мыслей «дикий» пляж не отличается от пляжа для «элиты», что говорит о единстве нашего народа. Вот послушайте, к примеру, что говорят эти «простые советские люди».

— Так скажи, что нам с Китаем делать?

- Шурануть туда пару водородных бомб, и капут им там всем будет.
- Пару мало. На такой народ штук двадцать надо, не меньше.
- Двадцать штук опасно, весь «шарик» тогда расколется, все человечество погибнет от радиации. Не гуманно это.
- Так уж и все. До наших мест никакая радиация не дойдет. А дойдет, так наш брат Иван и не такое видал.
- Даже здоровей будет!
- Надо устроить в Китае неурожай риса, и половина китайцев умрет с голода. Неужели наши ученые не могут изобрести какой-нибудь неурожайный порошок, который можно будет высыпать на Китай с искусственных спутников?! Пусть изобретут! Иначе за что им такую высокую зарплату платят и квартиры хорошие дают?!
- Я лично против атомных бомб не возражаю. Они практичнее обычных. И гигиеничнее.
- Сколько американских самолетов Дрезден бомбило? Сколько бомб кинули? А на Хиросиму всего одну бросили. И хоронить никого не надо было. Чуешь разницу?
- Атомное оружие все равно будет главным в будущей войне. Но оно нам не так страшно, как американцам. У нас огромная территория...
- Огромная территория не есть абсолютное достоинство. Она имеет и недостатки. Чтобы, например, перебазировать в Сибирь самый минимум промышленности, необходимый для войны, нужны затраты, которые нам не под силу.
- В ту войну мы все-таки нашли силы для этого.
- Промышленность той войны есть мелочь в сравнении с тем, какая потребуется для будущей войны. Построить новый современный военный завод в Сибири сейчас обойдется во много раз дешевле, чем эвакуировать туда такой же из европейской части страны.
- Я не хочу в Сибирь. Лучше подохнуть здесь, чем уцелеть в Сибири.
- Слышишь, что люди говорят? А это тоже фактор немаловажный.
- Людей можно силой заставить переселиться туда, куда нужно в интересах обороны.

— Никакой атомной войны не будет. У нас уже есть оружие, с помощью которого американские ракеты с бомбами можно взрывать при взлете. А раз у нас есть, то и американцы скоро изобретут такое же. Вот химическое и биологическое оружие — это пострашнее.

— Скорей бы коммунизм во всем мире установили. Тогда войны отомрут.

— При коммунизме войны не исчезнут. Они лишь изменят характер — будут справедливыми для обеих враждующих сторон. Войны будут дружественные.

— Слава Богу, мы до этого не доживем.

— Кончайте мрачные разговоры! Расскажите лучше новый анекдотик!

— «Ты получил приглашенный билет на Красную площадь на похороны Генсека?» — спрашивает один москвич другого. «А мне не нужно, — отвечает тот. — У меня абонемент».

Опять смена руководства

Отдыхающие много говорили о предстоящей смене руководства: всем было очевидно, что дни Андропова сочтены. На «диком» пляже рассказывали мрачные, макабрические анекдоты. Обитатели санатория элиты мрачно молчали, обмениваясь короткими и нейтральными репликами. Смена руководства могла коснуться их лично, причем — ощутимым образом. Большинство из них были стариками в медицинском смысле слова. Если преемником Андропова будет кто-то из «молодых» (скорее всего — Горбачев), то лозунг омоложения руководства будет претворен в действительность за их счет. В глубине души они надеялись, что в высшем руководстве проявят максимум осторожности и отдадут предпочтение Черненко. Тот тоже старик. И тоже болен. Но года три-четыре еще может протянуть. Он не даст «молодым» разогнать опытные кадры партийных и государственных руководителей.

Не унывал один писатель. Ему было хорошо при любом руководстве. Он был удобен любому руководству. Советское руководство при всех поворотах истории и во всех затруднительных ситуациях использовало его, чтобы продемонстрировать свой либерализм и хорошие намерения. Писателя награждали орденами и пре-

миями, присваивали почетные звания и выпускали за границу, где он имел репутацию оппозиционера и даже жертвы режима. Из США он привез радиоприемник, по которому можно было слушать западные радиостанции, работающие на Советский Союз, и захватил его с собой в санаторий. Академик, генерал и партийный секретарь области собирались иногда в палате писателя послушать, «что наши враги говорят о нас». Забрел однажды и Западник. Передавали мнения кремленологов о предстоящих переменах в высшем советском руководстве. Все говорившие склонялись к тому, что преемником Андропова будет Черненко.

— Научились наконец-то предсказывать,— сказал писатель.

— Это не они научились предсказывать,— возразил партийный секретарь,— это мы сами стали заранее показывать им, что мы будем делать или даже уже сделали.

— А зачем? — удивился академик.

— А зачем это нужно скрывать? — ответил партийный секретарь.

Западник молча ушел в свою палату. Он был подавлен. Первый раз за все время работы в аппарате ЦК и КГБ он не был посвящен в кухню высшего руководства. А ведь он еще совсем не старик. Он еще как минимум лет десять мог бы работать с полной отдачей сил. Он только теперь достиг высшего уровня зрелости как специалист в своем деле и как государственный мыслитель. Так почему же в отношении его допускается такая вопиющая несправедливость?! Когда Андропов пришел к власти, западная пресса захлебывалась сенсациями по поводу всего того, что стало происходить в советском руководстве. В каждом пустяке и рутинном мероприятии усматривали грандиозные замыслы и начало великих преобразований. Теперь, когда стало очевидно, что дни Андропова сочтены, западная пресса снова заполняется всяким вздором по поводу предстоящей смены руководства в Советском Союзе.

«Любопытно, подумал Западник, что сказал бы по этому поводу Социолог?»

— Андропов был обречен независимо от болезни,— сказал бы Социолог,— потому что он проявил чрезмерную активность и стал угрозой всеобщему спокой-

ствию. Если преемник Андропова будет молодой и здоровый человек, и если он нарушит меру активности, он потерпит такое же поражение, как и Андропов. Любой Генсек, если он захочет долго удержаться на своем посту, должен стать брежневообразным ничтожеством. Преобразования нужны. Но не такие, к каким стремился Андропов, а такие, которые не затрагивают слишком болезненно никого лично. Такие, чтобы никто не заметил, что они произошли.

Материя истории

Западник бродил по своей роскошной палате и чувствовал себя очень одиноким.

— Ничего не поделаешь,— утешал он себя.— Одиночество есть плата за исключительность. Вспомни, как одинок был Сталин в конце жизни. И Генсек не раз жаловался тебе на одиночество.

Эти грустные размышления прервал шум снаружи. Он вышел узнать, в чем дело. Оказалось, что на пляже из мокрого песка вылепили гигантскую голую бабу. Все побежали смотреть на нее. Пошел и он: а вдруг это на самом деле его Великая Кнопка?! Но пока он шел, солнце высушило песок, и баба рассыпалась. Настроенные испортились окончательно. И он решил немедленно вернуться в Москву.

Не у дел

Клевета, в которую хотят верить, неопровержима. Слух о том, что он психически болен, приобрел силу всеобщего согласия. Его постепенно отстранили от всех важных дел. Он еще приезжал на работу и отсиживал положенное время. Ему еще оказывали внешнее уважение. Но лишь мельком, как бы тайком, отводя взгляд в сторону. Все уже знали, что его судьба решена, и выжидали лишь положенное в таких случаях время на официальное решение.

Чтобы как-то скоротать время на работе, он читал и перечитывал свой Великий Проект. И в его подсознании стало расти и крепнуть подозрение, что все его усилия оказались впустую. Проект не будет осущест-

влен из-за козней мелких карьеристов и интриганов, и страна окажется беззащитной перед лицом Великого Будущего. Подозрение переросло в страх. И не просто в страх, а в Страх с большой буквы,— он уже привык мыслить эпохальными категориями. А все они начинаются с большой буквы. Ему не приходило в голову то символическое явление, что все они кончаются буквами маленькими. Страх разрастался в нем и превратился в панический ужас, когда он вспомнил о некрологе. Он сказался нездоровым, уехал домой, заперся в кабинете и напился до бесчувствия.

Утром он спросил у домработницы, не мучает ли ее страх будущего?

— А чего мне его бояться! — рассмеялась та. — Квартира у нас хорошая. У нас есть все, что душа пожелает. Пенсия будет хорошая. Что еще нужно?! Чего бояться?!

Домработнице было не страшно: ей не нужно было волноваться из-за некролога.

Итог жизни

Наконец ему сообщили о том, что он освобожден от занимаемой должности. Он ждал этого. Он был готов к этому. Но сообщение прозвучало для него как смертный приговор.

О встрече с Генсеком и думать было нечего. Ходили слухи, будто он уже умер и будто этот факт пока скрывают, поскольку идет драка за власть.

Дома царила гнетущая тишина. Домработница была в отпуске. Жена лежала с головной болью. Кошка при виде его стремительно умчалась на кухню. Лишь одна чудом уцелевшая муха носилась по гостиной, злобно жужжа. Она имела явное намерение укусить его. Он отбивался от нее, как мог, но она не отставала. Он проскочил в кабинет, захлопнув дверь перед самым носом мухи. Тяжело дыша, плюхнулся в кресло. С укоризной посмотрел на портрет Генсека на письменном столе.

— Эх ты, а еще другом назывался, — сказал он, обращаясь к портрету.

— Ты же старый аппаратчик, — казалось, ответил Генсек. — Ты сам прекрасно понимаешь: мы ведем свою

внутреннюю войну. Если бы я стал сражаться за тебя лично, я сам потерпел бы поражение.

— Но ты все равно потерпел поражение!

— Смерть не есть поражение. Борьба еще только начинается. Не будет нас, наше дело продолжают другие.

— Не верю я в это. Наше дело исчезает вместе с нами.

Он взял со стола портрет Генсека и бросил его в мусорную корзину. Вернулся в гостиную. На него вновь ринулась взбесившаяся муха, которая стала похожей на Соперника. И он обрушил на нее всю накопившуюся в нем ненависть к тем, кто так несправедливо обошелся с ним. Встретив сопротивление, муха обратилась в бегство. Он долго гонялся за ней, хватаясь за сердце. Наконец он загнал ее в угол, поймал и с наслаждением оторвал у нее лапки и крылышки.

— Великая энергия,— говорил он при этом,— рождается лишь для великой цели!

Потом ему стало дурно. Он упал на пол, прямо на труп поверженной им мухи. К нему явился Соперник. — Знаешь, в чем состоит главная ошибка реформаторов вроде тебя? — сказал Соперник. — Они игнорируют то, что осуществление великих реформ в реальности никогда не совпадает с идеалами. Твой Великий Проект хорош лишь в абстракции, а не в реальности. На осуществление его потребовалось бы не меньше ста лет. И если бы он осуществился на деле, нас разгромили бы в несколько дней. Наша сила не в преимуществах четко работающего, точного механизма, а в недостатках аморфной и всепоглощающей трясины. Ты вообразил себя творцом истории. А настоящие творцы истории — это мы. Мы! И знаешь, почему? Потому что не мы служим мифической истории, но реальная история служит нам. Хочешь знать, какой некролог мы напечатает на тебя?

— Пощади! — взмолился Западник. — Я же верой и правдой служил Партии и Народу. Я откажусь от Великого Проекта. Только пусть будет некролог хотя бы второй категории!

— Поздно! — злорадствовал Соперник. — Ты всех нас лишил покоя своим дурацким замыслом. И мы тебе за это отомстим!

Соперника вытеснила Великая Карта.

— Не падай духом,— успокоила она.— Ты еще станешь членом Политбюро и возглавишь претворение в жизнь своего Великого Проекта.

— Я начну с предупредительной войны!

— Правильно! Но твой план захвата Европы можно упростить. Не надо вводить войска. Достаточно сделать вид, будто мы собираемся оккупировать всю Европу. И постепенно усиливать не готовность агрессии, а видимость ее готовности. Надо в сети политпросвещения начать обсуждать проблемы захвата Европы. Сначала якобы секретно. На Западе это вызовет тревогу. Потом начать печатать статьи в газетах с намеками на это. На Западе начнется некоторый испуг. Потом напечатать несколько статей с заявлением, будто мы вынуждаемся в порядке самозащиты принимать решительные меры. Наконец, Генсек должен выступить с призывом к правительствам стран Европы не препятствовать продвижению советских войск. Уверю тебя, пары дивизий будет достаточно.

— А Афганистан? — робко возразил Западник.— Там двадцать дивизий, а все без толку.

— Как ты можешь такое думать?! — разгневалась Карта.— А еще Демиург Истории! Афганцы нищие и дикие. Им нечего терять. А европейцы богатые и культурные. С ними гораздо легче. У них есть что терять. Я думаю, что даже двух дивизий будет много.

Великую Карту сменила Великая Кнопка. Вокруг Кнопки собрался весь народ и все престарелое руководство, поддерживаемое сзади новым поколением. Генсек объявил, что наступил долгожданный исторический момент, к которому весь советский народ и все прогрессивное человечество готовилось всю предшествующую историю материи,— момент нажатия Великой Кнопки. Генсек протянул свою немощную руку к Кнопке, а та отклонилась в сторону.

— Хочу,— заявила она,— чтобы меня нажал мой творец — Западник!

Услыхал это Западник, возликовал, кинулся к Кнопке. Но его схватили «молодые» члены Политбюро.

— Это мы должны нажать Кнопку! — закричали они.— Коллегиальное руководство! Это ленинский ЦК должен нажать Кнопку и весь трудовой народ!

А Кнопка все не поддается. А американский Восточник уже идет по длинному коридору Пентагона и па-

лец наготове держит, чтобы нажать свою, американскую кнопку первым.

— Пустите меня! — завопил Западник. — Пустите!.. Пустите!! Я... нажму! Я!.. Я!!.

Остановка на пути в крематорий

Его отвезли по старой памяти в Кремлевку. Там установили, что у него всеобъемлющий инфаркт и всесторонний инсульт. Вы, конечно, изумитесь: разве это возможно, чтобы такой инфаркт и такой инсульт были одновременно? С нами, с простыми смертными, такого не бывает. А с людьми такого калибра и не такое случается. Недавно у одного члена Политбюро обнаружили одновременно гипотонию и гипертонию. Политбюро раскололось на две враждующие группы — гипотонистов и гипертонистов. Первые настаивали на том, чтобы упомянутый руководитель умер от гипертонии, а вторые — чтобы от гипотонии. В газетах сообщили, что он умер от г-тонии. Гипертоническо-гипотонического вождя замуровали в Кремлевской стене. На его место пришли два других, один — с гипертонией, другой — с гипотонией. И конфликт в Политбюро был преодолен мирным путем.

Хотя Кремлевка — самая привилегированная больница в стране, лечат в ней плохо, поскольку врачи там все профессора, денег им там много платят, и оборудование заграничное. Все знаменитые и важные личности, скончавшиеся в последнее время, лежали именно в Кремлевке. Это в самом ЦК возникла шутка, что Кремлевка есть короткая остановка на пути в крематорий. Так что жизненный путь Западника можно считать законченным: из Кремлевки его могут выпустить только на тот свет.

...В больнице к нему на миг вернулось сознание. На столике рядом со своей кроватью он увидел маленькую кнопку. Он сделал усилие нажать ее, но его руку оттолкнул скрюченный палец американского Восточника. Палец потянулся к кнопке. И все исчезло.

Решение проблемы

Урну с прахом Западника поместили в колумбарий кладбища Донского монастыря рядом с урной его сына. Рядом осталась еще одна свободная ячейка для супруги. Некролог напечатали в городской газете. Подписала некролог безликая «Группа товарищей».

Мюнхен, 1984

СОДЕРЖАНИЕ

ГОМО СОВЕТИКУС

3

ПАРА БЕЛЛУМ

219

**Александр Александрович
Зиновьев**

**ГОМО СОВЕТИКУС
ПАРА БЕЛЛУМ**

Заведующая редакцией Л. Сурова

Редактор Я. Маркович

Художник В. Горин

Художественный редактор И. Сайко

Технический редактор С. Устинова

*Корректоры Э. Кулемина, А. Гомозова,
Т. Старченкова*

ИБ № 4942

Сдано в набор 03.07.90. Подписано к печати 21.11.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарни-
тура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ.
л. 21,84. Усл. кр.-отт. 22,05. Уч.-изд. л. 20,93. Тираж
50 000 экз. Заказ 1027. Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр,
Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16,

